ПОСВЯЩЕНИЕ

ЭЛИЗАБЕТ
ХЕЙЧ

София

INITIATION

ELISABETH
HAICH

ПОСВЯЩЕНИЕ

ЭЛИЗАБЕТ
ХЕЙЧ

«София» 2009

УДК 820-312(32)
ББК 88.6
Х35

Х35 **Хейч Элизабет**
Посвящение. Роман-откровение / Перев. с англ. —
М.: ООО Издательство «София», 2009. — 512 с.

ISBN 978-5-91250-804-2 (переплет)
ISBN 978-5-91250-913-1 (обложка)

Элизабет Хейч, Учитель Йоги и автор ряда известных книг, по многочисленным просьбам своих учеников написала книгу о своей жизни... вернее, о многих своих жизнях, и не только о них.

ПОСВЯЩЕНИЕ — совершенно особый вид автобиографии. Описание жизни женщины из высокообразованной европейской семьи сменяется воспоминаниями о многочисленных предыдущих воплощениях, среди которых исключительную роль играет ее жизнь в Древнем Египте. В книге подробно описываются разнообразные упражнения для телесного и духовного развития, практика концентрации и медитации, даются основные концепции *вечной философии*, элементы *священной геометрии* — нумерологии и астрологии — короче, все то, что нужно знать героине, прежде чем Птахотеп, верховный жрец храма, подвергнет ее последним испытаниям и *посвятит* в сокровенные тайны бытия. После прохождения всех испытаний *посвященные* должны провести остаток жизни в храме, направляя все свои усилия на одухотворение материи, помогая человечеству найти путь к Высшему *Я* — *Богу*. Успешно справившись и с этой задачей, *посвященные* переходят на иной план существования и больше никогда не возвращаются на Землю... но иногда происходит непредвиденное:

Элизабет Хейч вернулась...

Почему это произошло, вы узнаете из этой замечательной книги.

УДК 820-312(32)
ББК 88.6

© 1960 by Verlag Eduard Frankhauser

© «София», 2009
© ООО Издательство «София», 2009

ISBN 978-5-91250-804-2 (переплет)
ISBN 978-5-91250-913-1 (обложка)

Оглавление

От автора 7

Предисловие 9

1. Пробуждение 12

2. Лев и свет 23

3. Мои родители мне «не родители» 27

4. «Восход должен быть не таким» 34

5. Я хочу удрать 39

6. Ностальгия по единству 47

7. Красный человек 50

8. Мне является будущее 54

9. Испытание любовью 60

10. Первая встреча со смертью 65

11. Первые картины будущего 70

12. Прошлое просыпается 73

13. Вторая встреча со смертью 79

14. Мрак 84

15. Поворотный пункт 91

16. Битва за свет 98

17. Я даю обет 115

18. Горизонт светлеет 119

19. Видения 125

20. Аюрведа 160

21. И был свет 178

22. Прошлое становится настоящим 181

23. Он 191
24. Сыны бога 202
25. Годы подготовки 212
26. Древо познания добра и зла 230
27. Двенадцать пар качеств-близнецов 237
28. Львы 250
29. Упражнения в телепатии 254
30. Восход Солнца и будущее 260
31. Бо-Гар и жезл жизни 277
32. Инструкции Птахотепа:
Семь октав вибраций и Ковчег Согласия 286
33. Форма пирамид: Сатана 307
34. Четыре лика Бога 327
35. Эпохи Земли 351
36. Последние приготовления 365
37. Посвящение 386
38. Я — жрица 435
39. Мы встретимся вновь 443
40. Лев 457
41. Туман и пробуждение 466
42. Ру-Ка и двенадцать таблеток 479
43. Появляется молодой жрец 488
44. Има и Бо-Гар 493
45. Испытания повторяются 499
46. Заключение 505

От автора

Отображение исторической панорамы Египта отнюдь не входит в мои планы. Как правило, подавляющее большинство населения любой произвольно выбранной точки земного шара не имеет ни малейшего представления об отличительных особенностях места своего проживания, да и вряд ли задумывается над такими его этнографическими особенностями, как обычаи, язык и религия. Люди воспринимают все происходящее вокруг как нечто само собой разумеющееся. Человек — всего лишь существо, радующееся своим собственным удачам, обремененное собственными заботами и проблемами. И это можно сказать о каждом человеке, где бы и когда бы он ни жил; все истинно человеческое — постоянно и неизменно. Предметом этой книги является сам человек, а не этнографические или исторические изыскания. Вот почему в своем повествовании я намеренно использовала современные термины. Я не пыталась создать иллюзию «подлинной» атмосферы Древнего Египта при помощи слов, звучащих нарочито «по-египетски». Учение Верховного Жреца Птахотепа изложено *современным* языком, чтобы его могли воспринять *современные* люди. Для религиозных символов я также использую их современное звучание, чтобы каждый мог понять, о чем идет речь.

Современный человек лучше поймет меня, если я скажу «*Бог*», чем если я воспользуюсь для выражения той же идеи древнеегипетским словом *Пта*. Современный человек, услышав *Пта*, тут же скажет себе: «Ах да. *Пта* — древнеегипетский *Бог*». Нет! *Пта* вовсе не был «древнеегипетским Богом». Древние египтяне называли словом «Пта» то же *Начало*, которое мы называем словом «Бог». Или другой пример: *Сатану* они звали *Сетом*. Слова *Бог* и *Сатана* имеют для нас

совершенно иной смысловой оттенок, чем *Пта* и *Сет*. Современному человеку термины *Пта* и *Сет* кажутся пустыми и бессмысленными. Такие понятия, как *Слово Божье* или *Созидательный Принцип*, найдут в нашем сердце и разуме намного больший отклик, чем *Сокол-Гор*. Электричество тысячи лет назад было тем же электричеством, которое мы знаем сейчас, и атом также был известен, только назывался иначе. Все это я оговариваю сразу, чтобы Ты, читатель, уделил максимум внимания содержанию этой истории и чтобы Тебя не смущали термины, используемые мной в этой книге (например, когда Верховный Жрец говорит о *цепной реакции*). Повторяю, что намеренно избегала «древних» терминов, — мне кажется, этот прием «воспроизведения атмосферы античности» уже успел всем приесться.

Предисловие

Религия — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ритм индусов. С каждым ударом сердца индус ощущает свое приближение к чудесной цели — осознанию Бога. Заслышав слово «*Бог*», сорвавшееся с уст случайного встречного, индус тут же улавливает мелодию и начинает распевать песнь радости. Пусть у него не будет ни пищи, ни крова — не беда! Небесный шатер раскинулся над его головой, а *Бог* пребывает в его сердце. Он знает, что выходил на арену, которая зовется «жизнью», множество раз. Умирая и воплощаясь вновь, он насладился всем, что мог ему предложить этот мир. Ему известна одна истина: «Все земное проходит», и ничто больше не может его удовлетворить. Он хочет прийти к истоку, из которого берут начало все вещи мира.

Вот почему с самого детства он произносит слова молитвы: «Я размышляю о величии *Божественного*, сотворившего этот мир. Пусть же *оно* подарит мне озарение!»

Величие и красота природы, постоянно напоминающие ему об этом *Божественном*, становятся для него предметом поклонения. Любое произведение, вдохновленное присутствием *Божественного*, кажется ему посланием свыше. Каждый, отыскавший путь к *Божественному* и рассказывающий об этом, представляется ему достойным поклонения.

Мне выпало счастье сидеть у ног такого просветленного человека: это Элизабет Хейч — мой Учитель, мой гуру. Когда она рядом, я чувствую, как раскрываются самые нежные лепестки моей души. Иногда одного ее слова достаточно, чтобы мои глаза открылись, порой одного ее взгляда довольно, чтобы я ощутил прилив сил и твердость намерения. Дружеский совет может развеять все сомнения. Каждое бесценное мгновение, проведенное с моим Учителем, ускоряет мой ду-

ховный рост. Часто, когда меня одолевало беспокойство, я слышал слова своего гуру: «Не терзайся по пустякам, пусть ничто преходящее не беспокоит тебя. Живи в вечности, будь вне времени и пространства, пусть ничто тленное не задевает тебя».

В присутствии моего Учителя я начинаю мыслить совершенно независимо — я понял, что никогда не стоит применять мысли других людей к своей жизни.

— Я вовсе не хочу, чтобы ты следовал тем путем, который избрала я для достижения цели, — сказала она мне однажды, — иди своим путем, найди его, руководствуясь лишь самыми сокровенными порывами своей души. Не принимай на веру ни одного утверждения лишь потому, что услышал его от меня. Даже если я и права — тысячу раз права, — все равно это не *твоя* правда, не *ты* ее выстрадал, и потому она не принадлежит тебе. Подумай обо всех, кто посвятил свою жизнь тому, чтобы прийти к единственной истине, — кто жизнью своей доказал, что *цель* может быть достигнута.

После этих слов я почувствовал непреодолимое стремление к полной независимости, и это помогло мне избавиться от постыдной привычки ждать помощи со стороны. Мне не нужен учитель, который способен повлиять на меня, мне нужен учитель, который учит не поддаваться никаким влияниям.

Мне выпало счастье многие годы внимать глубочайшим истинам, облеченным в простые слова. Я никогда не встречал человека, способного так доступно объяснять библейские откровения, так умело применять их в обыденной жизни, как это удавалось Элизабет Хейч. Я много путешествовал по свету, но ни один священник (хотя я опросил сотни) не смог объяснить мне истинное значение откровений. Да и как могли они говорить об этом, не обретя «того Царствия Небесного, что внутри нас»? Можно ли было ожидать иного, если истина слов: «ты — есть свет мира» не озарила их изнутри, если они не осознали того, что каждый «есть храм живой Духа Святого»?

Сотни, нет, тысячи людей посетили лекции и семинары по медитации, которые вела Элизабет Хейч. И каждый из нас хотел, чтобы ее учение увидело свет в виде книги. Каждая ее лекция обогащала наши души сверх всяких ожиданий. Мы счастливы, что сейчас все это изложено в кристаллизованном виде на страницах этой книги — прелюдии к высокому искусству познания неведомого существа, зовущегося «человек»!

Здесь нам откроется великая истина: самораскрытие — не что иное, как открытие безупречности, присущей каждому из нас от рождения. Религия — активизация божественного начала, готового проявиться в человеке.

СЕЛВАРАДЖАН ЕСУДИАН
Цюрих, апрель 1962

— 1 —

Пробуждение

Боль пронзила мое тело как молния — и через секунду я очутилась на полу.

Опасность! На помощь! Но помощь не должна прийти от этого взрослого человека, стоящего рядом со мной. Он потрясен, он хочет обследовать меня. Нет! Сейчас он мне не нужен! Я люблю его, но он не тот человек, у которого я буду искать помощи в минуту опасности.

Я бросаюсь в комнату, туда, где сидит эта странная красивая женщина, которой мы только что пожелали спокойной ночи. Я уверена, что она знает, как помочь мне. Мне всегда нравилось находиться рядом с ней, вдыхать исходящий от нее запах; в ее присутствии я всегда чувствовала себя в полной безопасности. Вот и сейчас, охваченная паникой, я бросилась прямо к ней. Визжа и воя, я показываю ей свою маленькую ручку, которая стала как тряпичная — бессильно свесившись, отказывается повиноваться мне. Красивая женщина смотрит на мою руку и тут же, отбросив шитье, кричит:

— Роберт, Роберт! Иди же сюда, немедленно!

Дверь отворяется, и большой человек, о котором я знаю лишь то, что он живет в нашем доме и имеет какое-то отношение к нашей семье, появляется на пороге. Впервые в жизни я смотрю на него с интересом. Он высок, лицо цвета слоновой кости, волосы, борода и усы черны, как воронье крыло. Он излучает такую силу и мощь, что все окружающие, кажется, стараются держаться от него на почтительном расстоянии. Бросив взгляд на мою бессильно обвисшую руку, он говорит:

— Врача! Стефи, немедленно приведи врача!

Дядюшка Стефи тут же выбегает из комнаты, и большой человек обращает к нам вопросительный взгляд. Итак, мы

рассказываем ему, что, после того как я и Грет сказали всем спокойной ночи, дядюшка Стефи посадил меня на спину и понес в спальню. Там он наклонился, чтобы я сползла с его спины, а я, не удержавшись, начала падать. Чтобы не дать мне свалиться на пол, он ухватил меня за руку. В тот же миг я почувствовала, как кисть пронзила острая боль. Когда я попыталась поднять руку, то увидела, что кисть безжизненно обвисла.

— Да, — говорит высокий человек, — наверняка это вывих. К сожалению, мне нужно уехать по делам и я не смогу дождаться прихода врача. Боже, я всю ночь буду как на иголках. Отправь мне телеграмму, как только врач уйдет. Сообщи, все ли в порядке.

Поцеловав меня, Грет и мать, он уходит. Я поднимаю глаза на странную красивую женщину, которая всегда говорила «мама», указывая на себя, и которую я поэтому тоже зову «мама». До сих пор я рыдала и орала, что было мочи. Меня неприятно поразило то, что взрослые не могут мне помочь. Они оказались не в состоянии справиться с терзающей меня болью. Когда же я услышала, что высокий мужчина собирается провести всю ночь на иголках, то изумилась так, что спросила у матери:

— Зачем ему быть всю ночь на иголках?

Вначале во взгляде матери появилось недоумение, но она тут же рассмеялась и ответила:

— Да потому что отец очень волнуется из-за твоей руки.

Хорошенький ответ! Просто какая-то бессмыслица! Это же ровным счетом ничего не объясняет! Высокий мужчина, которого мы звали «отец», говорил совершенно серьезно об иголках, на которых он собирается провести всю ночь, а сейчас мать смеется, когда я спрашиваю об этом. Почему? Ведь я только повторила то, что сказал отец. Что она подразумевала, говоря, что отец «волнуется», и какое отношение это имеет к его намерению пробыть всю ночь на иголках? Может быть, он сильно исколется? Ведь это опасно! Мать много времени проводила за шитьем и как-то объяснила мне, что кончик иглы может причинить сильную боль. Вот почему иглу

используют *только* для шитья. Так зачем же эти взрослые говорят глупости только потому, что одна моя рука беспомощно обвисла и я должна поддерживать ее другой? Зачем же отец это сказал? Почему ему придется пробыть на иголках всю ночь, если их используют лишь для шитья? Я привыкла, что взрослые часто говорят бессмыслицу. Но это уж слишком! Я должна в этом разобраться! Но у меня не было возможности продолжать расспрашивать о «пребывании на иголках», так как в это мгновение дядя Стефи вошел в комнату вместе с врачом.

Доктор оказался высоким, представительным и дружелюбным мужчиной. Он посмотрел на меня так, словно мы знали друг друга всю жизнь. Он поднял меня на руки, и я, увидев, что удаляюсь от своей защитницы, мгновенно ощутила страх. Движение вызвало новый приступ пронзительной боли, и я заревела белугой. Доктор усадил меня на край стола, и я стала смотреть, как болтаются мои маленькие ножки. Они оказались совсем близко.

— Ох, до чего эта девочка некрасивая, когда плачет! — покачал головой доктор и громко захохотал.

Что он говорит? Я некрасивая, когда плачу? Да как он может знать это? Я всегда считала, что люди могут видеть *все*, что их окружает, но только не *меня*! Все вокруг было видимым — куклы, взрослые люди, кухарка, Грет, канарейка, даже мои маленькие ручки и животик — все это можно было увидеть. Все, но только не *меня! Я* присутствовала везде, и в то же время меня нигде не было. Я оставалась невидимой. Я никогда не видела *себя* и ни за что не могла представить себе, кто такая эта «я». Так как же этот большой человек мог увидеть мое отчаяние, мой плач, мою боль — всю «меня»? Боже! Если он действительно видит мой испуг и изумление, это действительно должно казаться ему «некрасивым». Меня это так удивило, что я затихла и с любопытством уставилась на врача.

Взрослые вновь дружно захохотали, и мать громко сказала:

— Поглядите, до чего эта малышка кокетлива! Она готова молча терпеть свою боль, лишь бы не показаться некрасивой.

Снова одно из этих бессмысленных высказываний, которые так любят взрослые! «Кокетлива» — что это значит? Как я могу быть «кокетлива», если я даже не знаю, что это такое? И как я могу «казаться», если не считаю себя видимой? До сих пор мне всегда казалось, что только *я* способна *смотреть*. *Я* смотрела на все, что находилось вокруг, но сама оставалась за *пределами видимости*. Множество мыслей закружилось у меня в голове, и я уже собиралась задать очередной вопрос, но тут доктор ухватил меня за кисть и дернул ее. Да так сильно, что я чуть не закричала. Этот сумасшедший хочет совсем оторвать мне руку! Это же так больно! А он продолжал крутить мою маленькую ручку то в одну сторону, то в другую — и она не отрывалась, так как была каким-то образом прикреплена ко мне. Вдруг она снова оказалась на месте.

— Вот и все, — сказал доктор, — сустав немного припухнет, но мы аккуратно положим ручку на подушку. Скоро все пройдет, и ты забудешь о том, что случилось.

Взрослые тут же начали оживленно обсуждать мое «кокетство», говорили, что я, когда доктор крутил мою кисть, вправляя сустав, удержалась от крика из «чистого кокетства». Больше всего я удивилась и расстроилась оттого, что мама соглашалась со всем этим. Красивая странная женщина, которую я успела полюбить, совершенно не понимала меня. И хотя, как оказалось, доктор мог *видеть* меня, *для матери, безусловно, я оставалась совершенно невидимой*. Но она все равно продолжала излучать любовь, и меня очень радовало, что время от времени над кроваткой, где я лежала, положив ручку на подушку, появлялось ее лицо. Она улыбалась, стараясь ободрить меня. Нежность и тепло исходили от всей ее фигуры, и, как только мать приближалась к моей постели, я больше не чувствовала себя одинокой. Я знала, что могу на нее рассчитывать. В какой-то степени она находилась в моей власти, и потому я ей полностью доверяла. Сон стал одолевать меня. К утру моя рука вновь меня слушалась. Она стала моим верным другом, доставляющим только радость (и сколько!), другом, помогающим пробудить мое сознание.

Но доктор ошибся — я никогда не забывала об этом случае! И по закону ассоциаций его образ, неразрывно связанный с моим первым *пробуждением*, остался в моей памяти навсегда. С того дня я стала изучать как все то, что меня окружает, так и то, что находится внутри меня, с самым пристальным вниманием. Я стала понимать, что живу в доме, где большой, сильный темноволосый мужчина был бесспорным хозяином. Мать называла его «Роберт», а мы звали его «отец», он был осью дома, вокруг которой все вращалось. Мама принадлежала ему душой и телом. Его сила простиралась над нами, а позже и над тысячами людей, как защитный покров. Каждый, кто попадал под его защиту, чувствовал себя в полной безопасности и всегда мог рассчитывать на поддержку со стороны отца.

По утрам отца обычно не было дома, так что я проводила время в обществе мамы. Мне позволяли ходить с ней по всему дому — даже на кухню, а когда она садилась вышивать скатерти, я устраивалась рядом и тоже «вышивала» узоры, используя те же яркие нитки, что и мама. Отец приходил домой пополудни, и, к нашей большой досаде, нас с Грет тут же отправляли в детскую. Грет, как и я, была ребенком, живущим в этом доме. Но, как я узнала, она была на три года старше меня. Когда я вывихнула кисть, ей было четыре с половиной года, а мне — полтора года отроду.

Следующим летом мы отправились в деревню, расположенную рядом с большим озером. Домик, в котором мы жили, стоял среди густого сада большой фермы. Мне и Грет позволяли бегать босиком и сопровождать женщину с коричневым морщинистым лицом во время ее походов в сарай, где жили корова, теленок и множество красноглазых кроликов. Все это было так увлекательно! В саду росли большие желтые цветы — высокие, как деревья. Они всегда поворачивали свои головки в сторону солнца. Мне они очень нравились. Время от времени отец приезжал проведать нас. Когда он появлялся в деревне, люди говорили: «Сегодня воскресенье». Все остальное время мы проводили с мамой. Каждый день мы ходили на озеро и подолгу самозабвенно плескались в воде.

Однажды мать сказала: «Воскресенье завтра, но сегодняшний день особенный. Мы с вами здорово повеселимся — приезжает отец». Меня это ничуть не обрадовало. Отец не особенно меня интересовал, и я знала, что, когда он появляется в доме, мама проводит много времени с ним, уделяя нам лишь крохи своего внимания. В такие дни мне приходилось отправляться на прогулки с Грет и Софи — взрослой дочерью сморщенной жены хозяина фермы. Вечером, когда все мы ожидали приезда отца, я услышала, как соседи рассказывают маме о том, что «поезд сошел с рельсов» и что из-за этого отец не приехал. Мама тут же изменилась в лице. Она подозвала Софи, поручила меня ее опеке, попросив «ни на минуту не спускать с меня глаз». Затем в сопровождении Грет она отправилась на станцию. Грет была «тремя годами старше» меня и потому могла быстро ходить. Я же осталась одна в обществе Софи.

К тому времени совсем стемнело. Мне впервые позволили оставаться в саду в эту пору суток. Это было так здорово! Но в то же время — как-то не по себе, ведь прежде я видела сад лишь в лучах солнца, сейчас же очертания всех предметов потеряли отчетливость. Мне показалось, что я скорее чувствую присутствие цветов и растений, чем вижу их, а тополя шумели так таинственно! Но мои наблюдения за садом внезапно были прерваны — произошло что-то страшное. Софи подхватила меня на руки и, прижав к груди, побежала к изгороди, из-за которой во мраке поднимался жуткий призрак. Призрак был похож на человека, но из его головы торчали перья, глаза горели как уголья, куртка была усеяна малюсенькими пуговками, а из-за плеча выглядывало нечто, в чем я инстинктивно почувствовала опасность. Слово «винтовка» я узнала намного позже. Это существо внушало мне ужас и отвращение, и я хотела, чтобы Софи как можно быстрее забрала меня подальше от него. Но Софи сделала очередную бессмыслицу. Вместо того чтобы бежать, она подошла вплотную к изгороди и позволила жуткому призраку прошептать ей что-то на ухо глубоким глухим голосом. Затем мужчина — к тому времени я уже поняла, что это был муж-

чина, — обвил ее своими руками и прижал к груди. Все это время Софи не выпускала меня из рук, таким образом, я тоже оказалась в его объятиях, что причиняло мне неудобство и вызывало отвращение. Но на этом дело не закончилось! У него были огромные усы, и они торчали в обе стороны, словно острые рога. Он приблизил их к лицу Софи, и мне показалось, что он собирается укусить ее. Я надеялась, что тут уж Софи не выдержит и даст деру. Но не тут-то было! Свободной рукой Софи обхватила шею отвратительного призрака и прильнула губами к его открытому (для укуса) рту. Некоторое время они неподвижно стояли — лишь едва шевеля губами, — вгрызаясь друг в друга. Меня они зажали с такой силой, что мне стало трудно дышать. Я, стараясь освободить нос, стала отталкивать гадкого призрака изо всех сил. Мне было невыносимо противно. От него исходила смесь разнообразных запахов, но один из них казался мне особенно горьким и неприятным. Но ни он, ни Софи не обращали на все мои протесты ни малейшего внимания. Моя голова прижималась к его груди так тесно, что слышно было, как стучит его сердце. А они никак не могли оставить попытки проглотить друг друга. Господи, до чего смешные вещи делают эти взрослые! Я не могла узнать в этой женщине, ведущей себя так странно, хорошо знакомую мне скромницу и тихоню Софи. Она казалась мне совершенно чужой.

И вдруг страшный призрак исчез — так же неожиданно, как и появился. Через минуту я услышала знакомые голоса отца и мамы, и вскоре их лица показались в темноте. Соседи тут же окружили их и стали наперебой расспрашивать о том, как поезд сошел с рельсов. Софи же вела себя так, словно ничего не случилось, — она даже не подумала рассказать о страшном призраке, который всего лишь несколько минут назад хватал ее и прижимал к себе! Она стояла рядом с невинным выражением лица. Это было еще одной большой неожиданностью для меня. Но я так и не успела поговорить об этом, потому что отец привез из города шоколадные конфеты и все мои мысли были заняты тем, чтобы Грет не досталось их больше, чем мне.

Но все закончилось хорошо — отец сам разделил лакомства поровну. Только мама немного омрачила мою радость: увидев, что я собираюсь запихнуть в рот целую пригоршню, она забрала конфеты, оставив мне лишь одну, и пообещала, что следующую даст мне завтра, после ланча. Ну ничего! Когда я стану большой, я смогу есть столько конфет, сколько захочу! Но сейчас мне пришлось отказаться от них и покорно отправиться в постель. Когда мама стала укладывать меня спать, прежде чем помолиться (после молитвы нам не разрешалось говорить), я спросила:

— Мама, кто это надевает целый куст перьев на голову, носит странную штуку за спиной, одет в куртку с пуговицами, сияющими в темноте, и очень плохо пахнет?

Мама взглянула на меня удивленно и сказала:

— Наверное, это солдат, крошка.

— Мама, — не унималась я, — а солдаты едят людей?

Мне хотелось знать, действительно ли он хотел съесть Софи. Что же он еще мог хотеть с ней сделать?

— Нет, нет! — мама снова засмеялась. — Они заботятся о добрых людях. Не бойся, солдат не съест тебя.

Я хотела рассказать ей, что солдат собирался съесть не меня, а Софи, но мама не стала больше слушать, укрыла меня одеялом и, поцеловав, сказала:

— А сейчас спи, крошка, я пойду к отцу.

Я осталась лежать наедине со своими мыслями и тщетно пыталась понять, чего же хотел солдат от Софи и почему Софи совсем не противилась ему. Что все это значило? Как и любая неразрешенная загадка, эта мысль досаждала мне, но вскоре я забылась безмятежным сном. Утро встретило меня теплым солнечным светом, я получила конфету, и мы всей семьей отправились на озеро. На обратном пути мы встретили солдата. При дневном свете он уже не казался мне таким страшным. Он оказался вполне дружелюбным взрослым дядей и вежливо беседовал с моим отцом. Я не могла понять лишь одного — почему он притворялся, что видит меня впервые. Не мог же он забыть того, что произошло вчера! Но

меня все еще страшили его огромные усы, и я не решилась спросить его об этом.

Этим летом произошло еще одно событие, память о котором я пронесу через всю свою жизнь. В то утро отец был с нами, а жители деревни высыпали на улицу в своих лучших нарядах, в церкви звонили колокола, так что я знала: сегодня — воскресенье. Но это был не тот мирный, привычный звон. Колокола звонили так, словно не могли остановиться. Они грохотали без умолку, и этот звон нарушил деревенский покой. Через несколько минут все побежали в одном направлении. Мой отец и сын сморщенной старухи тоже побежали за толпой. В руках у каждого было ведро или топор. Мама и еще несколько женщин остались с детьми. Одна женщина все время причитала: «Отец Небесный, не оставляй нас! Отец Небесный, не оставляй нас!» Мама была очень серьезной и сказала: «Всем нам нужно молиться, тогда отец вернется живым».

Я спросила, куда он побежал, и мама ответила, что в деревне начался пожар и он ушел гасить его. Я молилась, но при этом все время ломала себе голову над тем, что такое «пожар в деревне». К нам подбежала какая-то женщина и взволнованно сообщила, что «языки пламени» можно увидеть из нашего сада. Я захотела пойти посмотреть, но мама не позволила мне. Грет же получила разрешение отправиться наблюдать за пожаром в сопровождении сына зеленщика. Такая несправедливость глубоко уязвила меня. Почему ей все время позволяют делать то, что запрещено делать мне? Ну и что с того, что она старше меня на три года! Если огонь опасен, то опасен одинаково для всех, как для меня, так и для «старшей на три года» Грет! Ох уж эти три года! Каждый раз я должна слышать об этом, когда хочу сделать что-то. Надоело терпеть ее старшинство!

Поздним вечером люди стали возвращаться назад. Сначала по одному, потом группами. Они громко рассказывали о том, как мой отец спас несколько домов от огня, как он, презирая смерть, бросался в горящие жилища, чтобы вынести оттуда людей или домашних животных. Все сходились на

том, что отец был неутомимым лидером и люди подчинялись ему беспрекословно. Он сумел заразить всех своей уверенностью и вдохновить собственным примером. Благодаря его организаторскому таланту и самоотверженности все люди действовали сплоченно, и им вскоре удалось остановить распространение пожара. Я видела, что мама гордится отцом, и когда тот возвратился вместе с сыном сморщенной женщины, она бросилась ему на шею, крича: «Ах, Роберт, дорогой, как хорошо, что ты вернулся! Какая радость!»

Отец сдержанно улыбался. Его лицо, руки и одежда были покрыты слоем сажи. Он бережно отстранил маму и быстро ушел, чтобы привести себя в порядок. Я же не видела ничего удивительного в том, что отец оказался таким необыкновенным человеком. У меня слово «отец» прочно ассоциировалось с понятием «Большой Хозяин». Он был человеком, чьей воле все должны были беспрекословно подчиняться. Его слово — закон, а сам он безупречен. Будь это не так, он бы не был «Большим Хозяином»! В те дни он мало интересовал меня. В моих глазах отец был всего лишь гарантом полной безопасности. Он не создавал для меня никаких проблем, так зачем же о нем думать? Когда же мы всей семьей выходили прогуляться — мама, отец, Грет и я — и он протягивал свою большую руку, чтобы помочь мне перейти улицу, я замечала, что эта рука излучает огромную силу и что его ногти всегда чисты, как снег. Конечно же, отец хотел отмыться от сажи и грязи как можно скорее.

Лето подходило к концу, и мы возвратились домой. Однажды я удивилась тому, что мама кутает меня в теплое пальто и надевает на голову меховую шапку, прежде чем выпустить на улицу. Воздух щипал открытые участки кожи, а прохожие говорили друг другу: «Какой мороз!» Моему носу и ногам все это совершенно не нравилось. Но вокруг летали красивые белые снежинки, а во всех витринах стояли белобородые Санта-Клаусы. Затем пришла пора, когда мама стала выпускать меня во двор в легком пальтишке и соломенной шляпке. Сады и поля запестрели цветами, и мы ходили играть в мяч и обруч в городской парк.

Эту пору моей жизни можно было бы назвать абсолютно счастливой, если бы мама не портила моего безмятежного существования регулярной стрижкой ногтей. Предчувствуя день экзекуции, я расстраивалась заблаговременно. Кожа под ногтями была столь чувствительной, что любое соприкосновение (даже с воздухом) причиняло мне почти невыносимое страдание. После того как ногти были обстрижены, я бегала по комнате, растопырив пальцы, дико кричала и не подпускала к себе никого. Нет, я не могу сказать, что испытывала боль, но чувство это было исключительно неприятным. Когда мама впервые столкнулась с такой реакцией, она долго не могла понять, что со мной случилось. Вначале она решила, что случайно порезала мне кожу, и попыталась исследовать мои пальцы. Но я не позволила сделать ей это — взвыла, как сирена. Тогда мама пригласила нашего семейного врача, и он объяснил ей, что мои нервы обладают повышенной чувствительностью. Он посоветовал маме подержать мои руки в теплой воде. С тех пор перед каждой стрижкой ногтей мама позволяла мне поплескаться в ванне. Это в какой-то мере помогало, но лишь спустя много лет моя кожа огрубела настолько, что обрезка ногтей перестала причинять мне невыносимые страдания.

Моя дорогая, моя родная мама! Какую любовь, какую нежность ты проявила, пытаясь избавить меня от страданий, вызванных сверхчувствительностью моих нервов! Без этой любви и заботы я, возможно, умерла бы еще в раннем детстве. Лишь при твоей поддержке смогла я вырасти и окрепнуть, медленно преодолевая свою болезненность и беззащитность. Теплое гнездышко, которое ты свила для нас вместе с любящим и щедрым отцом, стало трамплином во взрослую жизнь. Ты помогла мне научиться компенсировать мою чувствительность развитием силы. Я была всего лишь ребенком и не имела ни малейшего понятия о своей чрезмерной чувствительности. Я просто смотрела на мир и хотела все в нем постичь. Твои заботы помогли мне сохранить здоровье. Каким непоколебимым было мое доверие к тебе!

— 2 —

Лев и свет

Так прошло несколько зим и несколько лет. Помню, как однажды услышала, что мне исполнилось четыре года. Грет пошла в школу, и я часто с большим интересом слушала, как она читает вслух букварь. Иногда она приносила детскую газету и зачитывала мне из нее разные истории. Когда Грет не было дома, я изводила свою бабушку по линии отца постоянными просьбами почитать мне какую-нибудь книгу, и всегда мне хотелось знать все наперед. Я могла без устали слушать о том, что происходило с людьми. Жизнь казалась такой интересной! Чего только не случалось в ней! Разумеется, больше всего я любила слушать волшебные сказки.

Сестра мамы, тетушка Ади, часто посещала нас и с радостью готова была исполнить любое мое желание. У нее было очень хорошенькое личико. Она была ласковой и грациозной, как кошечка. Ее теплые карие глаза всегда сверкали веселыми искорками, и от нее исходил особый аромат, присущий лишь людям, в чьих сердцах живет любовь. Мне так нравилось вдыхать этот «запах любви», но, увы, им обладали лишь немногие. Как только тетя Ади появлялась на пороге, мы с Грет радостно подлетали к ней, снимали с нее пальто, а первыми нашими словами было: «Тетя Ади, расскажи нам историю!»

И она рассказывала нам замечательные истории. Казалось, она никогда не уставала. Не успевал окончиться один рассказ, как начинался другой. Более интересных сказок я в жизни своей не слышала! Когда я болела, тетя Ади приходила ко мне и рассказывала историю за историей — одну интереснее другой. Она рассказывала их без остановки, пока я не забывала про свою болезнь. Она просто не могла остановиться — как только она собиралась прервать рассказ, мы напе-

ребой начинали спрашивать: «Тетя Ади, а что было потом? А что случилось с героями?» Так что ей волей-неволей приходилось продолжать рассказывать. Но приходило время, и тетя Ади возвращалась домой к своей маме (другой моей бабушке, которая прекрасно играла на фортепьяно). Мы с Грет оставались одни, и я наблюдала за тем, как она читает свою книгу сказок. Конечно же, сказки, напечатанные в красочной книге Грет и ее школьных газетах, были далеко не такими интересными, как те истории, что рассказывала нам тетя Ади, но все равно это были волшебные сказки, и мне хотелось знать их все. Я подолгу разглядывала раскрытые страницы Гретиных книжек, с интересом рассматривая буквы, но не знала, что они значат.

В ту ночь мне приснился сон, повторявшийся уже столько раз, что вся моя семья знала о нем. Во сне я бегу что есть мочи, пытаясь спастись от преследующего меня огромного льва. Я задыхаюсь от стремительного бега, а тропинка, по которой я несусь вперед, ведет к маленькому домику. *В дверном проеме стоит женщина*, совсем не похожая на мою маму, но *в этом сне она была моей мамой*. Она протягивает ко мне руки. Я знаю, что, если добегу до нее, мне больше не будет грозить никакая опасность. А лев уже настигает меня, я чувствую его горячее дыхание на своей шее, прикосновение его косматой гривы. Скоро он догонит меня. Я бегу из последних сил. Вдруг меня настигает страшный удар, но я продолжаю бежать и отчаянно кричу: «Мама!» Все же я добегаю до нее и бессильно падаю в ее объятия. Я спасена, лев исчез, и я просыпаюсь, вся дрожа. Сердце стучит так сильно, что, кажется, вот-вот вырвется из груди. Набросив на плечи одеяло, я выбегаю в коридор и, не обуваясь, бегу в спальню к родителям. Вот я уже прижимаюсь к своей маме. Меня захлестывает теплая волна нежности, исходящая от нее. Мама обнимает меня и спрашивает:

— Что, снова этот сон? Снова лев?

— Угу, — отвечаю я, и рядом с ней мне становится так спокойно, что через минуту я уже забываюсь блаженным сном.

Следующим утром я просыпаюсь в постели мамы. Ее здесь нет, но рядом со мной лежит ее ночная рубашка. Я мгновенно зарываюсь носиком в ее складки, чтобы вдохнуть драгоценный запах мамы. Отец лежит на соседней кровати и читает газету. «Значит, сегодня воскресенье», — говорю я про себя. Отец откладывает газету. Как здорово, что она оказывается рядом со мной! Я смотрю как завороженная на таинственные маленькие черные буквы, отчетливо проступающие на белой бумаге. Что они могут означать?

— Папа, — говорю я, — пожалуйста, скажи мне, что значат эти буквы.

— Хорошо, — отвечает он, — смотри сюда: вот эта буква «К», а вот эта — «О», затем идет буква «М» и снова «М», а вот эта последняя буква — «Е».

— А вот эта буква, вот тут?

— Это буквы «Н», «Т», «А», затем идут «Р» и две буквы «И».

Я смотрю на эти буквы, и вдруг чувствую, словно пелена спадает с моих глаз. Все вокруг заливает свет, яркий свет. Таинственные буквы обрели смысл! Они раскрыли свою тайну! И я кричу громко и радостно:

— Папа, папа, это «Комментарии»! Правда, папа?

Мама, которая в эту минуту зашла в комнату, так и застыла у двери. Затем она бросилась к кровати, подняла меня на руки и, целуя в щеки, воскликнула:

— Так ты умеешь читать? Надо же!

Отец тоже поздравляет меня, но делает это так, как если бы поздравлял взрослую женщину, и я сильно смущаюсь. Затем в комнату врывается Грет. Она тоже радостна и счастлива. Ведь я «могу читать»! Вскоре эта ошеломительная новость разносится по всему дому. И первое, что слышит тетя Ади, когда в полдень ступает на порог нашего дома, это то, что я «умею читать»!

Я умею читать. Черные буквы на белой бумаге для меня уже не тайна. Я понимаю их. *Я умею читать*!

С этого момента в жизни моей началась новая эпоха. Я стала читать все, что попадало мне в руки. Я хотела *учить-*

ся, учиться, учиться... Я читала все подряд — книги сказок, детские газеты, календари, школьные учебники, лежавшие на столе отцовского кабинета газеты. Даже журнал, который какой-то человек принес нашей горничной. Из него я кое-что узнала о «поцелуях», «любви», «тайных свиданиях» и, наконец, об «убийстве», «крови» и «трупах». Когда же я попросила маму объяснить мне некоторые загадочные слова, смысл которых был мне не понятен, хотя и казался зловещим, она, с возгласом: «Господи, да как же это попало тебе в руки?», выхватила у меня журнал и поспешила на кухню. И я услышала, как она там отчитывала прислугу и требовала «впредь никогда, никогда не давать мне подобного чтива». Вот жалость то! Мне так и не суждено было узнать, что произошло с прекрасной графиней после того, как человек в черной маске похитил ее ночью прямо из постели и увез на своем лихом скакуне.

С этих пор в моей жизни стала проявляться одна неприятная закономерность: как только я приходила от чего-либо в восторг, моя мама тут же высказывала свое неодобрение по этому поводу. Постепенно я стала убеждаться, что свои пристрастия лучше не обсуждать со взрослыми — ведь никогда ничего хорошего из этих обсуждений не выходило. Единственное исключение составляла мужская прислуга нашего дома. Оставаясь с мужчинами одна, я задавала им всевозможные вопросы. Каким-то образом я чувствовала, что обладаю над ними некоей властью. И, сообщив мне какую-нибудь полезную информацию, они никогда не говорили об этих разговорах моей маме, так как прекрасно знали, что им достанется в первую очередь.

— 3 —

Мои родители мне «не родители»

Мне было пять лет, когда я впервые услышала, как отец говорил о своем «директоре».

— Папа, а что такое «директор»? — спросила я.

— Директор — главный человек в офисе, — ответил отец, — все остальные должны его слушаться. Он отвечает за всю работу офиса.

— Папа, — сказала я, — но ведь он же не главнее тебя? Ты же не должен слушаться его.

— Нет, он главнее. Я еще не директор и поэтому должен выполнять его распоряжения. — И тут он стал разъяснять мне, что такое директор или начальник.

Нет, я не могла поверить своим ушам! Как! Директор главнее моего отца?! Этого просто не может быть! Ведь до сих пор я считала, что слово «отец» значит «Большой Хозяин». Он командовал всей страной, ему принадлежали все сокровища, его слово — закон, который никто не смел ни нарушить, ни оспорить. Единственным существом, с которым советовался мой отец, был *«Он»*. Лишь с *«Ним»* мог он обсуждать дела политики. Но это было совсем другое дело — ведь *«Он»* был вовсе не тем, кого мы называем *человеком*. Если отец выше всех других людей, как же могло случиться так, что он оказался у кого-то в подчинении?

Только сейчас я присмотрелась к отцу по-настоящему внимательно. И в эту минуту меня осенило: да ведь этот человек, которого я так любила и которым так восхищалась, вовсе «не мой отец»!

После этого я стала сознательно воспринимать свое окружение. Прежде я просто знала, что эта красивая странная светловолосая женщина — моя мама, а этот высокий, сильный темноволосый человек — мой отец. Да, *здесь* он мой

отец, но по-настоящему он *мне* не отец! Он мой отец лишь *здесь*, а в *моем доме* он мне не отец! Да, он такой же чужой и странный, как и эта странная светловолосая красавица — моя мама. Просто со временем я привыкла к ним. Они хорошие люди, они любят меня, я много значу в их жизни. Я тоже полюбила их. Но они вовсе не мои «мама» и «папа». Я называю их так лишь по привычке!

До сих пор я ни разу не задумывалась о своем положении. Я принимала все как есть и была счастлива с этими людьми. Они были мне опорой, в их присутствии я чувствовала себя в безопасности, они восхищались всем, что бы я ни сделала, как будто это было действительно чем-то замечательным. Так почему же мне не радоваться их обществу? Даже с Грет я порой прекрасно ладила, пока она не вспоминала, что «старше меня на три года». Да, все это было хорошо. К нам часто наведывался дядюшка Стефи, играл на пианино и показывал нам всякие забавные вещи. Он выдувал мыльные пузыри или, вырезав дырку в орехе, делал из него трещотку. Однажды он смастерил смешного поросенка из засушенной сливы и зубочисток, а как-то раз принес мне жестянку с красками и кисточкой. И мне разрешили рисовать красивые цветы в маленьком блокноте, принадлежавшем лишь мне. В этот раз я не должна была делиться этим блокнотом ни с кем — даже с Грет! Тетушка Ади была просто восхитительна — она шутила и рассказывала сказки, а бабушка — мама моей мамы — тоже была очень милой и ласковой. Я ее очень любила. Для меня это было настоящим праздником — когда она усаживалась за пианино и играла. Я слушала эти неземные звуки как зачарованная. В этом я походила на мою дорогую, нежную маму, которая любила музыку больше всего на свете. Другая моя бабушка была очень интересной особой. Она могла подолгу рассказывать о своих путешествиях в дальние страны и часто водила меня в Национальный музей. Там моим глазам открывались замечательные вещи: огромные пестрые бабочки, которые, по словам бабушки, жили в дальних странах (как это ни странно, но мне казалось, что я их хоро-

шо знаю). Там также были чучела огромных животных. Вначале я очень испугалась, но бабушка тут же успокоила меня.

Мне очень нравилось, когда вся семья приходила в восторг от того, что я делаю, и все наперебой начинали расхваливать мои «таланты». Когда мне было четыре года, мама показала мне, как нужно «вязать» загнутой иглой. И я стала «вязать» платьица для своей куклы, которая все время сидела на маленьком стульчике и для которой я никак не могла придумать игры. В кукле не было жизни, а меня интересовало лишь то, что живо. Когда я закончила вязать, все семейство было поражено результатом моей работы. Я никак не могла понять, что было в этом удивительного — ведь моя мама вязала еще красивее. Цветы, которые я рисовала в блокноте, так всем понравились, что отец даже подарил мне копилку — глиняную свинку — и бросал туда серебряную монетку за каждый рисунок. Как все это было восхитительно! Как прекрасно!

Но сейчас я была поражена неприятной новостью — оказывается, у отца был начальник! В эту минуту мне стало совершенно ясно, что я просто нахожусь *здесь*, в этом окружении, и то, что я зову «домом», вовсе не является *моим домом*. Я здесь не *дома*! И это было мое твердое непоколебимое убеждение.

Обладай я в то время своими нынешними познаниями в психологии, я бы тут же стала анализировать причины появления у меня подобных мыслей. Но тогда я была всего лишь ребенком, непосредственно воспринимающим жизнь, и потому решила, что меня насильно увели из *моего* дома. Безусловно, я не могла сказать, откуда именно меня забрали, так как совершенно забыла это место. Кто же мог рассказать мне об этом? Только эти два человека, которых я привыкла называть своими родителями. Но если я стану задавать им вопросы, они обязательно дадут свои «взрослые» ответы, из которых я ничего не пойму. И в конце они опять обязательно скажут: «Подожди, пока станешь большой». Как я ненавидела эти слова: «станешь большой»! Что изменится, когда я стану большой? Почему я должна проводить все это время

во тьме и неведении? Я хочу знать все *сейчас*, а не *когда-нибудь*, когда вырасту!

Итак, я думала над этим вопросом до самого вечера. Когда я забралась в постель, ко мне поднялась мама и спросила:

— Что с тобой? Почему ты такая тихая? Почему ты не играла в куклы, а бродила по всему дому, как во сне? Скажи, что с тобой происходит? Ты можешь говорить мне обо всем и спрашивать меня о чем угодно.

О, как я любила ее! До чего красивой, нежной и деликатной была эта женщина! Она всегда становилась на мою сторону, когда кто-нибудь пытался критиковать меня. Я знала, что в любую минуту могу «забиться под ее крылышко», где почувствую себя в полной безопасности. Сейчас, когда мы были вдвоем, я почувствовала, что могу полностью довериться ей, и потому, обхватив ее шею руками, я спросила:

— Мама, откуда вы с папой взяли меня? Как я здесь оказалась?

Вначале в ее глазах мелькнуло изумление. Мне даже показалось, что этот вопрос застал ее врасплох. Но затем она нежно улыбнулась и сказала:

— Есть такое большое озеро, где плещутся маленькие дети. И вот, когда мужчина и женщина любят друг друга и хотят иметь ребенка, они просят об этом Бога. И *Бог* посылает к этому озеру большого аиста. И аист летит к этому озеру и берет того ребенка, которого выбрал *Бог* для этих людей. Он сажает его себе на спину и опускается на землю, где кладет ребенка перед женщиной. Вот так ребенок получает своих «земных» родителей и становится «земным» ребенком.

Вначале я ловила каждое ее слово с огромным интересом, но вскоре убедилась, что мама рассказывает мне сказочку, вроде тех, на какие тетя Ади была большой мастерицей. Нет, это была неправда! Она просто не хотела рассказать мне о том, *где* и *как* она и отец отыскали меня. Я недоверчиво заглянула ей в глаза. Но мама сказала только, что я должна быть хорошей девочкой и помолиться на ночь. Затем она вышла из комнаты, а я осталась одна.

С этого дня я стала понимать все отчетливее, что мои отец и мать не были моими настоящими родителями и что эта страна не была моим настоящим домом. Я знала, что мама не понимает меня, знала, что она не может *увидеть* меня. Я находилась в окружении чужих людей. Мама часто приходила в недоумение, когда я говорила вещи, казавшиеся мне совершенно очевидными. Иногда она так изумлялась моим словам, что бросалась к отцу, чтобы рассказать о тех «странностях», которые я говорю. Отца они тоже удивляли.

Я поняла, что для них это было что-то новое и чуждое. Позднее они пересказывали мои слова своим друзьям и родственникам, и все при этом дружно смеялись. «Что за странный ребенок!» — слышала я все чаще и чаще. Но себе я казалась вовсе не странной. Наоборот, странными мне казались окружавшие меня люди, в чьем обществе я чувствовала себя «чужачкой». Все мне казалось каким-то маленьким и бесцветным. Где-то в глубинах подсознания жило убеждение, что только *Он* может до конца понять меня. Мне очень хотелось жить в более просторных комнатах, где я чувствовала бы себя свободнее и где бы меня окружали люди, в чем-то сходные со мной.

Это ощущение «чужачки» не оставляло меня всю жизнь, наоборот, с годами я стала все отчетливее осознавать свое одиночество. Я пыталась установить контакт с окружающими — но тщетно! Мама же любила красиво высказываться о наших отношениях: «Ах, как это прекрасно иметь двух девочек, с которыми можно говорить обо всем и чувствовать, что между нами установилось полное доверие». Я пыталась установить подобные отношения с Грет, но та никогда не умела хранить секреты. Когда я говорила ей о том, что считала важным, та смотрела на меня сверху вниз, так как была на «три года старше», и тут же бежала выдавать матери мои маленькие тайны. Так что все попытки к сближению предпринимались только с одной стороны. Наконец я перестала искать с ней общий язык, и мы продолжали жить бок о бок и в то же время порознь, словно существа из разных вселенных. Все были мне чужими.

Время неслось мимо семимильными шагами, и скоро мне исполнилось шесть лет. Мама повела меня в школу, и я попала в окружение детей. Но от этого чувство одиночества только усилилось. Все мои близкие любили меня, и я любила их всех. Любовь царила над нами, и в сравнении с ней все остальное оказывалось на втором плане. Вот почему там я чувствовала себя почти дома. Я привыкла к своим домашним. Но одноклассники — совсем другое дело. Они прекрасно понимали друг друга, а я казалась им какой-то ошибкой природы. Они постоянно удивляли меня, а я удивляла их. Они смеялись надо мной, и я чувствовала себя уязвленной. Они вечно хвастались тем, что им принадлежало, — ручками, карандашами, резинками, и каждый хотел иметь такое, чего не было ни у кого. Мне же все это казалось смешным и скучным. Меня интересовали лишь книги, сказки, музыка и музеи. Когда я говорила с детьми о своих увлечениях, у тех глаза лезли на лоб, и они задавали мне очень странные вопросы. Все они играли с куклами, шарами и обручами, тогда как я забавлялась призмами, которые отбрасывали разноцветные лучи, и магнитом, подаренным мне дядей Тони — еще одним братом матери. Это было так захватывающе! Магнит притягивал к себе все мамины иголки и намагнитил ножницы, так что мама должна была держать ножницы подальше от шитья — иголка то и дело прыгала к ним. Да, я все хотела узнать о силе, скрытой в магните. Наконец я решила, что магнит любит иглы и булавки так же, как мать любит своих детей, потому они и тянутся к нему. Разве не так я бросалась на шею маме с распростертыми руками? Да, точь-в-точь как игла к магниту! Мне казалось все это таким интересным, но остальные дети только смеялись надо мной. Я оставалась одна, совсем одна.

Той зимой я начала брать уроки музыки. Когда я играла на пианино пьесы, у меня неизменно возникало ощущение, что звуки музыки таят в себе те же формы, что и фигуры, сделанные дядей Томи из картона. Он называл их «геометрическими фигурами». Я научилась играть одну мелодию — при этом казалось, что маленькие кубики разлетаются по

всей комнате. Затем я научилась другой пьесе, производящей на свет остроконечные фигуры, по которым перекатывались маленькие шарики. Когда бы я ни ходила с матерью на прогулку в городской парк, меня всегда манило к фонтану — в его струях мне чудились пляшущие и прыгающие гномы и феи. Тут я поняла, что танец воды в фонтане *тоже был музыкой*. Я не слышала этой музыки, но я *видела ее*, знала, что *это музыка*. Все это для меня было чем-то само собой разумеющимся, но мои одноклассники смеялись, когда я рассказывала им об этом, и называли меня «тупицей». Даже не представляю почему!

Когда я впервые услышала, как школьники исполняют музыкальные произведения, меня как током ударило. Как, неужели они сами не слышат, как калечат геометрические фигуры?! Учитель сказал, что они сбиваются с ритма. По-моему, это их сердца сбивались с ритма. Неужели они не слышат, что играют неверно? Как это было ужасно, когда они брали не ту ноту! Это просто терзало мой слух, мне хотелось кричать, а они даже не замечали своих ошибок! Я с удивлением рассматривала своих одноклассников. Да у них что, ушей нет? Почему они так непохожи на меня? До сих пор мне казалось, что каждый ребенок, да и каждый взрослый мог видеть и воспринимать мир как я. Но вскоре я начала убеждаться, что у всех остальных глаза и уши устроены *совсем не так, как у меня*. Именно по этой причине они относились ко мне как к маленькому чудовищу.

Итак, я оставалась в одиночестве, в полном одиночестве.

— 4 —

«Восход должен быть не таким»

К весне я стала очень бледной. Еда была для меня настоящей пыткой. У меня не было аппетита, даже самая вкусная пища не вызывала никакого желания, а мама хотела во что бы то ни стало накормить меня. Но если мне не хотелось есть! Единственное удовольствие, которое я находила в супе, — это играть с кружочками жира, плавающими на его поверхности. Я гоняла их ложкой по всей тарелке, пытаясь соединить их, пока не образовывался один большой круг. Но это не доставляло моим родителям никакого удовольствия, и отец не раз отсылал меня из столовой, так как я была «непослушной» и отказывалась есть суп, шпинат и репу, а только «баловалась с едой». Когда же отец убедился, что это наказание не оказывает на меня никакого воздействия и я с радостью убегаю в свою комнату, где тут же достаю с полок любимые книги, он, по совету врача, решил свозить всю семью на лето к морю. Как только последние экзамены были сданы, мы отправились в путешествие.

Ночью мама укутала нас в одеяла, опасаясь, что мы замерзнем. Я вскоре уснула, но непривычная обстановка подействовала на меня, и я проснулась перед рассветом. Отец и Грет еще спали, но мама уже была на ногах, и я попросила у нее разрешения сесть возле окна. Я столько слышала о красоте восхода солнца, что мне не терпелось воспользоваться случаем, чтобы увидеть его самой.

Я села у окна, раздвинула занавески и стала смотреть. Небо было еще черным, и лишь на горизонте появились серые полосы. Постепенно небо начало светлеть, и я стала различать окружающий пейзаж — деревья, поля, дома, людей и коров, мимо которых, гудя и стуча колесами, несся наш поезд. А солнце еще не появилось! Разве такое возможно? Меня это очень удивило. И вот наконец, когда небо стало совсем светлым, почти таким же, как днем, на горизонте появилось

солнце. Оно стало постепенно подниматься, заливая небосвод пурпурным светом. Я так ждала этого момента, но цвет показался мне каким-то бледноватым. Я представляла его более насыщенным. Еще одно разочарование — восход должен быть не таким!

— Ну, как тебе понравился рассвет? — спросил уже давно проснувшийся отец. — Ты видела его впервые в жизни. Правда, красота? — и он радостно улыбнулся мне.

— Нет, папа, — сказала я с неожиданной для себя злостью, — этот восход совсем не красивый. Он скучный. Восход не должен быть таким! Этот слишком затянулся, — небо стало светлым очень рано, и это все испортило. Свет стал каким-то тусклым и некрасивым, и тогда взошло солнце. Нет, это совсем не красиво! Восход совсем иной! Совсем не такой! — И я отвернулась — злая и недовольная.

Отец, как обычно, выслушал меня терпеливо и внимательно. В его красивых черных глазах читались интерес и удивление, они выражали легкую насмешку, но в то же время любовь и понимание.

— Ага, значит, восход должен быть иным? Ты не удовлетворена этим восходом? Не хочешь ли ты сказать, маленькая выскочка, что можешь указывать природе на то, что в ней происходит вопреки твоим ожиданиям, и поправлять ее? Каким же, по-твоему, должен быть восход? Как ты можешь судить об этом, если ни разу в жизни не видела его? — И он продолжал внимательно смотреть мне в глаза, ожидая ответа.

Минуту я молчала, а затем начала говорить доверительно:

— Не знаю, *как* я это знаю, и не знаю, *где* я раньше видела восход солнца, но я *знаю*, что он должен быть не таким! Солнце *должно восходить на темном небе и сразу заливать все вокруг ослепительно ярким светом. Не таким скучным и серым, а ярким, красным и красновато-пурпурным сиянием, чтобы все озарилось, а небо и земля купались красных лучах.* Это должно быть намного красивее — неожиданно и восхитительно. Я знаю, я *помню*!

— Хм, — сказал отец, — ты помнишь? — И он снисходительно улыбнулся. — Твое воображение уж слишком разыгралось! — Затем он повернулся к матери, протянувшей ему чашку с кофе, отпил глоток и снова обратился ко мне: — Мне действительно очень жаль, что восход солнца тебя разочаровал. Сегодня чудесная погода, и трудно представить, что восход может быть более красивым. Жаль, что тебе не понравилось, но я ничем не могу помочь.

Я ничего не ответила и сердито отвернулась. Дело не только в том, что восход солнца разочаровал меня. Обиделась я из-за того, что в ответ на мое «я помню» отец заявил, что мое «воображение уж слишком разыгралось». Воображение — это что-то совсем другое — это когда придумываешь. Но восход солнца — *настоящий восход* — не имеет ничего общего с «воображением». Я не могла *придумать его*! Это то, что жило в моей памяти, то, о чем я прекрасно помнила. Помнила лучше, чем о том, что происходило вчера или даже сегодня! Я рассердилась по-настоящему. Я всегда сердилась, когда не могла убедительно доказать то, что знала наверное. Мои глаза упрямо смотрели вдаль, и вдруг из коридора вагона донесся крик отца:

— Океан! Дети, быстрее сюда! Смотрите, океан!

Поезд с ревом поднимался вверх — в горы, а внизу раскинулся беспредельный водный простор. Я была счастлива. Я радовалась и знала, что море мне знакомо и что я *вижу его не впервые*. Я восприняла это как нечто само собой разумеющееся, даже не задумываясь о том, как могло возникнуть это чувство. Я смотрела вниз, не произнося ни слова, а голос, доносящийся из самого моего сердца, говорил: «О это море! Это любимое море! Всепонимающее, всезнающее, все испытавшее море! О мое возлюбленное море, как часто я говорила тебе о своей радости, своей боли, своей печали, а ты слушало так внимательно, ты дарило мне свое сострадание и приносило мне успокоение. Твое сострадание превзошло все человеческие чувства! Ты здесь, ты снова со мной. Неизменное. Вечное. Я снова смогу смотреть в глубь твоих вод, прислушиваясь к рокоту волн, к голосу вечности».

Мы бросились к окнам коридора и увидели море. Мое любимое море! Отец прикоснулся к моему плечу и спросил:

— А как тебе море? Оно-то тебя устраивает или тоже должно быть иным?

— Нет, папа, — серьезно ответила я, — море как раз такое, каким и должно быть, но этот берег, почему везде виден берег? Море должно быть бескрайним. Мы не можем увидеть противоположный берег моря!

— Верно, так и будет, когда мы спустимся вниз. Сейчас перед нами залив — вот почему ты видишь противоположный берег. Когда же мы приблизимся к открытому морю, вода будет везде, куда ни бросишь взгляд.

Это меня успокоило. Меня потряс великолепный вид, похоже, такое же впечатление он произвел и на мою сестру. Наконец появилось что-то, понравившееся нам обеим. Она пребывала в таком же восторге от моря, как и я. Позже мы с ней стали охотиться за крабами и мидиями, таящимися между камнями. Незаметно мы сдружились по-настоящему.

Как хорошо было всем нам на этом морском курорте! У отца все время было прекрасное настроение, и это передавалось всем нам. Мама просто лучилась от счастья, радуясь, что может быть рядом с отцом целыми днями.

Однажды мы отправились в маленькую церквушку, стоящую посреди красивого кипарисового сада. Мама опустилась на колени и стала молиться горячо и самозабвенно. Отец стоял рядом, его лицо было суровым и торжественным. Грет тут же стала на колени рядом с мамой. Мне тоже хотелось проявить благочестие, но что-то в моей душе противилось этому. Я не преклонила коленей, так как не хотела делать это. *У меня никогда не возникало желания преклоняться перед зримыми формами.* Неужели же я должна делать это лишь потому, что другие так поступают? Безусловно, нет! Поступать так, чтобы быть «хорошей девочкой»? Разве это нужно Богу? *Бог* увидит, что это притворство! И я не опустилась на колени, зато смогла наблюдать, как молятся другие.

Наконец, когда мне уже стало невыносимо скучно, отец прикоснулся к плечу мамы. Она поднялась, и мы зашагали к

выходу. Весь сад был залит ярким солнечным светом. От радости я запрыгала. Здесь я чувствовала себя гораздо ближе к Богу, чем в холодной угрюмой церкви.

Вечером, после молитвы, я спросила:

— Мама, почему ты так горячо молилась в церкви?

— Я молила Бога о том, чтобы он послал вам маленького братика, если решит дать нам еще одного ребенка.

Я потеряла дар речи. Как, маленький братик? Может, он будет мне настоящим другом? Прекрасно! Вот будет здорово! Теперь я понимала, почему мама молилась так самозабвенно. Ради маленького братика это стоило сделать!

***

Как-то зимой я проснулась посреди ночи. Из родительской спальни доносились странные звуки. Это кричал младенец. Через несколько минут к нам в комнату вошел отец. Он был в костюме.

— Вы не спите? — спросил он.

— Нет, не спим, — откликнулись мы с Грет в один голос.

— У нас большая радость! *Бог послал вам маленького брата.*

О, это было чудесно! Мне захотелось тут же побежать в спальню к родителям, чтобы посмотреть на братика. Но отец не позволил, заявив, что мы должны дождаться утра. Тогда он покажет нам малыша. Он вел себя как-то странно. Он улыбался особенно нежно и говорил таким мягким и тихим голосом, что я не посмела возразить ему.

Утром в спальню пришла бабушка с материнской стороны. Она помогла мне одеться и повела в спальню родителей. Мама была в постели, а рядом с ней на подушке лежал маленький черноволосый ребенок. Я внимательно присмотрелась к нему и вдруг заметила, что на ушах у него тоже растут космы темных волос — совсем как у обезьянки. Я умылась после сна, поэтому мне позволили потрогать его маленький кулачок. Все члены семьи казались очень серьезными и важными.

С этих пор нас, детей, стало трое. И я оказалась еще более одинокой, чем прежде.

— 5 —

Я ХОЧУ УДРАТЬ

Примерно в это же время я познакомилась с тетей Рафаэлой — сестрой моего отца. Она жила в другом городе со своим мужем, дядей Фердинандом. Они приехали к нам, чтобы увидеть малыша.

Меня поразила царственная красота этой необычной женщины. Она была такая же высокая, как мой отец, сложена как греческая богиня. Ее благородное прекрасное лицо дышало невозмутимым спокойствием, а голову венчали волосы цвета воронова крыла. Ее глаза, темные и лучистые, походили на отцовские. Все ее движения были величественными и в то же время чарующими. Она казалась совершенным воплощением того, что зовется красотой и изяществом. Я полюбила ее с первой же минуты. Она тоже полюбила меня и часто брала с собой, отправляясь за покупками. Ее муж показался мне очень мудрым и добрым человеком, и мы с ним отлично поладили. Как я обрадовалась, когда услышала, что мы проведем лето на горном курорте рядом с тем местом, где жили дядя Фердинанд и тетя Рафаэла.

Лето было прекрасным, и я часто ходила на прогулки в горы в сопровождении отца или дяди Фердинанда. Леса и горные луга очаровывали своей красотой, и мне не терпелось взобраться на самый верх, откуда открывался вид на долину, полную маленьких деревенек с крошечными, словно игрушечными домиками. Да, там, *наверху*, я была счастлива, но здесь, внизу, в кругу семьи я чувствовала, как мое счастье куда-то исчезает. Грет сильно отличалась от меня почти во всем, и нас редко увлекали одни и те же игры. Мать почти все время проводила с малышом. У нее не было времени, чтобы отвечать на мои бесконечные вопросы или учить меня рукоделию. Чувство одиночества наполняло все мое существо, и

я стала избегать общества домашних. Маме же казалось, что я просто стала непослушной.

Однажды вечером, когда мы уже собирались отправиться спать, мама отчитала меня за то, что я поздно вернулась из сада и не хотела ложиться спать. Я только хмурилась и ничего не отвечала. Но мама продолжала бранить меня, и тогда я, внезапно ощутив прилив гнева, заявила:

— Да я вижу, что ты ничуточки не любишь меня! Теперь я понимаю, что мне остается одно: уйти отсюда и оставить вас навсегда!

— Что ж, убирайся отсюда на все четыре стороны, — сердито ответила мать.

Стрелой выскочив из дома, я понеслась по тропинке, ведущей в лес, в горы. Как раз накануне мы с отцом и дядей Фердинандом взбирались на этот горный склон, и там я заметила большую пещеру, известную в этих краях как «Разбойничья пещера». Я хотела провести в ней ночь и обдумать свое положение. В темноте я потеряла тропу и потому карабкалась к «Разбойничьей пещере» напрямую, через кусты и бурелом. Внезапно у меня за спиной раздался голос зовущей меня мамы. Она повторила мое имя несколько раз подряд. Я на секунду остановилась, но тут же продолжила свое шумное восхождение. Мама последовала за мной по звуку, и скоро я почувствовала, как ее руки вцепились мне в плечи.

— Неужели ты не боишься, что тебя покусает собака? — сказала она, задыхаясь. — Или, может быть, ты совсем рассудка лишилась?

Я ничего не ответила. Почему я должна бояться собак? Я сумею постоять за себя! Но мне нужно удрать туда, где я смогу найти свой дом, свой настоящий дом! Удрать из чужого дома, от этих чужаков, которые не понимают меня. Нет, они хорошо ко мне относятся и любят меня, но все равно они чужие, они так непохожи на людей, живущих там, где *мой дом*!

Домой мы возвращались молча. Я ждала сурового наказания, но, к моему величайшему удивлению, ни отец, ни мать не сказали мне ни слова упрека. Уходя в спальню, я поймала

взгляд отца — изучающий и удивленный. Единственным моим наказанием было то, что, уложив меня в кровать, мама вышла из спальни, не сказав «спокойной ночи».

Весь следующий день родители старались вести себя так, словно ничего не произошло. Однако я знала, что мама напугана моим «дерзким» поступком, тогда как во взгляде отца читалось уважение к моей «храбрости». Я чувствовала, что выросла в его глазах. Но сама я не считала себя ни «дерзкой», ни «храброй». Я просто была такой, как есть.

Грет же, всегда такая послушная, такая аккуратненькая паинька Грет, смотрела на меня как на преступницу, но каждый раз, когда я поднимала лицо, отводила глаза, избегая встречаться со мной взглядом. Я же смотрела на нее, не скрывая презрения: тихоня и трусиха!

Этой зимой я не пошла в школу — все еще была очень бледной, а ранний подъем был мне не по силам. Ко мне приходил репетитор и пытался забить мне голову всевозможной нудной ерундой. География. Да кому нужна эта география! Почему я должна учить все о странах, в которых никогда не была? Если я захочу узнать что-нибудь об этих странах, то отправлюсь туда, когда вырасту. Так я узнаю гораздо больше. Но я их никогда не видела, так почему я должна безропотно терпеть то, что кто-то стремится вбить мне в голову сведения о Парагвае, Никарагуа, Венесуэле? Учитель все говорил, а я слушала, как тихонько шипит газ в лампе. Когда же он замолчал, я спросила, не слышал ли он шипение газа. Учитель спокойно ответил, что я должна прислушиваться к его словам, а не к звуку газа.

— Да, но лампа намного интереснее, — ответила я.

Позже он пошел к моей маме, и они долго говорили о странном ребенке, которого больше интересует шипение газа в лампе, чем уроки географии. После его ухода мама «провела со мной беседу», пытаясь объяснить мне, почему я должна прилежно заниматься. Ладно, ладно, я буду заниматься, но мне хочется учиться тем вещам, которые мне нравятся. Мама оставалась непреклонной и продолжала твердить о том, что мне предстоит сдавать школьные экзамены.

Вот почему я должна учить то, что есть в школьной программе. Мне хотелось объяснить маме, что все это мне нестерпимо скучно, а мама пыталась внушить мне, что заниматься необходимо. Обе мы так и остались при своем мнении, устав слушать друг друга. Я хочу уйти отсюда! Я хочу возвратиться в свой настоящий дом! Хочу общаться с близкими мне людьми! Хочу играть по-настоящему, а не только выполнять утомительные упражнения для пальцев — хочу быть свободной!

У меня появилась новая привычка — я садилась в кресло, стоящее в ванной, и, не зажигая света, думала о том, что мне делать. Я хотела убежать отсюда и вернуться в свой дом, в свой настоящий дом! Я не решалась рассказать об этом матери, зная, что та очень рассердится. Потому я решила, что будет лучше всего написать письмо, в котором я все объясню, и вручить его ей в подходящий момент.

Мать уделяла очень много времени моему маленькому брату. Она была одной из тех самоотверженных матерей, которые ни за что не доверят чужим людям нянчить своего ребенка. Она кормила, пеленала, купала и баловала всех своих детей сама. Благодаря этому ее качеству мне представилась прекрасная возможность, закрывшись в своей комнате, писать ей письмо. Я писала его долго и обдуманно, стараясь в вежливой форме дать понять родителям, что знаю, что не являюсь их дочерью, знаю, что они нашли меня в каком-то другом месте и принесли сюда, о чем теперь сожалеют, так как не могут любить меня как родного ребенка. Дальше я писала, что страдаю оттого, что нахожусь здесь, и просила отправить меня назад, в мой настоящий дом. Я объясняла ей, что будет лучше для всех, если меня освободят — тогда им не придется беспокоиться обо мне и переживать из-за моего поведения. В конце письма я написала: «целую твою руку» и поставила свое имя. Итак, письмо было написано, но я не решалась сразу вручить его матери и ждала подходящего момента.

В один прекрасный день друзья и родственники моей матери собрались у нас дома. Гости весело болтали, восхища-

лись нами, детьми, одетыми по случаю приема в свои лучшие наряды, а затем дружно перешли в столовую, где их ожидали пирожные и горячий кофе. Моя мать была само очарование. Как обычно, она сидела в конце стола в окружении других нарядных дам. Она была такой красивой, излучала тепло и веселье, и я решила, что сейчас самый подходящий момент вручить ей свое письмо. В такой день она просто не сможет сердиться. Дождавшись, пока все дамы допьют свой кофе, я тихонько прокралась сзади к матери и, протянув руку, бросила письмо ей на колени. Мать сразу заметила мое появление в столовой — она не любила, чтобы дети присутствовали, когда взрослые беседуют. Мы должны были находиться в детской и послушно дожидаться приглашения. Сейчас, увлеченная беседой, она не могла спросить меня, зачем я явилась. Увидев же письмо у себя на коленях, она удивленно посмотрела на меня и, не говоря ни слова, сунула его себе в карман. Беседа при этом ни на секунду не прерывалась. Я была очень довольна — трудно было выбрать более удачный момент!

Гроза разразилась сразу же после ухода гостей и возвращения домой отца. И такой грозы я не ожидала! Мать, испуганная и глубоко расстроенная, дала отцу мое письмо со словами: «Этот ребенок явно не в себе. Погляди, что здесь написано!» Затем, повернувшись ко мне, дала волю сдерживаемому гневу: «Ну что ж, юная леди, если мы нехороши для тебя — что ж, увидишь, что мы можем быть и совсем другими. Да, ты получишь иных родителей! Смотри только, не пожалей об этом!»

Отец прочел мое письмо с большим интересом. По всему было видно, что это его развлекает. Отца трудно было расстроить, и из-за этого письма он уж никак не расстроился. Он вопросительно взглянул на меня и сказал: «Так кто же эти «настоящие» родители? Что значит, что ты хочешь к своим «настоящим» родителям? И где они вообще? Ах ты, дурочка!» На этом разговор с отцом закончился.

Но с матерью дело обстояло иначе. Она никак не могла успокоиться и днями обсуждала мое письмо со своей ма-

терью, тетей Ади и дядей Стефи. Она даже показала письмо лучшему папиному другу — нашему семейному врачу. Доктор был глубоким и высокообразованным человеком, и все члены нашей семьи любили обращаться к нему с вопросами, касающимися как тела, так и души. При этом мать с горечью комментировала злополучное письмо, рассказывая, каким неблагодарным ребенком я оказалась (и это после того, как они, родители, отдали мне столько сил и любви). И этот ребенок хочет убежать из дому!

— Так куда же ты собираешься уйти? К кому же ты убежишь, маленькая сумасбродка? — допытывалась она у меня вновь и вновь.

Но на этот вопрос у меня не было ответа. Мне бы хотелось, чтобы на него ответили мать и отец. Я хотела, чтобы родители сами рассказали, где они нашли меня, откуда привели сюда. Наш семейный врач смотрел на меня очень ласково и спрашивал совершенно серьезным тоном, словно говорил со взрослым: «Так что же ты хотела этим сказать? Что ты имела в виду?»

Но я не могла, да и не желала говорить обо всем этом. Я просто хотела вернуться, вернуться туда, где они нашли меня, откуда меня забрали! Мне нужно было жить там, где бы я чувствовала себя дома, среди *таких же, как я, людей*!

В то же время я прекрасно сознавала, что не в состоянии достичь своей цели. Мне придется оставаться здесь еще неизвестно сколько! В глубине души я чувствовала, что эти люди знают о моем происхождении не больше, чем я сама. Да, я не могла рассчитывать на их помощь в решении этой загадки. Своими словами и поступками я лишь пугала и обижала их. Мое письмо, наверное, глубоко уязвило мою мать. Только теперь я стала осознавать это в полной мере. Опечаленная, я направилась в детскую, где уже находилась Грет. Она отвернулась от меня, — конечно же, ей не хотелось встречаться взглядом с такой негодяйкой! Я почувствовала себя настоящей преступницей. Нет, выяснение истины — безнадежное дело! Не стоит даже возвращаться к этому вопросу. Постепенно инцидент стал забываться. Что-то в моей

душе словно подернулось дымкой. Я сама не хотела больше вспоминать о своем *настоящем доме*, так что со временем из моей памяти стерлись все связанные с ним подробности.

Однажды — мне было около семи — я услышала, как отец сказал за едой, что человек — это «венец творения».

— Что ты хочешь этим сказать, папа? — спросила его я.

— Только то, что человек — самое высокоразвитое существо на Земле. Ни одно живое существо не может сравниться с ним.

Я была поражена. Как, неужели мой отец, человек блистательных способностей, знающий ответы на все вопросы, легко побеждающий в любом споре своих оппонентов, не знает такого очевидного факта, что в мире существуют титаны, или гиганты, стоящие на много голов выше любого человека. Нет, это вовсе не гиганты в смысле физических размеров, а гиганты духа, обладающие невероятной психической силой, — те, кто вел человечество по пути развития.

Я пристально посмотрела на отца, стараясь понять, действительно ли он ничего не знает о высших существах или просто не хочет говорить? По выражению его лица я поняла, что он просто ничего не знает и действительно считает человека «венцом творения». Но я не посмела задавать отцу никаких вопросов, так как знала, что *Он* не хочет, чтобы я говорила с невежественными людьми о тайных вещах. Нужно уметь хранить молчание.

Он — через минуту, меня словно *током ударило*. Кто же такой этот *Он*, чье существование я принимаю как должное? *Он* всегда со мной, всегда готов помочь. Так кто же такой этот *Он*, перед которым я всегда почтительно склоняюсь, к которому готова обратиться за помощью, когда чувствую себя одинокой или обманутой? *Он* всегда выслушает каждое мое слово, всегда поймет меня, *Его* любовь ко мне безгранична, и он *никогда* не осуждает меня, *никогда* не предает. Так кто же *Он* и где же *Он*? И в ту минуту, когда я задавала эти вопросы, перед моим мысленным взором возникли синие глаза, всепонимающие, всепрощающие глаза. В их взоре сквозила мощь всего мира и глубина самих Небес.

Мне хочется выкрикнуть *Его* имя, но звуки оказались погребенными в глубинах памяти — они не смогли подняться на поверхность. И вдруг я оказалась за столом. Мать сидит напротив, держа на коленях моего младшего брата, и кормит его кашей из ложечки. Видение исчезает.

Весь день я сижу за своим маленьким письменным столом, пытаясь извлечь из подсознания обрывки увиденного. Но у меня ничего не получается. Как только какая-то расплывчатая картина возникает перед моим мысленным взором и я пытаюсь рассмотреть ее — она тут же исчезает.

Но в одном я твердо уверена: все то время, что я провела на Земле в сознательном состоянии, я несла с собой образ того, кого называла «Он». Я знала о *Его* существовании и воспринимала это как факт.

— 6 —

Ностальгия по единству

Однажды мать получила приглашение от своей кузины, недавно переехавшей в город вместе с мужем и сыновьями. Все семейство встречало нас на пороге. Оба мальчика критически осмотрели нас, и мы, в свою очередь, одарили их пристальными, оценивающими взглядами. Все это происходило при полном молчании, пока тетка не отослала нас в детскую.

Неожиданно мы оказались в маленьком мальчишеском мирке, где можно было обнаружить железную дорогу с миниатюрным поездом, маленькие газеты и волшебный фонарь. Все это произвело на меня сильное впечатление, но больше всего мне понравились полки, уставленные рядами книг. Все книги принадлежали перу одного автора — Жюля Верна. Мы прекрасно провели время и возвратились домой лишь поздно вечером. Наши родители тоже отлично поладили, и с тех пор мы стали встречаться каждую неделю. Мы, дети, здорово веселились, и оба мальчика приходили в восторг от этих встреч.

Под влиянием прочитанных книг я всегда искала в дружбе «вечное единство», но мои соученицы высмеивали меня. Их не интересовали подобные «глупости», но сейчас, познакомившись с этими мальчиками, я предложила заключить «договор о вечной дружбе». Они тоже загорелись этой идеей, а младший из братьев, обладающий сильной волей и претендующий на роль маленького лидера, заявил, что каждый из нас должен поставить подпись под договором. Грет и оба брата написали свои имена на листе бумаги, причем каждый из них тщательно вывел большую первую букву своего имени, а завершил подпись мелкими неразборчивыми значками с замысловатой завитушкой в самом конце. Подобная вы-

чурность показались мне несерьезной, и я вывела свое имя ровными аккуратными буквами.

Взглянув на листок, младший из братьев повернулся ко мне и сказал с явным презрением:

— Как, ты собираешься заключить договор о вечной дружбе, хочешь стать членом нашего братства и при этом не способна даже расписаться как следует?! Нет, ты не достойна этого!

Так Грет и два наших кузена заключили договор «о дружбе до самой смерти». Я была отвергнута, отметена, раздавлена! Вернувшись домой и повесив на вешалку пальто, я сразу же побежала в свою комнату «отрабатывать подпись». Я сотни раз писала свое имя, начиная его с огромной причудливой буквы и заканчивая совершенно неразборчивыми каракулями. Я пыталась подражать почерку нашего семейного врача, вечно пишущего неразборчивые рецепты. Под конец я научилась выводить длинный завиток на полстраницы. Но все это было деланным, ненастоящим. Зато в следующее воскресенье я имела все основания похвастаться перед моими кузенами:

— Поглядите, я уже умею расписываться! Вот какая у меня подпись! — и я тщательно вывела замысловатый вензель на листочке бумаги.

Грет и оба мальчика внимательно изучали завитушку, и наконец младший брат изрек:

— Ладно, хоть твоя подпись все равно *слишком* разборчива, но все же это подпись, и мы принимаем тебя в свое общество.

Мне казалось, что сейчас, когда моя мечта сбылась, я должна обрадоваться, но, как мне ни хотелось убедить себя в этом, никаких сильных чувств я не испытала. Нет, что-то здесь было не то!

Позже, возвратившись домой, я долго стояла перед зеркалом и, глядя на себя — «незримую», — вдруг услышала голос, обращенный лишь ко мне: «Твоя подпись была фальшивой. В ней не отражалась ты. Неужели ты думаешь, что можешь обрести *настоящее* благодаря *лжи*? Возможна ли на-

стоящая дружба благодаря фальшивой подписи? Люди, не принявшие твою настоящую подпись, не могут быть твоими друзьями».

С грустью отвернувшись от зеркала, я поплелась в свою спальню. Я больше не могла пользоваться той подписью, которую так долго «вырабатывала». Меня просто тошнило от нее. Я поняла, что «вечная дружба до самой смерти» такая же фальшивка, как и моя выдуманная «подпись», а эти мальчики не имели ни малейшего понятия о той дружбе, которую всегда искала я. Ведь я мечтала об истинной, вечной, неразрушимой дружбе, над которой не властны ни пространство, ни время! И я вновь осталась одна в своих поисках подлинной дружбы, подлинного единства. Снова одна.

— 7 —

Красный человек

В девять лет меня глубоко потрясло одно событие. Оно до сих пор не изгладилось из моей памяти. Мой любимый младший брат, которому тогда было два года, серьезно заболел, но наш семейный врач никак не мог определить причину недуга. Однажды мы с матерью стояли у изголовья кроватки, где спал мой братик. Внезапно мальчик проснулся и, испуганно уставившись на дверь, закричал: «Мама, мама! Красный Человек! Красный Человек пришел, чтобы забрать меня!» Он отчаянно замахал руками, словно пытаясь отогнать от себя кого-то, а затем снова закричал громко и хрипло: «Мама! Помоги! Красный Человек!» И упал без чувств на пол.

Мать тут же подскочила к нему и, подхватив мальчика на руки, осторожно уложила в постель. Затем она послала за доктором. Пока мы ожидали его прихода, я спросила у матери:

— Мама, а кто этот Красный Человек, которого видел мой брат?

— О, его не существует в действительности, дорогая, — ответила моя мать, — у него жар, он бредит, ему это почудилось.

Прибыл доктор и определил, что у мальчика пневмония.

Бедная, дорогая моя мама! Тебе пришлось день и ночь носить своего сына на руках три недели подряд. И все это время ты ни на миг не смыкала глаз, не отходила от него ни на минуту! С болью и состраданием наблюдала я, как сражается моя мать за жизнь своего единственного сына. И, наверное, впервые в жизни мое сердце открылось для нее, и, наверное, впервые в жизни я увидела ее *полностью* и поняла, что сердце матери соткано из чистой любви. Я тоже пережи-

вала за жизнь своего братика, каждый раз содрогаясь от ужаса, когда ему становилось хуже. И с этих пор я поняла, что принадлежу своей семье. Когда же брат выздоровел, я радовалась этому вместе со всеми. Наконец-то я начала чувствовать себя здесь как «дома».

Но Красный Человек никак не шел у меня из головы. Кто это? Мой братик видел его — что-то заставило его видеть Красного Человека. Мать пыталась успокоить меня, убедить, что он не имеет ничего общего с действительностью. Но то, что видел мой брат, оставалось для меня загадкой, на которую я никак не могла найти ответ. В то время я даже представить себе не могла, что через много лет я получу ответ. В Индии.

Через год мы переехали в другую часть города. Там было много деревьев, а дома утопали в роскошных садах. Из окон нашего нового особняка открывался прекрасный вид на горы.

Я снова стала ходить в школу, и вновь повторилась все та же история. Мои новые соученицы также не понимали меня, как я не понимала их. Они играли в куклы, что казалось мне скучнейшим занятием, а я читала книги, которые навевали на них тоску. Чем старше я становилась, тем больше читала. Я прочла взахлеб не только все детские книги, которые мы получали, но и все книги из отцовской библиотеки. Там я нашла книги, от которых меня прямо бросало в дрожь, — полное собрание сочинений Шекспира! Я глотала том за томом. Впечатление было таким сильным, что я просто не могла остановиться. Я ходила по дому как сомнамбула — ничего не видела и не слышала. Я не участвовала в застольных беседах, не слышала, когда ко мне обращались домашние, переживая судьбу героев и героинь, проигрывая в воображении сцены из только что прочитанной пьесы. Вначале я перечитала все трагедии, от которых мое сердце обливалось кровью. Затем принялась за комедии, которые заставляли меня, заливаясь смехом, кататься по софе.

Кроме сочинений Шекспира, я обнаружила еще одну подборку толстых томов, озаглавленную «Этимологические ис-

следования». Как много значили для меня эти книги! В них я нашла описание разнообразных ритуалов, относящихся к суевериям и черной магии. Но там я также столкнулась с вещами, оказавшимися исключительно трудными для моего понимания: рецептами любовных напитков и словами любовных заклинаний, загадочными ритуалами, связанными с любовью и сексом. Отчаявшись разобраться во всех этих фантастических вещах, я обрушилась на мать с расспросами.

— Мама, — спросила я, — можно ли заставить человека полюбить тебя, просверлив сквозную дыру в желтой репе, плюнув сквозь нее три раза, а затем перебросив ее через его дом? И правда ли, что если сожжешь в печке ночную рубаху девушки, а затем запечешь пепел в пироге и дашь этот пирог юноше, то он навсегда и безвозвратно полюбит девушку, которой принадлежала эта рубаха?

Мать слушала меня, не перебивая, но выражение ее лица постепенно менялось — от удивления до ужаса. Наконец она воскликнула:

— Ради Бога, скажи, где ты услышала всю эту чепуху? Ты что, беседовала с прачкой? Сколько раз я говорила тебе — никогда не обсуждай таких вопросов с кухаркой или прачкой! Кто тебе рассказал об этих ужасных вещах из черной магии? Сейчас же признавайся!

— Мама, — ответила я, чувствуя свою невиновность, — успокойся, не переживай так! Это не может быть чепухой, если ученые исследуют такие явления, отдавая им много сил и времени. Я прочла об этом в научных книгах, они называются «Этимологические исследования» и стоят папиной библиотеке.

Этого было достаточно, чтобы мать бросилась в отцовский кабинет и заперла книжный шкаф на ключ. С этих пор мне разрешалось читать лишь то, что я принимала из ее рук. Чтобы получить доступ к запретной информации, я то и дело просила мать принести мне тот или иной том энциклопедии под тем предлогом, что хочу прочесть статью о животном или растении, которое мы изучаем в школе. Когда нужный том появлялся на моем столе, я просматривала его от корки

до корки и обязательно находила в нем статьи куда более интересные, чем школьный материал. Бедная мама оставалась в полном неведении относительно того, что ее дочь — при ее же содействии! — штудирует запретные материалы по черной магии. Более того, она сама подсказала мне, к кому следует обращаться за подобной информацией. И я проводила долгие часы в беседах с прачкой, от которой узнавала леденящие кровь истории о призраках и потрясающие факты из сферы «суеверий и черной магии». Эти беседы взвинчивали мои нервы до такой степени, что я стала бояться заходить в темную комнату. Однажды дядя Стефи спросил меня, чего я боюсь.

— Да ведь там может оказаться призрак! — тут же ответила я.

— А хочешь, я научу тебя, как защищаться? Просто свистни громко, и все привидения тут же разлетятся во все стороны.

С тех пор я стала упорно учиться свистеть, но при этом жадно поглощала все новые истории о призраках. Таким образом, с одной стороны, я углубила свои познания в мистицизме низшего уровня, а с другой — научилась здорово свистеть.

— 8 —

Мне является будущее

Следующее лето мы провели на берегу большого озера вместе с родственниками. Та пора запомнилась мне из-за событий, над которыми мне пришлось задуматься лишь намного позже.

Мать все время возилась с моим младшим братом, и мне была предоставлена относительная свобода. Вместе с подругой — моей сверстницей — мне позволили гулять по лугам и совершать походы к соседним хуторам. Моя мать думала, что я играю в доме подружки, тогда как ее мать считала, что та гостит у меня. Мы же, пользуясь свободой, бродили вокруг деревни, чтобы удовлетворить свое девичье любопытство. На берегу озера стояли виллы. И однажды мы наблюдали, как цыганенок ходит от одной двери к другой, наигрывая мелодию на дудочке, а затем протягивает руку за подаянием. Тут я внезапно вспомнила, что моя бабушка заработала большие деньги, давая концерты, и подумала: а не могу ли я сама подзаработать? Моя подружка всегда соглашалась со мной. Вот и сейчас она покорно следовала за мной от одной виллы к другой, и, прося денег, протягивала руку, пока я декламировала стихи. Вначале люди смотрели на нас удивленно, но затем, когда моя союзница начинала кружиться в танце и подходила по очереди то к одному, то к другому зрителю, в нашу тарелку начинали сыпаться монеты. При этом все от души хохотали и одна дама спросила, знает ли моя мать, чем я занимаюсь.

— Нет, — ответила я, — это наше частное дело. Мама ничего не знает об этом.

— Так я и думала! — воскликнула дама. — Почему бы вам, девочки, не вернуться домой сейчас же?

К сожалению, это многообещающее начинание потерпело крах в тот же день. После того как мы окончили давать

представления, разделили деньги и разошлись по домам, я с гордостью показала матери медяки и рассказала, как их заработала. Мать чуть сознание не потеряла.

— Господи, да откуда у тебя появилась эта идея? — закричала она. — Что только люди подумают! Да ты всех нас опозорила!

— Но почему? — изумилась я. — Бабушка за деньги дает концерты, цыганенок зарабатывает, играя на дудочке, так почему же я не могу раздобыть немного денег, читая стихи?

— Попытайся понять, ты, маленький дьяволенок, что твой отец — заметная фигура в обществе. Он известен на всю страну. Ты просто не имеешь права делать подобные вещи!

— Но какое отношение имеют мои дела к заслугам отца? Я — это я, отец — это отец. И каждый занимается своим делом. Я же не занимаю высокого положения в обществе, так почему же мне нельзя подзаработать? Всякая работа честна, если ее честно делают. А я читала стихи очень красиво! — гордо завершила я свою маленькую речь.

— Да ты ничего не поняла из того, что я тебе сказала! — отрезала мать. — И в наказание за то, что ты сделала, и за то, что препиралась со мной, я запрещаю тебе выходить из сада!

Итак, конец свободе! Но на этом эпизод не закончился. Мой двоюродный дедушка, снимавший вторую половину виллы, отличался исключительным чувством юмора. Услышав, что я читала стихи в соседних виллах, он захотел, чтобы я выступила и перед ним. Наши семьи решили встретиться за столом, и дедушка предложил, чтобы я выступила после ужина. Я не возражала. Взрослые уселись кругом, я же стала в центр зала и стала читать стихи, которым нас учили в школе. Моему двоюродному деду понравилось выступление, и он захотел послушать еще.

— Но я больше не знаю стихов, — ответила я.

— Тогда расскажи нам о чем-нибудь. О чем хочешь, — сказал он.

— А можно, я расскажу истории из книги, которую получила в награду за хорошую учебу?

— Ну конечно же, — обрадовался мой двоюродный дед, — давай рассказывай!

И я начала рассказывать историю *Викария из Вэкфилда*. Но я не ограничивалась простым пересказом содержания: я входила в образ персонажей, разыгрывая эпизоды, как на сцене. Таким образом, я рассказала своим слушателям о том, что викарий из Вэкфилда вел безгрешную жизнь, что у него была дочь, Оливия, которая познакомилась с молодым человеком и убежала с ним. Я не имела ни малейшего представление о том, что означало «убежать с кем-то», и потому не понимала, почему викарий так негодовал из-за этого. Я просто рассказывала историю, прочитанную в книге, — изображала любовников, договаривающихся о тайной встрече в ночи, повторяла их нежные слова, которые они страстно шептали друг другу. Рассказывала о викарии, охваченном яростью и отыскавшем где-то ружье, и о его покорной жене, успокоившей своего супруга, вложив Библию ему в руку.

К этому времени все слушатели просто покатывались со смеху, а мой двоюродный дед, утирая слезы, попросил меня не останавливаться и продолжать рассказ о викарии. И я продолжала. Некоторые взрослые начали просто стонать от хохота. Смех стоял такой, словно я рассказывала самые забавные в мире истории. А ведь я пересказывала трагедию!

Когда же я, наконец, окончила, мой двоюродный дед, ухватив меня за руку, подтянул к себе и спросил:

— Где ты наслушалась всех этих историй?

— Да, — тут же откликнулась моя мать, — именно об этом хотела спросить тебя и я!

— Я узнала их из книги, которую мне подарили в школе, — простодушно отвечала я.

— Ничего себе! — воскликнула чуть-чуть шокированная, но все еще хохочущая мать. — Как эти люди в школе могут дарить подобные книги детям?

— Успокойся, Лилиан! — ответил мой двоюродный дед. — Они просто не читали эту книгу сами. А потому решили, что книга о викарии должна быть поучительной и совершенно безобидной для ребенка. Они даже не представля-

ли, что проповедники могут иметь дочерей. Но ничего, Лилиан, не переживай, и пусть девочка расскажет нам в другой раз еще какую-нибудь историю. То, что запало ей в память, там и останется. А я уже давно так не смеялся!

С этого дня я устраивала подобные представления каждый вечер. Вскоре моя аудитория расширилась, и кроме родственников в нашем доме начали собираться друзья семьи, специально приходившие сюда, чтобы послушать меня. Я пересказывала все, что читала. Шекспировские трагедии не были исключением, и меня снова изумила реакция взрослых: у них животы надрывались со смеху, когда я декламировала последние слова покинутого и преданного Короля Лира! Когда же очередь дошла до *Ричарда Третьего* и я стала разыгрывать сцену, где все герои гибли по очереди, взрослые просто чуть не попадали со стульев, глядя на мое лицедейство.

«Как люди могут смеяться, — недоумевала я, — когда речь идет о столь трагических событиях. Когда герои умирают? Это ведь не смешно! Это ужасно!» И я продолжала давать представление с совершенно серьезным видом.

Как часто в последние годы я вспоминала ту маленькую девочку, рассказывающую все эти истории так убежденно и так серьезно! Да, уже тогда стала вырисовываться моя дальнейшая судьба — способность выносить на общее обозрение сокровенные вещи, божественные откровения. И говорить об этом серьезно, какой бы ни была реакция окружающих. Я говорила истину лишь *ради истины*, и лишь один слушатель — *Бог* — значил для меня все.

Лето пролетело, и мы возвратились домой. Зимой я приняла решение больше не носить девичьих платьиц, а одеваться как клоун. Я просто не могла отделаться от чувства, что я совсем не тот ребенок, которым меня привыкли считать. Я — совсем другой человек. И хотя я перестала говорить об этом чувстве, оно продолжало жить во мне, оно становилось даже более сильным, погружаясь в глубины подсознания. Я впилась в мать, словно клещ, и изводила ее просьбами сшить мне клоунский костюм до тех пор, пока она, устав отвечать «нет», не сшила-таки мне его из ярких лоскутов тка-

ни своими собственными руками. В придачу она даже купила два клоунских колпака, и я стала разгуливать по дому в новом наряде. Мне так нравилось кататься на трапеции или раскачиваться на кольцах — я пыталась повторять все трюки, которые видела в цирке. Свесившись вниз головой и видя перед собой перевернутый мир, я чувствовала себя свободной.

Тогда я и не догадывалась, что психологи называют клоуном «человека, изменяющего свой образ».

Кроме любительских акробатических номеров я стала осваивать необычные позы. Вначале близкие удивлялись всему этому и смеялись надо мной, но затем все стали изумляться тем «комическим» позам, которые мне удавалось принять. Где бы я ни появлялась, меня просили продемонстрировать свое искусство, и я легко и естественно принимала необычные позы, даже не задумываясь, где я могла им научиться. Я просто знала, что благодаря им мое самочувствие улучшается и что при определенном положении тела моя способность воспринимать новую информацию возрастает. Когда я начинала чувствовать усталость, я садилась «по-особенному» и усталость тут же исчезала.

Домашние смеялись над моими «безумными» привычками, но мать постепенно смирилась с тем, что постоянно застает меня в какой-то «невозможной» позе. Поначалу она пыталась воспитывать меня и уговаривала «быть хорошей девочкой»: сидеть ровно на стуле, а не стоять на голове или забрасывать ноги за плечи. Но вскоре она поняла, что бороться с этим бесполезно, и оставила меня в покое.

Для меня же эти позы были чем-то совершенно естественным. Они жили у меня в крови, я принимала их, совершенно не задумываясь. И вновь меня поразила реакция людей: то, что казалось таким близким мне, вызывало у них недоумение. Однажды, когда во время летних каникул мы гостили у тети Рафаэлы, там оказался человек, объездивший, по словам дяди Фердинанда, весь Дальний Восток и знающий самые невероятные истории об этих местах. Нас представили ему, и тетя Рафаэла, как обычно, стала говорить о наших

талантах. Она рассказала, какие странные позы принимаю я и как могу сидеть со скрещенными ногами, на что способны разве что «гуттаперчевые люди» в Индии.

Я тут же легла на пол (так как всегда испытывала чувство неловкости, когда обо мне говорили в моем же присутствии) и, желая спрятать лицо, изогнула шею так, что моя голова полностью скрылась от глаз окружающих. Со стороны должно было казаться, что она просто отсечена от плеч. Все дружно засмеялись. Тогда я приняла еще несколько «сложных» поз, которые доставляли мне такое удовольствие! Но странный гость наблюдал за мной с величайшим вниманием. На его лице не появилось и тени улыбки. Наконец он воскликнул:

— Да ведь это же настоящие *упражнения йоги*! Где ты научилась им, дитя?

Я не знала, что значит слово «йога», и сказала, что меня им никто не учил, а делаю я эти упражнения, потому что после них чувствую себя лучше. Но гость не мог поверить этому и продолжал вопросительно смотреть на меня, покачивая головой.

Расспросы взрослых скоро наскучили мне, и я почувствовала радость, когда мать сделала нам знак удалиться в детскую. Там мы начали играть, и слова гостя полностью вылетели у меня из головы.

Лишь многим позже, когда ряд таинственных событий и загадок, казавшихся неразрешимыми, стал проясняться для меня, этот эпизод припомнился мне в деталях и слова путешественника воскресли в моей памяти. Тогда я поняла, где научилась упражнениям, которые практиковала с детства и которые наш необычный гость назвал «упражнениями йоги». Я поняла, что стала выполнять их из-за *привычки*, укоренившейся во мне давным-давно, когда я проделывала их изо дня в день на протяжении многих лет в индийском храме. Они были отражением моего далекого прошлого и предвестником событий близкого будущего. Тогда я не знала, что гораздо позже, достигнув зрелого возраста, я стану обучать этим упражнениям других людей.

— 9 —

Испытание любовью

Годы пролетали стремительно. Я росла и взрослела. Мне нравилось читать книжки, в которых описывалась любовь, и я погружалась все глубже в свой внутренний мир. Мечтая о будущем, я рисовала в своем воображении благородного мужа, который будет прекрасно понимать меня. Таким образом, книги стали все меньше занимать мои мысли, а юноши — вызывать во мне все больший интерес. Юноши, в свою очередь, стали проявлять интерес к моей персоне. Тщетно пыталась мать воспитать меня скромной, благочестивой девушкой. Я с детства обладала даром привлекать к себе людей. Но по глупости своей я считала, что мальчики и юноши тянутся ко мне из-за излучаемого мной обаяния. Увы, нам всегда приходится расплачиваться за свою духовную несостоятельность, и позже я почти потеряла физическое зрение из-за того, что в юности отказывалась видеть правду. Со временем я поняла, что мой дар притягивать к себе людей не должен служить моим личным целям, и направила его на помощь людям.

Но тогда все мои мысли вертелись лишь вокруг собственной персоны, и я надеялась найти счастье в семейной жизни. И я прошла сквозь множество испытаний этого мира: я любила и была любимой, но все мои радости и печали стали лишь прелюдией к моей настоящей судьбе.

На протяжении шести лет взаимоотношения с одним человеком играли особую роль в моей жизни — они начались, когда мне было тринадцать, и завершились, когда мне исполнилось девятнадцать лет. Сейчас, оглядываясь назад, я называю этот период «школой по воспитанию непреклонной силы воли». Моя судьба «знала», что это оружие пригодится мне в жизни. В тринадцать лет я познакомилась с молодым

человеком, чьи незаурядные качества выделяли его из общего окружения. Его характер был соткан из честолюбивого устремления ко всему лучшему и высшему в жизни и невероятного, почти патологического эгоизма и жажды власти. Он любил меня — по крайней мере, он так говорил, — но больше всего на свете он любил себя и хотел превратить меня в свою покорную рабыню. Наши взгляды на мир оказались очень схожими, а искусство значило очень много как для меня, так и для него. Это дало ему повод думать, что он нашел для себя идеального партнера, родственную душу, и надеяться, что со временем ему удастся превратить меня в высококультурную, рафинированную и абсолютно покорную жену.

Он считал, что сможет быстро подавить мое независимое мышление, и приносил мне великолепные книги о музыке, живописи, истории, самые лучшие литературные произведения классиков и современных писателей. При этом он настаивал, чтобы я читала литературу в оригинале. Поскольку простое зубрение языков казалось мне чрезвычайно нудным, он находил время изучать языки вместе со мной. Он также пригласил для меня лучшего преподавателя фортепиано. В общем, он сделал все возможное, чтобы я получила великолепное образование. Мать решила, что он — ангел, посланный на землю, чтобы помогать ее дочери в обучении. Языки всегда давались мне с трудом. Лучшие репетиторы тщетно пытались помочь мне. Я наотрез отказывалась заучивать длинные столбцы незнакомых слов. А этот юноша приносил мне немецкую, французскую и английскую литературу: газеты, журналы и пьесы. Он читал их вслух при мне, помогая преодолеть языковый барьер. Все это было прекрасно, но я постоянно чувствовала, что он пытается подчинить себе мою волю. Почти сразу же после нашего знакомства он заявил, что я должна стать его женой и он хочет, чтобы я приучила себя к мысли, что буду *его собственностью*. Прежде чем открыть книгу, я должна была показать ее ему и получить разрешение на чтение. Он также запрещал мне дружить с кем-либо, не получив его одобрения.

Подобно другим молоденьким девушкам, мы с сестрой ходили в танцевальную школу. Я очень любила танцевать и не меньшее удовольствие получала от общения с молодыми людьми, ходившими на танцы. Мне также нравилось ходить на каток. И то, и другое оставляло моего «попечителя» совершенно равнодушным. Я была молода и хотела танцевать, кататься на коньках и общаться с молодыми людьми. Он же ревновал, и его ревность не знала границ. Но хуже всего было то, что ревность шла рука об руку с жаждой власти.

Поначалу мне льстило сознание того, что столь известный и почитаемый в обществе человек избрал своей будущей женой меня, маленькую девочку. Он был прекрасным собеседником, и я могла подолгу слушать его, ловя каждое слово. Мне нравилось, что он относится к вопросам любви и дружбы так же глубокомысленно, как и я. Но при этом меня не оставляло ощущение того, что он систематически и методично пытается навязывать мне свою волю. Его воля сжимала меня все сильней и сильней — словно стальная лента, и его внимание в конце концов стало вызывать раздражение. И началась схватка — незримая схватка между двумя душами! Осознавая, что я выхожу из-под его контроля, он со все возрастающим упорством пытался укротить меня. Когда мне исполнилось семнадцать, он захотел, чтобы наша помолвка была официально объявлена, и послал своего отца к моему. Мой отец не пришел в восторг от такой перспективы. Впоследствии он признался мне, что его изумила агрессивная настойчивость моего жениха, но он не хотел навязывать мне свою волю. Он считал, что каждый волен принимать решения самостоятельно — даже его собственные дети, — и потому скрепя сердце дал согласие.

Я надеялась, что ревность моего жениха утихнет после помолвки. С каждым днем мое тело развивалось и становилось все привлекательнее для мужчин, и с каждым днем его ревность становилась все более сильной. Он изводил меня невыносимыми сценами, которые могли длиться несколько часов. Затем он впадал в другую крайность — падал передо мной на колени и просил прощения, клянясь, что такое боль-

ше никогда не повторится. Для меня все это было невыносимо. Никогда прежде я не сталкивалась ни с чем подобным. Мой отец обладал огромной внутренней силой — он просто излучал ее, естественно и непроизвольно. И он никогда не пытался навязывать свою волю другим. Он уважал свободу каждого человека и не рассчитывал на то, что ему будут слепо подчиняться. В то время отец занял очень высокую должность. Да, моя детская мечта сбылась — никто не мог приказывать ему, у него не было начальника. Но он никогда не тиранил и не подавлял своих подчиненных. Он был подобен несокрушимой башне — и дома, и на работе. Сотни сотрудников и все родственники искали его поддержки. Он был великодушен и всегда стремился всем помочь. Немудрено, что девочка, росшая рядом с таким отцом, считала, что все мужчины должны походить на него. Ни мне, ни моей сестре не были известны такие вещи, как эгоизм и беспринципность, — мы росли в здоровой атмосфере бескорыстия и любви. Я не представляла, что в мире существуют садизм и мазохизм, столь ярко проявившиеся в ссорах, затеваемых моим женихом! Мне нужна была свобода! Свобода!

Однако долгое время я не могла сопротивляться его воле. Прирожденные искренность и правдолюбие наряду со способностью понимать и принимать слабости других людей долгое время удерживали меня от решительных действий. Но все эти годы моя воля крепла, и я задала себе вопрос: зачем я терплю все эти пытки?

Однажды я сказала ему, что хочу быть свободной. Он не поверил, что я говорю всерьез. Между нами началась отчаянная борьба, и я почувствовала, что его воля все еще сжимает меня стальным кольцом. Но сила рождается в борьбе, и вот однажды я поняла, что моя воля сильнее, чем его. Набравшись решимости, я заявила, что не желаю становиться его женой. Последовал ряд бурных сцен, но на меня больше не действовали подобные доводы. Мне было жаль его, и в то же время я утратила к нему всякое уважение. Его поведение было смешным — деспотичным и малодушным одновременно. Тогда я еще не знала, что эти две черты неразрывно

связаны между собой. Пожалуй, их можно назвать двумя аспектами одной и той же болезни. Я чувствовала, что этот человек глубоко несчастен и неизлечимо болен, а я хотела быть свободной. С огромным трудом я освободилась от гнета его воли.

Я все рассказала своим родителям. Они не были удивлены. В один прекрасный день, когда мне уже исполнилось девятнадцать, я отправилась в другой город к кузине моей матери — красавице тете Рафаэле.

Помолвку я разорвала.

— 10 —

Первая встреча со смертью

Еще с детских лет каждой весной я становилась бледной и легко уставала. Лучшим лечением для меня были поездки к тете Рафаэле. Она вместе со своей семьей жила в горах, и сочетание горного воздуха с той атмосферой мудрости и подлинной набожности, царящей в доме моей тетушки, вскоре приносили мне исцеление. Здесь, в этой тихой и скромной обстановке, я чувствовала себя очень хорошо и неизменно возвращалась домой отдохнувшей, окрепшей и полной энергии.

После того как помолвка была разорвана, я отправилась в гости к тете. В то время она уже овдовела и жила одна со своей дочерью. Она радостно встретила меня, и я смогла в полной мере насладиться миром и покоем. Я чувствовала себя словно воздушный змей с порванной бечевой, воспаривший ввысь — в бесконечность. Что за чудесная весна выдалась в этот год! Тетя, как всегда, понимала меня полностью. Ее комментарии были точны и мудры. Позже она никогда не возвращалась к этой теме. Я чувствовала себя в ее доме совершенно свободной. Она позволяла мне уходить и возвращаться в любое время. Я подолгу бродила по холмам и лесам, сливаясь с природой и чувствуя ее каждой клеточкой своего тела. Именно в это время, когда счастье и покой наполняли до краев мою душу, а будущее казалось великолепным, я впервые встретилась со смертью!

Как-то раз я забрела на пшеничное поле. Мои матримониальные планы недавно потерпели крах, и я решила спокойно постоять несколько минут, рисуя в воображении свое будущее. Прежде всего — говорила я себе — мне нужно стать пианисткой, как бабушка. Затем — я собираюсь выйти замуж за здорового, веселого, *нормального* мужчину и завес-

ти детей. Потом мои дети вырастут, и, возможно, у меня появятся внуки. А что потом? Потом я стану старой — и умру.

Смерть! Это конечная цель и направление всего нашего пути. Но для чего тогда вся эта возня, все это беспокойство? Зачем мне учиться игре на фортепьяно, зачем становиться великим музыкантом? Есть ли хоть малейший смысл в том, чтобы эти кости, обтянутые кожей, виртуозно стучали по клавишам? Каждый человек рано или поздно должен умереть, так какая разница, прожил он жизнь хорошо или плохо, был он знаменит или безвестен, честен или лжив? Зачем мучиться, бороться, растить детей, страдать и радоваться, если в конце пути нас ждет смерть? Я бы с большим удовольствием умерла прямо сейчас!

Эти мысли были страшными, почти невыносимыми, и мне показалось, что мир стал черным и пустым. Прислонившись к дереву, я посмотрела вниз, в долину, где ютились крохотные домики, полные живущих в них людей. Отсюда люди казались муравьями. И все эти существа жили и боролись за любовь и деньги. У каждого были свои проблемы. Каждый из них нес свой крест и относился к этому невероятно серьезно. Но зачем? Зачем все это, если смерть решает все проблемы, навсегда исцеляет от всех страданий и печалей? К чему же мы стремимся? Что мы получаем от жизни? *Смерть!* Смерть для всех. Будь ты королем или нищим, конец для всех один — *смерть*!

Меня охватила паника. Нет! Я не могу жить с этой мыслью! Не могу любить, радоваться, учиться. Все на свете лишено смысла! Лучше покончить с собой прямо сейчас, чтобы *не идти покорно к смерти, ждущей меня в конце жизни*! Но дьявольский саркастический голос захохотал над самым моим ухом: «Ха-ха-ха! Вот уж глупость, так глупость! Ты хочешь убить себя, чтобы не умирать? Ты действительно думаешь, что можешь обмануть смерть? Да ведь ты здесь, здесь — на земле, в человеческом теле. Ты не можешь уйти отсюда, минуя смерть. Если же ты убьешь себя, как тебе хотелось минуту назад, конец наступит раньше. Мгновенная смерть!

Смерть без отсрочки, не «когда-нибудь позже», а прямо сейчас! Неужели не ясно? Пока ты здесь, в этом теле, ты никуда не можешь уйти, не умирая! Ты узница, понимаешь? Узница! Лишь пройдя сквозь портал смерти, ты можешь освободиться от тела! Иначе тебе не уйти. Тебе не уйти от смерти! Ха-ха-ха!»

Я попыталась привести свои мысли в порядок. Да, это правда. Я в ловушке, и самоубийство ничего не решит. Что же делать сейчас? Найти сомнительное утешение в мысли, что я пока еще молода и смерть мне еще не грозит? У меня прекрасное здоровье и все мои предки доживали до глубокой старости. Это придало мне храбрости. А пока наступит старость, может многое произойти. Ученые постоянно делают новые открытия. Возможно, к тому времени они откроют секрет *бессмертия*. Я уцепилась за эту мысль, как за спасательный круг. Она дала мне силы, чтобы жить, желать, работать и мечтать.

Я оказалась права. Секрет бессмертия был открыт. Но тогда я еще не знала, что это открытие предстоит сделать *мне самой*. Я поняла, что *смерти не существует*, что все люди — и я в их числе — бессмертны! Но каждый должен открыть бессмертие для себя и в себе. Никто другой не сделает этого за вас. Если же эта истина не открылась человеку — не важно, скольким людям она известна, — бессмертия для него существовать не будет. Каждый человек должен прийти к пониманию того, что смерть — не что иное, как сама жизнь, и что он вовсе не должен умирать, более того, он просто *не способен умереть*! Это невозможно!

Но тогда я еще ничего этого не знала. Для меня смерть была огромной черной стеной, о которую я со страшной силой билась головой. Но я была юной и быстро успокоилась. Я приняла решение (насколько это возможно) не думать пока о проблеме смерти. Эти мысли лишали меня сил, а я собиралась составить планы на будущее.

Обычно все решения, касавшиеся моей жизни, я принимала сама. Мой отец никогда не вмешивался в мои девичьи дела. Он был так занят на службе, что просто не находил

времени для общения с семьей. Мы встречались только за столом, где я делилась с ним проблемами, связанными с моим предполагаемым замужеством. Мать любила меня, как любила всех своих детей, но понимать меня она начала лишь намного позже, когда мы расстались с ней на долгое время. Тогда же она хотела сделать из меня такую же примерную жену и домохозяйку, какой была сама, и я тоже некоторое время видела в этом цель моей жизни. Только вот пути достижения этой цели, которые рисовала в своем воображении моя мать, были для меня неприемлемы. Мой жизненный путь должен был быть избран лишь мной, и я не могла следовать советам матери. Она хотела превратить меня в нежную чуткую жену и мать, тогда как я собиралась до последнего вздоха, до последней капли крови посвятить себя музыке и искусству. Таким образом, я была предоставлена самой себе и собиралась самостоятельно, ни с кем не советуясь, пробивать дорогу в жизни. Я решила получить образование в музыкальной академии и, сдав выпускные экзамены, получить диплом. Отец часто говорил: «Ты не должна обманываться, забывая о превратностях судьбы лишь потому, что сейчас в твоей жизни все складывается хорошо. Земные блага могут быть легко уничтожены. Лишь то, чему ты научилась, никто у тебя не отнимет. Учись, заканчивай академию и получи диплом. Если все будет идти хорошо, он будет покоиться в ящике. Если же твоя жизнь драматически изменится, как знать, может, диплом поможет тебе заработать на пропитание!»

Ах, отец, отец, какой ты был замечательный, мудрый и бескорыстный человек! Этот совет оказался для меня бесценным. В то время никто из нас не мог представить, что жизнь может обернуться к нам другой стороной, и мы воспринимали твои слова как нотации строгого учителя. Как часто я вспоминала этот совет во время войны, когда все, чем мы владели, было уничтожено и я осталась без средств к существованию, одна, с беспомощным раненым мужем. Нас спасло лишь то, чему я *научилась*, то, что я *знала*, то, что я несла *в себе*. Но тогда, на горе, устремив взгляд вперед, я мечтала о

будущем, и мне даже в голову не могло прийти, что в действительности уготовила для меня судьба. Но я чувствовала, что должна следовать твоему совету.

Вернувшись домой, я открыла новую страницу в своей жизни, сконцентрировав все свои помыслы, всю свою энергию на главной цели — получении диплома учителя музыки. Все остальное я препоручила судьбе.

— 11 —

Первые картины будущего

В течение последующих шести лет произошли удивительные и значительные события, оказавшие влияние на всю мою дальнейшую жизнь и навсегда определившие ее направление. Благодаря им мое внимание оказалось сфокусированным на том, что скрыто под внешней оболочкой обычного человеческого существования, — на неведомом мире бессознательного человеческого *Я*.

Мне было пятнадцать лет, когда впервые проявилась моя способность время от времени видеть во сне картины будущего. Они отличались большой достоверностью, словно это была точная копия реальных событий. И всегда это происходило одинаково: вначале во сне я видела хаотическую смесь обрывочных картинок. Затем словно распахивался занавес, и передо мной проходила вереница красочных, целостных и динамичных картин, объединенных логической связью. Они были отчетливыми и яркими, как наяву.

В своем первом таком сне о будущем я увидела родительскую ванную, где молодой человек держал на руках новорожденного младенца. Младенец был синий, словно погибал от удушья, и молодой человек (видимо доктор) пытался заставить его дышать. Рядом стояла ассистентка, готовая в любую минуту прийти на помощь. Доктор опустил ребенка в ледяную воду и тут же окунул в теплую. Затем перевернул вниз головой и начал раскачивать в разные стороны. Когда ребенок наконец издал первый крик, все мы, стоящие рядом, облегченно вздохнули. Отец, находившийся у открытой двери, бросился прямиком в спальню и, упав на колени у кровати, зарылся лицом в одеяло у ног матери. Он плакал. Я впервые слышала рыдания сильного мужчины. Мать была очень бледна, она слабо улыбнулась и с нежностью погладила отцовские черные волосы. Скоро отец пришел в себя и вышел

в другую комнату, где тетя Рафаэла и ее дочь ждали момента, когда можно будет зайти к матери. В своем сне я могла одновременно видеть все комнаты, что, разумеется, в реальной жизни было невозможно. И еще одна вещь поразила меня: передав младенца своей ассистентке, врач вышел из ванной комнаты каким-то странным, скользящим шагом. Я обратила внимание на его курчавые, блестящие светлые волосы и услышала, как он говорил на ходу: «Матери и ребенку уже ничего не угрожает, но сейчас им обоим нужен полный покой. Если к ним кто-нибудь войдет, я не могу гарантировать, что они, учитывая их ослабленное состояние, не подхватят инфекции».

На следующее утро я побежала к матери и рассказала ей о своем сне. Та засмеялась и ответила:

— Да, чего только не приснится! Нет уж, хватит детей! А что делала в нашем доме тетя Рафаэла? Ведь она даже здесь не живет. И кто этот симпатичный молодой белокурый доктор, который ходит, словно по льду скользит? Все эти сны о привлекательных молодых людях кажутся мне весьма подозрительными!

— Не знаю, кто он, мама, но в своем сне я видела его именно таким.

Позже, когда вся семья собралась за обедом, мы поговорили об этом сне еще немного, но вскоре забыли о нем и больше к этой теме не возвращались.

Через полгода мать внезапно занемогла. Она не могла ничего есть, и врачи заподозрили, что у нее открылась язва двенадцатиперстной кишки. Ей порекомендовали пройти обследование рентгеном. Но на рентгене ничего не обнаружилось. Тогда наш врач посоветовал ей обратиться к знаменитому гинекологу. Осмотрев пациентку, старик-профессор громогласно изрек: «Примите мои поздравления! Конец мучений ознаменует крещение!» — и добродушно рассмеялся.

Мать возвратилась домой удрученной. Ей исполнилось тридцать девять лет, и у нее уже было трое детей. Однако понемногу она успокоилась и через шесть месяцев (ровно через год после моего сна!) родила ребенка. Старик-профес-

сор порекомендовал матери молодого доктора, который, несмотря на возраст, благодаря своим способностям успел заслужить отличную репутацию. Когда же ребенок появился на свет, врач испугался, что тот умер от удушья. Потребовалось двадцать долгих минут нечеловеческих усилий, чтобы ребенок сделал первый вдох. Отец так измучился, наблюдая за действиями врача, что, как только опасность миновала, бросился в комнату матери и упал на колени перед ее кроватью. Такой сильный человек плакал словно ребенок. Тетя Рафаэла и ее дочь заехали к нам по дороге в Италию. Они провели в нашем доме два дня, и ребенок родился как раз накануне их отъезда. Когда молодой доктор вошел в комнату, я увидела, что у него длинные светлые вьющиеся волосы и странная скользящая походка. Тут-то он и произнес те самые слова, которые я уже слышала — все было *в точности как в моем сне*! Мне показалось, что я заранее увидела отдельные кадры из фильма, который все мы просматривали в этот момент.

С тех пор я стала часто видеть события будущего во сне. Они являлись мне в мельчайших деталях. Поначалу это всегда происходило во время сна, при этом мне казалось, что раздвигается занавес. Однако позже я научилась входить в подобные состояния намеренно, благодаря волевому усилию, при этом не засыпая. Но эта способность проявилась лишь через много лет.

Наша новая малютка-сестра, казалось, приходится моим родителям внучкой. Грет было девятнадцать, мне шестнадцать, а брату исполнилось девять лет. Она стала всеобщей любимицей. Но, проявляя к ней повышенное внимание, родители почти позабыли о нас с Грет, и мы часто страдали от одиночества. В течение нескольких лет мы выходили на каток, посещали друзей и ходили на концерты лишь в сопровождении гувернантки. Сейчас мать отдавала столько же сил малышке, как некогда отдавала их нашему младшему брату. Стоит ли удивляться тому, что родители мало интересовались моими делами, даже тогда, когда узнали о моей размолвке с женихом. Мне предстояло вести борьбу самостоятельно, не рассчитывая ни на чью помощь.

— 12 —

Прошлое просыпается

Настало лето, я возвратилась домой от тети Рафаэлы. Мне было девятнадцать лет, и я хотела насладиться свободой. Наконец-то я могла говорить с молодыми людьми, не опасаясь, что за этим последует ужасная сцена ревности. Вернувшись, я первым делом направилась на теннисные корты. И в первый же день я познакомилась там с очень привлекательным подтянутым юношей. Его манера вести себя и говорить сразу же очаровала меня. Его голова была красивой формы, а худощавое мускулистое тело было облачено в безукоризненно белую тенниску и спортивные брюки. Мне он сразу понравился, и я, казалось, вызвала у него взаимный интерес. На третий день нашего знакомства одна из теннисисток с размаху стукнула ракеткой по голове мальчика, подающего мячи. Бедняга разразился плачем, и мой новый знакомый, оказавшийся сострадательным юношей, отбросил свою ракетку в сторону, подбежал к мальчику и, подняв на руки, стал утешать его. Он не обращал ни малейшего внимания на то, что мальчик может перепачкать его безукоризненно белый спортивный костюм. Он думал только о ребенке — гладил его по голове, говорил ласковые слова, а затем дал ему немного денег. Малыш тут же успокоился, на его лице засияла улыбка, и он помчался к ближайшему киоску покупать сласти. Эта сцена совершенно пленила меня.

«Неужели, — думала я, — еще существуют на свете юноши, которым не чуждо сострадание?»

И я почувствовала, что влюбляюсь. Мы обручились этой же зимой. Мы полюбили друг друга глубоко и страстно. И я не могла дождаться того времени, когда наконец стану его женой и мы будем принадлежать друг другу душой и телом. Отец хотел, чтобы перед замужеством я завершила учебу в

академии, а до выпускных экзаменов оставался еще год. И нам пришлось ждать. Я играла по пять часов в день, учила законы гармонии и делала все, чтобы успешно сдать экзамены. Мой новый жених проводил все вечера в нашем доме.

Однажды вечером я отправилась в свою спальню и, как только легла в кровать, тут же заснула. Сны были бессвязными и лишенными смысла, но вдруг я услышала ритмично повторяющийся хлопающий звук. Он становился все более громким, и я проснулась. Открыв глаза, я обнаружила, что звук доносится от хлыста надсмотрщика, идущего рядом со мной и следящего за тем, чтобы рабы шли в ногу. Я же полулежала на чем-то, напоминающем сани, медленно скользящие по рельсам. Я понимала, что меня увезли из дому. В моих ушах еще звучит хлопок закрывшейся двери. Я хочу соскочить на землю и бежать, но не могу пошевелить ни рукой, ни ногой, так как спеленута от шеи до пят. Я неподвижна, словно мраморная статуя. Мои руки скрещены на груди, а ноги вытянуты вперед. Я не могу вертеть головой, и мне приходится смотреть лишь вперед или вверх. Глядя вперед, я вижу голые спины мужчин, медленно, но безостановочно тянущих меня куда-то. Впереди маячит белое каменное здание, в стене которого чернеет проем. Рабы продолжают тянуть меня, и белое здание все четче вырисовывается на фоне синего неба, а черный проем все увеличивается и увеличивается.

Синее небо такое глубокое, что кажется почти черным. Надо мной кружат две крупные птицы. Журавли? Аисты? Каменное здание все приближается, а черный проход зияет все шире. Теперь я узнаю это место! Мы в Городе Мертвых, и это *гробница*. Мы прибыли, и рабы растворились в темноте. Сейчас пещера поглотит меня. После слепящих солнечных лучей, оставшихся снаружи, весь мир кажется темным. Все исчезает. И вот я погружаюсь во мрак! Меня охватывает ужас, и я повторяю один и тот же вопрос: «Сколько я должна оставаться здесь?» И мне отвечает знакомый голос. Спокойно и безмятежно сообщает мне он свою неумолимую волю:

«Три тысячи лет». Меня охватывает ужас, и я куда-то проваливаюсь.

***

Кто-то с силой трясет меня за плечо. Я поднимаю веки и встречаюсь взглядом с глазами сестры. Ее пальцы впились в мое тело, а на лице написан ужас.

— Ради Бога, — кричит она, — что с тобой происходит? Почему ты сидишь неподвижно, глядя куда-то в пустоту, и при этом жутко стонешь, словно вот-вот умрешь? Ты заболела? Может, позвать мать?

Я хочу ответить ей, но не могу выдавить из себя ни слова. Страшная сцена, которую я только что пережила, парализовала меня. Я вытягиваю руку и пытаюсь сказать что-то успокаивающее, но из груди вырывается только стон. Затем я падаю на кровать и пытаюсь собраться с мыслями, но и это оказывается мне не по силам. Я лежу, охваченная паникой. Лишь через несколько минут сердце начинает биться в нормальном ритме, и я осознаю, кто я такая и где я нахожусь. Грет все еще стоит у моего изголовья. Заметив, что я стала приходить в себя, она повторяет вопрос:

— Тебе нужна помощь?

— Нет, нет, все в порядке, — наконец-то мне удается выдавить из себя первые слова.

***

Утром я попыталась собраться с мыслями и разобраться в том, что произошло ночью. Что же я видела? Что пережила этой ночью? Это так походило на сны о будущем, но вряд ли это было мое будущее. *Когда я видела будущее во сне, я оставалась собой, но здесь я была совершенно иным человеком*! Я долго всматривалась в свое отражение в зеркале, размышляя над тем, как в одном человеке могут совмещаться две совершенно разные личности. Ведь я нахожусь здесь, вижу себя в зеркале, но все же *где-то я существую в совершенно ином образе, и этот образ я видела в огромном серебряном зеркале. Да, я отражалась в нем, когда была совершенно иной личностью*!

Я — существо, которое находится здесь, но в то же время я — существо, погребенное в гробнице. На несколько минут я ощутила себя ясно осознающей свое место в жизни, знающей наверное, кто я и откуда. Вдруг в памяти возникли воспоминания о другой моей жизни и доме. Я осознала, что еще в раннем детстве искала этот дом, который был моим настоящим домом, и знала что «Великий» — мой отец и муж — и есть мой «настоящий отец». С годами я привыкла к своему нынешнему положению и стала воспринимать своих отца и мать как настоящих родителей. Однако эти странные воспоминания не изгладились полностью, и сейчас они стали еще более сильными. И все же меня удивило то, что вещи, казавшиеся прежде совершенно нормальными, теперь представлялись абсолютно ненормальными. Две концепции резко противоречили друг другу. Например, мне казалось совершенно естественным то, что меня почитают как дочь и жену моего отца — Фараона. Но сейчас, когда я задумывалась над этим фактом, он казался мне шокирующим с точки зрения моральных устоев современного общества. Тогда же это было совершенно естественной вещью: если жена Фараона умирала и у него не было сестер, Фараон должен был брать в жены собственную дочь. Он не мог поставить женщину, не принадлежащую к семье Фараона, выше своей ближайшей родственницы. И если других женщин из семьи больше не оставалось, то кто же еще мог восседать рядом с ним на троне, облачившись в царские регалии, как не его собственная дочь? Ввести женщину более низкого происхождения в семью Фараона было бы просто безнравственно. Я вспомнила многие вещи, особенно хорошо я вспомнила храм, в который часто ходила. Но кое-что я вспомнить не могла. Например, я не помнила, почему меня, спеленав, отвезли в гробницу? И кому принадлежал голос, который я там услышала? Эта часть моей жизни была скрыта от меня какой-то преградой. И когда я пыталась вспомнить все до конца, меня отбрасывало назад, словно ударом электрического тока. Я не могла проникнуть сквозь эту преграду!

Когда следующим утром мы собрались все вместе за завтраком, я обратилась к отцу:

— Папа, в школе мы учили, что пирамиды были гробницами древних царей. Но это неправда! Далеко не все пирамиды предназначались для погребения, некоторые были построены для иных целей. Мертвых хоронили в специальном месте — в особом городе, предназначенном для захоронений. Их везли в этот город на приспособлении, напоминающем большие сани, и хоронили в больших каменных зданиях, закрывая вход огромным камнем.

Отец изумленно посмотрел на меня и ответил:

— Откуда ты узнала об этом? Пока все ученые сходятся на том, что пирамиды служили исключительно для погребения фараонов, и никто не упоминал ни о каком «городе мертвых».

— Но я уверена, что было так, как я говорю, отец, — сказала я, так как верила в правдивость сна.

— Ну, тогда объясни, откуда ты узнала об этом, — сказал он. И все члены семьи с любопытством воззрились на меня.

— Просто знаю. Знаю, но не могу объяснить.

И я стала рассказывать им о своем видении. Отец слушал меня внимательно и обратил внимание, что, дойдя в своем рассказе до того места, когда меня завезли в гробницу, я не смогла сдержать дрожь. Поняв, что я рассказываю о событиях, известных мне не понаслышке, отец сказал:

— Недаром устами Гамлета Шекспир изрек: «Гораций, в мире много кой-чего, что вашей философии не снилось»*. Сейчас модно говорить о генетической памяти, но я не верю в эти рассуждения. Интересно, как они представляют себе, что память множества поколений помещается в одной крохотной живой клетке! Ученые создают великие теории, которые опровергаются через каждые двадцать лет. И я не советую тебе относиться всерьез ко всему этому. Постарайся забыть о своем сне или о своем видении, как ты это называешь. Это может нарушить твое психическое равновесие. Возможно, ты просто прочла об этом в какой-нибудь газете?

---

* Перевод Б. Пастернака.

— Нет, папа, кроме того, чему нас учили в школе, я никогда ничего не слышала и не читала о Египте. Эта тема никогда меня не интересовала раньше. Но в школе мы учили совершенно другие вещи, чем те, что я пережила в видении. Я не могу объяснить, что именно могло означать все это, но я уверена, что все факты верны до мельчайших деталей. Я также уверена, что та женщина действительно существовала, хотя не знаю, как объяснить то, что ею была я. Возможно, человек живет не один раз?

— Пожалуйста, принеси фруктов, — сказал отец, обращаясь к матери.

Ваза с фруктами появилась на столе, и разговор перешел на другую тему. Эти вечером, укладываясь в постель, я подумала: не повторится ли этот сон? Но этого не произошло. Я ждала, но сон не повторился и в последующие ночи. Я даже пыталась заставить себя возвратиться во сне в этот странный мир. Но все впустую. Этот сон мне больше не снился.

Со временем я перестала думать об этом; все время играла на пианино, рисовала картины и проводила каждый вечер со своим женихом. Так прошел год.

— 13 —

Вторая встреча со смертью

Наконец наступил долгожданный день свадьбы.

Сейчас, когда я оглядываюсь назад, все это кажется мне сном. Убранная в белоснежное платье с длинной фатой из тонкой вуали, я вошла в гостиную, где меня ожидал мой жених, одетый в свой лучший костюм. Он положил мою руку на свою. К моему неудовольствию, нас долго фотографировали, и это нервировало меня. Затем мы спустились по лестнице и вышли на улицу, где нас поджидала карета, украшенная цветами. За нами следовала Грет с кузиной и двумя кузенами (теми самыми, с которыми мы когда-то заключили «договор о вечной дружбе»). Сейчас оба они превратились в галантных молодых офицеров.

За ними шел мой брат с грустным и серьезным выражением лица. Ему было четырнадцать лет, а моей младшей сестричке — хорошенькой, как куколка, — исполнилось четыре года. Чуть подальше стояла целая толпа моих родственников, среди которых выделялась одетая как королева красавица тетя Рафаэла. Тут же была мать жениха и мои собственные родители. Моя мама казалась на удивление молодой и красивой — она прямо лучилась счастьем, а возвышающийся рядом с ней отец в цилиндре и фраке являл собой зрелище поистине блистательное. Такой мужчина мог заставить учащенно биться не одно женское сердце. Прочтя изумление на моем лице по поводу его наряда, он бросил мне заговорщический взгляд, из которого можно было понять, что он считает все эти формальности столь же смешными, как и я.

«Если бы он только знал, — подумала я, — до чего мне неудобно в этих длиннющих перчатках!»

Они так стесняли свободу движений! Я попыталась представить, как мы выглядим со стороны, и решила, что мы

очень похожи на двух разукрашенных и осыпанных цветами жертвенных животных, которых ведут на заклание под радостные возгласы толпы.

Мне хотелось вырваться отсюда и побежать, чтобы вся эта толпа престарелых дядюшек, тетушек, друзей и просто любопытствующих не смогла угнаться за нами и прекратила бы глазеть на нас, как на две выставленные на витрине куклы. Я знала, что все они думают об одном, о том, что я считала священнодействием, высшим проявлением любви. Но как огромно было различие между нашими точками зрения! Я была уверена, что некоторые мужчины отпускают друг другу на ухо сальные шутки. Но я не могла убежать.

Длинная вереница автомобилей нашего кортежа подъехала к воротам церкви, и через несколько мгновений мы оказались у алтаря. Я пыталась выглядеть взволнованной и сентиментальной, но, боюсь, без всякого успеха. Все оказалось таким обыденным. С серьезным лицом я терпеливо (насколько это было в моих силах) слушала мудрые и прекрасные слова, торжественно произносимые другом нашей семьи — пастором.

Пастор смотрел на меня, и в его взгляде я читала недоумение: накануне я просила его говорить как можно короче и призналась, что в противном случае могу начать зевать во время церемонии! Мать была глубоко уязвлена моим нахальством, но наконец здравый смысл восторжествовал, и все согласились с тем, что речь будет короткой и выразительной. И слава Богу! Длинная проповедь на свадьбе еще никогда не была залогом счастливого замужества! Вскоре вся толпа родственников и друзей зароилась вокруг нас. Все поздравляли и целовали молодых — престарелые дядюшки вовсю пользовались законной возможностью потискать молодую племянницу, тогда как у меня их объятия вызывали отвращение. Наконец эта часть церемонии осталась позади, и нам осталось лишь пережить свадебный банкет. Но вот и банкет в конце концов остался позади, и я, сменив наряд, осталась со своим «мужем» наедине.

После долгого ожидания я стала женой любимого человека. Да, я была невероятно счастлива — я исполнила свой долг, стала его женой «перед Богом и людьми». Между нами больше не существовало никаких «запретных» вещей. Я любила его страстно — всем своим существом, и он отвечал мне столь же страстной любовью. Я испытала любовь в ее самом высоком и полном проявлении, как духовном, так и телесном.

И тут весь мир куда-то провалился.

Я снова ударилась головой о черную стену, и новый удар оказался еще сильнее: второй раз в жизни я столкнулась со смертью! Но эта встреча была куда серьезнее моей первой встречи.

Пока я ожидала этого счастливого момента, в моей жизни была вполне определенная цель. Я знала, чего хочу достичь. Но вот мои мечты исполнились, и в будущем образовалась пустота. Я провалилась в вакуум, так как не знала, чего еще ожидать от жизни, не знала, что можно искать в будущем. Все уже было достигнуто. Чем же заполнить оставшееся время? *Оставшееся время*! И сколько его еще осталось? Осталось до *смерти*!

Мне ничего больше не оставалось, как осознать с предельной ясностью простую истину: не важно, чего я еще достигну в жизни, не важно, какие подарки и неожиданности преподнесет мне судьба, я — как, впрочем, и все остальные люди — неуклонно иду по направлению к смерти, и изменить направление невозможно! Никто заранее не знает, сколько времени будет длиться для него это движение, но раньше ли, позже — все мы провалимся в пустоту.

И мне пришлось осознать, что даже наша любовь не будет длиться вечно по той простой причине, что кто-то из нас умрет первым. Да, придет конец и нашему счастью! И сейчас, глядя в ясные глаза моего мужа, я чувствовала, как страх сдавливал меня своей ледяной рукой. И я слышала чей-то голос, задающий вопрос: «Долго ли ты еще сможешь смотреть в эти прекрасные глаза? Что принесет вам будущее? Даже если вы проживете долгую жизнь и ничто не омрачит вашего счастья до глубокой старости, все равно в конце один

из вас должен будет закрыть незрячие глаза другого. А жизнь пролетит невероятно быстро, и, когда придет этот момент, уже не будет иметь никакого значения, долгим или коротким было ваше счастье! Даже самое большое счастье когда-нибудь закончится раз и навсегда. Все приходит к своему концу. И вы утратите друг друга и все то хорошее и доброе, что было между вами».

Я смотрела в прекрасные глаза моего мужа и слышала *этот* голос. Я знала, сколько ни пытайся заглушить его, он все равно будет звучать в моих ушах, *потому что это была правда*! Я часто замечала, что люди ведут себя так, словно им предстоит жить вечно. Большинство идут по жизни, не задумываясь о будущем. Им, наверное, кажется, что смерть не грозит ни им, ни их близким. Они отказываются осознать, что наше пребывание на земле — всего лишь дарованный свыше счастливый миг. Рано или поздно каждый из нас должен будет умереть. Люди отказываются думать об этом, — но думают они или нет, *все происходит именно так*! Этого никто не сможет оспорить. Так какой же смысл тогда имеет счастье, если и счастью уготован тот же конец? Чем больше счастье, тем горше утрата. Да, в те дни, когда я не знала настоящего счастья, *я была намного счастливее, так как не могла потерять его*! Итак, становится ясно: лишь тот, кто не познал счастья, может всегда пребывать в счастливом состоянии. Что за чудовищный парадокс! И почему это так? Только потому, что нет ничего вечного, все должно уйти, умереть?!

О время, о смертность! Долго ли мне еще суждено страдать, закованной в ваши цепи? Сколько раз мне еще биться головой об эту черную стену? Вы отравили каждое мгновение моей жизни, так как даже в самую радостную минуту я вынуждена была вспоминать, что все это рано или поздно закончится. Но сейчас я благодарна тебе, о *смертность*! Ведь ты никогда, *никогда*, ни на одно мгновение не позволяла мне пленяться преходящими земными радостями. И это постоянное страдание привело меня к *пониманию вечности*, приблизило к *божественному*!

Но в те дни я не представляла себе такой перспективы. Тогда я еще не знала, что минуты, когда человек, ощущая отчаяние полного одиночества, издает крик из глубины своей души, являются предвестницами *спасения*. Вот что говорит об этом Библия: «Я глас вопиющего в пустыне. Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Его. Я крещу вас водой в покаянье; но Идущий за мной сильнее меня; я недостоин нести обувь его; Он будет крестить вас огнем и Духом Святым».

В то время я все еще была в пустыне, беззвучно призывая к помощи и роняя незримые слезы. Тогда я была крещена водой — слезами. И я не знала, что вскоре я познакомлюсь с *вечной сущностью* — Богом, который говорит о Себе «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» и который крестит огнем и Духом Святым.

Но Он еще не явился, и я продолжала принимать крещение от Иоанна Крестителя. Я рыдала в пустыне, моля о помощи и оставаясь наедине со своим отчаянием. Мне не хотелось говорить своему мужу о том отчаянии, в котором я пребывала. Он был совершенно счастлив и удовлетворен тем положением, в котором находился, и вряд ли смог бы понять меня. Если в его голову не приходили подобные мысли и он *все еще видел сны смертных*, стоило ли будить его, убивать его счастье? Я не могла найти выхода из этого положения, и рядом не было никого, кто сказал бы мне, в чем я заблуждаюсь. Потому лучшим решением для меня было попытаться забыть о смерти и жить как все — сегодняшним днем. Но полностью отвернуться от действительности я не смогла, а сладкие сказочки о «мире ином» или «другой стороне» не удовлетворяли меня. Это — вымыслы, предназначенные для самоуспокоения. Кому-то они, должно быть, нравятся, но любой думающий человек ничего не станет принимать на веру. Ему всегда нужны доказательства. Где-то в глубине своего существа я несла тяжелый душевный груз и была не в силах избавиться от него. Однако рано или поздно непосильный душевный груз начинает терзать и тело.

— 14 —

Мрак

Сложением и ростом я очень походила на отца. Как и он, я была высока, мои волосы, хоть и не такие черные, как у него, все же были достаточно темными, а лицо, как и лицо отца, было бледным, совершенно лишенным материнского румянца. Вот только глаза у меня были темно-синие, а у него — черные.

После замужества я стала еще более бледной и худой. Мне никак не удавалось смириться с мыслью о скоротечности времени и бренности человеческой жизни. Эта мысль отравляла все мое существование, и я ни минуту не чувствовала себя свободной и счастливой.

Однажды я легла спать как обычно, но когда поутру открыла глаза, то заметила, что потолок над моей кроватью пересекает широкая черная трещина. Ее здесь не было прежде. В испуге я вскочила, и трещина стала медленно исчезать. От этого мое сердце сжалось еще сильнее. Я поняла, что трещины на потолке не было — что-то произошло с моим зрением. Я стала поочередно открывать и закрывать то один, то другой глаз и обнаружила, что вижу трещину лишь своим правым глазом.

Когда-то я слышала о подобном расстройстве зрения: человеку кажется, что у него перед глазами летают маленькие черные мошки. Обычно это происходит на нервной почве и не таит в себе серьезной угрозы здоровью. «Может быть, и я вижу такие вот “черные мошки”», — подумала я и решила проследить за черной линией, переводя взгляд то вверх, то вниз. У меня создалось впечатление, что это прикрепленная к какой-то невидимой точке у меня над головой толстая черная нитка, свободный конец которой раскачивается у меня перед глазами, следуя за движениями глазных яблок. Мне

также показалось, что она подчиняется законам гравитации. Нет, это не был обман зрения. Нить была здесь, она была настоящей!

С этого дня началось мое мучительное путешествие. Такое путешествие известно каждому, кого поразила болезнь, мало изученная современной медициной.

Я стала ходить от одного профессора к другому лишь для того, чтобы услышать, что мой глаз вылечить невозможно, так как симптомы моей болезни не укладываются в научные представления об органической патологии. Один профессор заявил мне прямо:

— Это невозможно излечить, так как это вовсе не болезнь. Это просто явление, которое нередко наблюдается у пожилых людей, но почти никогда не встречается в молодом возрасте. Это как преждевременная седина у человека, постоянно находившегося в состоянии нервного напряжения. Как же это исцелить? Все может пройти, если будет снято нервное напряжение. Но исцелять здесь просто нечего. Мы лечим только болезни. От этого же симптома лекарство еще не изобретено. Мы сталкиваемся с подобными жалобами у пожилых людей. Обычно при этом их зрению ничто не угрожает, так как прогрессирует это явление медленно. Но никто не знает, чем это грозит в молодом возрасте. Ваши же глаза совершенно здоровы, только слишком уж чувствительны. Все тесты показали, что у вас на удивление хорошее зрение. Столь зоркие глаза — большая редкость. Вы к тому же прекрасно видите в темноте — точно сказали, сколько пальцев я поднял, и верно разбирали буквы в почти полностью затемненной комнате. Лишь немногие моряки, славящиеся способностью распознавать предметы на огромном удалении, могут соперничать с вами. Но те проводят много времени в море, дышат чистым воздухом и не страдают нервозностью. Вы же, дорогая моя, живете в большом городе, ваши нервы постоянно напряжены, и вы слишком хрупки, чтобы справиться со своей сверхчувствительностью. Признайтесь мне как врачу, не страдаете ли вы от постоянного психического напряжения?

— Нет, что вы, профессор! — ответила я. — Я вполне счастлива.

Могла ли я объяснить ему, что страдаю от обычного сознания собственной смертности? Могла ли я сказать ему, что постоянно пытаюсь сражаться со временем, неудержимо надвигающимся на все живое и превращающим счастье в страдание, разрушение и смерть? Но даже если бы я сказала ему об этом, что он смог бы мне ответить? Потому я спросила:

— Как вы считаете, когда это произойдет с моим вторым глазом?

— Ну откуда же мне знать? Надеюсь, что мои уколы помогут вам справиться с этой неприятностью и второй глаз не пострадает. Но я не могу дать никаких гарантий. Советую вам следить за своим здоровьем и правильно питаться, чтобы повысить сопротивляемость организма. Не забывайте надевать солнечные очки, выходя на улицу в ясный день. Не перетруждайтесь, и будем надеяться, что все будет хорошо.

На этом все и закончилось. В сопровождении мужа я возвратилась в родительский дом с таким чувством, что все это случилось не со мной, а с кем-то другим. Я наблюдала за этим «кем-то» со стороны: слушала, как «кто-то» отвечает на задаваемые моими родителями вопросы, видела, как этот «кто-то» принимает пищу. Моя жизнь изменилась, все стало совсем другим! Близкие были очень расстроены, но изо всех сил старались не подавать виду. Мать то и дело утешала меня: «Вот увидишь, девочка, отдохнешь хорошенько — и все как рукой снимет! Ни у кого в нашем роду не было проблем со зрением. Скоро будешь видеть хорошо. *Не думай об этом!*»

О, как часто я слышала эти слова утешения от моих друзей: «Не думай об этом!» Как же мне не думать о том, что постоянно пляшет у меня перед глазами?! Как мне не замечать эту черную нить, опускающуюся на любой предмет, стоит мне на него взглянуть? Когда я смотрела в лицо человеку, эта черная нить появлялась у него на лбу и сползала по носу ко рту. А позже, когда черные линии стали заметнее, я смот-

рела на весь мир словно сквозь грязную черную паутину. Так как же прикажете не думать об этом!

В первые дни болезни у меня было чувство, словно на меня обрушился огромный камень и раздавил своим весом. Я не могла поверить: *мои* глаза в опасности! Нет, это просто дурной сон, который я скоро стряхну и буду вновь свободна.

Но мне так и не удалось избавиться от этого кошмара. Я села к столу и пристально вгляделась в свое отражение в зеркале. Оттуда на меня смотрело почти детское лицо с большими синими глазами. Неужели в этих глазах появились признаки преждевременного старения? Нет, я молода! Мне далеко до старости. Когда я, поднявшись на гору, встретилась со смертью впервые, я поняла, что все в мире преходяще. Но неужели все проходит настолько быстро? Ведь тогда мне удалось утешить себя мыслью, что мне еще далеко до смерти. Неужели старость уже подкралась ко мне? Или, может быть, одни части тела изнашиваются быстрее, чем другие? Видимо с моими органами происходит то же, что и с деталями деликатного механизма: они изнашиваются — одни быстрее, другие медленнее. И, возможно, случится так, что все мое тело еще будет продолжать мне служить, а глаза откажут? Но это ужасно! Ужасно!

Мне захотелось бежать, удрать прочь. Но куда? Черная полоса будет преследовать меня всюду. Мне не удастся избавиться от нее.

Я впала в уныние — лишь тот, кто пережил подобное, сможет понять меня. Как я сострадала слепым, встречающимся на улице, как обливалось кровью мое сердце при этом! Я не могла расслабиться ни на минуту — мое несчастье было всегда со мной. Черные пятна плясали перед глазами, постоянно изменяя свою форму.

Я беспрерывно наблюдала за ними. У меня выработалась привычка каждый раз, поднявшись с постели, внимательно изучать свои глаза — не произошло ли перемен? Не перестала ли я различать правым глазом мелкий шрифт? И если мне этого не удавалось, я чувствовала неописуемый ужас: «Мое состояние за ночь ухудшилось», — кровь ударяла в голову и

сердце начинало бешено колотиться. Я начинала проверять, насколько ухудшилось мое зрение.

О Бетховен! Сейчас я понимаю, какая паника охватывала тебя, когда ты чувствовал, что теряешь слух! Тебе было известно то смятение, когда хочется бежать куда угодно, лишь бы не думать о том, что ждет тебя впереди. Но куда бежать? Этот страх всегда останется с тобой. Беда настигнет тебя везде!

Мой прежний страх перед быстротечностью жизни теперь казался мне пустяком в сравнении с тем напоминанием о неминуемой смерти, которое я носила в себе. Иногда мне казалось, что эти черные линии сведут меня с ума.

Я совершенно перестала радоваться жизни. Мой муж пытался утешить меня изо всех сил. Но что бы он для меня ни делал, как бы ни старался осыпать меня подарками — черные линии продолжали стоять у меня перед глазами, и мысль о смерти и бренности жизни не покидала меня. Подобно монахам-картезианцам, выискивающим на ладонях буквы *MM*, означающие *Memento Mori*, я находила напоминание о смерти везде, куда бы ни упал мой взгляд. Черные линии несли в себе весть о неминуемом конце.

Когда мой муж увозил меня за город, чтобы я полюбовалась прекрасными видами, я не переставая думала: «Долго ли мне еще суждено видеть это небо, солнце, поля и горы? Все эти чудеса природы?» Сидя в театральной ложе, я неизменно терзалась мыслью: «Сколько еще я смогу наслаждаться балетом, любоваться грациозными движениями балерины?» Жестокая действительность лишь усугубляла мое отчаяние — вскоре болезнь распространилась и на мой левый глаз. Итак, я была на пути к полной слепоте. Невозможно выразить отчаяние, охватывавшее меня при этой мысли. Рыдать? Но я не могла даже рыдать, так как считала это недостойным себя. Кроме того, врачи мне запретили плакать, опасаясь, что слезы могут повредить глазам еще больше. Мне приходилось все носить в себе. Я не стала делиться с друзьями бедами и страхами, зная, что они ничем не могут мне помочь. И, как всякое больное существо, чьи страдания невозможно облегчить, я стану внушать им лишь жалость, смешанную с брез-

гливостью, и они будут сторониться меня. Нет, эта роль не по мне! Ведь я же клоун, способный спрятать все чувства под шутовской маской. И я скрывала свое страдание от посторонних глаз.

Удар, нанесенный моему зрению, пришелся также и по моим творческим амбициям. Кроме игры на фортепьяно, я преуспела в графике и живописи, и мои учителя возлагали на меня большие надежды. Графика и живопись всегда приносили мне истинное наслаждение. Но сейчас, как только я бралась за кисть, перед глазами на холсте начинали плясать черные кляксы. Бессильная злость, которую я при этом испытывала, полностью лишала меня вдохновения. Зачем искать славы живописца? Чтобы, добившись успеха, ослепнуть и утратить способность рисовать? Нет, уж лучше сейчас оставить это ремесло и отдать все силы музыке. И слепой я смогу играть!

Я стала тренироваться делать как можно больше вещей с закрытыми глазами. С повязкой на глазах я ходила по комнате, пытаясь отыскать различные предметы. Я старалась одеваться и причесываться, плотно сжав веки, — ведь, когда наступит слепота, все придется делать в полной темноте. Я поступала так еще и потому, что лишь закрыв глаза избавлялась от постоянно пляшущих передо мной черных точек.

Инъекции соляного раствора превратились для меня в настоящую пытку. Наши рефлексы устроены так, что веки закрываются автоматически, когда глазу угрожает потенциальная опасность. Мышцы век реагируют на приближение к глазу любого предмета. Но я была вынуждена победить рефлексы и контролировать глазные мышцы. Мне приходилось держать глаз открытым и *смотреть*, как приближается игла. Тогда я еще не знала, что *учусь управлять естественными рефлексами*, а также не знала того, что лишь человек, *овладевший в совершенстве* **йогой**, добивается полного контроля над всеми органами своего тела. Мне пришлось овладевать этим искусством под давлением обстоятельств. После первой процедуры я ощутила огромную слабость и, возможно, упала бы, не сопровождай меня доктор до выхода из кабинета.

Улыбка, которую я пыталась изобразить, просто не получилась — мышцы вокруг рта свело судорогой. К тому же уколы не принесли никакого облегчения.

Я прекратила ходить по профессорам и стала смотреть на свое положение со все большим пессимизмом. Каждый раз, посещая «ученое светило», я слышала все ту же сакраментальную фразу: «Это не органическое заболевание. Ваши глаза совершенно здоровы». Но зрение неуклонно продолжало падать. Какая, в конце концов, разница — ослепнуть со здоровыми глазами или с больными! Мне нужно было смириться с положением вещей и попытаться успокоиться. Но кто может смириться с мыслью о приближающейся слепоте? И я решила бороться. Нет, я не сдамся без боя!

Когда черная линия впервые возникла перед моим взором, прежняя «я» была убита. Но я не сразу поняла это. Юная, красивая, тщеславная женщина, мечтающая о славе художницы и пианистки, исчезла. Мое сокровенное отношение к жизни, впервые давшее о себе знать тогда, на горе, где я встретилась со смертью, наконец полностью овладело всем моим существом. Сейчас я уже не могла — да и не хотела — заставить умолкнуть голос, постоянно напоминавший мне о смерти. И теперь, прислушиваясь к этому голосу, я стала различать в нем новые интонации. Я узнала *ЕГО* голос.

— 15 —

Поворотный пункт

Однажды я возвращалась домой из города. Дома на нашей улице были окружены ухоженными садами, солнце заливало все вокруг яркими лучами, везде цвели цветы, птицы радостно пели, и я вспомнила слова дона Карлоса: «О королева моя, жизнь все-таки прекрасна!»

«Да, — хотелось ответить мне, — вот если бы только вернуть зрение моим глазам!»

И тут же я услышала голос, исходящий из глубин моего сознания: «Ты говоришь так, словно уже ослепла! Неужели ты уже не видишь неба, цветов и деревьев?»

«Вижу, — отвечала я, оглядываясь по сторонам, — я вижу все совершенно отчетливо».

И тут мне вспомнились слова врача, проверявшего остроту моего зрения: «Поле зрения правого глаза действительно помутилось, но левым ты все ёще способна видеть больше, чем обычные люди видят двумя».

«Если твое зрение все еще остается таким сильным, почему же ты ведешь себя так, словно ослепла полностью? Почему ты впадаешь в отчаяние? Подумай: даже если тебе суждено потерять зрение во второй половине жизни, зачем отравлять себе первую? Утратив надежду, ты отравишь отчаянием *всю* свою жизнь! Кроме того, как ты можешь знать, что вообще потеряешь зрение? Может быть, ты умрешь прежде, чем придет слепота. А сейчас ты портишь себе настроение и не живешь полноценной жизнью лишь из-за того, что перед глазами мелькает несколько черных точек. Печалиться из-за того, что еще не наступило, — значит бессмысленно тратить время! Будущее? Да знаешь ли ты, что такое будущее? События, *которые еще не произошли*! Так зачем же мучить себя из-за того, чего не существует? Наслаждайся жизнью! Твое

нынешнее состояние отнюдь не столь плачевно! У тебя появится гораздо больше шансов на выздоровление, если ты будешь сохранять бодрость духа. Отчаяние лишь ускорит разрушительный процесс, начавшийся в твоих глазах. Живи в настоящем и помни: *физическое зрение восстановится, как только исчезнет твоя духовная слепота*».

Какими верными показались мне эти слова! В моменты глубокого отчаяния я чувствовала, что черные точки перед моими глазами отражали тьму моего внутреннего мира, мою духовную слепоту. Но как же исцелиться от этой духовной слепоты? Ведь она была краеугольным камнем всех моих проблем! Я действительно чувствовала свою полную слепоту перед тайнами жизни и смерти. Со всех сторон меня окружала тьма. Я чувствовала смерть везде и не могла осознать смысл жизни. Я хотела стать «зрячей» — но как?

И голос ответил: «*Ищите и найдете; стучитесь и отворят вам!*»

Тогда я не понимала значения этих слов, но мне хотелось прислушаться к ним. Я попыталась дышать глубоко и спокойно, *сосредоточившись на настоящем*. Это было непросто — черные точки то и дело напоминали о себе. Но я продолжала делать то, что считала нужным, и достигла той ступени, где вновь ощутила себя счастливой. Я чувствовала, что благодаря такому душевному состоянию моим глазам станет легче. Мне хотелось наслаждаться жизнью, мне хотелось быть счастливой! Я стала думать обо всем том, чем стану заниматься в будущем, о том, что принесет мне радость. Мой муж был полностью поглощен своей работой (он был конструктором), и я общалась с ним мало — лишь во время еды. И вдруг меня осенило: ребенок! Я хочу ребенка! Что может принести большую радость, чем ребенок! И я больше не буду одинокой.

Мой дух открылся навстречу неведомому существу, ждущему того момента, когда оно станет *моим* ребенком. И это существо услышало мою мольбу.

Во время беременности все неприятные симптомы исчезли, а когда пришло время рожать, я совершенно забыла о

своей болезни. Мое пребывание в операционной и огромная слабость после анестезии сейчас кажутся мне далеким сном. Я пребывала в экстатическом состоянии, но вскоре какие-то вспышки, пронзавшие мое сознание, словно молнии, привели меня в чувство. Это был крик. Но не тот крик новорожденного, который я ожидала услышать, — он походил на рев льва!

— Ребенок жив! — эта мысль заполнила все мое существо.

Я открыла глаза. Надо мной склонилось чье-то лицо. Губы раскрылись, и я услышала: «Мальчик. Хороший, здоровый мальчик». Рядом с этим лицом я увидела маленькую круглую головку и толстое розовое тельце.

«Так это мой ребенок?» — спрашивала я себя, глядя на крошечное существо и чувствуя, что «моя» лишь его физическая оболочка.

Во всем остальном это совершенно самостоятельное существо. Затем я вспоминаю, как ребенок впервые оказывается в собственной колыбельке и смотрит на мир широко открытыми глазами. Мои родители приезжают, чтобы поздравить меня с рождением ребенка. Я лежу совершенно без сил после большой потери крови, но ребенок жив!

После изматывающей борьбы за жизнь мое выздоровление затягивается. Пятна перед глазами возникают вновь, а правым глазом я смотрю словно сквозь туман. Но сейчас это почти не беспокоит меня. Ведь со мной ребенок! Он протягивает свои восхитительные крохотные ручонки ко мне, прося о помощи и поддержке!

Годы пролетают стрелой. Мой малыш быстро растет и прекрасно развивается. Он вызывает всеобщее восхищение. Его голубые глаза излучают тепло и любовь. Когда ему исполнилось четыре года, я вспомнила собственное детство. Сын подошел ко мне с открытой книгой и спросил, как читаются буквы. Я все объяснила ему. Поводив пальцем по строчке, он вдруг поднял ко мне лицо и закричал: «Так это означает «бык», правда?»

Я посадила сына на руки и осыпала поцелуями. Затем я объяснила ему остальные буквы. Ему не нужно было ничего заучивать, — казалось, он их просто вспоминал.

Как-то я провела лето вместе со своей семьей на нашей фамильной вилле у моря. Мой брат и младшая сестра пригласили своих друзей, готовых погостить у нас несколько недель. Мы играли в крокет, катались на лодке и купались, а по вечерам слушали камерную музыку, играли или танцевали на террасе. Это было здоровое и счастливое время.

Глаза не слишком беспокоили меня. После рождения сына я некоторое время наслаждалась покоем. Тайные силы моря наполнили меня энергией, и домой я вернулась здоровой. Мои глаза спокойно переносили свет. Я снова стала рисовать и писать маслом и даже начала осваивать резьбу по дереву. Творчество доставляло мне огромное наслаждение.

Внешне все выглядело отлично. Но в глубине моей души росло глухое недовольство. Но чем? Этого я не знала. А недовольство все возрастало, и я не могла больше отмахиваться от этого.

Однажды ночью — после того, как я испытала великое чувство любви и единения, — я не могла уснуть, села на край кровати и стала размышлять над своими проблемами. Я заплакала. А утром стала придирчиво исследовать свои мысли, надеясь обнаружить, что именно делает меня столь несчастной?

Казалось, этот вопрос требует незамедлительного ответа. И доводы начали всплывать на поверхность из самых глубин моего подсознания. Я всегда искала человека, которого могла бы назвать *своей половинкой*. Любовь — это акт силы, соединяющий эти две половинки. Собственно говоря, подсознательное желание воссоединения и есть «любовь». Я испытала это единение, я прочувствовала слияние душ и тел, но не стала счастливой. И с каждым разом я становилась все более и более несчастной.

Итак, я сидела в темноте и размышляла над вопросом: почему я несчастна? Я лихорадочно искала ответ. И внезапно я осознала — *радость единения вовсе не то, чего я ждала*! Под-

сознательно я стремилась к *достижению* и, не найдя ничего иного, *поверила, что физическая любовь и есть это достижение*. Теперь же, познав ее, я поняла, что это вовсе не то, к чему я стремилась. После гармоничной физической любви мне приходилось признать, что я искала чего-то иного!

Но чего?

Я стремилась к *достижению, которое сродни вечности, — к подлинному единству, длящемуся бесконечно*! Я искала такого единства, при котором моя собственная личность стала бы *единым целым с личностью партнера*! Я хотела стать *им*!

Но физическая близость принесла мне вовсе не то, чего я хотела. Миг физического единения — не что иное, как отчаянная попытка слиться воедино: каждая мышца, каждое сухожилие напряжено, но, когда кажется, что желаемое почти достигнуто, все распадается, слияния так и не происходит.

В темноте, в моей памяти всплыла картинка из детства. Вот я сижу за столом над тарелкой супа и пытаюсь соединить два кружочка жира, плавающих на поверхности. Точно так же, как некогда я соединяла два плавающих на поверхности супа островка, сейчас я стремлюсь слить в единую сущность две души. Но это невозможно. В любви партнеры желают физической близости, но истинного единения не наступает. Наверное, каждый замечал, как любовники прижимаются друг к другу сердцами. Кажется, что они хотят объединить *свои сердца*. Но у них ничего не получается — им мешают тела. Сопротивление тел препятствует единству. До чего это странно — желать достигнуть телесного единства со своим возлюбленным и чувствовать, как само тело становится помехой этому! Может ли тело мечтать о единстве? Способно ли тело желать чего-то такого, что угрожает существованию самого тела? Конечно же, нет! Так *кто* же тогда желает этого единства? К этому стремится лишь нематериальный дух — мое *Я*.

А для чего мне это единство? Почему я так страстно желаю того, чему не суждено сбыться? Я хочу этого, так как знаю, что лишь при полной гармонии, при совершенном союзе я отыщу счастье. И к этому счастью я стремилась с того мо-

мента, как начала жить. Но для чего мне то, чего невозможно достичь? Возможно, в глубине души я знаю, что это счастье возможно, что оно существует, но только путь к нему пока закрыт для меня. Но что же мешает мне идти по этому пути? Что является преградой? Тело! Да, счастье достижимо, но лишь *на бестелесном уровне*. И я чувствую ностальгию по этой утраченной гармонии. Когда-то я знала ее. Где-то, когда-то, но сейчас все утрачено. Возможно ли, что я жила в нематериальном состоянии долгое время, а сейчас, *обретя тело при рождении, я лишилась этой духовной гармонии*? Могла ли я жить раньше в мире, где не существовало никаких материальных элементов?

Зайдя так далеко в своих размышлениях, я вдруг почувствовала испуг: что это за «нематериальное состояние»? Что это за мир «без материальных элементов»? Возможно, это «иной мир»? Неужели этот «иной мир» *действительно существует*? Ведь прежде я считала все это мистическим вздором — религиозной ловушкой для примитивных людей, которым насаждаются моральные стандарты с обещанием «воздаяния на Небесах» или «кары в аду». Но ведь не только мое тело существует здесь. Значит, все люди были порождены Небесами и низвергнуты оттуда: *пали* на Землю и обрели телесные оболочки. Тогда понятно, почему все мы тоскуем об «ином мире», который остался с нами, остался в нас. Вновь и вновь мы тщетно пытаемся обрести утраченное единство, совершая то, к *чему призывает нас наша врожденная сексуальность*. И снова наше же тело стоит преградой на пути к осуществлению его же желаний. О, как я понимаю теперь, что значит «падшие с Небес»!

Вот почему я мечтаю о счастье, достижимом лишь в «ином мире» — в раю. Поскольку я не могу втиснуть тот, иной мир, в этот, мне остается лишь мечтать о нем. Но мне не нужны пустые грезы! Я желаю реальности — конкретных фактов!

Эта ночь стала поворотным пунктом в моей жизни. Я осознала, что секс — величайший обманщик. Он обещает нам счастье, единство. Но всякие попытки достижения этого за-

канчиваются ничем. И мы падаем. Каждый раз все ниже. Мы теряем огромное количество энергии и, не достигнув цели, превращаемся в нищих. Старая латинская поговорка гласит, что человек, как и животное, после физической близости чувствует себя опустошенным.

Наконец я осознала: не это цель моего духовного поиска. И если мне нужно не это, если секс обманул меня, я отказываюсь следовать его путем! Я больше не хочу быть обманутой! Секс может удовлетворить лишь тело, но никогда не удовлетворит душу. Никогда половое удовлетворение не утолит поиск!

Так что же мне делать? Я хочу отыскать счастье. Я должна найти ответы на свои вопросы. Мне нельзя оставаться на месте. Я должна идти вперед. Но куда? Если счастье находится в ином мире, я направлюсь туда — в иной мир!

Итак, я отправилась на поиски счастья и *достижения* туда, где надеялась найти это, — в иной мир.

— 16 —

Битва за свет

Я пыталась проникнуть в тот мир, но даже не представляла, с чего начать. Я чувствовала себя человеком, собравшимся покорить джунгли, вооружившись при этом лишь маленьким топориком, годным разве что рубить кустарник. Однако этот человек знает, что джунгли кишат опасными хищниками и ядовитыми змеями. Он знает также, что легко может заблудиться и свалиться в пропасть. И все же прокладывает себе дорогу, невзирая на все опасности.

Я не знала, какими опасностями чревато мое путешествие в неизведанный мир. Я не знала, что неведомые силы, кроющиеся в глубинах подсознания, бросятся на меня, словно дикие животные, что блуждающие огни будут то и дело уводить меня в сторону, что мне придется идти по самому краю бездны, имя которой — безумие. Все мое вооружение составлял лишь маленький топорик — обычный здравый смысл.

С чего же я должна была начать? Религия говорит о жизни вне этого мира, но каждый священник, с которым я заговаривала на эту тему, либо начинал блуждать в религиозных догматах, в которых, как правило, мало что смыслил, либо старался скормить мне сладкую сказочку о «Царстве Небесном», годную разве что для домохозяек.

Я же хотела сама узнать, что думали по этому поводу величайшие умы человечества. Поскольку я никогда не слышала о великих философах Востока, я начала изучать труды европейских мыслителей.

Прежде всего, я стала читать сочинения греческих и римских философов, переведенные на понятный мне язык. Меня пленили Сократ, Платон, Пифагор, Эпиктет и Марк Аврелий. Под влиянием этих великих мужей мой ум окреп и обогатился. Одна небольшая фраза Эпиктета, сияя, словно

факел во тьме, стала для меня вечным напоминанием о цели моего путешествия:

Ничто не бывает плохим само по себе — все дело в том, как ты это воспринимаешь.

Прочтя эту фразу, я попыталась изменить свое мышление, свою духовную позицию — *воспринимать вещи иначе*! И все же эти великие мысли не давали ответ на мой главный вопрос о жизни вне этого мира.

Затем я познакомилась с сочинениями более поздних философов: Канта, Шопенгауэра, Ницше, Декарта, Паскаля и Спинозы. Но ни один из них не дал мне того, что я искала. Я понимала, что все они зашли в своих рассуждениях так далеко, как только позволял человеческий разум, но они не пришли к конечной цели — к *единству*. Казалось, они даже дальше от этого, чем древние. Из современных философов Спинозе, пожалуй, ближе всех удалось подойти к истине. Но я постоянно чувствовала, что новые философы замкнулись в своем собственном разуме и потому зашли в тупик. Несмотря на созданные ими философские системы, они оставались одинокими, неудовлетворенными и, в сущности, несчастными людьми. Так как же могла я рассчитывать на их помощь в поиске великой истины иного мира? Они сами ничего не знали об этой истине и искали ее столь же отчаянно, как и я. Я стремилась к реальности — мне не нужны были слова.

Одним осенним днем я, стоя у окна с моим маленьким сыном, наблюдала за тем, как, прежде чем упасть на землю, медленно кружат в воздухе листья каштана. По привычке я стала думать о смерти: «Смерть, — говорила я себе, — везде смерть». И тут же я услышала, как во мне прозвучал какой-то новый голос: «Смерть? Да почему же смерть? Когда ты перестанешь видеть лишь одну сторону вещей? Что происходит с природой и с деревьями каждой весной? Жизнь! Жизнь и возрождение! Снова и снова жизнь. Жизнь и смерть сменяют друг друга в вечном цикле. Смерть — лишь иная сторона жизни».

В этот миг я увидела с предельной ясностью, что, как только осенью жизнь уходит из дерева, его сухие мертвые листья падают на землю. Да, сухие мертвые листья, всего лишь безжизненная шелуха. Жизненная же суть, исчезнувшая из листьев, сейчас затаилась в дереве, чтобы весной вновь возродиться в материальной форме. Все повторяется в вечном цикле! Дерево вдыхает и выдыхает жизнь, меняя внешнюю оболочку — листву. Сама же жизнь никуда не исчезает, так как жизнь есть вечное *существование*. Я увидела даже больше: источник вечного существования — люди называют его *Бог* — вдувает жизнь в людей, как это написано в Библии. Затем *Бог* вдыхает воздух жизни в себя, и люди, из которых уходит жизнь, падают, словно пустая шелуха. Но жизнь на этом не завершается — она одевается в новую телесную оболочку и вновь возвращается к существованию. Все подчиняется определенному ритму — от планет, обращающихся на своих орбитах, до пульса и дыхания живых существ.

И вдруг я вспомнила тот момент, когда шестилетней или семилетней девочкой, впервые услышав о смерти, я застыла перед зеркалом, изучая собственное отражение и пытаясь найти в нем нечто незримое. Даже тогда я не могла представить, что наступит день, когда я должна буду умереть, когда я перестану существовать. Я пыталась отыскать «себя», ту, которая думает обо всем этом и не хочет умирать. Я все приближала и приближала свое лицо к поверхности зеркала, пока нос не коснулся стекла. Я смотрела в свои глаза с самого близкого расстояния, желая увидеть, где находится «я». И хотя в каждом глазу было по черной дыре, даже сквозь них я не смогла обнаружить «себя». «Я» оказалось невидимым. А ведь я всегда считала себя невидимой — с тех пор, как во мне зародилось сознание. Даже в зеркале я не могла увидеть *себя* — там отражалась лишь лицо, *моя маска*, да еще две черных дыры глаз. И я поняла совершенно определенно: «Я» просто не может *перестать существовать*.

— Ладно, — сказала я сама себе, стоя перед зеркалом, — но через что ты будешь смотреть на мир, когда эти глаза закроются?

— Через пару других глаз! — тут же ответила я, ни секунды не колеблясь. — Я закрою эти глаза, и вскоре открою другие, оказавшись в новом теле.

— А что ты будешь делать в промежутке? Ведь ты не сразу отыщешь новое тело. Возможно, тебе придется ждать недели, месяцы, годы, а то и тысячелетия.

— Такого не может быть, — сказала маленькая девочка, которой я тогда была, — ведь проснувшись, я никогда не могу сказать, как долго длился мой сон. Во сне времени не существует, так же будет и в смерти, пока я не обрету тело. Не имеет никакого значения, проведу ли я в темноте минуты или тысячелетия. Мне будет казаться, что я только что закрыла глаза здесь и тут же открыла их в другом месте. В пустоте не существует времени. А я не могу перестать существовать.

С этими словами я отошла от зеркала и принялась играть.

И вот сейчас я, взрослая женщина, стоя у окна и наблюдая за падением увядших листьев каштана, постигала закон перевоплощения. Воспоминание детства отчетливо стояло перед моим мысленным взором, и я удивилась тому, как ясно ребенок с его примитивным пониманием, ничего не читавший и не слышавший о перевоплощении, осознавал тайны рождения и смерти. Сейчас я бы уже не сказала, что во «сне» не существует времени, а выразилась бы по-другому: в «бессознательном» не может существовать «концепции времени».

Теперь мне стало ясно, как я смогла пронести в себе расплывчатые воспоминания о той личности, которой некогда была. Картины Древнего Египта были не чем иным, как стучащимися в мое сознание старыми воспоминаниями. Мои поиски иного мира и другой жизни вместе с представлениями о перевоплощении привели меня к спиритуализму. Спиритуалисты утверждают, что могут вызывать духов умерших, и верят в перевоплощение. Однако я чувствовала ярко выраженную антипатию к этим занятиям — ведь я не раз слышала, как презрительно отзывались о них мои родители. Одна из подруг моей матери как-то увлеклась спиритуализ-

мом. Мать рассказывала нам, что подруга начала проводить спиритические сеансы, на которых тяжелый дубовый стол поднимался в воздух. Мать никогда не посещала их, так как считала, что это может повредить нервной системе. Рассуждая о перевоплощении, я вдруг вспомнила, как однажды в детстве присутствовала на каком-то странном сеансе, который проводила пожилая женщина. Матери тогда не было дома, и она ничего не знала об этом. Так вот, значит, что такое «спиритический сеанс»!

Эта пожилая подруга матери очень любила своих внуков и часто собирала молодежь у себя дома. Я помню, как пятнадцатилетней девочкой оказалась в компании своих сверстников и сверстниц, собравшихся в гостиной у этой женщины. После ужина многие дети разошлись по домам, а пожилая хозяйка, собрав оставшихся возле себя, начала вдохновенно рассказывать о спиритизме.

— Если хотите, — сказала она, — мы можем понаблюдать, как крутится стол.

Все мы были чрезвычайно заинтригованы и, затаив дыхание, стали ждать чего-то таинственного, что должно вот-вот произойти. В комнату тут же внесли стол — но не большой дубовый стол, о котором говорила мать, — а маленький круглый столик на трех ножках. Мы, дети, стали вокруг него, положив руки на край так, что большой палец одной руки соприкасался с большим пальцем другой, а мизинцы касались мизинцев соседей слева и справа. Комната была ярко освещена, и нам показалось страшно забавным, когда пожилая женщина громогласно произнесла: «Есть ли здесь кто-нибудь?»

Мы заговорщически переглянулись, с трудом сдерживая смех. Нам не хотелось обижать милую старушку, и мы изо всех сил старались выглядеть серьезными. Внезапно столик начал вибрировать. Вибрации становились все более и более сильными, и вот стол наклонился набок, так что одна из ножек оторвалась от пола. Затем вибрации прекратились, и столик вновь застыл.

— Ну вот, — сказала старушка, — столик сказал «да». Когда он стучит один раз — то говорит «да», два раза — значит, «нет». Вольфганг, — продолжала она, обращаясь к своему старшему внуку, — возьми карандаш и бумагу и записывай. Дух здесь.

Вольфганг застыл с карандашом в руке. Стол снова пришел в движение. То и дело раздавался стук ножек. Когда столик останавливался у одной из букв, мы называли ее, а Вольфганг записывал.

Я даже не могу объяснить, почему все это казалось нам таким забавным, но нам было чрезвычайно смешно выкрикивать буквы и смотреть на серьезное лицо старушки. Я ни на минуту не могла поверить, что столик перемещается сам по себе. Безусловно, всем этим руководил Николас, второй внук старушки. Сам стук казался нам удивительным, но то, что следовало за этим, заставляло нас просто складываться пополам со смеху, а старая хозяйка, строго поглядывая на нас, только покачивала головой. Но как мы могли прекратить смеяться, когда нам было так весело! А столик кружился все сильнее и сильнее. Иногда он наклонялся так низко, что казалось, вот-вот коснется пола краем крышки. Я все время боялась, что ножки заскользят по паркету и он упадет. Но нет, стол каждый раз возвращался назад. Вскоре нам пришлось бегать за ним по всей комнате. Наконец, оказавшись в углу, стол перестал плясать.

— Здесь больше никого нет? — спросила хозяйка.

Стол так и остался стоять неподвижно.

— Это был проказливый дух, — сказала старушка, — вот почему вы так веселились. А сейчас, когда все духи исчезли, потерпите минутку, детвора, — я приготовлю вам отличный кофе.

Когда в комнате остались только дети, я спросила Николаса:

— Признайся, это ты двигал столик?

— Я? — удивленно протянул юноша. — Конечно, нет! Я вообще считал, что это делала ты или Эммерик. Я только играл вместе с другими. Мои пальцы едва касались стола.

Все мы, как один, вопросительно посмотрели на Эммерика, но тот решительно запротестовал:

— Нет, я тоже не крутил стол.

— Послушайте! — закричала я. — Давайте снова начнем крутить стол!

— Давайте, давайте! — раздались в ответ дружные возбужденные голоса.

Мы бросились в угол, где стоял стол, окружили его и стали толкать в разные стороны. Но, к нашему изумлению, все усилия не привели ни к чему. Стол отказывался крутиться. Он вновь превратился в безжизненный кусок дерева, который просто перемещался от механических толчков, и после очередного особенно сильного удара просто упал на пол. Во время же предыдущего эксперимента стол наклонялся так низко, что почти касался крышкой пола, но при этом не падал. Теперь же, как мы ни старались, стол не «оживал». Он неподвижно лежал на полу, что бы мы ни предпринимали.

Мы молча переглянулись. То, что сейчас произошло, казалось нам совершенно непонятным. Уже никому не было смешно. Два внука пожилой хозяйки дома признались, что тоже не понимают, как все это происходит, хотя были свидетелями того, как в присутствии «бабушки Маргарет» огромный дубовый стол, который перед этим четверо сильных мужчин с трудом внесли в комнату, взмывал в воздух. Не поднимала же его сама «бабушка Маргарет»?

Придя домой, я всерьез задумалась над тем, какие силы заставляют стол двигаться. Я ни на минуту не могла поверить, что им управляет некий «дух», но не могла не признать, что здесь *действует какая-то неведомая сила*.

Вскоре фортепьянная музыка и посещение катка с женихом отодвинули «крутящийся стол» в самый далекий уголок моей памяти. Но сейчас все это вспомнилось совершенно отчетливо. Я сознавала, что милая старушка вряд ли глубоко понимала этот процесс. Но я верила, что существуют люди в спиритуалистических кругах, которые смогут просветить меня в этом вопросе. Если я отнесусь к спиритуализму не-

предвзято, как знать, может быть, это поможет осветить мой путь.

Вскоре меня представили главному спиритуалисту страны. Он снабдил меня литературой, которую я решила добросовестно изучить, сколь бы неправдоподобной она мне ни казалась. Теории не могут удовлетворить искателя истины. Мне нужны были факты. В одной из книг я прочла о некоем медиуме, который мог неподвижно просидеть с карандашом в руке на протяжении целого часа, дожидаясь, когда тот станет писать самостоятельно. Эти сеансы он проводил день за днем, пока — примерно через полгода — карандаш сам не стал писать слова. Таким образом на свет появилось множество книг, вызвавших живой интерес у читателей. Но данные сочинения меня не заинтересовали — это были проповеди, исполненные «света» и патоки, проповеди, значительно уступающие по силе церковным.

«Зачем же, — думала я, — нужно вызывать дух, чтобы написать такие вещи? Неужели *рукой медиума действительно двигал дух*?»

Я тоже взяла карандаш и, упирая его кончик в бумагу, стала ждать. В первый день ничего не произошло. Когда же я проделала то же самое на второй день, карандаш стал дрожать так сильно, что вместе с ним задрожала и моя рука. Затем он стал ездить по бумаге, выводя на ней бессмысленные каракули.

На третий день карандаш стал писать вполне разборчивые слова. Казалось, они написаны старым человеком с трясущимися руками. Я продолжала экспериментировать ежедневно, и каждый раз карандаш оставлял на бумаге все более длинные записи. Во время этого процесса я наблюдала за рукой и пальцами. Откуда приходит сила, движущая моей рукой? Если бы карандаши могли писать самостоятельно, тогда следовало бы ожидать, что любой из них, рано или поздно выпрыгнув из коробки, оставит какую-нибудь запись. Следовательно, карандашом, *несомненно*, двигала моя рука. Но делала она это *без моего сознательного желания и без предварительного намерения писать*. Значит, сила, находив-

шаяся за пределами моего сознания, действовала через меня. Эта сила могла явиться из моего подсознания, так как я не нашла никаких доказательств того, что она пришла из потустороннего источника, то есть от «духа». *Но кто может точно сказать, что такое «подсознание»?*

Я показала записи главному спиритуалисту. С удивительной уверенностью он тут же сказал, что это типичные записи медиума, сделанные под диктовку духа. Я ничего не ответила. К подобным заявлениям я относилась с огромной осторожностью. *Да, я была уверена, что эта сила находилась за пределами моего сознания, так как карандаш двигался не по моей воле. Но эта сила вполне могла явиться и из моего подсознания.* Тот факт, что спиритуалисты *верят*, что эта сила исходит от духа, еще ничего не доказывает!

Я продолжала проводить эксперименты, наблюдая за собой и карандашом.

Одним воскресным днем мы с мужем сидели в гостиной. Он читал книгу, а я занималась резьбой по дереву. Следя за движениями своих пальцев, я вспомнила о давешних экспериментах с карандашом и бумагой. «Если это действительно так, — думала я, — и моя рука, нервы или какой-то другой орган вступают в контакт с духом во время экспериментов и проявляют мысли этой посторонней бестелесной сущности, то почему бы не попытаться вступить в подобный контакт с посторонней сущностью, которая еще пребывает в телесной оболочке? Это был бы еще один шаг на моей тропе к знанию».

Я поделилась своими мыслями с мужем и спросила, не хочет ли он провести опыт по передаче мыслей. Тот сразу же согласился.

Я не знала, как проводятся подобные эксперименты, но решила, что если я смогу избавиться от собственных мыслей, то стану восприимчивее к мыслям других людей. Затем, взявшись своей правой рукой за его левое запястье (я решила, что подобный физический контакт будет способствовать передаче мыслей), я расслабила все мышцы и стала ждать.

Я представляла себе, что для успешной передачи мой муж должен думать о чем-то определенном, и эта мысль каким-то образом *появится* у меня в мозгу. Поэтому я считала, что мысль не должна рождаться во мне. (Тогда я еще не осознавала, что нам, в сущности, неведом источник собственных мыслей.) Когда мы сидели так, застыв в ожидании, произошло нечто совершенно неожиданное: я с удивительной отчетливостью почувствовала — собственно говоря, «увидела», — как какой-то поток энергии приблизительно четырехдюймовой толщины, покинув область солнечного сплетения моего мужа, обвился вокруг моего торса, словно лассо. Я чувствовала этот поток энергии, словно он был *материальным* — он состоял из очень тонкой материи, похожей на густой туман, но все же он был материален. После того как поток окружил мое тело, он с силой потянул меня в определенном направлении, так что я невольно сделала шаг. Рывки продолжались, и я делала шаг за шагом. Если я ошибалась и делала шаг не в ту сторону, поток дергал меня с удвоенной силой, указывая нужное направление. Так я подошла к окну, где материализовавшаяся воля моего мужа оставила меня стоять. Тут последовала новая неожиданность. Моя левая рука, свисающая, как обычно, вдоль тела, вдруг поднялась и стала *невесомой*. Прежде я никогда не задумывалась над тем, что мои руки свисают вниз, подчиняясь закону гравитации. Мы проходили в школе тему по гравитации, но никогда раньше я не задумывалась всерьез над действием этой силы. Сейчас же, стоя перед окном, я осознала, что моя рука поднялась вверх и повисла в воздухе, невзирая на гравитацию. Поднимаясь, рука задела штору и подняла ее вверх. Казалось, ни один мускул моего тела не напрягся — просто поток энергии, исходящий из солнечного сплетения моего мужа, удерживает руку в этом положении. В эту же секунду поток подтолкнул мою голову вперед, так что я уперлась носом в стекло. И чужая сила тут же оставила меня — я вновь смогла передвигаться по собственной воле.

Мы обменялись взволнованными взглядами. Меня поразил тот факт, что сила, исходящая из солнечного сплетения

одного человека, может, словно щупальце осьминога, обхватить тело другого и заставить его передвигаться и действовать, даже вопреки законам земного тяготения. Эта «материя», казалось, состояла из миллиардов капелек тумана, она напоминала Млечный Путь, каким он является нашему взору в ночном небе.

Мой муж был поражен тем, что мне удалось в точности последовать всем его безмолвным приказам: подойти к окну, поднять штору и выглянуть во двор. Все это я проделала как автомат. Я ответила ему, что ощутила, как из его солнечного сплетения струится энергия, и что этот поток был тонким, но материальным. Я сказала ему также, что наше восприятие материальности условно. Силы взаимодействия дают нам ощущение материальности.

Я вспомнила, как несколько лет назад у нашего сына разболелся животик и я положила ему электрическую грелку на больное место. Тогда, поглаживая его лицо, я ощутила, что обычно такая нежная и мягкая кожа моего ребенка стала жесткой и колючей, словно это было лицо мужчины, который несколько дней не брился. Затем я обнаружила, что грелка была влажной и небольшой заряд электрического тока проходил сквозь тело ребенка. Когда я отключила грелку от сети, кожа моего сына вновь стала мягкой и нежной. Так я узнала, что электрический ток может вызывать ощущение шершавости. Каждый может решить для себя сам, с чем он хочет сравнивать «материальное» проявление человеческой воли: с электрическим током или с особой формой материи. Результат все равно будет тот же, ведь современной наукой доказано, что материя — не что иное, как определенный вид вибраций, форма энергии, которая ощущается как материя лишь потому, что для нас непроницаема.

Как всегда, наша семья собралась в воскресенье за столом в полном составе, и я рассказала всем о том, что произошло днем. Все захотели провести такой же эксперимент. Я начала с матери. Все остальные застыли на своих местах, не издавая ни звука, и пытались ни о чем не думать. Я была так восприимчива, что чужие мысли могли помешать эксперименту.

Проводя эксперимент с матерью, я испытала несколько иное чувство. Поток энергии, исходящий от нее, был более слабым, нежным и тонким, чем тот, который я почувствовала при контакте с мужем. После этого я решила поэкспериментировать со своими дядюшками, тетушками и прочими родственниками, собравшимися в тот день в родительском доме. При этом я обнаружила, что каждый индивид излучает свой особый вид энергии. Один из дядюшек, которому всегда было трудно собраться с мыслями и принять конкретное решение, испускал большой, мощный, но хаотичный поток частиц. Эта хаотичность давала соответствующий эффект: мне было очень трудно понять, чего он от меня хочет. Одна тетушка излучала очень узкий поток жестких вибраций, и я воспринимала их как оголенный электрический провод, к которому было больно прикоснуться. В жизни она всегда отличалась агрессивностью. У каждого человека был свой собственный, неповторимый поток энергии.

Передо мной открылся совершенно новый мир! Я стала понимать многие явления, о существовании которых раньше только догадывалась. Теперь мне стало ясно, почему после спора человек порой чувствует себя таким усталым, словно ему пришлось участвовать в состязании по борьбе. Я также начала понимать, почему общение с некоторыми людьми опустошает, тогда как после общения с другими ощущается прилив бодрости и подъем сил. Я это чувствовала почти физически — чуть ли не осязала симпатию и антипатию, исходящие от разных людей. Одни излучают силу, другие же цепляются за тебя, словно щупальцами осьминога, стремясь вытянуть как можно больше энергии. Контакт с такими людьми истощал меня до такой степени, что к концу эксперимента мои колени дрожали, а ноги подкашивались. В этот вечер все члены семьи — включая кухарку и горничную — поочередно пытались передавать мне свои мысли.

В этот период своей жизни я твердо усвоила одну истину: культурные, дисциплинированные люди излучают совершенно иную по качеству энергию, чем те, кто живет лишь для удовлетворения примитивных инстинктов. Это правило

не способны изменить никакие декреты и указы. Безусловно, речь не идет о социальном и экономическом положении! Часто простой, близкий к природе человек, живущий у леса или в горах, излучает гораздо более сильный и чистый поток энергии, чем высокообразованный чванливый эгоист. Такую энергию невозможно скрыть, подделать или «оправдать». Она сразу же раскрывает подлинную сущность любого человека.

Благодаря этим экспериментам я обнаружила еще один интересный факт. Когда кто-либо хотел, чтобы я сделала нечто противоречащее моим представлениям о допустимом моральными или социальными нормами, между мной и волей этого человека возникала глухая стена, «пробиться» сквозь которую мне удавалось лишь с величайшими усилиями.

Все эти эксперименты сильно утомляли меня. Даже в тех случаях, когда мне приходилось контактировать с доброжелательными людьми, я должна была вначале освободить от мыслей свой ум, чтобы обрести способность воспринимать чужую волю — то есть *осознавать в себе волю другого человека*. При этом чужая энергия проходила по моим нервам, и мне нужно было подавлять собственные импульсы.

А это очень трудно. Нервы человека всегда настроены на *его собственные вибрации*, а их сопротивляемость адаптирована к определенному биологическому току.

Любые изменения в нашем психическом или физическом состоянии требуют определенных нервных усилий, независимо от того, каковы (позитивные или негативные) эти изменения. Переживая психические или духовные потрясения, мы подвергаемся определенному риску (будь то шок, взрыв страсти или даже внезапная радость). Теперь постарайтесь представить, каково мне приходилось, когда я пропускала через свою нервную систему совершенно чужие для меня вибрации — чужие не только по частоте, но и по самой своей природе! Если вибрации, принимаемые нервной системой, резко отличаются по характеру, это может привести к весьма серьезным последствиям. Вот почему некоторые особо чув-

ствительные люди загадочно заболевают при перемене обстановки. Это также объясняет тот риск (вплоть до потери личности), которому подвергает себя каждый медиум. К несчастью, в большинстве случаев это все-таки происходит. Медиум получает вибрации различного характера, но не всегда способен ассимилировать или адаптировать их к своему организму. Тогда он становится нервным, безвольным и необязательным человеком. С этим нельзя играть ни в коем случае! История знает множество примеров, когда медиумы деградировали до уровня безвольных автоматов, теряли всякую сопротивляемость и получали хаотичные, неконтролируемые импульсы и послания. В конечном счете их «разоблачали» как лжецов и шарлатанов. Не удивительно! Прямым следствием злоупотребления своими способностями является потеря воли, после этого они начинают делать все, что угодно досужей публике.

Я сама была свидетельницей такого развития событий. Одна женщина с замечательными способностями медиума могла легко совершать настоящие чудеса «чтения мыслей». Позже, потеряв собственный характер и волю, неспособная сопротивляться чужим желаниям, она с удовольствием продолжала демонстрировать свои возможности. Если же контакта не происходило, эта женщина пускалась на любой обман, лишь бы не разочаровать аудиторию. Конечно же, все закончилось грандиозным скандалом. Невежды ликовали, объявив, что единственная способность этой дамы состояла в необычайной легкости, с которой она от начала до конца «надувала» легковерную публику. Нет, ее способности не были простым обманом! *Прямым результатом ее незаурядных способностей медиума было то, что она утратила собственную волю и силу характера. А это привело к обману.*

Я могла наблюдать подобные изменения и в себе. Я не хотела себя обманывать и скоро поняла, до чего пагубный эффект оказывают подобные эксперименты. Обладая сильной волей и сознавая угрожающую опасность, я «восстанавливалась» каждый раз после того, как пропускала сквозь себя чужие вибрации. Однако постоянное сопротивление чужой

воле изматывало меня, и я вскоре окончательно отказалась от этих занятий. Многие медиумы утверждают, что их работа не связана ни с каким риском. Пусть простят меня эти люди за то, что я прямо высказываю свое мнение, основанное на личном опыте: те медиумы, которые не чувствуют себя уставшими и опустошенными после сеансов, просто *не получают посланий от иных личностей или сущностей*, они всего лишь «принимают» то, что *находится в их собственном подсознании*, хотя при этом могут искренне считать, что вступают в контакт с «духом».

Благодаря собственным экспериментам я поняла, что медиум может «получать» послания и *от того, что находится в глубинах его собственного подсознания, и воспринимать это как постороннюю волю*. Это и есть основная причина большинства происходящих недоразумений. Но подобные вопросы невозможно серьезно обсуждать с невежественными людьми. Они продолжают фанатично верить в «духов», обманывая самих себя и доверчивую публику. Они не имеют ни малейшего представления о силах, кроющихся в их собственном *подсознании*.

С другой стороны, человек, стремящийся к истине, способный систематически исследовать подобные феномены, может открыть для себя потрясающие *факты*. Нам просто следует употреблять термин «дух» с большой осторожностью!

Если один человек может сделать так, чтобы рука другого поднялась, *в нарушение законов земного тяготения*, то где же предел его возможностей? Я занялась изучением подобных фактов и узнала, что феномен, известный на Западе как «левитация», до сих пор является частью практики тибетских лам. Этот феномен наблюдался и в Европе, и многие очевидцы свидетельствовали способность подниматься и парить в воздухе таких великих святых, как Тереза Авильская, Сан Хуан де ла Крус и Франциск Ассизский, причем это происходило многократно и длилось по несколько часов. Я знаю, что это возможно, так как *собственная воля* человека способна

заставить его преодолеть силу земного тяготения, как это делает чужая воля. Все зависит от силы воли.

Во время моих экспериментов наступали периоды, когда я была не в состоянии осознавать волю другого человека. Тогда у меня не получалась демонстрация. В такие минуты мне казалось, что на мои плечи наваливается огромная тяжесть. У меня перехватывало дыхание, я начинала хрипеть и стонать, словно перед смертью. Тогда я просила человека, чью волю я пыталась осознать, сконцентрироваться на своих мыслях. Как только мне удавалось прочесть его мысли, я освобождалась от невыносимого груза и вновь обретала способность свободно дышать. Это позволило мне прийти к выводу, что *в большинстве случаев астма — не что иное, как воля другого человека, навалившаяся на больного тяжким грузом. С другой стороны, эта воля может принадлежать самому больному, являясь из его подсознания и вызывая болезнь.*

Вся наша жизнь состоит из множества незримых битв. Из одних мы выходим победителями, в других терпим поражение.

Все эти эксперименты и переживания оказались для меня прекрасной школой. Они дали мне возможность заглянуть вглубь собственного подсознания и многое узнать как о самой себе, так и о других людях. Я убедилась в том, что узнать мысли другого человека возможно. Но с другой стороны, я пришла к выводу, что это непростая задача. Мне стало ясно, почему тибетцы и индусы проводят три дня в уединении — за много миль от людского жилья, — постятся и молятся, прежде чем вступают в контакт с духом умершего. Как мало это походит на опыты наших «спиритуалистов», которые после дня, проведенного в офисе, едва успев вырваться из гущи повседневной жизни, собираются в темной комнате и свято верят, что общаются с высшими сферами!

Они воображают, что, помолившись на скорую руку, могут застраховать себя от всякой опасности. Видели ли вы когда-нибудь, чтобы молитва спасла от смерти человека, прыгающего в пропасть? Невежественные игры в спиритизм являют собой не меньшую опасность, чем прыжок в пропасть.

Будем же разумны! Не стоит забывать, что мы обладаем силой разума, которая позволяет нам беспристрастно проверить результаты подобных экспериментов. За многие годы общения с различными группами людей я имела возможность наблюдать, как безответственные эксперименты в сфере спиритизма приводили людей к нервным срывам, самоубийствам и серьезным психическим нарушениям. Подумать только — спиритические сеансы проводят хотя и честные и серьезные, но совершенно невежественные в области психологии люди! Невежды вызывают к жизни силы, природа которых им совершенно неведома! Только те, кто обладают знаниями в сфере психологии, огромным самоконтролем и невероятной *сознательной* силой воли, могут заниматься спиритизмом.

— 17 —

Я ДАЮ ОБЕТ

Постепенно я стала понимать, что круг моих друзей-спиритуалистов уже не может дать мне ничего нового. Однако занятия в этом кружке приоткрыли для меня человеческую душу, и я увидела, до чего одинокими могут быть блуждающие во тьме невежества люди. Мои собственные способности медиума позволили мне заглянуть в неизмеримые глубины подсознания. Я буквально разделяла себя на части, подвергая самому суровому психоанализу и отказываясь идти на поводу пусть у самых блистательных, но туманных теорий. Вооруженная маленьким топориком, я продолжала углубляться в чащу. Спиритуализм привел меня к психологии. Я начала изучать труды авторов *западной школы* психологии, так как в то время еще не знала об огромном наследии, оставленном в этой области в Индии и Китае.

На чем бы мы ни концентрировались с должным усердием и самозабвением, судьба всегда помогает нам достичь цели. После основательной теоретической подготовки я познакомилась с главным врачом психиатрической лечебницы, который помог мне получить систематическую практику. Я добилась разрешения беседовать с любым пациентом клиники и посещать все палаты, включая и те, в которых находились буйные пациенты.

Однажды, сидя в своей комнате, я пыталась привести в порядок свои мысли. То, с чем я столкнулась в лечебнице, было просто ужасно. «Ад» Данте казался тихим и спокойным местом в сравнении с этим домом скорби. Как много больных людей, заточенных в палаты лечебницы! А сколько их находится вне ее стен! И все они страдают и причиняют страдания тем, кто находится рядом. Их психика постепенно разрушается. А сколько таких, кто выглядят вполне нормаль-

ными и своим поведением могут обмануть ближних (у них ведь на лбу не написано, что они больны)! Иногда такие люди добиваются престижного места, женятся или выходят замуж, а затем начинают издеваться над своими родственниками и близкими, доводя до разрушения свою семью, а иногда и город или даже страну.

Ад распахнулся перед моими глазами. И я заглянула в глубины неизмеримого страдания, чувствуя себя такой беспомощной перед лицом огромной беды! Что-то следует предпринять. Каждый должен знать о душевных болезнях. Здоровые люди должны объединить усилия в борьбе с этим несчастьем. Мое знакомство с душевнобольными открыло мне двери к самым сокровенным тайнам множества семейств, и я с удивлением обнаружила, что на свете живет куда больше больных, чем здоровых. Ознакомившись с различными случаями психических отклонений, я поняла, что чаще всего этим людям можно было бы помочь, окажись рядом с ними в нужную минуту человек, способный восстановить их душевное равновесие простыми средствами. Иногда им просто требовалась перемена обстановки — и тогда счастье семьи было бы спасено.

Я сидела и думала, как много можно было бы сделать, если бы каждый здоровый человек был предан своей работе. Всей душой я стремилась помочь страждущим, но что нужно совершить для этого, с чего начать? И где мне найти поддержку? Раздумывая над этим, я вдруг почувствовала, что в комнате рядом со мной кто-то есть. Занятия спиритуализмом настолько обострили мои чувства, что я могла точно сказать, пуста комната или в ней кто-то есть даже если бы зашла туда с завязанными глазами. Если же в комнате кто-то находился, я могла даже сказать кое-что о характере этого человека. Сейчас же я испытывала подобное слабому электрическому разряду знакомое чувство покалывания, свидетельствующее о чьем-то присутствии. Но это присутствие воспринималось мною как-то по-особенному: я не знала, чем именно оно мне знакомо, но оно было таким родным! Великолепное, мощное и чистое чувство! И снова знакомый голос произнес где-

то внутри меня: *«Где ты найдешь поддержку? Да только в самой себе! Разве ты не видишь, что это всеобщая беда: каждый ждет, что помощь придет со стороны. И поскольку все* ***ждут*** *от кого-то помощи, они никому не помогают сами. Так откуда же может прийти поддержка? Но если бы каждый стремился* ***помочь, то каждый и получил бы помощь. Тогда весь мир был бы избавлен от страданий!»***

И я ответила этому голосу: «Не знаю, кто ты, даже не знаю, какие силы ты представляешь, но ты всегда говоришь мне правду. Ты видишь меня изнутри, видишь то, что скрыто от взора окружающих. Поэтому я могу сказать тебе только правду: я хочу помочь страждущим. Даже если я не более чем пылинка, я хочу, чтобы эта пылинка помогла облегчить больным их страдания. Ничто в жизни не заинтересует меня, ничто не принесет мне счастья, пока я буду нести в своем сознании бесконечные мучения ближних. Я хочу *сотрудничать* в спасении мира!»

— *Будь осторожна!* — произнес голос внутри меня. — *Не разбрасывайся попусту такими словами. Сотрудничать — значит быть готовой исполнять свой долг и жертвовать. Это значит, что ты должна преодолеть все свои слабости! Ты не сможешь ни на минуту утратить над собой контроль, должна будешь постоянно следить за тем, чтобы не нарушались даже самые незначительные законы жизни.* ***Все соблазны, которые ты еще не смогла побороть, начнут преследовать тебя с новой силой и сокрушат, если ты проявишь слабость!*** *Ни один смертный не может играть с божественными силами. И ты никогда не сможешь воспользоваться «статусом»* ***сотрудницы*** *в корыстных целях. Ты должна будешь забыть о личных чувствах и о собственной точке зрения. Будь осторожна! Лучше продолжать вести обычную жизнь, чем стать* ***сотрудницей*** *и предать свое предназначение. Предупреждаю тебя!*

— Я не боюсь, — отвечала я, — я разобралась со своей личной жизнью, и у меня больше нет личных желаний. Я поняла, что личное счастье для меня невозможно. Я не боюсь

никаких соблазнов, так как избавилась от всех иллюзий. Я хочу сотрудничать в великой миссии!

Некоторое время я ничего не слышала — лишь какая-то лучистая сила пронизывала меня. Затем вновь раздался голос:

— *Твоя самоуверенность хорошо известна мне. Но смотри не обманись в своих силах и* ***в этот раз, дитя!***

Я села на диван, потерла лоб и огляделась. Комната была пуста. Кто это был? Что это было? Какая сила говорила этим голосом, который я так хорошо знала? И откуда я знаю этот голос? Откуда он знает меня, знает о моей «самоуверенности»? Прислушиваясь к нему, я даже не обратила должного внимания на совет. «Не обмануться в своих силах *в этот раз*». Что все это значит?

Но ответа не последовало.

— 18 —

Горизонт светлеет

Проходили дни, недели, месяцы. Я ждала знака — чего-то такого, что указало бы мне путь, которым я должна следовать. Я была готова на любые лишения, любые жертвы, лишь бы это мне приказал Голос. Но Голос молчал.

Как я ни старалась вернуться в то особое состояние, в котором я чувствовала покалывание, подобное электрическому разряду, и слышала тихое шипение, словно лопались пузырьки газа в стакане с содовой, Голос больше не звучал.

Я не знала, что делать, и тщетно ждала знамения. Но мне не хотелось попусту терять время. Я решила пока просто исполнять свои повседневные обязанности с максимальным прилежанием — и ждать. Ждать, когда раздастся Голос и поведает мне о моей задаче. Я также понимала: чтобы различить истину с совершенной ясностью, моя душа должна освободиться от всяких эгоистических желаний — ведь оконное стекло должно быть чистым, если хочешь, чтобы через него проходили лучи солнца. Первый шаг на пути к самосовершенствованию — осознание того, что кроется в тебе. Только полностью поняв свою внутреннюю сущность, можно очиститься по-настоящему.

Я начала исследовать источники всех своих внутренних побуждений, мыслей, слов и поступков. Какие бессознательные силы задействованы здесь? Откуда приходят мои мысли? *Что* во мне требует, чтобы я говорила или делала именно то, а не иное? *Почему* я хочу делать именно это, а не то? Если я чему-то радовалась, то анализировала причину своей радости, когда меня что-то огорчало, я тут же пускалась в исследование внутренних причин своего недовольства. Я постоянно наблюдала за собой. Ничто не ускользало от моего внимания. Поймав себя на разговорчивости, я тут же задумывалась, что

побуждает меня говорить, когда же чувствовала, что становлюсь необычно молчаливой, я тут же начинала искать причину своей сдержанности. Я следила за каждым словом, вылетевшим из моих уст, — взвешивала, насколько оно правдиво. Я также всегда следила за воздействием, которое оказывали мои слова и поступки, опасаясь, как бы они случайно не навредили кому-нибудь. Я всегда старалась поменяться местами с собеседником. Что бы я *почувствовала на его месте?* Как бы я *реагировала* на эти слова? Я постоянно держала себя под наблюдением.

Это неусыпное исследование приносило мне неисчислимые блага. Постепенно мне стал открываться магический мир подсознания и сверхсознания. Я научилась узнавать самые разнообразные проявления *одной и той же силы* — от низших побуждений до высших проявлений духовности. Я пришла к выводу, что нам предоставлена свобода выбора: либо отождествлять себя с инстинктами и становиться их рабами, либо обрести власть над ними и стать *собой*! Я осознала, что свободный человек может контролировать свои инстинкты, страсти и желания.

Наряду с непрекращающимся самоанализом, я продолжала изучать психологию и философию, но также не забывала о резьбе по дереву и игре на пианино. Творческая работа дает великолепную возможность обратить взор к своему внутреннему миру и поразмыслить над всевозможными вопросами.

Однажды к нам в гости заглянул искусствовед и увидел мебель, которую я украсила резьбой. Над спинкой кровати я повесила фавна, играющего на флейте. Критик спросил, вылепила ли я предварительно эту фигуру из глины. Я ответила, что даже не слыхала о такой технике и всегда берусь за резец без подготовки.

— Я просто отсекаю все лишнее, — объяснила я.

— Изучали ли вы анатомию прежде? — спросил он тогда.

— Нет, я училась музыке и не могла посещать столько колледжей одновременно.

Полюбовавшись вдоволь образцами моей резьбы, он с чувством произнес:

— Какая все же жалость, что вы не стали скульптором!

— Без подготовки я навсегда останусь дилетантом, — ответила я, — а этого мне совсем не хотелось бы. И я не могу записаться в художественную академию сейчас — не хочу пренебрегать своими материнскими обязанностями.

— Ничего, я поговорю с директором Школы Ремесел, — не унимался критик, — возможно, он сделает для вас исключение и позволит посещать уроки лепки без изучения дополнительных дисциплин. Вам они совершенно не нужны. Уверен, вы сможете закончить Школу, занимаясь по индивидуальному графику.

Таким образом, я получила возможность посещать Школу и учиться у одного из величайших скульпторов того времени. Когда я впервые представилась ему на уроке, он подошел к моему столу и, приблизив свое лицо к моему, стал внимательно изучать его.

— Вот это да! — воскликнул он. — Вы первый живой человек с египетскими глазами, которого я встречаю в своей жизни! Известно ли вам, что у вас глаза египтянки?

— Нет, — ответила я, — мне даже не известно, в чем заключается разница между египетскими глазами и обычными.

— Благодаря продольному разрезу в уголке глаза веко египтянина лежит на глазном яблоке иначе, чем у представителя любой иной расы. Посмотрев на картину, вы можете тут же сказать, принадлежит ли это лицо египтянину или человеку другой расы. Современные египтяне не обладают этой чертой. Ее можно увидеть лишь на картинах, впрочем, удлиненные египетские черепа также встречаются лишь при раскопках и в произведениях искусства. Но от кого вы унаследовали эти удивительные глаза?

— Не знаю, профессор, — ответила я, вежливо улыбнувшись, — возможно, я просто возрождающийся тип.

Он тоже улыбнулся, и мы принялись за работу.

Примерно год спустя, зайдя в мастерскую, где я работала, он заявил:

— С сегодняшнего дня я больше не буду учить вас. Если у вас нет собственной мастерской, можете продолжать работать в этой, но как самостоятельный мастер. Вы больше не нуждаетесь в моих советах — чтобы отшлифовывать свое мастерство, вам нужна лишь практика.

Я горячо поблагодарила его за эти искренние слова и щедрое предложение. У меня была большая мастерская дома, и к тому времени я уже выставлялась несколько раз в галереях, так что вполне могла продолжать работать самостоятельно. С профессором мы остались добрыми друзьями, и он время от времени проведывал меня, чтобы оценить мои творческие успехи.

Искусство доставляло мне радость — я испытывала огромное счастье, настоящий экстаз. Пространство и время переставали существовать для меня. Исчезали физические желания, я забывала даже о пище и воде. Работая, я чувствовала, как в мое тело и нервную систему проникает неведомая сила. Насыщая весь мой организм, она производила целительное воздействие. Часто, сконцентрировавшись на творческом процессе, я замечала, что открываю для себя истины, не имеющие прямого отношения к работе. В такие минуты я получала ответы на философские или психологические вопросы, которые уже давно не давали мне покоя. Тогда я застывала на месте — с инструментом в руке — и созерцала (внутренним взором) открывшуюся мне истину. Мне казалось, что моя голова, взлетев вверх, пробивала потолок и, оказавшись в комнате этажом выше, оглядывалась по сторонам. Это было чудесное чувство — рассматривать внутренним взором сокровища, таящиеся в секретной комнате верхнего этажа. Со временем такие озарения участились — они стали происходить не только во время занятий лепкой или музыкой, но почти каждый раз, стоило мне по-настоящему сосредоточиться на чем-то.

Однажды со мной случилось нечто странное. Но это произошло не во время работы, а поздно вечером, когда я уже собиралась ложиться спать.

Наши кровати стояли вплотную друг к другу, и мы оба — муж и я — имели привычку читать перед сном в постели. Вот и в этот вечер мы читали лежа. Затем я почувствовала, что совсем засыпаю, и, пожелав спокойной ночи, натянула одеяло повыше, зевнула и закрыла глаза, чтобы уснуть. Я закрыла глаза, но продолжала *видеть все, что происходило в комнате.* Глаза были плотно закрыты, но я совершенно отчетливо различала каждый предмет — могла даже наблюдать, как мой муж перелистывает страницы книги. Я открыла глаза, чтобы убедиться, действительно ли мой муж перелистывает страницы или все это было лишь игрой моего воображения. Но нет, движения моего мужа были точно такими же, как это виделось мне при закрытых веках. Я снова закрыла глаза, но по-прежнему продолжала все видеть. Удивленная и взволнованная, я села на кровати и стала осматривать комнату то с открытыми, то с закрытыми глазами. Единственное различие заключалось в том, что, закрыв глаза, я видела вещи уплощенными, словно они отпечатывались на моих веках, как на фотопленке или рентгенограмме, но при этом их изображение было гораздо отчетливее и прозрачнее, чем в «реальности». Да, я видела швейную машинку под деревянным чехлом, картины, висящие на стене в соседней комнате и даже письменные принадлежности, лежащие на столе в моем кабинете. Мне казалось, что все эти предметы выстроились друг за другом в один ряд.

Некоторое время муж наблюдал за тем, как я, закрыв глаза, поворачиваю голову в разных направлениях.

— Что ты делаешь? — спросил он меня наконец.

Я ответила, что открыла в себе способность видеть предметы с закрытыми глазами. Он очень удивился и решил проверить меня: поднял руку и попросил сказать, сколько он загнул пальцев, затем стал переставлять вещи с одного места на другое. Оказалось, я не только могу видеть загнутые пальцы, но и все суставы на них, а также внутренние органы

сквозь костные и мышечные ткани тела. Это было так необычно! Но тут мое чувство юмора взяло верх, и при мысли о том, что вижу своего мужа насквозь, я залилась хохотом.

Наконец мы улеглись спать. Я, как всегда, спала крепко и спокойно. Утром оказалось, что я вижу как обычно — только с открытыми глазами. Странное явление не повторялось долгое время, и я продолжала заниматься лепкой, словно ничего не произошло.

Работая с глиной, я не забывала и о психологии. Все больше людей приходили ко мне поделиться своими духовными проблемами. Таким образом, мой опыт неизменно обогащался.

Так прошло несколько лет: постоянная работа зимой, а летом — отдых среди красот природы на берегу озера.

— 19 —

Видения

В моей жизни наступил период, когда видения стали являться мне, когда я находилась в состоянии бодрствования. Некоторые из них оказали столь значительное воздействие на мою жизнь, что я не могу не упомянуть о них.

Каждое лето мы с мужем путешествовалипо разным странам. Однажды, возвращаясь домой из Италии, мы остановились в Доломитах, чтобы побродить по горам. Здесь меня посетило одно из самых впечатляющих видений в моей жизни.

Возвратившись вечером в гостиницу после трудной вылазки в горы, мы с мужем сразу же легли на кровать. Там, в горах, солнце светило так ослепительно, что мне казалось, будто каждый луч, словно раскаленное копье, пронзает меня насквозь. Огромные уступы красноватых скал отражали солнечный свет, разбрасывая лучи во всех направлениях, и казались необыкновенно величественными. Во всей атмосфере чувствовалось что-то демоническое: жар казался осязаемым, словно я находилась в преддверье ада. Я даже обрадовалась, когда мы наконец повернули назад, а солнце — этот гигантский огнемет — скрылось за горизонтом.

Улегшись в постель, я уже приготовилась отойти ко сну, как вдруг мне показалось, что потолок обрушивается на меня, а я сама проваливаюсь в бездну, где меня ждет неминуемая смерть. Врач, вызванный моим перепуганным мужем, установил, что я перенесла сердечный приступ, и сделал мне укол. Ночь была очень тяжелой, и к утру мой пульс все еще был столь слаб, что еле прощупывался. Теперь я поняла, что такое настоящий страх смерти. Поскольку это уже вошло у меня в привычку, то даже при столь необычных обстоятельствах я продолжала внимательно наблюдать за своими реак-

циями и открыла для себя, что страх смерти — это в первую очередь физическое состояние. В моем сознании царил покой, я даже не думала о смерти, и в то же время страдала от столь сильного страха смерти, что его невозможно было описать никакими словами. Я больше не находилась в этом мире *полностью*, но и в другом я не оказалась. Я повисла в пустоте, страдая так страшно, что готова была предпочесть смерть этой пытке. Я прекратила борьбу, решив уйти в смерть сознательно, лишь бы избавиться от этого страха.

Однако как раз в тот момент, когда я приняла решение раствориться в пустоте, которой так боялась прежде, пространство вокруг меня внезапно раздвинулось во всех направлениях, и перед моим изумленным взором открылась бесконечность. В этой бесконечности проходила, извиваясь, длинная-предлинная дорога, в конце которой стояла некая нематериальная сущность в образе величественного человека, испускающего ослепительное сияние. Фигура протягивала ко мне руки, и это казалось жестом бесконечной любви. Она находилась на огромном расстоянии от меня, а от ее лица исходил столь яркий свет, что я не могла различить черт. И все же я узнала в ней *Спасителя*.

По дороге медленно двигались какие-то яйцевидные существа. Они напоминали овец, развернутых так, что видны были лишь спины. Я стояла в начале дороги и должна была указывать им направление. Они проходили мимо, направляясь к ожидающей их с протянутыми в жесте любви руками излучающей свет фигуре. Достигшие цели растворялись в сиянии фигуры и исчезали. Вся дорога была занята этими сущностями, имеющими овальную форму, в которых я узнала *человеческие души*. Я указывала им путь, и мимо меня проходило все больше и больше душ.

Я поняла, что не смогу умереть, пока эта работа не будет сделана. Я также осознала, что выполнение этого задания займет много времени — пока весь песок не пересыплется в гигантских космических часах, символизирующих мою жизнь, пока я сама не возвращусь в свой сияющий дом, где меня ждет любовь.

В моей душе воцарилось бесконечное спокойствие и сердце стало биться как обычно. Я взглянула мужу в лицо, на котором была написана тревога. Язык уже свободно двигался во рту, и я смогла произнести утешительные слова. Он заплакал, словно ребенок, радуясь тому, что в моих глазах появился свет и я снова обрела дар речи.

Через несколько дней мои силы восстановились, и мы смогли продолжить путешествие.

Во время пребывания на берегу озера моя восприимчивость обострялась: видения становились более частыми, а способность к телепатии возрастала. Однажды после веселого суматошного дня мы с мужем легли спать. Прижавшись к его боку, я заснула. Мне снились сумбурные, обрывочные сны, как вдруг я отчетливо услышала шаги — медленные, шаркающие шаги. Тут я осознала, что задремала, сидя на лестничной площадке. Шаги звучали все ближе, и вот внизу появилась согбенная мужская фигура, поднимающаяся вверх, туда, где находилась я. Приблизившись вплотную, мужчина опустился на ступеньку рядом со мной.

Лестница, где мы сидели, спускалась с холма и вела к центру города. Там, где мы расположились, находилось множество жилых домов и различных государственных учреждений, так что мимо нас должны были проходить в течение дня тысячи людей. Но сейчас, в середине дня, лестница на время опустела, и мне было удобно сидеть здесь. Навес защищал меня от дождя, а мой дневной заработок был совсем не плох. У меня были «постоянные клиенты», бросающие мне мелочь каждый раз по пути на работу. Но каков нахал, этот нищий старик! Взять и усесться рядом со мной, даже не спросясь, — ведь ясно же, что это повредит моему бизнесу! Прохожие не станут подавать милостыню сразу двум, так что я потеряю по крайней мере половину дохода.

Я собиралась заявить ему, чтобы он убирался отсюда подобру-поздорову — шел просить милостыню в каком-нибудь другом месте! Но, поглядев на него, я вдруг заколебалась. В его глазах читалась какая-то неуверенность. Ему было явно не по себе, и он даже сделал движение, словно собирался

уйти, но было слишком поздно. Я узнала его! О Всемилостивый Отец, ведь это же *он*! Тот самый человек, которого я искала так долго! Я любила его, а он бросил меня. И вот сейчас он сидит напротив, такой же нищий, как и я. Зачем, зачем, Ты допустил эту встречу!

Я присмотрелась к нему внимательнее: морщинистая кожа обвисла по обеим сторонам лица, волосы и борода взлохмачены, видно, что давно уже не чесаны, а его одежда — сплошные лохмотья. О молодой элегантный щеголь, неужели это ты? Он тоже вглядывался в мое лицо, в его глазах я смогла прочесть чувство вины. Его лицо искривилось в гримасе, губы безвольно отвисли, и, прикрыв глаза руками, он беззвучно зарыдал. Я увидела, что кожа на его руках сплошь покрыта трещинами и ранами. А эти пальцы, с длинными грязными ногтями и суставами, выкрученными подагрой! До чего хороши были эти руки раньше, как нежно они умели обнимать и пожимать пальцы женщин!

И тут я перевела взгляд на собственные руки. Горе мне! Мои руки стали столь же безобразны, как и его! Поднеся свои руки к глазам, я увидела, что они скрючены подагрой и кожа на них такая же морщинистая и изъязвленная, как и на его руках. Когда же они успели стать такими? Не знаю! Я никогда прежде не замечала этого. Я словно спала наяву. Понемногу, словно выходя из какого-то оцепенения, я стала вспоминать. Казалось, густой, непроницаемый туман, столь долгое время окутывавший мое сознание, начал рассеиваться. Я оглянулась на свою жизнь и увидела людей, относившихся ко мне как к скотине, людей, никогда не сострадавших мне. Я вспомнила, как относились ко мне люди на ферме — они постоянно насмехались над моей беспомощностью и издевались над моей неуклюжестью. Могла ли я, находясь в полусознательном состоянии, думать о том, как выглядят мои руки или какова моя внешность в целом? Впрочем, могла! Когда я была молода, мне хотелось быть хорошенькой, чтобы понравиться *ему*. В те дни я всегда вплетала в косы разноцветные ленты, но позже, когда я потеряла и его, и своего ребенка, мне все стало безразлично.

Я больше никогда не смотрелась в зеркало и меньше всего задумывалась, над тем, как выглядят мои руки. Меня интересовало только то, что люди кладут в них. Да, сейчас я отчетливо вспоминаю, что, когда мне подавали милостыню, а я жадно тянулась, чтобы ухватить монету, многие люди тут же роняли ее, быстро отдергивая руку, — они боялись прикоснуться к моим пальцам. Сейчас я поняла все. Меня саму при взгляде на собственные искореженные руки охватило отвращение. А до чего отвратительны эти грязные лохмотья! Интересно, что стало с моим лицом? О, если бы только он не бросил меня тогда так бездушно! Никто из нас не оказался бы в таком состоянии, и я бы не потеряла ребенка. Но почему? Почему все так случилось? И зачем мы встретились вновь сейчас, когда наши жизни уже почти на исходе? Сейчас уже ничего не исправишь. Слишком поздно. Слишком поздно.

Невыразимая боль волной накатывает на меня и повергает в отчаяние. Кажется, что сердце вот-вот разорвется. Что-то сжимает грудь, как тисками. Свет гаснет. Все исчезает, и я проваливаюсь в *никуда*.

Кто-то стонет и хрипит рядом со мной. Как только у меня в глазах посветлело, я оглядываюсь по сторонам и вижу перед собой испуганное лицо своего мужа. Тут только до меня доходит, что хрип и стоны исходят от меня. Оказывается, я сижу, выпрямившись на кровати, а он трясет меня за плечо. Когда же он видит, что я пришла в себя и узнала его, он прекращает трясти меня и спрашивает испуганным голосом:

— Что с тобой? Надеюсь, уже все в порядке? Ты меня страшно напугала. Я проснулся из-за твоего хрипения. Ты сидела на постели с открытыми глазами, но не узнавала меня. Ты смотрела сквозь меня, куда-то вдаль. Что с тобой происходит? Ради Бога, скажи мне, что с тобой творится?

Я посмотрела на него, открыла рот, чтобы ответить, но так и не смогла выдавить из себя ни звука. Мое горло было еще сведено судорогой, и я еле-еле выдавила из себя:

— Нет, не сейчас. Я не могу говорить. Завтра.

Муж перестал задавать вопросы, и я бессильно упала на подушки. Он еще некоторое время держал меня за руку, внимательно вглядываясь в мое лицо, а затем, убедившись, что я успокоилась, выключил свет.

Утром, усевшись на лавочке в саду, я рассказала ему о своем видении.

Это была нищенка, которая вспомнила всю свою жизнь, — и этой нищенкой *была я. Я* помню совершенно отчетливо все то, что я пережила, будучи этой женщиной. Это была моя собственная жизнь, внезапно осознанная мною.

— Я была одинокой молоденькой служанкой, — рассказывала я своему мужу, — которая жила в большом деревенском поместье. У меня не было отца. Я вообще не помню ни своего отца, ни матери. Сколько себя помню, я была совершенно одна. Я жила в окружении такой же прислуги — конюха, повара, садовника и горничных. Там я выросла, и это был мой дом. Вокруг меня постоянно находились люди, понуждавшие меня работать. Повзрослев, я осталась в этом доме, где жили мои хозяева. Это был действительно огромный дом, и горничные говорили, что убранство комнат необыкновенно красиво. Мне никогда не позволяли заходить туда, так как у меня не было туфель. В комнаты могли входить лишь слуги, у которых были туфли, я же была дворовой прислугой. Двери всех комнат выходили в длинный-предлинный коридор, и я должна была убирать в этом коридоре. Я таскала из колодца ведра с водой, а затем, смочив тряпку, начинала натирать до блеска разноцветные каменные плиты, которыми был выложен пол коридора. Я наклоняла голову очень низко и смотрела, чтобы нигде не оставалось ни пятнышка грязи. Это была бесконечная работа: все время тереть и тереть. Когда же я заканчивала тереть этот коридор, то поднималась наверх и начинала тереть следующий. Шло время — месяцы и годы — но ничто в моей жизни не менялось. В награду за свой труд я могла есть на кухне вместе с прочей прислугой и спать в крошечной комнате над конюшней. Во дворе я видела кареты, принадлежавшие гостям моего хозяина. Гостей впускали в дом через парадный вход. Конюх за-

водил запряженных лошадей во двор, распрягал их, водил по кругу, ожидая, пока те остынут, а затем заводил в конюшню. Многие заезжали в гости, возвращаясь с охоты, и пачкали каменный пол коридора. Грязь отваливалась кусками с подошв их ботинок, и мне приходилось вставать ни свет ни заря, чтобы привести коридоры в порядок, прежде чем проснутся барин с барыней.

Однажды, забредя во внутренний дворик, я увидела, как необыкновенно красивый молодой человек вышел из дома и направился в конюшню, чтобы взять своего коня. Вскоре он выехал оттуда верхом. Меня словно громом поразило: этот юноша был так хорош, так наряден, но при этом он смотрел на меня! Он показался мне богом, спустившимся на землю. И позже, вечером, когда он пробрался в мою комнатушку, я была на седьмом небе от счастья и позволила делать со мной все, что ему хотелось. Его лицо до сих пор сияет сквозь туман, окутывающий мой разум. Долгие блаженные минуты проводила я в его объятиях.

Он часто уезжал на охоту, и теперь моя жизнь состояла из мучительных дней ожидания и счастливых дней, когда он возвращался в поместье.

Через год на свет появился ребенок. После того как, выбравшись из своей комнаты в поисках помощи, я упала без чувств у двери кухарки, та взяла меня к себе и помогла родить ребенка. Я не понимала, что происходит, но когда, пережив невыносимые страдания, я взяла в свои руки ребенка, то почувствовала, как по всей груди разливается теплая волна любви. Впервые в жизни я стала по-настоящему счастливой. *Кто-то нуждался во мне. Для кого-то я стала всем на свете.* Кухарка переговорила с хозяйкой, и та позволила, чтобы ребенок остался со мной. Я пообещала работать усерднее, чем прежде.

Когда отец моего ребенка появился в поместье и пришел, как обычно, навестить меня, я с гордостью показала ему наше дитя и попросила, чтобы он забрал меня в свой дом, где я смогла бы прислуживать ему. Он отпрянул, словно от ис-

пуга, и поспешно заявил, что вовсе не уверен, будто является отцом этого ребенка.

— Откуда мне знать, — сказал он, — может, кто-то из здешних слуг — отец этого младенца?

Тщетно пыталась я внушить ему, что он единственный мужчина, когда-либо касавшийся меня, что я не подпускала к себе никого другого и лишь ему позволяла делать со мной все, что ему хотелось. Тщетно я молила его позволить мне работать где-нибудь невдалеке от него, обещая никогда не тревожить его покой и не досаждать ему. Для счастья мне нужно было лишь иногда видеть его. Не знаю даже, приезжал ли он еще в наш дом, — по крайней мере, он больше никогда не заходил в мой чулан. Я ждала его из года в год, но, увы, напрасно. Но со мной был мой ребенок! И это согревало мне душу. Он значил для меня больше, чем сама жизнь!

Я мыла и терла разноцветные плиты коридора и думала о своем ребенке. Я носила воду из колодца и думала о своем ребенке. Я старалась справиться с работой побыстрее, не щадила своих сил, лишь бы поскорее вернуться к ребенку. Это была девочка — хорошенькая и умная — точь-в-точь как ее отец. Она всегда делала все наперекор мне, но сама не терпела возражений. Чем больше внимания уделяла я ей, тем меньше любви она проявляла ко мне. С самого детства она проявляла удивительное непокорство — иногда удирала так далеко, что возвращалась лишь на следующий день. В такие дни я не находила себе места и отправлялась на ее поиски среди ночи. Когда же она наконец возвращалась домой, я была на седьмом небе от счастья и прощала все ей.

Однажды девочка ушла из дому и не вернулась. Я обыскала все окрестности, но тщетно — моей дочери не было нигде. Со всех сторон меня обступил мрак, жизнь опустела, ничто не радовало меня и работа валилась из рук. Я так и не смогла примириться со своей утратой и однажды ушла из барского дома навсегда, надеясь отыскать свою девочку. Я шла от города к городу, от деревни к деревне и везде спрашивала людей, не видели ли они мою дочь. Проходили годы, а я все еще продолжала искать ее. Я искала, утратив всякую надежду, ис-

кала, лишь бы забыть о своем горе. Люди давали мне пищу, а когда моя одежда изнашивалась и превращалась в лохмотья, отдавали мне свои обноски. А я все шла и шла, от одного города к другому.

Однажды я повстречалась с кухаркой, которая прежде работала вместе со мной в поместье. Теперь она вышла замуж и переехала как раз в тот город, куда я забрела. Она пригласила меня к себе домой, накормила меня и рассказала, кем был отец моего ребенка.

Но тут муж, ухватив меня за руку, прервал мой рассказ. Бледный, как мел, он воскликнул дрожащим голосом:

— Постой, постой! Я сам продолжу этот рассказ. *Я помню, что произошло дальше!* По мере того как ты рассказывала, картина всплыла перед моими глазами. Я узнал себя и понял, что я и был тем самым человеком, который бросил тебя! Я был ужасно легкомысленным и своевольным, жил только ради удовольствий, соря деньгами направо и налево, пока не потерял все, что имел.

Вскоре все мое имущество пошло с молотка, и я должен был оставить свое родовое поместье. Я обратился за помощью к друзьям, в свое время столь усердно помогавшим мне проматывать мое наследство. Вначале они предоставляли мне кров и пищу, но потом давали понять, что мое присутствие в их доме нежелательно. Это повторялось вновь и вновь с неизменной концовкой, пока я не разочаровался в них, да и в самом себе. Друзья посоветовали мне подыскать работу. Но я не имел понятия, что такое «работа» или «работать», и лишь опускался все больше и больше. Наконец я решил, что мое нынешнее положение — не что иное, как Божья кара за то, что я столь бездушно поступил с тобой и с ребенком. Тогда я отправился в дом своего друга, где ты когда-то работала. Меня интересовала лишь твоя судьба и судьба ребенка, но когда я туда явился, мне сказали, что вы обе — ты и девочка — куда-то исчезли. А время шло, и становилось все труднее отыскать друзей, готовых «ссудить» меня деньгами.

Вскоре все без исключения мои бывшие друзья отказались помогать мне деньгами, и мне пришлось обращаться за помощью к посторонним людям. Таким образом, постепенно я превратился в настоящего бродягу, странствующего из одного города в другой, просящего подаяния и крова на одну ночь. Добросердечные люди делились со мной куском хлеба и разрешали переночевать в хлеву или на конюшне. Физически я опускался так же стремительно, как и морально. Скитания и голод подточили мои силы, годы брали свое, и вскоре я дошел до того, что, забыв о всякой гордости, стал просить милостыню на перекрестках оживленных улиц. Вот так мы и встретились — двое нищих.

Я внимала каждому его слову — я знала, что все произошло именно так. С самого начала я знала совершенно определенно, что тем старым нищим был мой муж. Больше всего меня поразило то, что он помнит об этом так же подробно, как и я. Все, что он рассказал мне сейчас, в точности совпадало со словами кухарки. Она поведала мне, что мой бывший любовник, промотав свое состояние до последней копейки, был изгнан из поместья кредиторами и однажды вновь появился в доме моего хозяина, где расспрашивал о моей судьбе и судьбе нашей дочери. Но уже тогда в этом человеке трудно было узнать того блистательного кавалера, которым он некогда был. Он превратился в безвольную развалину, бродящую по городам и весям, надеясь на подачки. После беседы с кухаркой я вернулась в поместье своих бывших хозяев, чтобы узнать адрес этого человека. Но никто уже не знал о его местопребывании. Я старела, и мне становилось все труднее и труднее ходить по свету. Наконец я решила обосноваться возле этой лестницы. На ней я провела свои последние дни. Там я и повстречала его. Но встреча оказалась запоздалой. Вся жизнь прошла впустую. Ребенок исчез. Моя жизнь подошла к концу. Я умерла прямо на этой каменной площадке. Здесь воспоминания обрывались.

Долгое время мы с мужем смотрели друг другу в глаза, не проронив ни звука. Нам с трудом верилось, что подобное может произойти с двумя образованными людьми в совре-

менном мире. То, что случилось, не могло быть объяснено ни одной из современных теорий наследственности или психологии. *Мы знали, что все это действительно случилось с нами.* Это не было игрой воображения!

Осознание того, что мы встречались прежде, потрясло нас до самых глубин естества. Долгое время мы просидели в молчании, успокаиваясь после пережитого потрясения. Наконец мой муж произнес:

— Никогда прежде я не задумывался, почему с самой юности я упрямо избегал карточных игр, спиртных напитков, танцев и прочих светских увеселений. Хотя, признаться, мне всегда нравились вина, карты и балы. Сейчас я понимаю, что после того, как я растратил все свое состояние по пустякам и закончил жизнь в нищете, страх перед вином, картами и веселым обществом глубоко проник в мое подсознание.

С тех пор я узнал цену деньгам. И тогда же я понял, что человек оценивается по тому, насколько он может помочь в жизни своей семье и самому себе. Все это покоится в глубинах моего подсознания — именно этому научился я в той своей жизни. Именно поэтому в нынешней жизни главной моей целью была учеба. Я учился, невзирая ни на что, и всегда отказывался составить компанию своим школьным приятелям, когда те устраивали веселые пирушки. Я всегда находил силы сказать им «нет», ведь я боялся нищеты, в которой некогда оказался из-за подобного времяпрепровождения и память о которой таилась в глубинах моего подсознания.

— Да, — тут же отозвалась я, — и после бездельничанья в прошлой жизни сейчас ты боишься и минуту провести без работы.

— Верно, во второй половине той моей жизни я искал работу, но не имел никаких знаний или полезных навыков. Я не умел работать. Когда я просил дать мне работу, люди просто не воспринимали меня всерьез. Они не хотели поручать мне даже самые простые задания. Позже, когда я стал бродяжничать, некоторые люди давали мне подзаработать из жалости — позволяли разгрузить телегу, выбить ковры, нарубить дрова или собрать урожай винограда. Выполняя

эти простые задания и проклиная собственную непутевость, я мечтал о том, чтобы научиться какому-нибудь ремеслу, позволяющему зарабатывать на достойное существование. Зато в этой жизни я научился всему, чему мог, и буду продолжать учиться до конца своих дней!

Когда он произнес: «до конца своих дней», мне показалось, что сердце мое сжимает железная рука. Где же будем мы — я и наш ребенок — в «конце его дней»? Я окаменела от страха. Существует закон природы: *когда бьешь изо всех сил кулаком в стену, чувствуешь ответный удар той же силы. Нет, это не стена отвечает ударом на удар: просто удар возвращается назад. В любом случае, если мы наносим удар, то получаем ответный удар той же силы.* Нет, я не хочу, чтобы мое неясное предчувствие оправдалось. Мы никогда не бросим его. Никогда!

Затем я задумалась над связью между моей прошлой жизнью и нынешней. Почему я так часто недомогала, почему порой мне казалось, что все вокруг застилает туман? И почему во мне вдруг проявилось столько талантов? Ответа на эти вопросы я так и не смогла найти.

Несколько дней подряд мы ходили под впечатлением случившегося. Но вскоре воспоминания о прошлой жизни стали тускнеть, и мы снова начали встречаться с друзьями, кататься на лодке и купаться в озере. Муж вернулся в город, так как его отпуск подошел к концу, а я осталась на даче вместе с детьми и остальными членами нашей семьи.

***

Все побережье озера состояло из пород вулканического происхождения, и радиация была, вероятно, достаточно сильна, потому что видения стали являться мне чуть ли не ежедневно.

По натуре я человек довольно-таки скептический и всегда пытаюсь в первую очередь найти естественное объяснение различным событиям. Я никогда не верила в существование демонов или привидений, и когда мои знакомые рассказывали о том, что в некоторых старинных замках привидения появляются чуть ли не каждую ночь, я только улыбалась и

считала, что они просто дали волю своему воображению. Меньше всего я думала, что когда-нибудь сама переживу нечто подобное. Кроме того, видения отличаются тем свойством, что человек не может вызывать их по собственной воле. Они появляются совершенно неожиданно, когда твой ум занят совершенно иными вещами.

Муж уехал, а мы остались наслаждаться безмятежным отдыхом на берегу озера. Однажды вечером я, как обычно, вошла в свою комнату и, задув свечу — в этой глуши не было электричества, — легла спать.

Не знаю, сколько времени я проспала, когда меня разбудил странный шум. Казалось, в комнате происходит отчаянная борьба. Нашарив в темноте коробок спичек, я зажгла свечу. И увидела устрашающего вида призрак, направляющийся к окну с моим ребенком в руках. Призрак имел женские очертания и напоминал классическое изображение ведьмы. Когда я испугала его зажженным светом, призрак попытался выскользнуть из окна по шнуру, протянутому от наших кроватей куда-то вдаль. Я ухватила своего ребенка и попыталась вырвать его из рук ведьмы, но та не хотела отпускать свою добычу без борьбы. Ведьма стала скользить по шнуру. Казалось, она получает от него какую-то силу. Но призрак не мог покинуть комнату, так как я намертво вцепилась в своего ребенка. Каждая из нас изо всех сил тянула детское тельце на себя. Я интуитивно чувствовала, что ведьма не сможет удерживать ребенка долгое время и что, если ей не удастся вырвать его из моих рук, победительницей останусь я. Так и произошло: после короткой отчаянной схватки она отпустила ребенка и, вылетев в окно, растворилась во тьме.

А я... Я обнаружила себя стоящей на коленях на кровати рядом с моим сыном, который спал глубоким безмятежным сном. Но свеча на ночном столике была зажжена. Приснилось ли мне все это? Забыла ли я погасить свечу перед сном? Нет. Рядом со свечой лежала обгоревшая, но еще тлеющая спичка, а это доказывало, что свеча была зажжена только что. *Нет, это был не сон!*

Я вновь легла в постель и попыталась успокоить свое бешено бьющееся сердце. Что же это было? Ведьма? Разве подобные вещи существуют на свете? И что такое ведьма? Почему художники всегда изображают ведьм такими похожими друг на друга, и откуда вообще взялась эта фигура? Как впервые появился этот образ, и почему люди считают, что ведьмы летают на метлах? Если ведьмы всего лишь плод воображения, то почему их неизменно изображают в виде старухи с длинным крючковатым носом и помелом в руке? И почему их никогда не изображают с копытами? Говорят, что дьявол имеет *копыта*, а ведьма нет. Но откуда это известно? Кто видел дьявола? Кто видел ведьму? И почему ведьма должна быть обязательно с метлой? Эта ведьма все время держалась поближе к какому-то шнуру, а когда она вылетела через окно, я вполне могла представить ее сидящей верхом на метле. Я понимаю, что необразованные крестьяне, не имеющие ни малейшего представления о силовых потоках, могли вообразить, что ведьма действительно держится за метлу и летает на ней. Ведьма — олицетворение слуги «дьявола». Я просто всегда знала это. Была ли вся эта сцена проекцией моего воображения, иллюзией? Да, безусловно. Но *что ее спровоцировало? Отчего видение явилось мне?* Прежде всего меня занимал вопрос: почему все люди, видящие иллюзии, или галлюцинации (зовите это как угодно), воспринимают их почти одинаково? Почему все мы несем в своем подсознании именно эту картину — если, конечно, она приходит из подсознания? Безусловно, на это можно ответить и так: я видела прежде изображения ведьм и вот сейчас столкнулась с проекцией этих картин. Но это совсем не так! Хотя ведьма, явившаяся ко мне, в целом напоминала ведьм, обычно изображаемых на картинах, в некоторых деталях она отличалась от них.

И откуда появился этот шнур или веревка? Ни на одной картине я не видела ничего подобного. После всех моих телепатических экспериментов у меня сложился определенный образ «шнура». Я воспринимала его как энергетический поток, может быть даже поток воли. Но откуда исходил этот

поток? А может быть, правильнее спросить: от *кого* исходил? И если силовой поток может восприниматься как физический образ, то, возможно, это была не собственно ведьма, а некая фигура, созданная силовым потоком, исходящим из неизвестного мне источника? Но кто же тогда сами люди? Откуда мы возникли? Не являемся ли и мы формами, сотканными из различных силовых линий? И что же такое «действительность»? Лишь то, что мы можем потрогать рукой? Возможно, и мы не более чем проекции, но при этом наивно *полагаем, что обладаем определенной формой*? Тогда и любовь, ненависть, надежда, отчаяние, добро и зло — тоже реальность. Ведь мы страдаем, когда нас отвергают, потому что эти незримые связи так же реальны, как и осязаемая «действительность».

Я знаю, что физическое тело моего ребенка (мой «настоящий» ребенок) мирно посапывало в своей постельке во время этой отчаянной борьбы с ведьмой-призраком. И я полностью осознаю, что эта борьба происходила между *силами*, а не между *телами*, но это не делало ее менее реальной. Возможно, эти призраки более «настоящие», чем те физические формы, которые мы видим? И что такое материальная форма? Всего лишь наружная оболочка, возникшая в результате действия создающих материальное тело сил. Итак, если сила — причина, материальное тело — лишь следствие. Что же из них важнее? Что реальнее?

Долгое время я задавала себе подобные вопросы. Вся сцена казалась мне совершенно реальной. У меня были доказательства, что я не спала. Но даже если бы и спала — неужели переживания во сне не могут быть реальными?

Прошло несколько дней, в течение которых ничего особенного не происходило. Как-то вечером, когда все уже разошлись по своим спальням, я тоже поднялась в свою комнату и улеглась в постель. Погода была очень жаркой, и в моей комнате было очень душно.

Чтобы проветрить ее, я распахнула не только окно, но и дверь, выходящую в холл. Таким образом, из своей комнаты я могла видеть лестницу, ведущую на верхний этаж.

Лежа в кровати, я пересматривала события всего дня: что я сделала правильно, а что не совсем, когда я ответила удачно, а когда я не нашлась с ответом? Затем я вспомнила, что мне нужно приготовить завтра еду — это было моей обязанностью. Словом, мои мысли были заняты обычными житейскими мелочами, как вдруг я увидела, что две странные фигуры крадутся мимо двери моей комнаты и застывают напротив моей кровати. Обе они были ростом с человека, обе были черными и потому казались тенями. Они не были объемными. Единственной причиной, по которой я могла их различать, было то, что они поглощали свет. Попытаюсь объяснить это по-другому: собственно говоря, я не видела никаких существ, но видела дыры, где исчезал свет. Выражаясь научным языком, они являли собой непроницаемую преграду, поглощающую световые лучи. Если бы не это их свойство, они были бы совершенно невидимыми. Трудно найти подходящие выражения для определения этого феномена. Тут до меня дошло, почему крестьяне обычно употребляют слово «тени» при описании призраков и привидений. В общем, эти фигуры были «тени», но не отбрасываемые какими-то предметами, а «сами по себе», тени, в которых исчезал всякий свет. Прежде я никогда не представляла, что подобная чернота может существовать во Вселенной. Затем я вспомнила, что астрономам известна некая «черная дыра», существующая в космосе. Она вызвана полным отсутствием света. Ученые не могут объяснить это явление иначе как «задержкой лучей». Что-то отклоняет лучи, и мы видим дыру в космосе. Эти две фигуры были созданы из того же *отсутствия света*, что и «черная дыра».

На плечах они держали шест, с которого свисало нечто неописуемо жуткое. Оно чем-то напоминало осьминога, но его природа не была органической — бесформенная масса, рыхлая, словно сырое тесто, то расширялась, то сжималась. Да, с шеста свисала бесформенная, пульсирующая, зеленоватая, гнойная, разлагающаяся, отвратительная масса, в которой затаилась смерть и всевозможные беды. Я знала, что это раскачивающееся и дрожащее на шесте чудовище — вопло-

щение зла, замершее в ожидании очередной жертвы. И вот фигуры двинулись дальше, по направлению к комнате моей сестры. Нет, я не должна допустить этого! Зло не должно подкрасться к ней! Сев на кровати, я кричу изо всех сил: «Грет! Грет!»

От этого крика две теневые фигуры бросились наутек, швырнув шест на землю, а демон, болтавшийся на нем, покатился по полу, сжимаясь до размеров футбольного мяча, и начал фосфоресцировать. Затем, запрыгав вверх по ступенькам, он издал дьявольский хохот, который я услышала своим внутренним слухом, и со словами «Ха-ха-ха, неужели ты думаешь, что можешь поймать меня?» воплощение зла исчезло в открытом окне.

Я сорвалась с постели и бросилась в коридор, спеша увидеть, что там произошло. Но там стояла полная тишина. Почти в ту же минуту дверь наверху открылась и на лестничную площадку вышел мой брат.

— Что происходит, кто тут? — громко спросил он.

— Это я, — ответила я, зажигая свечу, — но почему ты вышел из комнаты?

— Я проснулся внезапно, словно от кошмара, — ответил он, — и у меня возникло ощущение, что в доме творится что-то ужасное — словно всем нам грозит опасность. Я вышел из комнаты, чтобы посмотреть, не случилось ли чего. И тут ты... А что разбудило тебя?

Пока мы говорили, из своих комнат вышли обе мои сестры, а затем и слуги высыпали в коридор. Все интересовались, почему я кричала. Я им все рассказала. Мы дружно обшарили весь дом, но все вещи оказались на своих местах, наружная дверь — заперта. Я попросила брата проверить окно над лестницей — не могло ли случиться, что сквозняк приоткрыл его так, что в стеклах стала отражаться луна и она показалась мне тем самым светящимся «мячом». Но луна оказалась с другой стороны дома, и я никак не могла увидеть ее отражение в окне.

Не найдя ничего подозрительного, мы все разбрелись по спальням. Но еще долго в моих ушах звенел дьявольский

голос: «Неужели ты думаешь, что можешь поймать меня? Ха-ха-ха!»

Через несколько дней мой маленький сын пожаловался на боль в животе. Я решила, что это аппендицит, и сразу же отправилась с ним в город, чтобы проконсультироваться с другом отца — знаменитым хирургом, директором большой больницы. Он определил раздражение аппендикса, но посоветовал повременить с операцией до осени. Итак, мы возвратились на побережье, где до конца лета мой сын продолжал играть со своими сверстниками.

Пожалуй, я бы предпочла опустить описание последовавших событий, чтобы не переживать их заново в своей памяти, однако чувствую себя обязанной подробно рассказать о них. Тогда читателю станет понятно все, что произошло со мной позже.

Мальчика оперировали. Операция оказалась успешной. Через неделю ему позволили возвратиться домой. В то время когда он лежал в больнице, дочь моей сестры заболела — у нее оказалось какое-то затяжное воспаление горла. Однажды во время визита я обратила внимание, что кожа на ее шее (где прежде был компресс) покрылась красноватой сыпью. Решив, что это раздражение, вызванное влагой, мы воспользовались специальной присыпкой, и на следующий день высыпания исчезли. Когда же мой сын наконец был выписан из больницы, его кузина тоже оправилась, и, встретившись, они стали играть, забыв обо всем на свете. Но что-то во внешности мальчика насторожило меня. Он был бледным, вялым и с каждым днем становился все более подавленным и безрадостным. Через неделю, измерив ему температуру, я пришла в ужас, обнаружив, что у мальчика жар. Он постоянно плакал и слабел на глазах. Все его тело покрылось такой же сыпью, как и шея моей маленькой племянницы после того, как с нее сняли компресс. Мы пригласили самого знаменитого детского врача, и он, осмотрев ребенка, спросил, болел ли в последнее время кто-нибудь из членов семьи скарлатиной.

— Нет, — ответила я, — никто не болел.

— Вы уверены? — переспросил он. — А не было ли у кого-то из домашних затяжного воспаления горла?

Земля, казалось, ушла у меня из-под ног.

— Да, — сказала я, — его маленькая кузина простудила горло, и у нее были такие же высыпания на шее.

— Что ж, — улыбнулся профессор, — это действительно скарлатина. А сопротивляемость организма вашего сына сейчас ослаблена, и потому он так легко заразился. Мы его безотлагательно вакцинируем. Собираетесь ли *вы* ухаживать за ребенком?

— Да.

— А сами вы болели скарлатиной?

— Нет, не болела. И сейчас я тоже не заражусь. У меня хороший иммунитет к любой инфекции.

— Я могу допустить ваш контакт с ребенком лишь в том случае, если вы согласитесь на вакцинацию.

Я знала, что не переношу никаких сывороток, и попыталась убедить его, что не нуждаюсь в вакцинации. Но все напрасно! Нам тут же ввели вакцину, которая еще не была толком апробирована. Я чувствовала себя словно скотина, которую гонят на бойню! Мне пришлось добровольно позволить себя отравить.

— Доверьтесь мне, это не причинит вам ни малейшего вреда.

***

Эти слова еще долго звучали в моей голове. Позже, когда я лежала в полубессознательном состоянии и жизнь моя висела на волоске, как мне хотелось, чтобы этот врач пришел ко мне и увидел, что натворила его вакцина. Возможно, он понял бы, что врачам порой стоит прислушиваться к словам пациентов. Вакцина оказалась ядом замедленного действия!

Но прежде я должна была сражаться за жизнь моего малыша! Шесть долгих недель я просидела у изголовья его постели, а ртутный столбик термометра не опускался ниже отметки 105–104 градусов по Фаренгейту*. Непрекращающийся жар и введение сыворотки так подействовали на его

* 40 градусов по Цельсию. — *Прим. перев.*

организм, что порой мне казалось: его сердце вот-вот остановится. Возле нас постоянно находился молодой врач, готовый сделать укол, как только произойдет остановка сердца. Итак, в больничной палате мы боролись за жизнь ребенка.

— Неужели ты думаешь, что можешь поймать меня? Ха-ха-ха!

Снова и снова звучал в моих ушах этот адский смех, пока я держала на руках своего сына — день и ночь, — боясь отпустить его на минуту. Я вырвала его из рук ведьмы — с аппендицитом все обошлось, но битва с фосфоресцирующим монстром все еще была в разгаре.

Мой сын слабел с каждым днем. Жар не спадал, и профессор ввел ему новую порцию сыворотки. Жар немного уменьшился, но левая часть шеи опухла. Профессор, осмотрев горло, сказал, что увеличилась левая миндалина и он будет наблюдать за ней, чтобы решить вопрос об операции. Через несколько дней она распухла до таких размеров, что мальчик уже не мог держать голову прямо. Температура снова начала расти. Мальчик постоянно бредил. Все пять недель мы позволяли себе спать не более часа-двух в сутки. Последние пять дней я не отходила от его кровати ни на минуту. Пять дней подряд я держала его на руках и ждала.

Мне казалось, что человек не может столько времени обходиться без пищи и сна, но мне это удалось. Сидя на стуле со своим сыном на руках, я думала о том, как часто матери попрекают своих детей в неблагодарности: «И для чего я только так пеклась о нем? Ради чего я шла на все эти жертвы, когда он болел?», и т. д. и т. п. Осмысливая все это, я поняла, что *матери заботятся о своих детях не ради детей, а ради себя самих*. Да, многие женщины считают себя хорошими и преданными матерями лишь потому, что неустанно пеклись о своих детях. Но, согласно моим критериям, они не являются таковыми. Не была хорошей матерью и я! Ведь мне хотелось спасти жизнь моего ребенка только ради себя. Я приходила в ужас от одной мысли, что могу потерять его. Следовательно, я *любила не его*, я хотела сохранить его жизнь *ради себя*. В первую очередь я беспокоилась о *себе*. Я имела такую

тесную духовную связь со своим ребенком, я не могла допустить, чтобы он исчез из моей жизни. Я помнила о силе, которая исходит из солнечного сплетения каждого человека, — о той силе, которая многократно возрастает, если хочешь чего-то всем своим сердцем. Эта сила даже может преодолеть земную гравитацию. Но сейчас я хотела *увеличить* силу тяготения. Я хотела, чтобы мой ребенок остался на земле.

Так я и сидела с моим мальчиком, сконцентрировавшись на том, чтобы дать ему сил превозмочь эту болезнь. И все же я не могла молить Бога, чтобы *Он* сохранил жизнь ребенку.

— Ничто не бывает плохим само по себе, — вспоминала я слова Эпиктета, — все дело в том, как ты это воспринимаешь.

Лично для меня потеря ребенка была бы величайшей катастрофой, но я не должна обращаться к Создателю со своими личными вопросами. Что же касается ребенка — для него лучшим будет то, что придет от *Бога*. Вот почему, сидя на руках с больным сыном, тряясь от страха потерять его, я все же неустанно повторяла только одну фразу: «Да свершится воля *Твоя*. Да свершится воля *Твоя*».

Я повторяла эти слова часами, застыв в одном положении, и мое тело, казалось, окаменело. Спина затекла — я совсем перестала ее чувствовать. Когда я пошевелилась, мой мальчик, тут же почувствовав это движение, прижался ко мне плотнее и закричал:

— Не выпускай меня, не выпускай! Держи вот так. Если ты будешь держать меня, я прощу все зло, которое ты мне причинила!

«Какое же зло я могла причинить моему сыну? — недоумевала я. — Что я такого сделала, за что меня нужно прощать?»

До сих пор мне казалось, что я делала все, что должна делать любящая мать для своего ребенка. С первого дня появления на свет мой сын стал занимать все мои мысли, и я делала все возможное, чтобы он был счастливым. Какую рану я нанесла ему, сама того не зная? Мне нужно было найти ответ.

— Маленький мой, — тихо сказала я, — не волнуйся, я здесь, рядом. Я держу тебя на руках. Но что ты собираешься простить мне?

— Не знаю. Просто держи меня покрепче. И я прощу тебе все.

Я подняла глаза на молодого врача, сидевшего рядом со мной.

— Не обращайте внимания, — сказал тот, — у мальчика бред.

— Да, да, — согласилась я, — он бредит.

Но я была достаточно образованна в области психологии, чтобы понять, что слова ребенка пришли из глубин подсознания. И я продолжала думать над тем, каким образом причинила я вред его душе. Чем провинилась перед ним.

В конце пятых суток, проведенных мною без сна, мальчик согласился отпустить меня на несколько минут. Доктор помог мне подняться со своего места, и на негнущихся ногах я отправилась в ванную. Мой дух пребывал в кромешной тьме — словно все черти ада гнались за мной. Мне казалось, что мой рассудок вот-вот помрачится. Я нуждалась в поддержке, чтобы продолжать нести свой крест. В такие минуты человек полностью отказывается от гордыни и ищет помощь везде, где может ее найти. Библия! Книга лежала на ночном столике, и я ухватилась за нее, как утопающий за соломинку. Не глядя, я раскрыла ее и прочла первую попавшуюся мне на глаза фразу из Ветхого Завета: «Не страшись; враги твои посылают в тебя невидимые стрелы, пока им позволяет *Бог*. Но когда придет время, ты станешь недосягаем для всякого зла».

Мне трудно передать впечатление, произведенное на меня этими словами. Мне показалось, что у меня гора свалилась с плеч, — после шести недель бесконечного ожидания, после шести недель непроглядного мрака наконец-то забрезжил свет. Зазвонил телефон. Это была мать.

— Как там малыш? — донесся из трубки голос матери.

— Мама, он обязательно выздоровеет! — закричала я в ответ.

— Что, жар уже спал?

— Нет, у него все еще сорок, но *Бог* послал мне весть, — и я рассказала ей о том, что прочла в Библии.

— Господи, да будет по-Твоему, — сказала мать.

Но я должна была срочно прервать разговор, так как услышала, что сын зовет меня. Я подбежала к нему, и тут же огромный нарыв в его горле прорвал. В последние дни он достиг размеров большого шара. Зеленоватая гнойная масса хлынула изо рта. Я тут же вспомнила *зеленый шар* — он был того же цвета.

Врачи ожидали, когда нарыв созреет и кожа над ним истончится, чтобы вскрыть его снаружи. Но кожа была слишком плотной, и они побоялись вмешиваться. Природа распорядилась по-своему и освободила организм ребенка от гноя. Через минуту мой сын спал глубоким спокойным сном. Он проспал всю ночь. Его пульс стал более сильным, дыхание ровным, а лоб уже не горел и не покрывался потом. После долгих бессонных ночей я впервые почувствовала, что и сама смогу поспать. Но мне так и не удалось сомкнуть глаз: мои нервы были напряжены до предела и организм забыл, что такое сон.

Мальчик проспал до 11 часов утра. Отец все время звонил по телефону: «Ну, как там малыш? Все еще спит? Как пульс?»

— Не беспокойся, он спит спокойно. Пульс ровный, температура нормальная.

Открыв глаза, сын первым делом захотел пить. Мальчик вбирал в себя жидкость, как сухая губка, — пил стакан за стаканом, не останавливаясь. Затем он попросил свои игрушки.

На следующий день наступило Рождество. Мой муж и родители пришли поздравить нас с праздником. Они принесли с собой елку и целый ворох игрушек. Я посадила мальчика в кресло и подвезла к окну, чтобы мои родители могли помахать ему с улицы. Он еще никого не узнавал и был слаб. Но жив! Мы все рыдали от счастья. Зло побеждено — его время в больших космических часах истекло. Я была так растрогана, что даже не могла говорить. Я чувствовала себя олицетво-

рением признательности. Наши с Богом желания в этом случае совпали. *Он* возвратил мне ребенка!

Мальчик поправлялся медленно. Молодой врач оставил нас, и пришел день, когда маленький пациент встал с кровати. Ему пришлось заново учиться ходить, но силы возвращались к нему с каждым днем, и через два месяца он был достаточно крепок, чтобы пойти в школу. Я решила вновь вернуться к скульптуре. Но я все время чувствовала себя как-то странно, словно в состоянии легкого опьянения. Казалось, я смотрю на мир сквозь толщу воды. Все предметы расплывались перед глазами и словно бы удалялись от меня.

Сыворотка, которую мне ввели, содержала гормоны жеребцов. Как я позже узнала, этот новый, не прошедший длительного испытания препарат был для женского организма настоящим ядом. Газеты запестрели скандальными сообщениями. Большинство вакцинированных женщин заболели неврозом. Когда же их организм пытался избавиться от вредоносного вещества, начинались обильные кровотечения. Им ничем не могли помочь, и многие умирали. Начались судебные процессы.

Мне становилось хуже с каждым днем. Все предметы вокруг меня казались скрытыми под водой. У меня все сильнее кружилась голова, и хотя я еще могла ходить, делала это с трудом.

Однажды со мной случился приступ: пульс не прощупывался, только слегка трепетал. Не в состоянии ни есть, ни пить, ни говорить, я легла на кушетку с ледяным компрессом на голове. Мир продолжал плыть вокруг меня. Не хочу описывать всех своих страданий — достаточно сказать, что на протяжении долгих месяцев я проходила сквозь все круги ада.

К лету я начала приходить в себя и по совету врача отправилась на берег озера. Эта перемена подействовала на меня благотворно.

Целыми днями я лежала на террасе родительской виллы и пыталась привести в порядок свои расшатанные нервы. Сотни тысяч раз я говорила себе: «Споко-о-ойствие. Споко-

о-ойствие. Споко-о-ойствие». Иногда мне даже удавалось поспать ночью.

Однажды я заметила, что мой сын перестал играть с другими детьми, а вместо этого стал ходить возле моей софы и при этом вел себя подозрительно тихо.

«Уж не заболевает ли он?» — испугалась я.

Мне не нравится, когда дети ведут себя подозрительно тихо.

— Что случилось? — поинтересовалась я. — Почему ты не играешь с другими детьми?

Мальчик прислонился к спинке софы, пристально посмотрел на меня и спросил:

— Мама, а может оказаться, что я жил раньше?

Этот вопрос застал меня врасплох.

— Где ты об этом слышал? — спросила я его в свою очередь.

— Я был в саду и увидел там большого жука. Когда я потрогал его веточкой, жук перевернулся на спину и застыл, словно мертвый. Я долго наблюдал за ним — наверное, около получаса, — но жук не подавал никаких признаков жизни, а потом он перевернулся и улетел. Тогда у меня и возникло чувство, что я жил раньше. Наверное, я просто притворился мертвым, и люди решили, что я умер, но затем я встал и ожил, совсем как тот жук. Выходит, я никогда не был по-настоящему мертвым! Но я спросил тебя об этом вот еще почему: каждое утро, когда я просыпаюсь, но еще не успеваю открыть глаза, у меня появляется мысль, что я должен сразу же отправляться на охоту, чтобы обеспечить пищей свою жену и детей. Но стоит мне только открыть глаза, как я начинаю понимать, что я — маленький мальчик, твой сын, что у меня нет здесь ни жены, ни детей. Но мама, те люди, та моя жена и дети, — они не были похожи на людей, которые живут здесь. Они были совсем черные и голые.

Тут мальчик смущенно заулыбался.

Я слушала его со всевозрастающим интересом, но мне не хотелось, чтобы он заметил мое удивление. Дав ему выговориться, я серьезно спросила:

— Итак, ты был отцом нескольких детей? А где же вы все жили?

Мой сын взял бумагу и карандаш и уверенными штрихами изобразил круглую хижину с отверстием в крыше для дыма. Я знала наверное, что прежде он нигде не мог видеть подобной хижины. Перед входом он изобразил фигуру голой женщины с длинными висящими грудями. Рядом с хижиной он нарисовал водоем с волнами, на берегу которого росли пальмы.

— Мы жили вот в такой хижине, — стал объяснять он, показывая мне рисунок, — каждый строил себе дом сам. И лодку каждый из нас мастерил сам — мы выдалбливали их из стволов деревьев. Рядом еще текла большая река, но мы боялись заходить на глубину, потому что там жило чудовище. Я не помню, какое именно чудовище, но оно отгрызало ноги тем, кто заходил в реку.

Понимаешь теперь, почему в прошлом году я все время кричал и плакал, когда ты пыталась затянуть меня в воду? Мне все время казалось, что тот, кто живет под водой, ухватит меня за ногу. Я и сейчас этого немного побаиваюсь, когда хожу купаться. Но только теперь я знаю, что там нет ничего страшного. А помнишь, мама, как в прошлом году я хотел погрести, когда мы купили лодку? Ты еще сказала, что мне рано садиться за весла, что нужно еще научиться грести. Но я умел грести! Я помнил, как ловко я управлялся со своим выдолбленным каноэ, оно было словно часть меня самого. Я даже умел переворачиваться вместе с ним и снова восстанавливать правильное положение.

А помнишь, как ты наконец согласилась дать мне погрести и как все вы удивились, что у меня это так ловко получается? Я мог грести даже одним веслом! Мне было трудно грести двумя веслами — мои руки оказались для этого слишком маленькими. Но зато как здорово я управлялся одним веслом! Я не столкнулся ни с одной чужой лодкой, не задел ни одного купальщика! О, со своим каноэ я мог вытворять все что угодно! Посмотрела бы ты тогда на меня! А деревья там были совсем не такие, как здесь. Они были вот такие, —

он ткнул своим коротеньким пальчиком в рисунок, — и там было множество других растений. Видишь, вот здесь я охочусь на большую птицу, а рядом — моя хижина.

Его рисунок довольно точно отображал тропический пейзаж с пальмами и прочей южной растительностью. Фигура негра символизировала его самого, вот только шляпа показалась мне подозрительной. Она была похожа на фетровую, вроде тех, какие носят современные белые мужчины. Я не хотела волновать его или будоражить его воображение, поэтому стала задавать вопросы с большой осторожностью. Он никогда не видел голых женщин — разве что на картинах, — но на картинах женщин с обвислыми грудями обычно не изображали.

— Почему ты нарисовал свою жену с такими длинными висящими грудями? — спросила я.

Мальчик поднял на меня удивленные глаза и тут же ответил:

— Да потому, что у нее были такие груди. И они совсем не безобразные! Она очень красивая женщина! — прибавил он с гордостью.

Эта последняя фраза окончательно убедила меня в том, что мой мальчик говорит от своего имени, а не с чьих-то чужих слов. Он никогда не ходил в кино и никогда не читал книг об Африке. Откуда же взялась эта идея, что женщины с длинными вислыми грудями красивы? Наш идеал красоты совершенно другой.

— Какую же последнюю вещь ты помнишь? — спросила я.

— Помню, как ко мне стал приближаться лев. Я бросил в него копье, но это не остановило его. С копьем, торчащим из груди, он прыгнул на меня. Больше я ничего не помню.

— Да, все это очень интересно. Вполне возможно, ты жил прежде, и все это действительно произошло. Но сейчас ты здесь. Не думай больше о прошлом, думай о том, что происходит сейчас. Мне ты можешь рассказывать обо всем, но не говори другим о своих воспоминаниях.

— Да, мама, — ответил малыш, — я и сам знаю это. Взрослые считают, что мы, дети, чокнутые. Они всегда смеются над нами. Но как ты думаешь, что случилось с моей женой и детьми?

— Я ничего не могу сказать тебе об этом. Но не забывай, что все проходит. Только любовь вечна. И любовь приведет тебя к ним в этой жизни.

— О, это было бы здорово! — воскликнул малыш и побежал снова играть с другими детьми.

Я взяла рисунок и вложила его в дневник, который стала вести с первого дня появления на свет моего сына. Я больше никогда не спрашивала его об этих воспоминаниях. Мне не хотелось стимулировать его воображение, но в то же время я боялась, что он может потерять их.

Стоило ли возвращаться к этому? Я знала, что он не мог читать книг об Африке. Мне был известен каждый его шаг. И сейчас я вспомнила, что меня действительно удивило то, что, несмотря на всю его природную храбрость и даже склонность к браваде, он отчаянно вырывался и кричал, когда мы пытались затащить его в озеро. Тогда я даже испугалась, что он сорвет себе горло. Мне пришлось спокойно втолковать ему, что он может присоединиться к остальным, что в воде ему ничего не будет грозить. Только тогда он позволил мне зайти в воду, держа его на руках, но все же заставил меня дать обещание, что я не спущу с него глаз ни на мгновенье. На следующий день все повторилось: он вырывался и кричал, когда его пытались затащить в воду, и лишь мне позволил внести его туда на руках. Постепенно он преодолел свой страх и стал чувствовать себя в воде совершенно естественно. Эта беседа напомнила мне о том, как в своем раннем детстве (в возрасте четырех-пяти лет) он рисовал картины вместе со своей маленькой кузиной. Кузина всегда изображала розовые личики, он же всегда раскрашивал лица персонажей своих картин темно-коричневой краской. Когда я однажды сказала, что лица не должны быть такими темными, малыш ничего не ответил и упрямо продолжал рисовать шоколадные лица.

Мы больше не возвращались к этой теме. Но время от времени он делал такие вещи, что становилось понятно: воспоминания еще живы в нем. Несколькими годами позже, когда ему было тринадцать, в наш дом явился взволнованный сосед и сообщил, что мой сын взобрался на самую верхушку высоченного тополя, откуда ему никак не слезть без посторонней помощи. На нашей улице росло несколько больших деревьев высотой пятнадцать-шестнадцать метров. Выйдя из дома, я стала шарить глазами по кронам в надежде отыскать там своего сына. Отчаявшись обнаружить его среди густых ветвей, я закричала, чтобы он тотчас же спустился на землю.

— Зачем? — услышала я в ответ его голос.

— Сейчас мы не будем обсуждать это, — ответила я. — Просто спускайся немедленно!

Не говоря больше ни слова, мальчик спустился вниз очень быстро и в то же время осторожно — словно маленькая обезьяна. Оказавшись на нижней ветви, он ловко спрыгнул на землю. Затем, приближаясь ко мне, спросил со сдерживаемым раздражением:

— Почему мне нужно было спускаться?

— Да потому, что это совершенно бессмысленное занятие. Мне стыдно, когда чужие люди рассказывают мне о твоих «подвигах». Скажи мне, ради Бога, что ты там забыл, на верхушке?

— Я сделал там гнездо, где смогу есть вареную крупу. Там она гораздо вкуснее, чем внизу. К тому же оттуда открывается такой замечательный вид! Я вижу все, что происходит внизу!

— Больше никогда не поступай так! Зачем бессмысленно подвергать свою жизнь опасности? Построй себе гнездо где-нибудь пониже.

Мальчик некоторое время сердито смотрел в сторону. Затем, подняв на меня глаза, сказал:

— Ладно, не буду, раз это, по-твоему, опасно. Но кто заботился обо мне в джунглях, когда я, чтобы выследить зве-

рей, взбирался на куда более высокие деревья? Где же ты была тогда?

— Не знаю, где я была тогда, но сейчас я здесь и ты должен слушать меня! — *воскликнула я.*

Конечно, ему это совсем не понравилось, но в других вопросах я предоставляла ему гораздо большую свободу. Вскоре он нашел чем себя занять, и инцидент был исчерпан.

Через некоторое время он вернулся из школы очень возбужденный.

— Какая ерунда! — закричал он с порога. — Поп хочет убедить нас, что люди живут только раз. Но я-то знаю, что люди живут несколько раз! Я знаю это! Но со взрослыми лучше не спорить. Ребенок должен держать рот на замке!

Впечатления нынешней жизни, очевидно, вытеснили все эти воспоминания из его сознания, так как долгое время он не возвращался к подобным темам. Когда моему сыну исполнилось пятнадцать лет, он попросил купить ему джазовый барабан. Мы отправились в наилучший музыкальный магазин, и он тут же выбрал самый большой барабан. После того как барабан оказался дома, мы испытали такое же удивление, как и много лет назад, когда мальчик впервые взял в руки весло. Установив барабан посреди комнаты и взяв в руки по палочке, он сразу же *стал уверенно исполнять сложнейшие ритмы и немыслимые синкопы.* Он играл экстатично. Его глаза горели, а по щекам катились слезы. Он так и не объяснил нам, каким образом научился играть на барабане. Лишь однажды, исполнив замысловатый пассаж, он обратился ко мне:

— Слышала, мам? Вот так мы передавали сообщения, находясь на большом расстоянии друг от друга, — и продолжал бить в барабан, словно одержимый.

Его никогда не интересовали книжные истории из негритянской жизни.

— Зачем мне это, мам, если я знаю об этом лучше, чем те, кто пишет книги? А когда мне попадаются точные описания, я начинаю плакать. Даже если сдерживаюсь изо всех сил.

Даже став молодым офицером Военно-Воздушных Сил, он не мог удержаться от слез, смотря фильмы, где показывали жизнь африканцев.

Как же он научился играть на барабане? Ведь это так трудно! Я сама убедилась в этом, пытаясь как-то наиграть мелодию. Как это случилось, что городской мальчик вдруг загорелся мыслью купить барабан? И чем объяснить то, что игра на барабане, как и фильмы про негров, неизменно вызывала у него слезы?

Через несколько лет нас навестил вернувшийся в Европу из Индии Пол Брэнтон. Я рассказала ему о воспоминаниях моего сына, и он попросил показать рисунки. Внимательно изучив их, он заявил:

— Такие шляпы носят аборигены, живущие на берегах Замбези в Центральной Африке. Он нарисовал ее точно — вплоть до деталей.

— Да, но эти шляпы не могут быть их местными изделиями. Мне кажется, что у нее слишком современная форма и она сделана из фетра.

Мой собеседник рассмеялся:

— Нет, ребенок прав. Такие шляпы изготавливают в центрально-африканских племенах. И они вовсе не сделаны из фетра, а сплетены из тростника. Его охотничье оружие тоже изображено верно, а чудовище, откусывающее ноги людям, — конечно же, крокодил. Там их много водится. Но скажи мне наконец, каким образом ты заполучила себе в сыновья негра?

— Даже не представляю, как это вышло, — ответила я, и, засмеявшись, мы перешли к другой теме.

Первые воспоминания о прошлой жизни появились у моего сына во время каникул на берегу озера, после того как он, прервав игру со сверстниками, долго наблюдал за поведением черного жука. Сам того не зная, он использовал индийский метод концентрации. Индийские йоги достигают этого, созерцая черную точку, нарисованную на стене, или глядя в хрустальный шар. Бессознательно ребенок сделал то же самое, сосредоточив все свое внимание на черном жуке, кото-

рый помог ему войти в состояние транса. Он был для моего сына своего рода черной точкой. Таким образом в его памяти всплыли воспоминания о прошлой жизни.

Лето пролетало незаметно, и состояние моего здоровья улучшилось. Сознание прояснилось, и я больше не смотрела на мир, словно тот был подернут дымкой. Исчезло чувство жжения в венах. Но осенью, когда я возвратилась в город, со мной случилось то же самое, что происходило со многими женщинами, умирающими от введения конской сыворотки: я слегла в постель из-за мучительных судорог в конечностях. Никогда прежде не представляла себе, что человек способен пережить такие муки и не умереть. Тело совершенно перестало слушаться меня — словно все нервы были парализованы. Я не могла пошевелить рукой, как ни пыталась это сделать. А в бессонные ночи до меня доносился отвратительный голос: «Неужели ты думаешь, что можешь поймать меня? Ха-ха-ха!»

Врачи осмотрели меня, проконсультировались между собой и предложили операцию. В этот же день нам позвонил по телефону один из школьных друзей моего мужа, только что вернувшийся из путешествия по Индии. Придя к нам в гости, он поднялся в мою комнату и, осмотрев меня, заявил:

— Ни в коем случае не соглашайся на операцию. Будучи в Индии, я изучал йогу под руководством великого Мастера. Если ты послушаешься меня, то скоро снова станешь на ноги.

Я пообещала слушаться его во всем.

Он продемонстрировал мне несколько простых дыхательных упражнений, которые я могла выполнять прямо в постели. Затем сказал, чтобы я делала их по нескольку раз в день и таким образом *училась контролировать сознание*.

Я следовала его советам беспрекословно.

Через несколько дней мое состояние значительно улучшилось. Боли почти прошли, а прочие неприятные симптомы стали тревожить меня гораздо меньше.

Через несколько недель я почувствовала себя настолько лучше, что даже начала подниматься с постели и стоять по

несколько минут. Я снова становилась *собой*! Недомогание продолжалось, но после того, как наш друг показал мне еще несколько упражнений, мое здоровье быстро стало идти на поправку. В последние недели, когда мой муж находился при мне почти неотрывно, я пережила чуть ли не лучший период своей *личной* жизни. Лишь тот, кто знает, что такое потерять надежду на выздоровление, поймет, что значит *снова почувствовать себя хорошо*!

О неведомая сила, которую люди зовут «*Бог*», благодарю Тебя за то, что Ты возвратила мне мое здоровье; благодарю Тебя за то, что Ты вырвала меня из ада и не допустила, чтобы я стала обузой для родных и близких моих. За то, что Ты позволила мне стать полезным и трудоспособным членом человеческого общества!

Никогда небо не казалось мне столь голубым, море таким искристым, а солнце таким прекрасным, как в это лето.

Когда пришла осень, мы возвратились домой и я принялась за работу в своей студии.

Однажды мы все вместе отправились в кино и наблюдали с неподдельным весельем за приключениями Микки-Мауса, Плуто и Дональда Дака. В этом мультипликационном фильме три вышеназванных героя создали команду по борьбе с обитающими в старых домах привидениями и призраками. Они дали объявление в газету, которое попалось на глаза одному живущему вместе с целым сонмом себе подобных в одном старинном замке призраку. Собрав вокруг себя множество призраков и привидений, он зачитал им объявление из газеты. Испугавшись, что их мирная жизнь подходит к концу, призраки решили преподать урок членам этой команды. Один из призраков позвонил на фирму и попросил, чтобы в их замок прислали человека. Перед его приходом призраки распределили между собой роли: один должен был прятаться за дверью, другой скрываться в зеркале, чтобы человек из компании «Микки и др»., глядясь в зеркало, видел вместо своего отражения нечто ужасное, и т. д. Когда все роли были распределены, главный призрак подал сигнал, и все его дружки, катясь и подпрыгивая, разлетевшись в раз-

ные стороны, превратились в *зеленоватые фосфоресцирующие шары, забивающиеся в углы и то исчезающие, то вновь появляющиеся. При этом они хохотали, как дьяволы, потешаясь над тем, что земные существа считают, будто смогут поймать их!*

Я просто онемела от удивления! Моя младшая сестра и брат начали громко кричать друг другу: «Гляди, гляди, зеленый шар! Ты только посмотри!» Они пришли в такое возбуждение, что я испугалась, как бы их не вывели из зала. Но ведь они не могли знать (да и никто не мог знать), что я видела всю эту сцену несколько лет назад вплоть до мельчайших деталей.

Я была потрясена: неужели другие люди видят те же явления, что и я? Несомненно, Уолт Дисней должен был видеть такой зеленый шар! Неужели он мог просто придумать сцену, так точно соответствующую той, что некогда видела я? Нет, таких совпадений просто не бывает. Это совсем не совпадение!

Через несколько недель мне принесли книгу, называющуюся «*Aram Magic and Mysticism*». В ней был собран богатый фактический материал о всевозможных необычайных явлениях. На одной странице я наткнулась на следующий отрывок: «Каким образом этот «некто» прошел через запертую дверь? Прекрасно зная, что дверь была закрыта, я подумала: «Никто не мог войти сюда». Даже если бы дверь была просто прикрыта, ручка бы повернулась, а петли издали бы звук. Но этого не произошло. Но в комнате раздался шелест, в гардеробе — постукивание. Затем «некто» подошел к моей кровати и дал знать о своем присутствии, постучав по ее ножке. После чего, приблизившись к ночному столику, звякнул абажуром настольной лампы». Через несколько страниц шло новое описание: «Я ничего не видела, да и не пыталась ничего рассмотреть. Но человек, находившийся в соседней комнате, заявил, что видел на полу моей спальни *пятно света размером с лунный диск*. Он клялся, что видел, как шар света появился у входа, а затем, прокатившись по полу, исчез за стеной».

Я глазам своим не верила! Неужели речь идет все о том же похожем на луну шаре? Вероятно, этот шар света не такая уж редкость. Как странно! С небольшой натяжкой мы можем сравнить это явление с шаровой молнией. Она тоже летает по воздуху. Рассказывают о случаях, когда такой электрический шар, вращаясь, влетал в одно окно, пролетал через всю комнату и исчезал в другом окне, не причинив никакого вреда. Да, пока молния сохраняет свою шаровидную форму, она не причиняет вреда, но стоит ей вырваться из своей оболочки, она производит грозные разрушения. Такая молния в тысячу раз опаснее обычной. И что же такое этот зеленоватый фосфоресцирующий мяч, как не шаровая молния — но только существующая на другом плане.

Из седой древности дошло до нас изречение, приписываемое величайшему *посвященному*, Гермесу Трисмегисту, который слыл человеком, знающим все тайны Небес и Земли: «Все, что есть наверху, есть и внизу; все, что есть внизу, есть и наверху».

Сколь разительное соответствие прослеживается между этими двумя явлениями — шаровой молнией и *зеленым шаром*!

— 20 —

Аюрведа

И снова я стала ежедневно работать в своей мастерской. Однажды во время работы мной овладело беспокойство. Мне казалось, что я *ничего не делаю*. Время неслось вперед семимильными шагами, дни проносились незаметно, и каждый новый день походил на предыдущий. А я ничего не делала. Ничего.

— Как так получилось, что я ничего не делаю? — спрашивала я себя.

Я подолгу работаю в мастерской, я перечитала все книги в библиотеке. Когда устаю, я сажусь за пианино и играю. Почему же у меня такое чувство, что я ничего не делаю? Я стала вспоминать события последних лет и нашла ответ в себе: «Ты не делаешь ничего, чтобы облегчить страдания своих ближних. Да, ты — жена, ты — мать, ты — скульптор, но все это — твои личные дела». Это было чистой правдой. Но что я могла сделать. На протяжении нескольких лет я ждала указания от высших сил. Но за все это время ни разу не слышала *того* голоса. Как же мне узнать, какую «работу» я должна делать? Сейчас, оглядываясь назад, я думаю с улыбкой о той особе, которая задавала эти наивные вопросы. До чего смешны эти люди, не обладающие знанием! Как человек может *сотрудничать* в выполнении «великого плана», если он не достиг своей первой обязательной цели, если он не смог победить самого себя?

Но любой пробудившийся и увидевший цель жизни готов ради спасения человечества пойти на какие угодно лишения! Высшие силы следят за тем, чтобы каждый неофит был сначала исцелен от своих наивных представлений о мире. Я же тогда еще не была исцелена, и все же хотела сделать людей счастливыми. С тех пор как я дала свой обет, я ни на

минуту не забывала, ради чего живу. Всевозможные «соблазны» — вполне реальные для большинства людей — вовсе не казались мне соблазнами. Меня окружали многочисленные мужчины, которые были не прочь удовлетворить со мной свои потребности. Они говорили, что «любят» меня. Но я прекрасно понимала, что они даже не видят *меня* — не видят того существа, каким я являюсь. Они просто хотели физической близости. Но разве это могло заинтересовать меня, распознавшую в свое время ловушку, поставленную для нас природой! Их предложения даже не тешили моего тщеславия.

Напротив — мне была неприятна мысль о том, что мужчины пускают слюни при виде моего тела.

После того как разговор на высокие философские темы подошел к концу, мужчина, превозносивший до небес мой «ум», мужчина, которого я считала своим другом, захотел поцеловать меня! Неужели же его поцелуй предназначался моему уму?

Другой мужчина восхищался моими музыкальными способностями.

Когда я играла на фортепьяно перед аудиторией, он заявил, что является страстным меломаном. Целуя мою руку, он, не отрываясь, глядел мне в глаза. Но какая страстная чувственность была в этом взгляде! Я тут же поняла, чего стоит этот «страстный меломан», и стала смеяться над ним. Ах, до чего все это скучно! Какая скука!

Меня по-настоящему интересовали философия, психология и искусство во всех его проявлениях, но я вновь и вновь убеждалась в том, что большинство мужчин, будь они художники, писатели, астрономы или философы, интересовались сексом гораздо больше, чем своей профессией. Бедняги! Что ждет их, когда в один прекрасный день они обнаружат, что полностью растратили свою «мужскую силу»! Пустота, их собственная абсолютная пустота. И эти люди пытались убедить меня, что, отказываясь «заниматься любовью» при каждом удобном случае, я растрачиваю свою жизнь понапрасну! *Неужели они не могут увидеть, что такое секс?* Не-

ужели они не способны возвыситься над сексуальностью, и, подобно детям, *играть ради удовольствия самой игры*, а не потому, что игра так или иначе связана с сексом?

Многие люди интересуются философией, театром, музыкой, психологией лишь для того, чтобы легче завоевывать новых сексуальных партнеров. В Библии сказано: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное». Истинная глубина этого изречения открылась мне, когда я увидела вечное недовольство и неудовлетворенность людей, живущих исключительно ради секса. Эти опустошенные бедняги всякий раз, когда я отказывала им, начинали обвинять меня в подавлении естественных инстинктов и даже в обычном притворстве. Я анализировала свои чувства и ни разу не обнаружила в них желания остаться с мужчиной наедине. Я продолжала любить своего мужа, но уже не как женщина мужчину — я любила его как человек человека. Это не было ни «борьбой», ни «соблазном», ни даже «победой над желанием» — у меня просто не было желания физической близости с мужчиной. После той ночи, когда я осознала обманчивость физической любви, я просто перестала быть *женщиной*. Я стала просто *человеком*, просто *собой*, и мое *Я* не имело никаких сексуальных желаний. *Я* не обладает полом. *Я* не ищет свою «половинку» — оно само по себе единое целое!

И когда человек осознает эту истину, тело подчиняется ему. Размышляя в своей мастерской над этими вопросами, я внезапно испытала ощущение, посещавшее меня много лет назад во время телепатических сеансов, когда я не могла прочесть чьей-то мысли. Мою грудь словно придавило огромным весом — казалось, я вот-вот задохнусь.

Отложив в сторону инструменты для лепки, я попыталась сосредоточиться. Во всем теле возникло знакомое ощущение покалывания, и благословенный Голос, молчавший столько лет, вновь заговорил: «*Почему ты забываешь о своих способностях медиума?*»

— А как мне *не забыть* о них? Что мне делать с ними? — ответила я.

— Тебе хорошо известно, что врожденные таланты скульптора или музыканта еще не залог того, что человек станет великим скульптором или музыкантом. Талант нужно развивать, а для этого необходима постоянная практика. Талант без труда, как и труд без таланта, не может стать искусством. Но если ты разовьешь талант трудом, получится настоящее искусство! У тебя есть талант, которым ты пренебрегаешь, — ты можешь выразить дух. Работай, работай и еще раз работай. Ты можешь стать магистром искусства, стоящего выше всех прочих, — ***безыскусного искусства!***

Мое сердце учащенно забилось. Многие годы я ждала этого внутреннего приказа. Но сколько раз я ни спрашивала, ответа так и не получала. Мне не оставалось ничего другого, как ждать и делать то, что требовала от меня жизнь. Я изучала психологию и скульптуру. Эти две дисциплины прекрасно дополняли друг друга. Каждый раз, работая над чьим-то скульптурным портретом, я пыталась проникнуть в глубины психики моей модели. Люди казались мне такими интересными! Чем глубже я проникала в их внутренний мир, тем лучшими были мои скульптуры. Я открыла для себя, что искусство скульптурного портрета и психоанализ — по сути одно и то же. Я всегда давала психологические советы своим моделям, и по окончании работы все они становились духовно близкими мне людьми. Мои монументальные работы также были для меня источником озарения. Глубокая концентрация открывала мне дверь в новые измерения. Но в глубине души я жалела о том, что больше не слышу «Голос». Я иссыхала, словно трава без дождя, чувствуя, что потеряла контакт с некоей силой, исходящей из высшего источника.

И вот этот источник открылся вновь, и «Голос» сказал мне, что я должна заниматься «безыскусным искусством». Но как делать это? Я никогда не слышала прежде о подобной вещи. И вновь я услышала голос, раздающийся внутри меня: «*Ищи!*»

— Искать? Но где? Как? — спросила я.

Ответа не последовало.

В тот день нас пригласил в гости наш друг, который обучил меня упражнениям йоги во время моей болезни и тем самым спас мне жизнь.

Народ там собрался веселый. Мужчины предались воспоминаниям о своих школьных годах, а я рассматривала книги в обширной библиотеке хозяина. Одна книга особенно заинтересовала меня, и я попросила разрешения взять ее с собой.

— Конечно, — великодушно согласился наш друг.

Завладев книгой, я уселась в кругу мужчин и присоединилась к их беседе. Я спросила хозяина, каким образом он выучился тем упражнениям, которым впоследствии обучил меня. И он рассказал, как однажды магараджа пригласил его принять участие в охоте на тигра. На охоте лошадь вдруг чего-то испугалась и выбросила его из седла. Он упал на спину, да так неловко, что не смог подняться, и его доставили в дом магараджи на носилках. Хозяин спросил его, какого врача лучше привести — англичанина или индуса.

Мой друг попросил, чтобы послали за врачом-англичанином. Тот вскоре явился и, посоветовав соблюдать постельный режим, предписал нашему другу целую кучу успокоительных и болеутоляющих средств. Шли дни, шли недели, а молодой человек все еще оставался прикованным к постели, не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой — любое движение отзывалось в нем адской болью. К концу шестой недели он все еще чувствовал себя полным инвалидом.

Магараджа вновь пришел к нему.

— Вы просили привести английского врача, — обратился он к больному, — и я исполнил вашу просьбу. Он лечил вас на протяжении шести недель, но состояние вашего здоровья за это время лишь ухудшилось. Я предлагаю вам воспользоваться советами моего индийского врача, практикующего Аюрведу. Возможно, он поможет вам подняться на ноги.

— А что значит «практиковать Аюрведу»? — спросила я.

— Это значит быть посвященным в тайны Аюрведы, — ответил наш друг. — Веды — священные книги индусов. В них содержится высшая философия на Земле. Они состоят

из нескольких частей. Аюрведа — наука о здоровье. В ней рассказано обо всех тайнах человеческого организма, болезнях и способах оздоровления. Пять-шесть тысячелетий назад мудрецы, посвященные в тайны Аюрведы, изобрели хирургические приемы, позволяющие удалять больные или поврежденные органы живого человека и заменять их здоровыми органами, вырезанными из трупов. Они могли пересадить глаз как человеку, так и животному, и даже могли заменить целую конечность. Им также было известно, что болезни вызываются крошечными живыми существами, которых мы сейчас называем «бактериями». Но они считали бактерий отдельными клетками некоего незримого демонического тела. Западные же ученые (за редкими исключениями, такими, как опыты Парацельса) никогда не проводили исследований в этой области. Злой дух, овладев человеком (или несколькими людьми), проникает в его (или их) тело. Когда частота вибраций человека совпадает с частотой вибраций злого духа, человек заболевает. Однако всегда находятся люди, чьи вибрации значительно отличаются от вибраций демона. Такие люди никогда не болеют. Согласно западной науке, у таких людей развит «иммунитет».

В индийских священных книгах все эти болезнетворные духи детально описаны и даже изображены на цветных картинках. Это страшные создания, каждое из которых обладает определенными чертами и характерным цветом. Демон чумы — черного цвета. Вы, очевидно, знаете, что чума также зовется «черной смертью». Дух другой, не менее страшной болезни — желтого цвета. Эта болезнь здесь называется «желтой лихорадкой». Дух проказы имеет львиную голову, и вам, очевидно, известно, что прокаженного издалека можно узнать по сходству его лица с львиной мордой. Внимательно изучив лицо больного, можно определить, каким духом он одержим. Каждая болезнь ассоциируется с определенным демоном. Пневмонию, например, вызывает огромный красный дух, состоящий из огня и жара.

— Минутку, — остановила я нашего друга, — вы только что сказали, что пневмония приходит от огромного красного демона? Очень интересно.

Меня тут же захлестнули воспоминания детства. Снова я увидела, как мой маленький брат мечется в своей кроватке и, выпучив глаза, смотрит в угол комнаты.

«Мама, мама, — кричит он, надрываясь, — там красный человек, он хочет забрать меня!»

Он изо всех сил размахивал своими маленькими ручонками, словно стараясь защитить себя от незримого врага. Затем он затих и потерял сознание.

«В действительности он ничего такого не видел, — сказала мать, — это была просто галлюцинация».

Но я-то знала, что этот «красный человек» был для моего маленького брата вполне реальным. Очевидно, это была *объективная* реальность, ведь индусы знали об этом «красном человеке» несколько тысяч лет назад! Реальность — это не только то, что можно пощупать руками и увидеть глазами.

Я рассказала об этом случае, но наш друг, казалось, совершенно не удивился.

— Больные часто видят демонов в тот момент, когда те входят в них. Они видят их и позже, во время болезни, когда сражаются с демонами. Но когда они говорят об этом, окружающие считают, что это просто бред. Никто даже всерьез не задумается о *происхождении этих образов, о причине их возникновения в воображении больного*. А ведь *люди, страдающие одинаковыми болезнями, часто видят схожие картины*, не общаясь друг с другом, даже ничего не зная друг о друге.

После этого наш друг вновь возвратился к своей истории. Знаток Аюрведы оказался довольно молодым индусом, приятным в общении и хорошо воспитанным. Впоследствии они подружились и продолжают переписываться по сей день. Проверив нервные рефлексы, молодой индийский доктор ушел, а через некоторое время вернулся с какими-то пилюлями и приказал принимать их по три раза в день. Прежде чем распрощаться, молодой индус улыбнулся и сказал: «Через три дня вы сможете снова ездить верхом».

На что наш друг ответил лишь тяжким вздохом.

На следующее утро он обнаружил, что может шевелить головой. Врач-индус явился снова, дал какие-то новые пилюли и стал обучать своего пациента дыхательным упражнениям и контролю сознания. В тот же день наш друг начал садиться и при этом испытывал чувство покалывания вдоль позвоночного столба, словно сквозь него проходила жизненная сила.

На второй день он мог вставать с постели, ходить по комнате, а после поглощенного с огромным аппетитом обеда наш друг даже спустился в сад.

На третий день он проснулся с таким чувством, словно заново появился на свет; в этот день он отправился на прогулку верхом.

Когда молодые люди сдружились, наш друг спросил у индуса, что за чудодейственные лекарства тот ему давал.

— Наша наука переходит от отца к сыну, — ответил индус, — когда сына собираются посвятить в тайны, он дает торжественный обет не разглашать секретов ни при каких обстоятельствах. До сих пор ни один человек не нарушил этой клятвы. Вот почему я не могу раскрыть тебе состава этих пилюль, но, если хочешь, я расскажу кое-что о нашей науке. Пилюли, которые ты принимал, имеют сложный химический состав, их основным компонентом является золото. Но это золото — вовсе не инертный металл. Мы даже зовем его «живым золотом». При изготовлении оно должно храниться несколько недель в герметичном тигле, где поддерживается постоянная умеренная температура.

Благодаря этому процессу золото обретает некоторые свойства, родственные живому организму. Ты знаешь, что если несколько дней подряд держать куриное яйцо при температуре 104 градуса, из него вылупится цыпленок*. Но если повысить температуру до 112 градусов на десять минут, яйцо затвердеет и в нем не сможет развиться жизнь**. При приго-

---

* В оригинале приведена температура по шкале Фаренгейта; 104 градуса по этой шкале соответствуют 40 градусам по шкале Цельсия. — *Прим. перев.*

** Приблизительно до 45 градусов по шкале Цельсия. — *Прим. перев.*

товлении лекарства примерно то же происходит и с золотом. Постоянная температура, поддерживаемая в золоте на протяжении нескольких недель, придает ему особую энергию, обладающую теми же вибрациями, что и наша «жизненная энергия». Эта энергия по качеству многократно превосходит атомную энергию. Потребовались миллионы лет, чтобы золото превратилось из обычного материала в благородный металл. Если этот процесс продлить, золото может превратиться в продукт, заряженный особой формой энергии. Как намагничивают кусок обычного железа, так и мы превращаем обычное золото в магнетическое «живое золото». Однако магнетизм золота являет собой несравнимо более высокую форму энергии, чем магнетизм железа. У него те же вибрации, что и у нашей жизненной энергии. Собственно говоря — это сама *жизнь*, и потому его воздействие на все живые существа поистине чудотворно. Человека можно сравнить с живым магнитом, заряженным высшей формой энергии.

Магнит, потерявший свой заряд, может быть вновь намагничен под воздействием электрического заряда, так и человек восстанавливает свою жизненную силу благодаря воздействию на него особой энергии. Эта энергия обычно находится в канале позвоночного столба. Когда ты упал со своего коня, этот хрупкий орган был травмирован, и напряжение твоей жизненной энергии резко снизилось. Твой организм не мог восстановиться самостоятельно, так как сам центр, отвечающий за исцеление, был поврежден. Эти пилюли восстановили заряд в твоих нервных центрах, естественные процессы активизировались, и ты выздоровел. Вот и все. А теперь посмотри на магараджу: несмотря на преклонный возраст, он хочет ежедневно демонстрировать свою «мужскую силу» любимой жене. Благодаря этим золотым пилюлям он здоров, как юноша. Природа не может снабжать его тело необходимой энергией, но мои препараты активизировали его нервные центры, а те, в свою очередь, ежедневно восстанавливают его сексуальную силу.

Тут наш друг спросил индийского врача:

— Почему же вы храните свои знания в таком секрете? Почему вы не хотите облагодетельствовать все человечество? Почему вы не обучаете находящихся здесь врачей-англичан?

Некоторое время индиец молча смотрел куда-то вдаль. Затем он стал говорить:

— Чтобы из яйца вылупился цыпленок, оно должно быть, в первую очередь, оплодотворено, а уж затем высижено. Так и золото — чтобы его молекулы стали активными, нужен источник, способный зарядить его. *Этим источником энергии является сам человек.*

Энергия репродукции может быть проявлена не только на физическом плане. Например, гипнотизер, проникая в мозг другого человека и активизируя там определенные латентные силы, демонстрирует репродуктивную энергию на духовном плане; сперма, соединившись с яйцеклеткой другого организма, вызывает в ней зарождение жизни. Чтобы активизировать определенные процессы в различных материалах (в данном случае, в золоте), человек должен сам излучать жизненную энергию. Но если он расточает ее через половые органы, он приводит нервные центры, излучающие жизненную энергию в ее первичном виде, в латентное состояние. Эти центры открываются и закрываются автоматически. Таким образом, человек либо передает энергию половым органам, лбо переводит ее по особым каналам в высшие нервные центры. *Он не может передавать ее одновременно на оба плана!*

Теперь ты сам понимаешь, что, когда отец посвящает сына в тайны своей науки, последний должен дать обет полного воздержания. Вот почему сына посвящают только после того, как он женился и у него появились дети — таким образом, цепь знаний не прерывается. А теперь покажи мне европейского врача, который бы согласился на полное воздержание ради сохранения знания! Более того, до сих пор все врачи-европейцы, с которыми мы сталкивались, хотели овладеть знанием лишь для того, чтобы заработать побольше денег, что, в свою очередь, дало бы им возможность в полной мере удовлетворить свои животные инстинкты.

Многие западные врачи приходили к нам, чтобы любым путем выведать у нас секреты. Мы же видели, что им нужны эти секреты лишь для того, чтобы разбогатеть, потешить свое тщеславие и завоевать известность. Как это ни печально, но известны факты, когда иностранцы, приезжавшие в нашу страну, чтобы выведать тайны ремесла, подвергали наших врачей, практикующих Аюрведу, жестоким пыткам. С тех пор иностранцы просто «перестали встречать» здесь знатоков Аюрведы — ведь ни один индийский врач, дорожащий своей жизнью, не станет признаваться чужаку, кто он такой. Нам пришлось надеть маски и изображать из себя «таинственных жителей Востока». За этот урок мы заплатили высокую цену.

И все же я могу сказать тебе, что за многие годы к нам приходили и такие иностранцы, побуждения которых были возвышенны и бескорыстны. Они давали обет *брахмачарьи* (воздержания) и оставались с нами. Они становились посвященными, но, как и мы, хранили свое знание в тайне. Когда человечество достигнет в своем развитии такого уровня, что большинство врачей будут способны отказаться от своих сексуальных запросов ради возможности исцелять других, индийские врачи, практикующие Аюрведу, с удовольствием поделятся с ними своими знаниями. Но до сих пор люди, живущие на Западе, умели применять все свои изобретения лишь во вред друг другу. Возьми, к примеру, динамит или аэропланы. Как люди Запада пользуются всем этим? Они превратили эти изобретения в новое оружие! А что будет, если они узнают законы космической или иных, еще более высоких энергий? Они обязательно придумают, как воспользоваться ими, чтобы еще эффективнее истреблять друг друга и наживаться на этом! Война — это бизнес! А кому нужен такой бизнес? Почему люди гонятся за наживой, забыв обо всем на свете, лишь бы получить неограниченные возможности для удовлетворения своего полового инстинкта и потворствования собственным извращениям? А ты спрашиваешь, почему мы не открываем секретов западным врачам! Да они просто теряют интерес к любым секретам, когда слышат,

что в уплату за это им придется укротить свою похоть. Они даже не верят, что за такую цену смогут открыть тайны жизни. Для них намного проще перестать думать об этом и потешаться над «смешными азиатами».

Большинство иностранцев, приезжающих в нашу страну, думают, что высшее земное счастье заключается в удовлетворении полового желания. Откуда могут знать они, никогда не стремившиеся к духовности, о той громадной силе, которой владеет высокодуховная личность? Эта сила не может быть обретена при помощи денег или власти. Цена ей — самоотречение. Но люди, заплатившие эту цену, понимают, что им *ни от чего не нужно отказываться.*

Напротив, они открывают для себя источник бессмертного счастья в земле смертных. Можно ли мечтать о лучшей сделке? Но сейчас мы не будем обсуждать подобные вопросы. Они не поддаются постижению посредством ума.

Дух невозможно понять. Его можно лишь воспринять. Человек может быть лишь духом. Мы не против того, чтобы люди Запада шли путем разума. Они уже достигли многого на этом пути и достигнут еще большего. Но «высшая истина» всегда будет недостижима для человека, избравшего путь разума, ему не постичь блаженства чистого *существования*, к которому ведет дорога самоотречения. Люди Запада сделали из индийского йога героя комиксов. Тебе все еще непонятно, почему *посвященные* не открывают секретов твоим соотечественникам?

Я рассказал тебе обо всем этом лишь потому, что увидел — твой интерес к нашей науке вызван отнюдь не корыстью, а глубоким духовным поиском. Ты ищешь истину. Ты ищешь Бога! Мы всегда готовы помочь таким людям. Я дам тебе один совет: если хочешь заглянуть поглубже в тайны человеческой жизни и продвинуться по пути духовного развития — практикуй йогу!»

Затем индийский доктор стал объяснять, что на протяжении тысяч лет жители Востока изучали и совершенствовали различные методы, с помощью которых можно достичь *нирваны* — состояния полного счастья, великого блажен-

ства. Эту цель несет в своем сердце каждый человек, независимо от того, на каком уровне находится его сознание. Дверь открывается любому, нашедшему ключ.

И этот ключ — *Йога*!

Врач-индус также рассказал нашему другу, что любое действие, выполненное с предельным сосредоточением, является *Йогой*. Так что единственный путь, ведущий к достижению *Великой Цели*, — полная концентрация сознания. Благодаря систематической практике некоторых техник *Йоги* мы можем значительно улучшить свою способность к концентрации.

Эти методы совершенствовались на протяжении тысячелетий. В *Йоге* существуют различные способы концентрации — физический, ментальный и духовный. *Йога* помогает развить высшие способности человека — открывает духовное зрение и духовный слух, учит человека управлять собой, своими творческими силами, позволяет стать хозяином своей судьбы. Путь к *нирване* открыт, или, если выразиться иначе, открыта возможность реализовать себя — постичь Бога! Наивысший, но и труднейший путь в *Йоге* называется Раджа-Йогой. «Раджа» означает «царь», и если перевести этот термин буквально, мы получим «царскую йогу» или «царственную йогу». Это — самый короткий путь, но в то же время самый крутой и ухабистый. Этому пути учил людей Иисус, и это учение изложено в Библии. При должном терпении и упорстве человек достигает цели.

— Индийский врач продемонстрировал мне основные упражнения *Йоги*, — продолжал школьный товарищ моего мужа, — это те самые упражнения, которым я обучил тогда тебя. Затем он пообещал познакомить меня с величайшим из ныне живущих йогов. Я пришел к этому человеку. Ему было больше восьмидесяти лет, но я бы не дал ему и сорока. Он практиковал *Хатха-Йогу*. Йогам известны все секреты человеческого тела. Они способны поддерживать телесное здоровье, если захотят, в течение нескольких сотен лет. Индусы утверждают, что в горах по сей день живут йоги, которым сейчас не меньше семисот-восьмисот лет.

Тут мой муж рассмеялся:

— Совсем неплохо — семьсот лет! Надо же! Но в этот момент, я полагаю, ты проснулся?

— Ты рассуждаешь как истинный европеец, — ответил наш друг совершенно серьезно. — Если ты о чем-то не слышал прежде — значит, это не может существовать. Жители Азии знают гораздо больше о человеческом организме, чем мы, но они научились хранить молчание. *Даже сейчас они умудряются сохранять в тайне свои секреты.* Я видел в Индии такое, что научило меня воздерживаться от насмешек, когда я слышу какую-либо невероятную вещь.

— Ладно, согласен, — поспешил согласиться мой муж, — я тоже думаю, что существует какой-то неизвестный нам способ продления человеческой жизни. Даже здесь, на Западе, она увеличивается, несмотря на то что мы травим себя алкоголем и никотином и подрываем здоровье прочими вредными привычками. Пятьдесят-шестьдесят лет назад средняя продолжительность человеческой жизни составляла тридцать пять лет, а сейчас она переступила за шестидесятилетнюю черту. Никто не знает, где предел. Медицина развивается так стремительно!

— Вот видишь, твои подлинные взгляды на этот вопрос совсем не циничны. Но здесь, на Западе, мы боимся согласиться с тем, что считается невозможным. Сталкиваясь с непонятными вещами, мы нередко пытаемся рассуждать о них с высокомерным невежеством. Я преклоняюсь перед знаниями наших ученых, но они ведут себя так, словно им известны все тайны жизни, тогда как они совершенно невежественны в вопросах смерти. Люди Востока познали тайну смерти, но единственное их оружие в борьбе с цинизмом Запада — безмолвие. Вот вам пример. Один индус показал мне зажигалку. Это была дешевая зажигалка — подобные можно найти на любом базаре. Она была выполнена в виде Будды, сидящего в позе лотоса. Мой знакомый индус сказал: «Мы, азиаты, никогда бы не сделали зажигалку в виде фигуры Христа. Мы чтим священные символы чужих религий как собственные. Нам известно, что за всеми священными символами

стоит один и тот же *Бог*!» С этими словами он бережно опустил зажигалку на свой домашний алтарь. В этот момент мне было стыдно за то, что я европеец.

«Когда наконец мы, люди Запада, — подумал я, — научимся не оскорблять других своей грубостью, бестактностью и безвкусицей!» Чего стоят одни только наши фильмы, в особенности те, среди персонажей которых фигурируют азиаты! Ведь на Востоке их тоже смотрят. Интересно, что они думают о нас? Но эти люди хранят безмолвие.

— А есть ли у тебя книги по *Йоге*? — спросила я нашего друга.

— Прекраснейшая книга индусов, которую они почитают как самую священную реликвию, называется «*Бхагавад-гита*». В ней говорится о духовном развитии посредством *Раджа-Йоги*. Я бы советовал тебе начать с нее.

Для меня этого было достаточно.

Вернувшись домой и удобно устроившись на диване, я открыла книгу, одолженную мне школьным товарищем моего мужа. Но к удивлению своему я обнаружила, что это вовсе не та книга, которую я выбрала в его библиотеке! Я закрыла книгу и посмотрела на обложку. Странно! Осматривая библиотеку нашего друга, я читала названия книг на корешках, и это была явно не та книга, которая привлекла мое внимание. Возможно, я по ошибке взяла соседнюю? Но сейчас, когда у меня в руках оказалась именно эта книга, мне стало любопытно, что же в ней содержится. С виду это была современная книга, но под обложкой оказался древний манускрипт. Страницы были желтыми, местами даже коричневыми и все изъедены червями. Черные чернила и каллиграфия выдавали почтенный возраст рукописи. Чем дальше я читала, тем больше захватывала меня эта книга. Переворачивая страницы, я заметила, что мои руки начали слегка дрожать.

В рукописи говорилось о тайном духовном ордене, древнем, как сама Земля. В этом ордене не существовало «членства» в обычном понимании этого слова, но он постоянно пополнялся неофитами, вступавшими с ним в контакт, не ведая об этом. Этот «контакт» осуществлялся после того, как

человек достигал определенного уровня духовного развития и был готов полностью отречься от себя и посвятить свою жизнь тому, чтобы избавить от страданий других людей. После принятия этого решения его вибрации автоматически совпадали с вибрациями членов ордена. Вначале предполагаемый неофит слышал внутри себя голос духовного наставника, предупреждающий о тяготах и опасностях избранного пути. Если это не пугало его и он оставался тверд в своем решении, «орден», созданный для помощи человечеству, принимал его в свои ряды.

Вначале неофиту давался испытательный срок (о чем он даже не догадывался). Этот срок составлял *семь долгих лет*, на протяжении которых неофиту предоставлялось право распоряжаться своей жизнью самостоятельно. Все это время он не мог вступить в контакт с орденом, как бы того ни желал. На его пути постоянно встречались испытания. Семь испытаний относятся к человеческим добродетелям: освобождение от похоти, тщеславия, гнева, жадности, зависти и земных удовольствий. Затем испытывается его способность сопротивляться постороннему влиянию.

Если неофит проходил все эти испытания успешно (борется он с ними один на один, без всякой помощи со стороны ордена), то оставался в ордене и ему позволяли выполнять работу, связанную с деятельностью ордена. Он узнавал о решении благодаря какому-нибудь «явному совпадению». С этого момента он проходил обучение, и на него возлагались определенные обязанности. Вначале это были несложные задания, но если он успешно справлялся с ними, перед ним ставились более трудные задачи. Задания были разные — некоторые неофиты должны были выступать публично, некоторые — вести закулисную работу. Одни ходили от деревни к деревне, словно бродяги, другие же становились обладателями больших капиталов. Одни помогали ученым делать открытия, иные писали книги и выступали с лекциями. Среди членов ордена были люди, занимающие высокое общественное положение, были и простые рабочие фабрик и т. п. Иногда могло даже *показаться*, что действия двух чле-

нов ордена были направлены друг против друга. Тем не менее они ни при каких обстоятельствах не должны были открываться и демонстрировать, что они члены одного ордена. Одни достигали славы и огромной популярности, другие же оставались безвестными и вели жизнь, полную лишений и бедствий. Но и те и другие должны были исполнять свои задания, забыв о собственной личности — как служители *Великого Плана*. При этом они несли *полную ответственность за каждый свой поступок*! Получив задание, они должны были сами находить пути претворения его в жизнь. Чем выше было положение человека в ордене, тем большая ответственность на него возлагалась.

Каждый, отказывавшийся брать на себя ответственность за свои поступки и свою работу, каждый, пытавшийся переложить свою ответственность на других членов ордена, каждый, пытавшийся продемонстрировать другим, что он всего лишь исполнитель воли ордена, расценивался орденом как предатель и автоматически терял контакт с остальными членами ордена. Однако такой человек не всегда понимал, что потерял связь с орденом, и иногда продолжал «сотрудничать» с орденом еще долгие годы. Таких «сотрудников» орден использовал для того, чтобы испытывать других людей — потенциальных неофитов, — определяя, могут ли последние распознавать лжепророков; достаточно ли они продвинулись в своем духовном развитии, чтобы мыслить независимо и взвешивать каждое услышанное слово. Если же человек признавал лжепророка как пророка, значит, он слепец, который позволил другому слепцу вести себя, — они оба окажутся в яме.

Членом ордена мог стать лишь человек, способный принимать решения самостоятельно и противиться чужому влиянию. Им не мог быть тот, кто *поступал хорошо и не делал зла* лишь из послушания и ради ожидаемого «вознаграждения на Небесах» или из страха перед «муками ада». Нет, *члены ордена при любых обстоятельствах неизменно следовали своим глубочайшим убеждениям*. Члены ордена получали приказы ордена *через свое собственное сердце!*

Я читала эти строки со всевозрастающим волнением. Отказ от земных удовольствий? Как хорошо я помнила ту ночь, когда вдруг разрыдалась, сидя на постели! Может ли отказ от земных удовольствий проявиться более явно? Искреннее и сильное желание облегчить страдания других людей? *Бог* свидетель, с каким глубоким чувством дала я тогда клятву в своей комнате, думая о муках душевнобольных и всех страждущих этого мира! Сейчас я вспомнила обо всех полученных тогда предупреждениях и о том пронзительном чувстве одиночества, которое испытала, поняв, что остаюсь без поддержки на долгие годы. Сколько же времени прошло с тех пор? Семь лет! Да, ровно семь. А сегодня произошло удивительное совпадение — эта книга. Впрочем, совпадение ли? Нет, это знак, безусловно, *знак*!

Я была потрясена до глубины души. По привычке я стала беспристрастно анализировать все, что со мной произошло, задействовав весь свой разум и здравый смысл. Но что сейчас мог мне сказать разум?! Я *знала, что все это правда*. Что еще оставалось делать моему разуму, как не признать факты? Даже самый скептический разум умолк бы перед таким количеством «совпадений»! Нет, сомнений не было — меня приняли!

Меня захлестнуло чувство невыразимой радости и благодарности. Я приняла Божье благословение с должным смирением и благочестием. Такой я остаюсь и поныне.

— 21 —

И БЫЛ СВЕТ

Я стала замечать, что с тех пор все больше людей — стариков и молодых — приходили ко мне за советом. Все больше и больше «ищущих» обращались ко мне за помощью. Но я чувствовала, что все еще блуждаю во тьме. Как же помочь другим? Как мне исцелить душевные раны ближних, если я сама до сих пор не разрешила загадки жизни и смерти?

Главное для меня было вырваться из тьмы. И я «проводила поиск» там, где указывал мне внутренний голос, — читала книги. Я нашла книгу по *Раджа-Йоге*, указывающую путь к себе. Мне захотелось немедленно приступить к практике, так как было совершенно понятно, что прочитанное лишь указывает на то, что *следует делать*. Если хочешь достичь цели — собственного *Я*, — ты должен суметь активизировать все свои знания. А мне нужны были реальные знания — не только прекрасные теории и описания. С другой стороны, духовная *Йога* требует строжайшего аскетизма.

Я переговорила со своим мужем. Он всегда был моим лучшим другом, и ему было известно, как важно для меня найти ответы на три великих вопроса: *«откуда (из какого источника)?»*, *«куда идем?»* *«зачем?»*. Он дал свое согласие на проведение мною аскетических упражнений.

Мой отец купил участок в горах. Там, среди леса, стоял маленький домик, куда я и переселилась. В то время мой сын учился вдалеке от дома и навещал нас только во время каникул. Муж же находился в постоянных разъездах и возвращался домой только на выходные.

С широкой террасы дома открывался потрясающий вид на долину. Мне казалось, что я смотрю в саму бесконечность. У подножья горы широкая река медленно и величественно несла вдаль свои воды. Н противоположном берегу много-

численные дороги и тропы сплетались в сложную паутину, по которой, как кровяные тельца по венам, пробегали крохотные автомобили. Все казалось миниатюрным — деревеньки с их игрушечными домиками и снующие, словно муравьи, люди.

С другой стороны дома начинался лес, где можно было часами бродить, пребывая в блаженном безмолвии. Иногда в дом залетали фазаны, а косули подходили к самой двери. Ночью можно было услышать перестук их копыт. Дверь и окна я запирала на засовы, чтобы в дом не ворвался кабан или какой-нибудь другой опасный зверь.

Так я и жила. Каждое ýтро на террасе меня ждал кувшин с парным молоком. Затем я рубила дрова для печи, после чего приступала к упражнениям. Это место идеально подходило для практики *Йоги*. Лесная тишина и первобытная девственность природы располагали к раздумью и созерцанию. Любой попавший в эти леса человек становится более восприимчивым к высшим вибрациям.

Здесь активизируются дремлющие органы духовного восприятия. Без всякого труда я выполняла здесь самые трудные упражнения по концентрации и медитации.

Из дому я взяла с собой старинную коллекцию розенкрейцерских фигурок, изготовленных в XVI или XVII веке. Я использовала их в качестве объекта медитации. После упражнений в концентрации, длящихся по нескольку часов, я переходила к медитации над символической передачей глубочайших истин. Сокровенные тайны сами собой открывались моему внутреннему взору. Здесь, в полном уединении, я также изучала труды мудрецов Востока — в первую очередь, *Веды* и *Упанишады*.

Продолжительные упражнения в концентрации и медитации помогли мне проникнуть — шаг за шагом — в глубины моего сознания. Благодаря этим упражнениям я разбудила силы, которые продолжали работать даже во время сна. Иногда, когда я бродила по лесам, перед моим взором проплывали картины, казавшиеся мне знакомыми, хотя в этой жизни я ничего подобного не видела. Во снах и наяву мне

являлись образы людей, которых я хорошо знала, но никогда не встречала в этой жизни. Их одежда была необычной, и говорила я с ними на языке, незнакомом мне в этом воплощении.

Когда бы я ни садилась медитировать, обращая взор внутрь себя, я видела зеленовато-синий фосфоресцирующий свет. Казалось, это было сияние глаз великой и чудесной духовной сущности. Невыразимая сила, любовь и доброта лучилась из этих глаз. Без тени внутреннего сомнения я окунулась в глубины этого источника, все глубже погружалась в неизведанный мир бессознательного.

Затем, совершенно неожиданно, свет озарил тьму, и все прошлое и тайное прояснилось мне.

Однажды, когда я приняла медитативную позу, фосфоресцирующий свет как обычно появился перед моим внутренним взором. Затем с пронзительной ясностью я поняла, что свет исходит из глаз могущественной сущности, известной мне издавна. Глаза приближались. И тут я *осознала*, а не просто почувствовала, что глаза смотрят на меня. Я ощущала их взгляд, их сияние, их силу. Они светились любовью, и вдруг остатки тумана, окутывавшего мое сознание, рассеялись, и передо мной предстала величественная фигура с темно-синими глазами невероятной глубины. Это была *Его* фигура, *Его* лицо и *Его* глаза. Да, это был *ОН*.

— 22 —

Прошлое становится настоящим

Он стоял передо мной, спокойно глядя мне в глаза. Этот взор, лучащийся небесным покоем, помог мне перенести потрясение — невообразимую радость видеть *Его* снова. Его благородное лицо оставалось неподвижным, лишь глаза улыбались, и я знала, что *Он* рад тому, что я проснулась окончательно и смогла увидеть *Его* вновь. *Он* же видел меня всегда. *Его* глаза всегда были достаточно зоркими, чтобы различать то, что происходит за покровом тумана, застилающего мое сознание. *Он* видел мою борьбу, мою боль, мои сомнения и никогда не оставлял меня без своей помощи. *Он* помог мне проснуться и обрести сознание.

Воспоминания хлынули на меня мощным потоком, и расплывчатые картины, которые я так долго носила в себе, картины, не попадающие в фокус моего сознания, внезапно стали четкими и ясными. Новые видения возникли в моем разуме — новые воспоминания, доселе прятавшиеся в глубинах моего подсознания, всплыли на поверхность. Это были те самые недостающие фрагменты мозаики, заполнившие пробелы в картине моей прошлой жизни на берегу великого Нила, в стране пирамид.

Эти видения-воспоминания становились все более яркими, тогда как переживания нынешней жизни потускнели. Все, что окружало меня, — маленькая хижина, затерянная среди лесов, прекрасный вид на реку, протекающую в долине, — стало исчезать. *Он* тоже исчез из поля зрения. Стены комнаты куда-то уплыли, и я оказалась в каком-то просторном помещении. Рядом со мной стоит добродушная толстуха и приветливо улыбается мне.

Ах да, конечно! Сегодня же мне исполняется шестнадцать лет, и я одеваюсь по случаю праздника! Я должна появиться

на большом приеме, где мой отец объявит меня своей женой — преемницей безвременно скончавшейся царицы.

В большом полированном серебряном блюде овальной формы, являющем собой вершину ювелирного мастерства, я отражаюсь целиком. Рядом суетится старая милая Мену. Она помогает мне одеться.

Моя мать умерла, когда я была еще совсем ребенком, оставив по себе лишь смутные воспоминания о том, какой она была бледной и красивой. Где-то в глубинах моей памяти навсегда сохранился глубокий взгляд ее огромных глаз — тот взгляд, которым она окинула меня, прежде чем испустить последний вздох. Тогда между нами возникла необыкновенно прочная связь, и сейчас, когда я вступаю на престол как ее наследница, я ощущаю эту связь отчетливее, чем когда-либо прежде.

Сейчас же, облаченная в свой лучший наряд, я залюбовалась своим отражением. Оно мне нравится! В зеркале отражается красивая, изящная молодая женщина, одетая дорого и изысканно. Ее шелковый наряд расшит золотом и драгоценными камнями. Пояс, туго охватывающий талию, подчеркивает ее стройность, широкий воротник оттеняет прямую линию плеч, а шарф, повязанный на голове, подчеркивает уверенность в себе и несколько надменное выражение лица его обладательницы. Да, я тщеславна, мне нравится то, что я перед собой вижу. А старая милая Мену, почитающая меня самим совершенством, почти ничего не видит сквозь слезы, застилающие ее глаза.

Двое старейших вельмож входят в комнату, чтобы повести меня через длинный коридор в залу, где проходят торжественные события.

Шагая медленно и торжественно, они ведут меня между рядами сановников к «Великому Дому» — моему отцу, Фараону. В этот день он станет моим мужем. Он сидит на золотом троне, словно сам *Бог* во плоти. Его звание, *Фар-ао*, недаром означает «Великий Дом». Его личность — всего лишь наружный покров, «дом» Бога. *Бог* живет в нем, проявляет себя в нем, лучится сквозь него. Его взгляд, кажется, проникает на-

сквозь, так что люди с нечистой совестью вынуждены отводить глаза. Он сидит передо мной и смотрит на меня — сквозь меня. Я отвечаю ему прямым взглядом. Я знаю, что необыкновенная сила, исходящая из его глаз, есть сила любви. Он видит все: мое тщеславие, мои слабости. Но он и понимает все. Он — сама любовь, он — мой отец!

Величественный лев — его лев — сидит рядом с троном. Исполненный достоинства царственный зверь — символ высшего могущества. Я приближаюсь к трону и застываю перед Фараоном. Он встает со своего места, спускается ко мне и, опустив руки в сундучок, который держит перед ним церемониймейстер, извлекает оттуда самую дорогую и прекрасную вещь — золотой воротник. Он осторожно набрасывает его мне на плечи. Затем, достав обруч, украшенный головой змеи, он надевает его мне на голову поверх белого шелкового покрова. Это символ правящей расы — Сынов Бога — посвященных.

После этого, взяв меня за правую руку, Фараон ведет меня к трону. Обращаясь к сановникам и придворным, он объявляет меня новой царицей — своей женой. Я сажусь слева и чуть-чуть впереди от него. Сановники и придворные вместе со своими женами по очереди подходят к нам и кланяются, вытянув вперед руки, — вначале Фараону, затем мне. Мы сидим неподвижно — только наши глаза пристально глядят в лицо каждому вновь приблизившемуся. Я помню о том, что сейчас являюсь проявлением духа моей покойной матери, и эта мысль наполняет все мое существо чувством высокой ответственности.

Шествие вельмож продолжается, и я вижу, как в глазах отражаются их души. Во взорах некоторых можно прочесть подлинную любовь, в иных же глазах отражается лишь зависть, любопытство и низменная покорность. Главный Церемониймейстер, Ру-Ка, также поклонился мне. Как это не раз бывало прежде при наших встречах, Ру-Ка бросает на меня короткий, исполненный цинизма, наглости и какого-то непристойного восхищения взгляд. Я отвечаю ему холодным взглядом, и процессия продолжает двигаться вперед. Ко

мне приближаются мои друзья — с некоторыми из них не так давно я играла и шалила. Они смотрят на меня с неподдельной любовью. Наши взгляды встречаются, и я чувствую, как этот контакт обогащает меня. С церемониальной медленностью течет толпа — она безмолвна, но объединена общим духом.

Наконец последние члены процессии проходят мимо. Фараон поднимается и протягивает мне руку. Медленно спускаемся мы с лестницы и, минуя ряды придворных и сановников, удаляемся из зала. Когда мы наконец оказываемся в его комнате вдвоем, отец садится и, попросив меня сделать то же, устремляет на меня долгий нежный взгляд. Он улыбается и молчит. Я чувствую, что ему приятно смотреть на меня. Его глаза медленно скользят по моей фигуре — от головы до ног. Он явно доволен. Затем, радостно посмотрев прямо мне в глаза, он говорит:

— С этого дня мы будем часто видеться, так как ты заняла место своей матери и должна будешь исполнять ее обязанности публично. Многие годы мы готовили тебя к этой роли, и теперь ты знаешь свои обязанности. Я хочу, чтобы в твоем сердце навсегда сохранилась светлая память об этом дне. Так каково же твое желание? Я знаю, что ты давно задумала его и ждала момента, когда я спрошу тебя об этом, — так говори сейчас. Чего ты желаешь?

Да, я готовилась к этому. И, подобно многим другим молодым женщинам, я могла бы сказать, что хочу иметь лучшие драгоценности (которые смогу носить лишь во время праздников), или дрессированного льва, или заявить о своем желании отправиться в путешествие. Да мало ли чего еще можно пожелать! Но мне не хочется просить ни о чем подобном.

— Отец, — говорю я, — что означает корона, которую я ношу на своей голове?

Фараон глядит на мой лоб, затем прямо мне в глаза и говорит:

— Золотая змея. Это символ правящей расы — Сынов Бога.

— Я знаю, отец, но золотая змея также символ посвященных. А я не являюсь посвященной. Значит, я не достойна носить этот обруч. Отец, *посвяти* меня — вот мое желание!

— Попроси о чем-нибудь другом, дитя мое, — отвечает мне отец очень серьезно. — Ты слишком молода и незрела, чтобы пройти обряд *Посвящения*. Молодые побеги не должны попадать под прямые солнечные лучи, иначе они обгорят и не смогут цвести. Подожди, пока не обретешь достаточно опыта в земной физической жизни. Если ты будешь посвящена сейчас, то испытания, которые тебя ждут в будущем, будет пройти гораздо труднее. Зачем же причинять себе лишние неприятности? Послушай моего совета и попроси о чем-нибудь другом.

— Отец, — отвечаю я, — мне больше ничего не нужно. То, что интересует других, мне кажется таким скучным! Желания тела стоят превыше всех прочих земных радостей. Мне очень нравятся ювелирные изделия, но даже золото способно заиграть лишь тогда, когда человеческий дух коснулся его и превратил в произведение искусства. Мой глаз также радуют красивые ландшафты и новые виды. Но и путешествуя, я ни на миг не забываю о том, что все это — творение, а не *Творец*. Я хочу познать высшую истину в ее первообразе. Я хочу познать Бога — *самого Создателя*! Отец, ведь то, что мы зовем «жизнью», — всего лишь сон. Здесь все выскальзывает из наших рук, мы никогда не можем быть здесь счастливыми по-настоящему. Все это лишь миг — переход между прошлым и будущим. А я хочу познать *вечное сейчас* — которое никогда не станет прошлым и никогда не было будущим. И я хочу найти то состояние или то «место», которое никогда не было «*там*», прежде чем я достигла его, и никогда не будет «*здесь*» после того, как я окажусь в нем. Я хочу испытать *вечное присутствие в настоящем времени и пространстве*. Отец, я желаю высшей реальности — *Посвящения*!

Но, слушая меня, отец все грустнеет.

— Твое духовное пробуждение началось раньше, чем следует, — отвечает он, — единственное, что я могу для тебя сделать, — это отослать к моему брату Птахотепу — Верхов-

ному Жрецу Храма и главе нашей расы. Я поговорю с ним, и он возьмет тебя под свое покровительство. Да осветит твой путь вечный свет!

С этими словами он возлагает руку на мою голову и благословляет меня. Мне хочется тут же припасть к его груди и поблагодарить за все, но тяжелый золотой воротник не допускает никаких внезапных движений. Отец умеет читать каждую мысль, и, конечно же, от него не ускользает мой порыв.

— Ты все еще большой ребенок, — говорит он. — Но, с другой стороны, ты слишком рано повзрослела. Если хочешь получить *Посвящение*, то должна научиться самоконтролю.

— Но я умею контролировать себя, отец, — отвечаю я со смехом, — когда хочу этого.

— Не сомневаюсь в этом. Но всегда ли ты хочешь контролировать себя? — улыбается отец.

— Но ведь это же скучно, все время думать о самоконтроле!

— В том то и беда, — отвечает, нежно улыбнувшись, отец. — Плохо, что тебе скучно все время контролировать себя. Здесь кроется опасность. Помни, что, если ты, ослабив волю, хоть на миг прекратишь держать в повиновении своего любимого льва, он может воспользоваться этим моментом и броситься на тебя. Минутная слабость может стоить тебе жизни. Низшее *я* — такой же зверь, как и лев. Почуяв слабину в нашей воле, оба эти зверя готовы броситься на нас, но, держа их под постоянным контролем, мы можем пользоваться их силой. Никогда не ослабляй внимания!

Мы прощаемся. Стража выводит меня из отцовской комнаты и передает в руки старейшин, ожидающих меня в вестибюле. До чего надоели все эти церемонии! Почему я должна идти размеренным шагом в сопровождении двух стариков в собственную комнату! Мне так хочется броситься бегом по коридору и поскорее ворваться в комнату, где меня ожидает Мену, которую всю распирает от любопытства. Но нет! Я должна идти, храня достоинство и величие, и следить за тем, чтобы золотой воротник на моих плечах не съехал

набок. Но вот наконец мы достигаем моей двери, где (с достоинством и величием) я прощаюсь с двумя старцами. Я распахиваю дверь и останавливаюсь на пороге, чтобы старая милая Мену могла полюбоваться моими золотыми украшениями. Увидев меня, Мену чуть не теряет рассудок от радости. Ведь я так похожа на покойную мать, как уверяет она.

— Ты совершенно невежественна, Мену, — строго говорю я ей. — Как я могу походить на кого-то? Да, мой нос или мой рот могут напомнить тебе другого человека. Но это не может быть *Я*. Можешь ли ты увидеть *меня*? Ты видишь лишь мое тело — обитель моего *Я*, но ты никогда не видишь мое *Я*. Как же мое *Я* может походить на кого-то другого?

— Хо-хо, — отвечает мне Мену, — если я не могу видеть *тебя*, то как же случилось, что ты стала такой красавицей? Скажи-ка мне на милость, если я не могу видеть *тебя*, то кого же я вижу перед собой? Если же я вижу вместо тебя лишь место, где обитаешь *ты*, значит *ты* совсем не красива. Так почему же ты стоишь здесь с таким гордым видом?

И здесь мы обе заливаемся смехом. Несмотря на свой приземленный ум, Мену способна дать мне столь острый и точный ответ, что я чувствую себя посрамленной. Да, она увидела мою слабость — мое тщеславие. Затем с невыразимой нежностью она снимает с меня золотой воротник и обруч и кладет их в ларец для драгоценностей. За дверью ждет церемониймейстер Ру-Ка с двумя носильщиками, которые доставят ларец в сокровищницу, где он будет ждать новой придворной церемонии. Вот Ру-Ка вошел в комнату и поклонился мне. Этот человек раздражает меня все больше. Ведь я прекрасно вижу, что он кланяется не из уважения ко мне, а лишь потому, что *должен* это делать. Он снова бросает на меня откровенно похотливый взгляд, на что я отвечаю холодным, исполненным царственного величия и достоинства взглядом. Наконец я снова остаюсь наедине с Мену.

Мену была моей нянькой с тех пор, как умерла моя мать. Она и сейчас остается моей служанкой, и для меня она гораздо более близкий человек, чем все эти придворные дамы, занимавшиеся моим воспитанием лишь потому, что были

должны это делать. Мену любит меня всем сердцем, и при ней я всегда могла делать все, что захочу. Она слепо восхищалась всем, что бы я ни сделала или ни сказала. И я не помню, чтобы она не выполнила какое-то мое желание, если это было ей по силам. Мы всегда были очень близки, и сейчас, когда мне придется выполнять свои обязанности царицы и все время находиться рядом с отцом, Мену обеспокоилась, не отдалюсь ли я от нее. Нет, я люблю ее всей душой и, насколько умею читать в человеческих сердцах, знаю, что ни на кого при дворе я не могу положиться так, как на нее.

В детстве я лишь изредка виделась со своим отцом. Он всегда был «великим человеком» и остается таким по сей день. Он явился на Землю, чтобы управлять людьми в их *земной жизни*. Он посвятил свою жизнь тому, чтобы показать *сынам человеческим*, как можно править страной для блага всех ее жителей. Эта задача отнимала у него почти все время, так что ему некогда было заниматься мной. Но каждый день он проводил несколько минут в саду, где я играла с детьми царской семьи, или приглашал меня посетить его кабинет.

Когда я была еще совсем ребенком, он поднимал меня вверх на руках или, играя, становился рядом со мной на колени. Затем, глядя на меня с бесконечной любовью, он благословлял меня, и мы расставались. Он всегда говорил со мной как со взрослой. Представители нашей расы — Сынов Бога — не делают различий между теми, кто долго живет на Земле, и теми, кто оказался на ней совсем недавно; между теми, чей дух обитает в большом теле, и теми, чей обитает в малом. Вопрос о размере тел и количестве прожитых лет представляется важным только сынам человеческим, прочно привязанным к физическим телам и забывшим об истинной природе духа, который не зависит ни от места, ни от времени. Сыны человеческие считают, что кто-то действительно может быть «малым» или «большим».

Но Сыны Бога — члены нашей расы — сохраняют свое духовное сознание даже при рождении. Они всегда помнят, что «ребенком» или «взрослым» может быть только тело, дух

же всегда остается собой. Он никогда не бывает ни «малым», ни «большим», ни «молодым», ни «старым» — дух не зависит ни от пространства, ни от времени. Вот почему на наши с отцом отношения никогда не влияли ни разница в возрасте, ни частота и краткость наших встреч. Когда я подросла, отец стал то и дело брать меня с собой на прогулки, и, если я уставала, он подхватывал меня на руки и рассказывал мне о тайнах природы. Эти беседы казались мне невероятно интересными, и однажды я сказала отцу:

— Я хочу знать все обо всем, как и ты, отец.

— *Когда ты станешь посвященной*, — ответил он, — *тебе откроются все тайны Неба и Земли.*

Я никогда не забывала этих его слов и терпеливо ждала того часа, когда совершится мое *посвящение.*

Я жила среди чужих мне людей, но никогда не чувствовала себя одинокой. Я знала, что мой отец полностью понимает меня, и, хотя физически мы не находились все время рядом, наш дух был един. Таким же образом я ощущала единство и со своей матерью. Она уже не присутствовала на земле в телесной оболочке, однако наша духовная связь была неразрывной. Поразительно, но духовное единство так мало зависит от физической близости! Например, милая Мену все время находится рядом, боясь оставить меня и на минуту, и все же *я* не с ней. Она может любить меня, но при этом она меня не понимает. Она почти не думает о себе и живет лишь ради меня. Она просто растворилась во мне и находится в полной моей власти. Но я не злоупотребляю этим. Отец как-то сказал мне, что *человек никогда не должен злоупотреблять властью, дарованной ему собственным интеллектуальным превосходством.*

Сейчас моя Мену испытывает такую радость, словно это *ее* отец представил двору как свою жену, словно это *она* была такой красивой и получила царские украшения. О милая старая Мену! Совершенно естественно, что сейчас ее интересует, что я попросила в подарок у своего отца.

— *Посвящения*, конечно, — отвечаю я.

— Как? — в ужасе воскликнула Мену. — Посвящения? Но ты же не думаешь оставить двор и присоединиться к неофитам в храме? Почему же ты не попросила о драгоценных украшениях? Или не заказала свою статую скульптору Имхотепу? О, все что угодно — только не посвящение!

— Почему ты так разволновалась? — спросила я в свою очередь. — Единственное, чего я желаю на свете, — это *Посвящение*! И что же еще может осчастливить меня, если оно не во мне? Что толку в вещах, которые будут лишь висеть на моем теле и я даже не смогу рассмотреть их! Сейчас у меня есть даже такие драгоценности, которыми украсят мое тело, когда я покину его. Их положат в мой гроб, чтобы все знали, что я принадлежу к расе Сынов Бога. Да, эти украшения сейчас мои, но я не чувствую себя от этого более счастливой. По этой же причине люди хотят обессмертить мою телесную оболочку. Зачем мне все это нужно? Кому интересно, что скажут сыны человеческие через несколько тысячелетий о статуе, отразившей мою внешнюю форму? Единственное, что может сделать меня счастливой, — то, что *тождественно мне*, а не то, что находится снаружи. Единственное, что может сделать меня счастливой, — это внутреннее переживание, благодаря которому я смогу познать главную истину. Я хочу стать *посвященной*!

Мену стонет от отчаяния, словно я просила о смерти.

— О, я знаю, что никто не сможет переубедить тебя! — восклицает она, — я знаю, что когда ты вобьешь себе что-то в голову, то это окончательно! Но я чувствую, что в посвящении кроется великая опасность. Забудь об этом! Пожелай чего-то другого. Что сказал тебе на это Фараон?

— Он позволил мне повидаться с его братом, Птахотепом, а сейчас, прошу, прекрати причитать. Не порть мне этого дня!

— 23 —

Он

В тот вечер я вышла из дворца вместе с Мену. Наши лица скрыты под густой вуалью, и мы идем под колоннадой от дворца к храму, где обитает Верховный Жрец, брат моего отца, Сын Бога, Птахотеп. Птахотеп — главный среди жрецов, но сейчас он к тому же еще и главный целитель и главный архитектор — ведь ему известны и покорны все тайны природы. Он прибыл на Землю с целью открыть сынам человеческим дорогу к *духовной жизни* и посвятить их в тайны науки. Он выше отца, так как никогда не отождествлял себя со своим телом, тогда как отец был женат и тем самым закрепил себя на материальном плане.

В безмолвии мы следуем к храму. Мену научилась молчать, когда я погружена в мысли. Неофит, поджидавший нашего прибытия у ступеней храма, заводит меня внутрь. Мену остается ждать в вестибюле. Мы минуем еще одну длинную колоннаду и попадаем в маленькую комнату, где меня ждет Птахотеп. Неофит остается за порогом.

Здесь сидит ОН — наместник *Бога*.

Я вижу *Его* так близко впервые, и его глаза поглощают меня целиком. О, эти глаза! Темно-синие — настолько темные, что кажутся почти черными. Они такие темные оттого, что бездонные — бездонные, как сам небесный свод. Когда смотришь в глаза сына человеческого, легко различаешь в них дно. В их глазах видна душа, виден характер. Ты видишь *глаза личности*. Глаза же Птахотепа — совсем иные. Эти глаза без дна, и, глядя в них, видишь небесную бездну в звездную ночь. В этих глазах нет ничего личного, ничего характерного — лишь вечность покоится в них. Весь мир, вся Вселенная умещаются здесь. Я узнаю в этих глазах себя и чувствую полную уверенность, так как знаю, что они *знают* меня и *хранят*

меня в себе. Я знаю, что *я* в *Нем*, а *Он* во *мне* и что Он любит *меня* как Себя. *Я* — это *Он*, и мы с *Ним* едины.

Он — сама *любовь*, и я чувствую, как эта любовь пронизывает и согревает все мое существо.

Тронутая до глубины души, я падаю перед Ним на колени.

Птахотеп протягивает мне руку, поднимает меня с земли и говорит:

— Дочь моя, никогда не *преклоняй колен перед зримой формой.* Не унижай божественное начало, живущее в каждом существе. Один и тот же *Бог* проявляет себя в тебе, во мне и во всем мире. Лишь перед самим *Богом* ты можешь падать на колени. Поднимись же и скажи, зачем ты пришла.

— Отец Души моей, — говорю я, вставая, — я хочу *Посвящения.*

— Знаешь ли ты, что такое *Посвящение*? Что значит быть *посвященной*? — спрашивает он.

— Я не знаю точно, что это означает, но я хочу стать всеведущей, я устала оттого, что чувствую себя в своем теле как в тюрьме. Мне надоело пробираться во тьме на ощупь и быть заложницей незримых сил. Я хочу ясно видеть все вокруг себя и знать все обо всем — как ты, отец, и другие *посвященные.*

— Быть *посвященным* — значит *стать сознательным*, — отвечает мне Птахотеп. — Сейчас твое сознание соответствует сопротивляемости твоего тела и твоих нервов. Когда человек дорастает до более высокого духовного уровня, его тело автоматически привлекает к себе большую силу. Поэтому он должен повысить сопротивляемость своих нервов и тела. Достижение высшей, божественной степени сознания, наряду с увеличением сопротивляемости нервной системы (что дает возможность выдержать божественное состояние без вреда для организма), — вот что такое *Посвящение. Посвящение* также подразумевает всесилие и всеведение.

— Я понимаю это, Отец Души моей. И это как раз то, чего я жажду.

Птахотеп некоторое время молча смотрит на меня, и я чувствую, как его взгляд пронизывает все фибры моего естества.

Наконец он говорит:

— Да, ты будешь *посвящена*, но не сейчас. Пока ты во всех отношениях не готова к этому. Ты еще не научилась контролировать божественную созидательную энергию *в своем теле*. И, если ты будешь осознавать силы, действующие на духовном плане, предварительно не научившись контролировать их физическое проявление, это может плохо для тебя закончиться.

— В чем таится опасность, Отец Души моей?

— Опасность состоит в том, что ты можешь случайно сжечь свои нервные центры. Если ты достигнешь высшего уровня духовного сознания и получишь контроль над этой энергией, ты можешь причинить себе великий вред, проводя ее в нижние нервные центры. В этом случае твое сознание может опуститься ниже того уровня, на котором оно находилось в момент твоего рождения в этой жизни. У тебя еще нет опыта управления этой энергией. Пробуждение сознания должно начинаться с нижних уровней шкалы проявлений, так как в этом случае ты впускаешь в свое тело ту энергию, которая соответствует уровню твоего развития, и твоим нервным центрам ничего не грозит. Ведь сопротивляемость твоих нервов рассчитана на эту энергию.

— Отец Души моей, — спрашиваю я, — что означает *впустить божественную энергию в тело?* И что означает познать ее в своем теле? Как мне научиться контролировать эту энергию в ее физическом проявлении? Если посвящение начинается с этого, то я должна начать учиться немедленно, чтобы как можно быстрее подготовить себя к высшему *Посвящению*!

До этого момента благородное лицо Птахотепа хранило неподвижность алебастровой статуи. Но сейчас, услышав мои слова, его губы раздвинулись в улыбке, а глаза стали лучиться ярким светом понимания.

— «Немедленно», — повторяет он вслед за мной, — но это невозможно, дитя. Сознавать божественные созидательные силы на низшем уровне шкалы проявлений означает *познать физическую любовь*. Ты должна дождаться того момента, когда на твоем пути встретится юноша, чье позитивное мужское излучение пробудит твое сердце и заставит тебя гореть негативным женским огнем. Ты должна познать эту энергию любви, так как ты не сможешь научиться ее контролировать до тех пор, пока она тебе неведома. В противном случае она будет для тебя постоянным соблазном, поддавшись которому ты можешь опуститься на более низкий уровень сознания.

— Отец Души моей, — говорю я, — я никогда не стану жертвой физической любви. Любовь не искушает меня, и я не боюсь ее, так как в ней нет для меня никакой опасности! Позволь же моему *Посвящению* совершиться!

Птахотеп вновь становится серьезным.

— Ты думаешь, что любовь не представляет для тебя угрозы, дитя? — говорит он. — Но это лишь потому, что ты еще не изведала ее огромной силы. Неустрашимость перед лицом *неведомой* силы — это вовсе не бесстрашие, а невежество и слабость! Из-за отсутствия опыта тебе неведомы искушения любви, и потому ты считаешь, что можешь противостоять этой силе. Но не забывай, что *любовь — проявление божественной силы созидания и потому сильна, как сам* ***Бог***. Если тебе неведома эта сила, ты не сможешь ее трансформировать. Будь хорошей девочкой, отправляйся домой и жди, пока судьба пошлет тебе это испытание. После того как ты познаешь, что такое любовь во всей ее полноте, когда ты поймешь, что значит эта сила, возвращайся ко мне и я совершу твое *Посвящение*.

Тут я падаю перед *Ним* на колени, обнимаю его ноги и начинаю умолять:

— О нет, не отсылай меня домой! Дай мне *Посвящение*! Я устою перед всеми соблазнами любви, клянусь, я не дрогну! Дай же мне *Посвящение*!

Птахотеп только улыбается и приглаживает мои волосы. Я чувствую, как из его руки в мою голову входит мощный поток энергии.

— Дитя мое, — говорит он, — признаюсь, я не привык к такому поведению. Неужели ты думаешь, что после того, как ты бросишься передо мной на колени, я изменю свое решение относительно твоего *Посвящения*? Ведь здесь первым требованием является абсолютный самоконтроль. О дитя, дитя, сколько тебе предстоит еще пережить, прежде чем ты научишься контролировать себя! А твоя самоуверенность не под стать опыту. Вначале обрети опыт, затем приходи ко мне.

Я вижу, что мне больше ничего не остается, как встать и уйти восвояси.

— Отец Души моей, — говорю я напоследок, — я ухожу, но ты ведь не отрекаешься от меня? Могу ли я когда-нибудь возвратиться?

— Я знаю, что тебе было одиноко в детстве, — говорит Птахотеп, и в голосе его звучит невыразимая любовь, — да ты и сейчас страдаешь от этого. Так было нужно, чтобы развить в тебе самостоятельность. Но в действительности ты не одинока. Ты должна чувствовать это. Ты связана с нами навсегда высшими законами братства. Я всегда с тобой — даже когда ты не знаешь об этом. Прежде чем ты явилась сюда, я знал, что ты придешь ко мне с этой просьбой. И я знал, чем это закончится. *Есть законы, которым должны повиноваться даже мы.* Ты — одна из нас.

Я низко кланяюсь ему и получаю благословение. Затем я ухожу.

Мену, ждущая меня в вестибюле, бросается ко мне с расспросами:

— Ну как там было? Что сказал тебе Сын Бога? Расскажи мне все! Пожалуйста! Я просто не могу представить, что ты там делала столько времени! Ну скажи же мне! Будешь ли ты посвящена?

— Сын Бога не позволил мне получить *Посвящение*. Он сказал, что я еще не имею опыта в земной жизни.

— Слава Богу! — восклицает Мену, засияв от счастья. — Говорила же я тебе, что в посвящении не будет для тебя ничего хорошего! Ведь говорила?

— Да, Мену, ты знала все лучше меня. Но сейчас, прошу, помолчи немного. Дай мне собраться с мыслями.

Мы идем ко дворцу молча.

В эту ночь и на следующий день все мои мысли были о Птахотепе — наместнике Бога. Я всегда знала, что по крови своей принадлежу к расе Сынов Бога, и все же была потрясена, узнав во время нашей беседы, что он — хранитель моей души. *Он* наместник Бога на Земле, и я знаю, что могу высказывать *ему* свои мысли так же открыто, как делаю это в молитвах, направленных к Богу. Его глаза видели меня насквозь, его взгляд озарил самые сокровенные уголки моей души, и это наполнило меня радостью. Какое счастье принадлежать живому существу, понимающему меня без слов, — принадлежать тому, кто никогда не осуждает тебя, так как видит все как сам *Бог* — с высоты.

Мне не нужно объяснять ему, что я думаю, почему я делаю то-то и не делаю того-то, как своим учителям. Птахотеп видит все самые сокровенные помыслы, лежащие за моими поступками, — даже те, которых не осознаю я сама. Мне даже не нужно говорить ему никаких слов. Когда я стою перед ним, *он видит меня*! Его дух открыт для меня, и я чувствую, что все время нахожусь с ним в контакте. Я ощущала это еще до встречи с ним. Я чувствовала, что какая-то сила, твердая, как сталь, управляет мной. Теперь я поняла — эта сила исходила от него. Я знаю, что он видит меня, когда нас разделяет расстояние. Я чувствую его взгляд на себе. Все мои поступки и помыслы не могут укрыться от него. И сейчас он видит, что я не могу принять его ответ на мою просьбу о *Посвящении*, видит, что я не могу понять, зачем мне нужен опыт земной любви. Я никогда не стану жертвой любви. Общество мужчин приятно мне только потому, что они восхищаются моей красотой. Но их восхищения вполне достаточно — ведь тщеславие одолевает меня лишь тогда, когда я нахожусь в обществе. Когда же я остаюсь наедине с собой, все мои по-

мыслы только о *Посвящении*. Так зачем же мне ждать любви? Зачем ждать того, что никогда не произойдет?

И вот в сопровождении испуганной Мену я вновь отправляюсь к Птахотепу просить о *Посвящении*.

И вновь Мену остается ожидать меня у входа, а неофит провожает в сад, где Птахотеп восседает под пальмами. Я склоняюсь перед ним, а он смотрит на меня своими сияющими глазами и ждет. Я храню безмолвие. К чему слова, если он и так все знает?

Жестом он повелевает мне подняться.

Наконец он встает со своего места, подходит ко мне и, положив руку мне на плечо, спрашивает:

— Зачем ты пришла?

— Отец Души моей, — отвечаю я, — к чему спрашивать, если ты знаешь ответ? Я чувствую себя несчастной из-за того, что ты отказался *посвятить* меня. У меня нет иных желаний, нет иных мыслей кроме как о *Посвящении*. Пожалуйста, пусть оно совершится!

Птахотеп нежно поглаживает мои волосы и говорит серьезно, почти с грустью:

— Я дал тебе ответ вчера, почему же ты так нетерпелива?

Помнишь, я говорил тебе о созидательной силе? Почему бы тебе не жить так, как живет вся молодежь? Занимайся тем же, что и все остальные: забавляйся цветами и зверушками, играй со своими сверстниками в веселые игры и забудь на время о *Посвящении*.

— Отец, — почти кричу я, — все мои мысли заняты лишь *Посвящением*. Что бы я ни делала, они возвращаются к этому предмету. Когда я наблюдаю за черепахами, медленно ползающими, кажущимися такими мудрыми и ведущими себя так, словно они наделены разумом, мой ум вновь упирается в тайну бытия, которую я хочу разгадать. Мне хочется знать все, понимать все — я хочу быть *посвященной*!

— Если бы черепахи были наделены разумом, — отвечает Птахотеп, — они бы не вели такую мудрую жизнь. Ты же отказываешься вести себя мудро, потому что наделена разумом — слишком большим разумом. Так пусть же твой разум

поможет тебе *понять*, что ты еще не доросла до *Посвящения*. Иди же домой и возвращайся тогда, когда за твоими плечами появится жизненный опыт. Тогда совершится твое *Посвящение*.

Да уж, с Птахотепом совсем не так просто сладить, как со старой доброй Мену! Птахотеп тверд, как скала, и все мои доводы разбиваются об него, как волны об камень. Снова я кланяюсь ему и ухожу. У входа меня встречает Мену, и я отвечаю на ее вопросы, дав волю своему гневу и отчаянию. Мой гнев вызван тем, что Птахотеп назвал меня слишком юной для *Посвящения*. Отчаяние же я испытываю перед лицом времени, вставшим передо мной, словно стена, неумолимым, как сам Птахотеп.

Всю эту ночь я не смыкаю глаз, а весь следующий день меряю шагами комнату — хожу из угла в угол без остановки, как лев в клетке. Родившись в этом теле, мое сознание отупело и омертвело: мне кажется, что я попала в вечную тьму. Я хочу видеть все отчетливо, даже сейчас — в этом несовершенном теле. Я хочу знать все! Хочу *Посвящения*! Для чего же ждать? Если любовь уже сейчас безразлична мне, разве не станет она мне еще безразличнее, когда я буду всеведущей и всесильной! Мне прекрасно известно, что любовь нужна лишь для продолжения рода. В чем же ее опасность? Зачем мне знать ее из опыта? У меня есть разум, сознание — они защитят меня от опасности. Я не попаду в ловушку, поставленную мне природой, в ловушку, зовущуюся «любовь». Я смогу устоять против искушения.

В таком настроении я пребываю весь день. Но вот настает вечер, и я чувствую, что не могу больше ждать. Набросив вуаль на лицо и приказав Мену сопровождать меня, я вновь иду сквозь длинную колоннаду, ведущую к храму. Я хочу сказать Птахотепу о том, что не уступлю никакому соблазну, что во мне достаточно сил и он может *посвятить* меня.

Как все же слепа я была! Как глупа! Вела себя так, словно не верила, что Птахотеп видит будущее ясно и знает, как все обернется! Но даже он должен был подчиняться божественному закону и терпеливо наблюдать за моим падением, за

тем, как я бросилась, сломя голову, прямо в бездну, откуда позднее смогла выбраться только благодаря *собственным усилиям. Он* встречает меня в своей маленькой приемной. Я вхожу, кланяюсь и говорю со всей решимостью, на какую способна:

— Отец Души моей, я хотела подчиниться тебе, но не могу. Я жажду знаний так сильно, что не могу дольше ждать. Я — сильна и смогу противиться любви. Я обладаю выдержкой и самоконтролем, и мне не страшны никакие соблазны. Пожалуйста, дай мне *Посвящение*!

Птахотеп закрывает глаза и погружается в раздумье. Я жду, закипая изнутри от нетерпения, но внешне храню спокойствие, чтобы не отвлечь *его* от размышлений. Он поднимается, берет мои руки в свои и, глядя мне прямо в глаза, говорит:

— Три раза ты просила меня о *Посвящении*. Три раза — несмотря на мой отказ. Закон гласит: когда член рода Сынов Бога просит три раза, мы не имеем права отказывать ему. Это знак. Ему необходимо *Посвящение*, несмотря на сопряженную с этим опасность. Что ж, я поговорю с твоим физическим отцом. Мы обсудим с ним, каким образом ты сможешь выполнять свои светские обязанности во время *Посвящения*. Прочие неофиты живут в храме. Для тебя же, как для жены Фараона, вынужденной выполнять свои обязанности при дворе, мы сделаем исключение. Иди же пока во дворец и жди.

Мне хочется броситься ему на шею и поблагодарить за это решение.

Но я хочу показать, что умею контролировать чувства, и остаюсь стоять недвижно — только глаза мои сияют от радости. Птахотеп смотрит на меня и тихо смеется:

— Что сделано в помыслах, то уже сделано, — говорит он, — не забывай об этом!

— О Отец, если ты так считаешь, то я все же сделаю это, — выкрикиваю я и вне себя от радости бросаюсь ему на шею и целую в обе щеки. — Спасибо тебе! Спасибо! Как это прекрасно! Мое *Посвящение* совершится! Совершится!

— Да, у тебя завидный самоконтроль! — говорит он.

— Это только сейчас, только сейчас. Ты же мне приходишься дядей! Так неужели я не могу расцеловать собственного дядюшку? Но после *Посвящения* ты сам увидишь, какой я буду серьезной и какой у меня будет самоконтроль!

— Знаю, знаю, — говорит Птахотеп, нежно обнимая меня.

Он поглаживает меня по голове и провожает до двери, где мы прощаемся.

Вприпрыжку и вприпляску — несясь по воздуху — я возвращаюсь к месту, где меня ожидает Мену. Но старая служанка, услышав, что я скоро буду *посвящена*, всплескивает руками и начинает причитать, словно я скоро должна умереть. Ее плач и возгласы портят мне настроение, и я чувствую, словно вокруг сгущаются незримые тени. Наконец перед сном, когда Мену вновь заводит разговор о своих дурных предчувствиях, я не выдерживаю:

— Послушай, Мену, — говорю я, — тебе известно, что после того, как мне исполнилось шестнадцать, когда меня представили двору как царицу, тебя должны были забрать от меня. За мной должны были ухаживать лишь придворные дамы. Мне пришлось долго уговаривать Фараона, чтобы он разрешил тебе остаться при мне и чтобы дамы появлялись со мной лишь во время церемоний, как того требует этикет. Но если ты и впредь будешь продолжать в том же духе, я прикажу, чтобы тебя забрали и приставили ко мне придворных дам. Я знаю, что все они страшные зануды, но, по крайней мере, они не станут совать нос в мои личные дела.

Мену, старая добрая толстая Мену! Она так напугана моими словами, что тут же перестает рыдать и садится на пол рядом с моей кроватью, устремив на меня взгляд, исполненный столь неподдельной любви и преданности, что я не могу удержаться и начинаю хохотать. Обхватив руками ее толстую шею, я говорю ей:

— Не бойся, Мену. Я не собираюсь отсылать тебя! Никогда! Ты единственный человек, любящий меня всем сердцем. Но не давай воли своим страхам. *Посвящение* не может

повредить мне. Оно только поможет мне! Птахотеп будет всегда рядом со мной. Он позаботится обо мне!

Уходя из комнаты, Мену оборачивается ко мне со словами:

— Я надеюсь, что посвящение не причинит тебе вреда. Но мне всегда страшно, когда я слышу гром и вижу молнии, пляшущие над пирамидами, как сейчас! Надеюсь, они не предвещают для тебя зла!

— Нет, нет, Мену, что ты! Будь умницей и отправляйся спать.

Когда Мену уходит, я задумываюсь над ее последней фразой. Гром и молнии приближаются к дворцу из-за пирамид. Верно. Еще в детстве я узнала, что после того, как молнии бьют в пирамиды, начинается ливень. Это было естественно, как сама жизнь. Мне никогда не приходило в голову обращать внимание на это. Но сейчас, после *Посвящения* в храме мне, наверное, станет ясна суть и этого явления.

В ожидании чего-то прекрасного и неведомого я засыпаю.

— 24 —

Сыны бога

На следующий день Фараон позвал меня к себе. Я увижусь с ним после того, как окончится аудиенция.

В назначенный час Главный Распорядитель двора является ко мне, чтобы сопровождать к отцу.

— Входи, дитя мое, — говорит он, — я расскажу тебе, к какому решению пришли мы с Птахотепом относительно твоего *Посвящения*.

— Он приходил к тебе? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает отец, глядя на меня выжидающе.

— Значит, ты сам явился к нему? — вновь задаю я вопрос.

— И снова нет, — отвечает он, улыбаясь.

— Отец, — говорю я, — меня давно уже интересует то, каким образом вы решаете вопросы с Птахотепом, не видясь друг с другом. Я давно замечаю, что ты говоришь, что обсудил с ним дела, словно между вами происходила длительная дискуссия, тогда как все это время ты не выходил из дворца, а он не покидал храм. Как это объяснить, отец?

С самого моего детства отец привык отвечать на мои бесчисленные вопросы. Вот и сейчас он дает ответ с обычным терпением:

— У тебя есть зеркало, и ты видела в зеркале свою голову, верно?

— Да, отец, я вижу в зеркале свою голову каждый день, когда Мену укладывает мне волосы.

— И что ты при этом заметила? — спрашивает отец.

— Что у меня гораздо более вытянутая голова, чем у сынов человеческих. Но и у тебя, и у Птахотепа, да и прочих представителей расы Сынов Бога (как нас называют) головы имеют продолговатую форму. Это заметно даже под платками и украшениями, которые мы надеваем на головы. Почему

это так, отец? Почему формы наших голов так отличаются от голов сынов человеческих?

— Видишь ли, дитя, чтобы понять некоторые вещи, происходящие здесь, нужно кое-что знать о развитии Земли.

— Как и все небесные тела во Вселенной, наша Земля подчиняется закону перемен. Божественные созидательные силы, излучаемые Вечным Источником, проникают на материальный план. Материя, собственно говоря, создана из этих сил. Этот процесс достигает апогея в ультра-материи, а затем автоматически претерпевает обратную трансформацию. Начинается процесс одухотворения, и материя превращается в энергию. Процесс занимает целые временные эпохи! Перемены происходят постоянно, но очень медленно, так что остаются незаметными в течение человеческой жизни. С другой стороны, некоторые события, требовавшие долгой и кропотливой подготовки, когда приходит их время, происходят стремительно. Вот и сейчас мы переживаем такой переходный период — теперь изменения становятся заметны. Это проявляется в том, что люди с круглыми черепами подчиняются представителям другой расы, стоящей в духовном отношении на более высокой ступени развития. Сейчас видна даже физическая разница между нами. У представителей нашей расы тела имеют более правильные пропорции, а черепа — более удлиненную форму.

Когда-то на Земле жила раса людей, совершенно отличная от всех современных рас. *Эти люди проявляли лишь законы духа, а не законы материи, как это делают современные обитатели.* Им был известен божественный план, и они проявляли Бога здесь, на Земле, не заботясь о своем телесном превосходстве над другими. Своей божественной чистотой эти люди заслужили право зваться «Сынами Бога».

Вся их жизнь основывалась на высокой духовности, любви и бескорыстии. У них не было физических стремлений или инстинктов, которые могли запятнать их дух. Представители этой высокоразвитой расы знали все законы и тайны природы, а поскольку они знали и свои собственные возможности, им удавалось держать силы природы под полным

контролем. Их знания были безграничны, и потому им не приходилось использовать собственные тела в качестве физических орудий. Они не добывали хлеб в поте лица, а заставляли работать на себя силы природы.

В то же время на Земле жили и другие существа. Их тела были более «материальными», чем тела Сынов Бога, и они стояли на низшей ступени развития. Их дух был подавлен, и они полностью отождествляли себя со своим организмом. Они жили в джунглях, сражаясь с дикой природой, животными и себе подобными. Эти существа и были предками современных людей. *Раса сынов человеческих является гибридом этих двух рас.*

Как я уже говорил, законы постоянного движения и перемен действуют во всей Вселенной. Сейчас Земля претерпевает период материализации. Это означает, что божественная творческая энергия уходит в материю все глубже, и власть на Земле переходит в руки более «материальных» рас, находившихся некогда под управлением людей духа. Понемногу духовная раса вымирает — исчезает с земного плана и переходит на духовный, оставляя человечество управлять Землей самостоятельно в течение многих тысячелетий. Таким образом, человечество должно идти по эволюционной лестнице самостоятельно, без видимого наставничества.

И случилось так, что, в согласии с Божественными законами, эта раса примитивных пещерных людей начала плодиться и укрепляться и пришло время, когда она стала править на Земле. Но, прежде чем покинуть Землю, высшая раса создала условия для развития низшей. Благодаря законам наследственности низшая раса в течение длительного периода эволюции сможет вновь *возвыситься над материей*. Для этого сыны божественной расы оплодотворили многих дочерей человеческих, и у них появились общие дети. Благодаря этому скрещиванию рас появились новые типы людей, а впоследствии — и новые расы.

Божественная сила Сынов Бога и физическая мощь дочерей человеческих произвели на свет разнообразное потомство. Это были титаны как в физическом, так и в духовном

отношении. Появились также и великаны, унаследовавшие лишь физическую мощь и слабые недоразвитые мозги. Духовная сила их отцов проявилась на материальном плане лишь в невероятной телесной силе. Благодаря своим физическим данным и звериным наклонностям они покорили более слабых собратьев и превратились в жестоких тиранов.

Но были также и титаны духа, демонстрировавшие свою созидательную силу при помощи высших центров мозга. Им, титанам духа, было дано задание повести за собой низшую расу звероподобных людей, а также гибридную расу, появившуюся в результате скрещивания, о котором я уже говорил. Эти титаны духа должны были обучить обе расы мудрости, наукам и искусствам, необходимым для построения цивилизации, а также подать им пример божественной вселенской любви и подлинного духовного величия. Вот почему в наши дни существуют страны, где господствуют тирания и деспотизм, но есть и такие, где процветают любовь и мудрость. Но все они скоро исчезнут, и человечество будет узнавать о Великих Посвященных и об их тайных знаниях из исторических хроник, легенд и преданий. Однако, согласно законам наследственности, для Сынов Бога будет существовать возможность родиться в человеческом теле, чтобы осветить путь человечества сквозь мрак и отчаяние.

— Отец, — спросила я, — а наша страна — это страна Сынов Бога?

— Нет, дитя мое, континент, некогда служивший обителью Сынов Бога, был полностью уничтожен. Со временем потомков божественной расы становилось все меньше и меньше. Они сбросили свои смертные оболочки и больше не перевоплощались. Сейчас на всей Земле их насчитываются единицы. Из-за смешения рас появились такие индивиды, которые, унаследовав от отцов знания и магические способности, сохранили животную физическую ориентацию своих матерей. Они сумели проникнуть в храмы и получить посвящение. Однако их знания деградировали до уровня черной магии, а свои способности и силы природы, контролируемые

находившимися в храмах специальными инструментами, они стали использовать в корыстных целях.

Сыны Бога, все еще обитающие в той части Земли, увидели, что происходит. Они знали, что эти силы способны уничтожить всякого, кто использует их не во благо другим, а с низменной целью. Они понимали, что путь черных магов ведет к бездне, а их слепая алчность может повлечь за собой всеобщую гибель. Тогда Сыны Бога построили огромные корабли, защищенные от всех внешних воздействий — даже от сил, способных разрушить саму материю, — и тайно, вместе со своими домочадцами, отплыли от обреченного континента, прихватив с собой свои инструменты и домашних животных. Одни отправились на восток, другие на север, третьи на юг, ну а те, кто взял курс на запад, приплыли сюда, где находимся мы.

Черные маги вскоре потеряли контроль над своими инструментами. С их помощью они должны были улавливать высшие божественные силы и накапливать их, так как единственным источником этой энергии на Земле является *сам человек*. Чем эгоистичнее становились эти люди, тем сильнее изменялась энергия, которой заряжались эти инструменты. И вот однажды, когда Сыны Бога уже отплыли от той земли на большое расстояние, произошла трагедия. Один из черных магов случайно провел в свое собственное тело заряд энергии, уничтожающей материю — то есть переводящей ее в иную форму энергии. Когда этот процесс запущен, он вовлекает в себя все новые объемы материи и продолжается безостановочно, уничтожая все вокруг. Таким образом был разрушен целый континент. Затем разрушение замедлилось, и постепенно процесс остановился.

Дематериализовавшийся континент превратился в лучистую энергию и затем, поднявшись в наивысшие слои атмосферы, превратился в первичную форму материи. После дальнейших трансформаций эта материя обрушилась на землю лавиной воды, грязи и песка.

Воды океана хлынули в трещину, образовавшуюся на месте уничтоженного континента. Остальные материки раско-

лолись вследствие чудовищного землетрясения и разошлись в разные стороны, чтобы поддержать равновесие Земного шара. Часть разрушенного континента сейчас находится в нашей стране — это громадная пустыня. До сих пор существует риск, что ветер, подняв с ее поверхности массу песка, обрушит его на наши плодородные земли.

Корабли Сынов Бога были оснащены специальными приспособлениями, позволяющими им при любых обстоятельствах удерживать горизонтальное положение. Благодаря этому они уцелели и прибыли в различные земли. Там Сыны Бога стали создавать и развивать цивилизацию.

Благодаря своим знаниям, мудрости и любви они скоро завоевали доверие аборигенов и стали их вождями. Им поклонялись, их почитали как богов и полубогов. Первым делом они соорудили постройки, где могли хранить свои инструменты и силы, скрытые в них, в полной безопасности. Эти здания, которые мы называем пирамидами, можно увидеть во всех частях света, где высадились Сыны Бога со спасенными инструментами.

Затаив дыхание, слушала я этот рассказ. Многие вопросы, мучавшие меня долгое время, прояснились... но не все... отнюдь не все...

— Как удалось Сынам Бога принести сюда эти огромные каменные глыбы и взгромоздить их одну на другую? — спросила я.

— Помнишь, дитя мое, я уже говорил тебе, что Сынам Бога не было нужды производить физическую работу, так как они способны были подчинять себе силы природы? У нас до сих пор хранятся инструменты, при помощи которых можно контролировать *силу земного тяготения — нейтрализовывать ее или увеличивать*. Таким образом, нам удается делать любой объект невесомым или, наоборот, более тяжелым, чем обычно. Когда мы лишаем веса каменную глыбу, даже ребенок может поднять ее мизинцем на любую высоту. Корабли загружались этими громадными камнями и не тонули, ведь камни эти были предварительно подвергнуты воздействию особого излучения, делавшего их невесомыми. Все

громадные здания во всех частях света были построены Сынами Бога именно таким образом.

Где бы Сыны Бога ни сошли со своих кораблей, там возникала высокая цивилизация. Где бы они ни управляли людьми, они делали это из бескорыстной любви к человечеству и жертвовали собой ради всеобщего блага... их жертва заключалась в том, что они оставались здесь, на Земле, обучали людей и развивали их духовную силу. Одно время Фараон наряду с обязанностями светского правителя также исполнял функции верховного жреца. Один и тот же человек был вождем духовным и земным. Однако позже, когда страна расширилась, Сыны Бога разделили эти обязанности. С тех пор один из них управлял страной, тогда как старейший вождь расы исполнял роль духовного наставника. Эти обязанности исполняет в храме Верховный Жрец. Он — хранитель знаний всех отраслей. Поскольку всякое знание исходит из одного источника, именно он посвящает людей в таинства науки, искусства, а также совершает акт *Великого Посвящения в «безыскусное искусство» духовного пути.*

Теперь ты знаешь, почему люди, которыми мы управляем и которых мы учим, столь разительно отличаются формой головы от потомков Сынов Бога. Те из нас, кто обладают продолговатым черепом, используют разум не в полной мере — ведь *мы можем познавать истину непосредственно — внутренним зрением.* Наш лоб не обладает выпуклой формой — участки мозга, отвечающие за мыслительный процесс, развиты лишь настолько, чтобы мы могли сознательно воспринимать и анализировать внешние события. В задних же отделах нашего черепа находятся развитые мозговые центры — физические инструменты духовных откровений. Эти мозговые центры позволяют нам осознавать божественный уровень бытия. Именно им мы обязаны своими выдающимися качествами, отличающими нас от сынов человеческих. Люди в своем сознании полностью погружены в *пространство и время.* Мы же, хоть и находимся в земных телесных оболочках, способны наслаждаться *полной духовной свободой — свободой от пространства и времени.* Благо-

даря силе божественного сознания и при помощи этих мозговых центров мы способны беспрепятственно путешествовать в пространстве и во времени.

Это значит, что мы можем по собственной воле переместить свое сознание в прошлое или будущее. Иными словами, нам удается *переживать как прошлое, так и будущее в настоящем*. С такой же легкостью мы можем освободиться от пространственных границ и перенестись *в сознании* в любое место. В этом состоянии для нас не существует ни «здесь», ни «там» — есть только *вездесущность*. Прошлое и настоящее, «здесь» и «там» — всего лишь разные аспекты, разные проекции одной вездесущей *Сущности* — БОГА.

В твоих жилах течет кровь обеих рас. Ты унаследовала черты нашей расы, но наряду с этим и качества гибридной расы — по материнской линии. К сожалению, твои высшие органы стали функционировать слишком рано — прежде чем ты успела обрести земной опыт и победить земные качества своей натуры. Ты не удовлетворена, так как чувствуешь себя прикованной ко времени и пространству, находясь между «здесь» и «там». Дух, заключенный в твоем теле, начинает пробуждаться и тосковать по божественной свободе. Три раза ты просила о *Посвящении*, и *Посвящение* свершится. Затем ты научишься сознательно использовать все высшие органы, которые еще не активизировались в полной мере. Ты также научишься в любую минуту устанавливать контакт с существами, подобными тебе, чтобы обмениваться с ними мыслями.

Именно таким образом я осуществляю духовный контакт с моим братом Птахотепом и с любым иным потомком расы Сынов Бога, все еще пребывающим на Земле. Благодаря полному единству нашего сознания нам удается куда легче обмениваться мыслями и решать любые вопросы, чем если бы мы пользовались для этого своим языком, горлом и ушами. При помощи сознания мы способны разыскать друг друга в любую минуту, но мы сразу же чувствуем, когда наш соплеменник всецело сосредоточен на собственных мыслях. Тогда мы позволяем себе нарушить его раздумья лишь в том случае,

если должны сообщить ему нечто чрезвычайно важное, если же нет — оставляем его в покое. Ты можешь понять, что такими способностями может обладать лишь тот, кто достиг полного бескорыстия. Если бы ими обладали эгоцентричные сыны человеческие, они бы устроили такой хаос, что все высшие, тонкие органы просто погибли бы.

В большинстве случаев мы «встречаемся», объединив сознания, лишь после того, как большинство наших дневных обязанностей выполнено — в вечерние часы. Тогда мы *видим* мысли друг друга. Таким образом мы за считанные секунды решаем вопросы, на обсуждение которых ушли бы долгие часы в трехмерном мире.

Продумав таким образом все мирские вопросы, мы переключаем сознание на измерения всесознания, чтобы наполниться новым запасом жизненной энергии из вечного Божественного первоисточника. В таком состоянии мы едины со всеми живыми существами всей Вселенной — тождественны с ними в божественном *первозданном союзе*. Мы сливаемся с самой *жизнью*, с вечным *существованием* в любом его проявлении — с тобой и со всеми другими людьми. Те же, чье сознание находится в трехмерном мире, не знают об этом союзе. Но любое существо пробуждается от сна исполненным жизненной энергии, независимо от того, знает оно нет о Божественном первоисточнике.

Итак, ты хочешь стать *посвященной*. Это значит, что тебе предстоит отправиться в долгое путешествие. Оно будет продолжаться даже после того, как мы с Птахотепом оставим этот трехмерный мир и будем присутствовать на земном плане только как духи. Я получил свое задание от Птахотепа. В его руках — твое духовное и интеллектуальное обучение. Однако мы будем всегда пребывать вместе в вечном союзе. Конечно, было бы лучше, если бы ты сумела проявить больше терпения. *Но ты такая, какая есть. И это навсегда определило твою судьбу и твое будущее.* Мы не можем вмешиваться. Сила, заключенная в нашем союзе, всегда будет с тобой — даже в самые трудные часы твоей жизни.

Поскольку ты должна будешь исполнять обязанности моей жены, тебе не удастся все время жить в храме на протяжении подготовительного периода, как прочим неофитам. Но ты будешь являться туда каждое утро за инструкциями. В дневное время ты будешь выполнять упражнения вместе с другими неофитами, к вечеру же тебе придется возвращаться во дворец. Во время дворцовых церемоний ты должна будешь находиться рядом со мной и исполнять свои обязанности царицы. Итак, ты можешь отправиться к Птахотепу завтра же утром.

Но у меня все еще есть вопросы к отцу и я продолжаю стоять. Он вопросительно смотрит на меня.

— Отец, — спрашиваю я, — ты сказал, что Сыны Бога брали себе в жены дочерей человеческих, чтобы их духовные способности сохранились на Земле. А не могут ли Дочери Бога брать себе в мужья сынов человеческих? Почему лишь Сыны Бога могут позволить себе иметь детей от дочерей человеческих? А мы не можем рожать детей от сынов человеческих?

Отец смотрит в глубь моих глаз и говорит:

— Пусть мой ответ будет запечатлен в глубине твоей памяти. Если ты поймешь его и хорошо усвоишь, возможно, нам удастся изменить твою судьбу в нужном направлении. Вот тебе пример: если ты капнешь каплю красного вина из сосуда в стакан с белым вином, красное вино останется таким же красным, как прежде, но белое вино уже не будет столь белым, как раньше, — оно станет смесью обоих вин. Понимаешь ли ты меня дитя?

— Да, отец, я понимаю. Ты хочешь сказать, что кровь Сына Бога останется столь же чистой после того, как дочь человеческая родит от него ребенка. Но кровь Дочери Бога станет смешанной, если она выйдет замуж за сына человеческого и родит ребенка ему.

— Помни об этом каждую минуту своей жизни, — говорит отец.

Затем он встает. Я кланяюсь ему, и он благословляет меня. С чувством глубокого душевного умиротворения я покидаю комнату.

— 25 —

Годы подготовки

Я иду в храм в сопровождении Мену.

Как часто мне придется ходить под этой колоннадой? Как часто и как долго? Скоро я стану чувствовать себя неразрывно связанной с этой дорогой — мои ноги сами будут нести меня к храму, даже если я закрою глаза.

Сегодня я впервые вхожу в храм в качестве неофита. Мне хочется бежать, но я сдерживаю порыв и иду с церемониальной медлительностью. Я хочу насладиться началом *Посвящения* сполна. Я погружена в свои мысли. Сейчас я осознаю до конца все то, о чем говорил мне вчера отец. Когда же я приступлю к выполнению своих обязанностей как *посвященная*?

У входа меня встречает все тот же неофит. Мену прощается со мной — прижимает меня к своей груди изо всех сил, словно мы больше никогда не увидимся. Затем, взяв себя в руки, она кланяется мне «как положено». Я обнимаю ее и чувствую, как моя мать целует меня губами Мену.

Неофит сопровождает меня к Птахотепу, ожидающему нас в своей маленькой приемной. Как часто — ох, как часто — буду я стоять перед ним, как сейчас! Как часто его глаза будут спокойно останавливаться на мне или пронизывать меня насквозь, излучая лишь покой, поддержку и силу!

— Дитя, — обращается он ко мне, — как я уже объяснял тебе прежде, быть *посвященным* — значит осознавать высший уровень бытия — божественный план. Чтобы добиться этого, необходима длительная физическая и духовная подготовка. Неофит должен укрепить свои нервы, чтобы уметь переносить высокие вибрации без риска для жизни.

Осознать определенный уровень — значит суметь провести по нервам в свое тело свойственные этому уровню вибрации. С момента рождения, то есть с момента появления

«я» в теле, последнее вырабатывает сопротивляемость, соответствующую среднему уровню обитающих в нем сознания и духа.

Уровень сознания живых существ колеблется в зависимости от эмоционального состояния в пределах одной вибрационной октавы. Эти флуктуации не должны превышать предел эластичности нервов — в противном случае организм может заболеть и даже погибнуть. Вибрации созидательной жизненной энергии могут оказаться смертельными для существ, чье сознание не достигло соответствующего уровня. Они могут сжечь нервы и нервные центры. Поэтому жизненная энергия, находящаяся у основания позвоночника, приобретает более низкую вибрационную частоту, соответствующую уровню сознания того или иного человека, и лишь эта трансформированная энергия проходит сквозь его тело.

Вот почему животные обладают более низкими вибрациями жизненной силы, чем, скажем, примитивный человек. А тот, в свою очередь, «питается» более низкими вибрациями, чем человек, высоко развитый в духовном отношении. Если высокоразвитый человек наделит своей энергией животное или своего примитивного собрата, они не выдержат этих мощных вибраций и мгновенно погибнут.

Великое посвящение означает *сознательное переживание* жизненной энергии и созидательных вибраций вечной *сущности*. Это переживание должно осуществляться на каждом плане, а вибрации должны обладать собственной (не трансформированной) частотой. При этом они должны проводиться по нервам в тело. Безусловно, для этого необходима соответствующая *сопротивляемость* нервов и тела, что достигается регулярными физическими тренировками и духовной практикой. Человек должен медленно и осторожно пробуждать свои нервные центры и обретать контроль над ними. Вначале с тобой будет заниматься Ментуптах — глава школы неофитов. В упражнениях по концентрации тебе поможет Има. — Птахотеп указал на сопровождавшего меня неофита. — Сдав предварительные экзамены Име и Менту-

птаху, ты поступишь в мое распоряжение. А сейчас Има отведет тебя в школу неофитов и даст тебе все, что необходимо новичку. Если ты захочешь переговорить со мной во время подготовки, скажи своим наставникам, и мы встретимся с тобой вечером. Да поможет тебе *Бог*.

Получив благословение Птахотепа, я кланяюсь и следую за Имой в школу неофитов.

Има отводит меня к маленькой келье — одной из многих, встроенных в стену храма. Он выдает мне простую белую полотняную одежду и сандалии, сказав, что эта келья — моя.

Поменяв шелковое платье и золотые сандалии на простое одеяние, я становлюсь таким же неофитом, как и Има. Он ведет меня вдоль колоннады к маленькой двери, выходящей в сад храма. Сад этот великолепен — покров густой зеленой травы, окруженный величественными пальмами, делает его прекрасным местом для занятий. Я вижу неофитов, прогуливающихся в части сада, напоминающей парк. Все неофиты облачены в такие же одежды, как и я, но все они старше меня.

Има подводит меня к Ментуптаху, главе школы неофитов. Это дружелюбный человек с добрыми ласковыми глазами. Он объясняет мне мои обязанности. Все группы проходят подготовку под началом Ментуптаха. Но в каждой группе есть свой лидер — кандидат в жрецы. Има ведет группу, в которую определили меня. Он высокий и изящный, но очень сильный юноша. Я заметила его кристально чистую лучистость еще тогда, когда он впервые отводил меня к Птахотепу. Он сдал почти все подготовительные экзамены, и не за горами тот час, когда он станет *посвященным*. Има — кандидат в жрецы. Он не очень-то походит на мужчину — скорее его можно назвать мужеподобным существом, стоящим над понятием пола. Он возвышается над этим понятием, как архангел. Его излучение пронзительно, словно острый меч. Его ангелоподобное лицо выдает огромный интеллект и способность к концентрации. Его лоб украшают два развитых надбровных бугра — признак мудрости. Его рот — совершенной формы — красивый, энергичный и выражает нежность и любовь ко всем живым существам. Я полюбила его с

первого же мгновения и прониклась к нему доверием, словно к родному брату. Я счастлива, что ему надлежит подготовить меня к экзаменам.

Има представляет меня остальным неофитам. Все они решили посвятить себя служению Богу, но лишь тот или та, кто сдаст все экзамены, станет жрецом или жрицей. Многим это окажется не по силам, но они все равно смогут остаться при храме, работать в саду и присматривать за храмовыми животными. Неофиты, сдавшие предварительные экзамены, получают с каждым разом все более и более трудные задания.

Группа, которую возглавляет Има, состоит из высокоразвитых в духовном отношении неофитов. Все они, как и я, потомки Сынов Бога по отцовской линии. Об этом можно догадаться сразу по удлиненной форме их голов. Меня определили в эту группу, и я чувствую себя хорошо в царящей здесь чистой атмосфере.

Каждое утро с восходом солнца мы должны выстраиваться в саду. Наш день начинается с физических упражнений. Эти упражнения требуют полной концентрации. Мы принимаем различные позы, а выполняя дыхательные упражнения, направляем свое внимание на различные части тела. Благодаря длительной и усердной практике можно добиться того, что тело станет полностью осознанным, и научиться контролировать все внутренние органы. Таким образом, мы постепенно превращаем свое тело в совершенный инструмент.

Завершив физические упражнения, мы отправляемся в большой зал, где тренируем свой разум и душу. Во время этих занятий Ментуптах описывает различные фантастические картины, связанные между собой. Мы должны пережить их, словно это реальные события. Переживая эти образы, мы намеренно входим в различные эмоциональные состояния и учимся их контролировать. Ментуптах проводит нас сквозь все круги подземных и все уровни небесных сфер — через семь уровней Преисподней и семь уровней Небес. При этом он учит нас сохранять ясное сознание и способность принимать мгновенные решения независимо от ситуации.

Овладев этим искусством, мы переходим к следующему этапу. Теперь мы учимся переживать по приказу различные эмоциональные состояния, при этом не рисуя картин в своем воображении. Но интенсивность эмоций должна быть такой, словно для этого есть реальные *причины*. Упражнения начинаются с нижней точки отсчета — с самых негативных эмоций. Затем, шаг за шагом, мы продвигаемся к высшей точке — к самым позитивным эмоциям. Таким образом, мы вначале переживаем глубокое отчаяние, проходим сквозь безразличие и, наконец, переходим к состоянию наивысшего счастья.

Когда после длительной практики мы осваиваем это упражнение, нам приказывают быстро изменять свои эмоции, чтобы мы научились переходить от одного эмоционального состояния к другому с той же легкостью, с какой музыкант перебирает струны, извлекая из инструмента всю гамму звуков — от самых низких до самых высоких нот. Научившись легко переживать всю шкалу эмоций — от глубочайшего отчаяния до светлого блаженства, — мы делаем следующий шаг. Новое упражнение состоит в том, что мы учимся мгновенно, без плавного перехода менять одну эмоцию на эмоцию с противоположным знаком. Например: мы сразу же переключаемся с отчаяния на радость или с боязни и страха на бесшабашную храбрость.

Нам позволено заниматься этими упражнениями лишь под надзором учителя. Из-за них возникает постоянное напряжение. Требуется немалое время, чтобы при помощи фантастических картин научиться испытывать эмоции столь живо, как если бы они были вызваны внешними событиями. Еще больше времени уходит на то, чтобы научиться переживать всю гамму эмоций. Лишь после того, как мы отдохнем и из наших нервов уйдет все напряжение, нам позволяют упражняться в мгновенном переключении с одной эмоции на эмоцию с противоположным знаком. Цель этих упражнений — научить нас независимости как от внешних событий, так и от собственного настроения, благодаря чему мы сможем сохранять эмоциональное равновесие в любой ситу-

ации — что бы ни произошло. Нас обучают все время наблюдать за собой и сохранять ясность мысли.

Люди считают, что для их радости или печали всегда должна быть причина. Благодаря упражнениям с фантастическими картинами, мы вначале учимся воображать причину радости или печали. Таким образом, мы начинаем *держать под контролем сами причины*! Не имея реальной причины для перемены эмоций, мы учимся *воображать ее*.

После этого начинается новый этап — переживание эмоционального состояния *без причины*, без того, чтобы предварительно нарисовать в своем воображении определенную ситуацию.

После длительной практики, овладев в совершенстве этими упражнениями, *мы осознаем, что прежде всегда только воображали, что у нас есть причина для «грусти» или «радости», «подавленности» или «взлета». Благодаря упражнениям мы приходим к выводу, что события, происходящие в нашей жизни, не должны оказывать на нас никакого эффекта. Мы открываем для себя, что любое состояние сознания возникает только внутри нас.* Одно и то же событие может довести одного человека до слез, другого — до смеха, а третьего оставить совершенно равнодушным. *Все это потому, что человек просто проецирует наружу свою внутреннюю позицию, и лишь эта внутренняя позиция — отнюдь не внешние события — вызывает нашу реакцию.*

В результате ученик должен овладеть искусством оставаться невозмутимым при любых обстоятельствах. Эти упражнения также учат, *что все, что происходит на Земле, — не более чем преходящие фантастические картины, проецируемые нами же на пространство и время. Они должны интересовать нас лишь постольку, поскольку обогащают наш опыт.*

Но настоящее мастерство требует большого времени! Мы должны постоянно следить за собой, не забываться ни на минуту, всегда сознавать и *осознавать* происходящее с нами, всегда анализировать каждое чувство, каждую мысль, чтобы

определить, на каком уровне сознания они зародились. Все это нужно проделывать изо дня в день!

После долгой духовной тренировки следуют занятия по концентрации. Меня им обучает Има. После того как групповое упражнение завершается, он отводит меня в дальний угол сада и объясняет, что значит концентрироваться. Я не должна позволять своим мыслям бесцельно витать, мне нужно *сосредоточиться на определенной идее.* Для этого мне необходимо соединить все мысли в одной точке, придав им центростремительное — не центробежное — направление. Има предлагает мне фразу, на которой я должна концентрироваться. Когда мне это удастся, я должна прийти к нему и рассказать об этом. Дав задание, он оставляет меня одну.

Фраза звучит так: «Я всегда проявляю божественное начало».

Я сажусь и начинаю концентрироваться на этой фразе, повторяя про себя «Я всегда проявляю божественное начало» раз, второй, третий, десятый, сотый. Я больше ни о чем не думаю, лишь о том, что: «Я всегда проявляю божественное начало. Я всегда проявляю божественное начало. Я всегда проявляю божественное начало».

Проходит час, и я иду к Име.

— Я не могу концентрироваться на этой фразе, — говорю я ему, — это невозможно.

— Невозможно? — спрашивает он меня в свою очередь. — Почему невозможно?

— Ты учил меня, что концентрироваться — значит направлять все силы, все мысли в одну точку, в которой должно удерживаться все сознание, весь разум. Но, концентрируясь на *фразе,* я не могу свести все силы моего разума к *одной точке.* Ведь фраза состоит из нескольких слов, разделенных пространством и временем. Это значит, что я не могу думать над всеми словами одновременно, а лишь над каждым по очереди. Додумав же фразу до конца, я снова должна перенестись мысленно к ее началу. Вот почему такой способ не годится для концентрации. Я должна переноситься к началу каждой фразы вот так:

Я всегда проявляю божественное начало

Я всегда проявляю божественное начало

Я всегда проявляю божественное начало

А если я представляю фразу в виде круга, вот каким будет результат моей концентрации:

Я всегда проявляю божественное начало. Я всегда проявляю божественное начало. Я всегда проявляю божественное начало.

Но это никакая не концентрация!

Има внимательно слушает. Затем, довольный услышанным, говорит:

— Ты все делала правильно. Ты открыла для себя, что на *словах* невозможно концентрироваться. То, что ты поняла, что слова образуют круг, свидетельствует о твоем усердии. Но как бы тесно ни располагались слова в круге, они никогда не сойдутся в центре. Ты заметила, что, какие бы усилия ты ни затрачивала, пытаясь стянуть слова в одну точку, они про-

должают формировать круг. Это свойство — сопротивляться силе, влекущей к центру, — мы используем при постройке мостов. Мы выкладываем камни дугой — так же, как ты выстроила слова в круг. Надавливая друг на друга, камни сопротивляются силе, действующей на них, и потому не падают в воду. Благодаря сопротивлению камни моста держатся вместе. Когда же ты пытаешься стянуть всю фразу в центр, у тебя ничего не получается из-за сопротивления, которое оказывают слова, и концентрация становится невозможной. То же получится, если ты попробуешь сосредоточиться на одном слове — ведь слово состоит из отдельных букв, которые никогда не сойдутся в одной точке.

— Так что же мне делать?

— В своем следующем упражнении, — говорит Има, — постарайся сконцентрироваться на одной букве. Возьми, к примеру, букву «о».

Има встает и удаляется, оставляя меня одну.

Что ж, попробую. Сидя на траве, я концентрируюсь на букве «о». Я беспрерывно повторяю про себя «о», «о», «о», «о». И при этом думаю только об «о». И снова: «о», «о», «о», «о», «о», «о», «о». И тут, внезапно я делаю открытие. Я отправляюсь к Име и говорю ему со смехом:

— Я уже сделала упражнение.

— Да? — спрашивает он. — И что же ты обнаружила?

— А то, что «о», на котором я концентрировалась, вдруг превратилось в трубу — в длинный туннель, похожий на «о», по которому я постоянно двигалась вперед. Но и это не полная концентрация!

— Что ж, это значит, что ты вышла в четвертое измерение. А сейчас попробуй проделать то же самое с предложением «Я всегда проявляю божественное начало». Интересно, как тебе удастся разрешить эту проблему на сей раз?

— А что мне для этого нужно сделать? — спрашиваю я.

— А что тебе для этого нужно сделать? — спрашивает Има в свою очередь.

Я задумываюсь на минуту, а затем говорю:

— Слова — всего лишь одежда. Они — материальное проявление смысла. Если я хочу дойти до центра, то должна отбросить слова, мешающие мне проникнуть в смысл, и концентрироваться только на нем, забыв о словах, забыв о форме. Верно?

— Посмотрим, как ты преуспеешь в этом, — с улыбкой говорит Има. — Пойди и попробуй. Затем возвращайся и расскажи.

Я ухожу и начинаю концентрироваться на значении фразы «Я всегда проявляю божественное начало». Только на ее значении.

Через некоторое время я вновь иду к Име. Он как раз заканчивает беседовать с другим неофитом. Завидев мою приближающуюся фигуру, Има бросает на меня лукавый взгляд, словно заранее знал, чем окончится мое упражнение.

— Итак? — спрашивает он.

— Это так удивительно, Има! Я концентрировалась только на смысле фразы. Я не думала больше ни о чем. И тут весь внутренний процесс покинул мою голову и начался у меня в груди, так что я больше не могла думать — только чувствовала и переживала это! В тот миг, когда я полностью сконцентрировалась на смысле этих слов, *я сама стала их смыслом*! Но тогда фраза должна звучать по-другому: не «Я всегда проявляю божественное начало», а «*Я есть божественное начало, которое всегда проявляет себя!*»

Я говорю, и на лице Имы все шире и шире расплывается улыбка. Он доволен мной.

— Ты справилась с этим очень хорошо! — говорит он. — Теперь ты поняла, что концентрация не может быть постоянным состоянием. Это лишь переход от проецируемого мира к *сущности*. Концентрируя все свои мысли на чем-то, мы не можем остановиться на *процессе мышления*, так как концентрация *возвращает нас к самим себе*, и, таким образом, мы сами становимся объектом концентрации. *Посредством концентрации мы переходим в состояние сущности*. Мышление прекращается, и мыслитель отождествляется с тем, о чем он думал. *Думать* о чем-то — значит проецировать свою мысль

вовне посредством разума. Концентрироваться же — значит возвращать проекцию назад. Тогда мысль и мыслитель становятся одним целым, они встречаются в совершенном единстве. *То, что создано, возвращается к создателю!*

Продолжай практику — и ты испытаешь это вновь, с еще большей ясностью. А вот тебе новое задание: ты любишь сидеть под этой пальмой — так концентрируйся на ней.

С этими словами Има покидает меня.

Я снова сажусь на землю и смотрю на пальму. Все мои мысли направлены лишь на этот объект — больше ни на что. Проходит несколько часов. Вечереет. Мне нужно возвращаться домой. Мену ждет меня у ворот, и мы идем вместе.

На следующее утро я вновь возвращаюсь в сад, разбитый у храма, и, усевшись под пальмой, вновь концентрируюсь на ней. Тут я вспоминаю о том, что мне говорила Мену вчера вечером. Я замечаю птичку, сидящую на листе пальмы. Комар жужжит возле самого уха. Я вспоминаю нахальство церемониймейстера Ру-Ка и начинаю сердиться. Но я прогоняю все посторонние мысли и вновь концентрируюсь только на пальме.

Сейчас мне удается сделать это лучше. Мысли не достигают меня и не могут отвлечь меня от упражнения. Прежде я находилась в *мире мыслей* — жила среди них. Мысли подталкивали меня то к одному, то к другому. Но я не позволяла им управлять мной. Я продолжаю сидеть все там же — под пальмой и постепенно удаляюсь в глубь себя — туда, где мысли уже не могут достичь меня. То и дело то одна, то другая мысль всплывает на поверхность и плетется в моем мозгу, словно усталый путник. Я наблюдаю за каждой из них, будто издалека. Они не могут обеспокоить меня. Я думаю о пальме, и постепенно пальма наполняет все мое существо.

Проходят дни. Возможно, недели. Я теряю счет времени — не представляю, что происходит во внешнем мире. Я всецело концентрируюсь на пальме. Затем у меня возникает странное чувство, что я больше не смотрю на пальму *со стороны*, я смотрю наружу *из пальмы*. Я продолжаю видеть очертания дерева со стороны, но при этом начинаю ощущать

его *внутреннюю сущность*, его созидательный внутренний принцип. Я вижу это, переживаю это, я *СТАНОВЛЮСЬ ЭТИМ*!

Затем приходит чувство, что пальма никогда не была чем-то отдельным от меня. Нет, это было лишь ложное представление — *пальма всегда была во мне, а я была в ней! Я — это пальма!*

Я не представляю, как долго погружена себя. Не знаю даже, что такое *время. Там*, где я нахожусь, не существует понятия времени. И я не могу сказать, где находится это «там». Медленно какая-то сила возвращает меня в мое личное сознание, и я замечаю, что передо мной стоит Има. Мои глаза встречаются с его глазами. Он смотрит на меня с нежностью. Садится на траву и ждет, когда я окончательно приду в себя. Затем его взгляд приобретает вопросительное выражение.

Я пытаюсь что-то сказать, но мне это не удается. Слова, кажется, потеряли всякий смысл.

Постепенно моя воля вновь обретает прежнюю силу. Нервы, управляющие гортанью, заставляют голосовые связки работать, и я вновь способна издавать звуки.

— О Има, — говорю я и удивляюсь звучанию собственного голоса, — *я превратилась в пальму*, — точнее, я обнаружила, что *пальма всегда была мной*! Я просто не осознавала этого прежде!

Има кивает своей ангелоподобной головой и весь лучится радостью:

— Ты замечательно продвинулась! Просто замечательно! Я очень рад! Таких результатов еще никто не добивался за столь короткое время. Если ты сумеешь сдать остальные предварительные экзамены с такой же легкостью, то скоро будешь готова к посвящению!

Мы смотрим некоторое время друг другу прямо в глаза. Сейчас я чувствую с особой отчетливостью, до чего чист Има, какую огромную силу он излучает. Сам воздух становится чище в его присутствии.

Затем он протягивает мне свою руку, и я встаю. Пришло время возвращаться домой.

Когда я уже улеглась в постель и собираюсь уснуть, Мену становится на колени рядом с моей кроватью.

— Чем вы сейчас занимаетесь в храме? — спрашивает она.

— Мы делаем упражнения.

— Расскажи мне про эти упражнения.

Я отвечаю ей совершенно серьезно:

— Последнее мое упражнение заключалось в том, что я думала о пальме до тех пор, пока сама не превратилась в пальму.

— Во что ты превратилась? — спрашивает Мену, глядя на меня с изумлением.

— Я стала пальмой, — повторяю я.

— Ты — пальмой? — мне показалось, что у Мену глаза вот-вот выскочат из орбит.

— А теперь, Мену, оставь меня в покое. Я хочу спать.

Мену начинает хохотать так сильно, что падает на пол и катается по нему. Из ее глаз льются слезы.

— Надо же! Ты — пальма! Тогда где же твой ствол? Где твои листья? Ха-ха-ха, так ты, оказывается, вовсе не молоденькая девушка, как я считала, а пальма! Ха-ха-ха!

Моя гордость так уязвлена этой ее выходкой, что, выпрямившись на кровати, я говорю властным тоном:

— Запомни хорошенько, что я никакая не «молоденькая девушка», а царица! Я жена Фараона, понятно? И если ты будешь смеяться над моими упражнениями, я тебе больше ничего не расскажу.

Тут Мену начинает рыдать. Покрывая мои руки поцелуями, она говорит сквозь слезы:

— Я же говорила тебе, что посвящение — опасное дело. Кто знает, не заколдуют ли они тебя, чтобы ты превратилась в пальму? Будь осторожна, прошу тебя! Будь осторожна! Ты уже начала говорить как-то странно. Фараону должно быть известно обо всем этом!

Утирая щеки руками, Мену покидает мою спальню.

Я остаюсь одна с очень неприятным чувством — не следовало говорить Мену о своих самых сокровенных переживаниях.

На следующий день Птахотеп вызывает меня к себе.

Он сидит в своей маленькой комнате. Его глаза глубоки, как небо. Ему известно все.

— Подойди ко мне, моя маленькая дочь, — говорит он с улыбкой.

Я приближаюсь к нему. Взяв меня за руки, он говорит:

— Знаешь, каким будет твое следующее задание?

— Да, Отец, знаю, — отвечаю я.

— Каким же?

— Хранить молчание, — отвечаю я с улыбкой, хотя и чувствую за собой вину. Я знаю, он не осуждает меня. Птахотеп кивает. Мы понимаем друг друга без слов. Мне не нужно извиняться. Он знает меня лучше, чем я знаю себя сама, и он прекрасно понимает, что я руководствовалась лишь лучшими побуждениями, когда говорила Мену о сокровенных вещах, далеко превосходящих ее понимание. Я смотрю Птахотепу прямо в глаза. Он видит все мои недостатки, но он также видит мое искреннее намерение научиться как можно большему и хранить молчание в будущем.

Он нежно гладит мою голову. Я кланяюсь и ухожу.

О, сколько еще раз мне придется стоять вот так перед ним, признаваясь, что мой язык ослушался моего разума, что я вновь не смогла противиться потребности общаться с другими людьми — потребности, живущей в груди каждого человека.

И все же я учусь следить и за этим. Я учусь держать потребность общаться под таким же неусыпным контролем, как и своего любимого льва. Я вырабатываю привычку произносить в уме и выслушивать каждое слово, прежде чем произнести его вслух, чтобы понять, имею ли я право говорить это. Постепенно я учусь держать рот на замке и говорить только в тех случаях, когда это действительно необходимо. Я начинаю различать два существа, уживающихся во мне: личное эго, склонное к бесконтрольной болтовне, *дела-*

ющее это лишь ради самого процесса общения, а также для того, чтобы привлечь внимание к собственной персоне, и мое высшее «Я», находящееся в глубине моего сознания и указывающее моему эго, что и когда следует говорить, а когда необходимо хранить молчание. Главное — научиться подчиняться этому высшему «Я». Просто *слушать* его недостаточно — каждый умеет делать это!

В этот период Има дает мне все новые упражнения по концентрации, которые я должна выполнять после того, как наши групповые занятия в храме подходят к концу.

Мы садимся в моем любимом уголке сада, и Има начинает объяснять:

— Сейчас ты знаешь из собственного опыта, что такое концентрация. Но если ты станешь рассматривать этот процесс, то обнаружишь, что он состоит из трех фаз: ментальной, эмоциональной и духовной.

Всякая концентрация начинается с ментальной фазы. Ты направляешь все свои мысли на объект концентрации и решаешь, что он представляет собой в действительности. На этом этапе ты используешь свой разум, так как хочешь найти как можно более ясное и четкое определение объекта концентрации. Как только ты находишь такое определение, твоя интеллектуальная работа завершена, так как ты *знаешь*, что это за вещь. Тебе больше не нужно размышлять, так как, *узнав* вещь, тебе не нужно ее *познавать. Размышление есть мост между неведением и знанием.* Когда мы знаем все — как знает *Бог*, — нам не нужно больше размышлять. *Бог* — всеведущ. Он — само знание. И Его знание совершенно — как совершенен круг. О чем Ему еще размышлять, если Он знает все! Лишь тот, кому требуется расширить свои познания, вынужден размышлять. *Работа по расширению познаний состоит из размышлений.* Когда твое знание объекта концентрации становится совершенным, ты осуществляешь переход от *думанья* к *чувствованью.*

Это вторая фаза концентрации. Сознание проецирует посредством твоей нервной системы все характеристики объекта концентрации наружу. Они запечатлеваются орга-

нами чувств, и, таким образом, у тебя возникает ощущение объекта. Каждым нервом, каждой каплей своей крови ты чувствуешь объект своей концентрации. Испытав объект посредством мыслей и чувств, ты переходишь к последнему этапу — к *духовной концентрации*. Это означает, что в своем сознании ты полностью отождествляешься с объектом. Ты больше не думаешь о нем, не чувствуешь, каков он, — *ты становишься им*! Мы зовем это *состоянием сути*. В этом состоянии тебе не нужно ни думать об этой вещи, ни чувствовать ее, так как *ты и вещь — едины*. При этом все твои мысли, чувства, слова и поступки становятся проявлениями объекта концентрации.

Ты испытала это с пальмой, но у тебя нет никакого опыта наблюдения за собой при прохождении всех трех фаз. Возьмем другой пример: представь, что ты сидишь на берегу реки и смотришь в воду. Вначале ты размышляешь над тем, что есть вода. Ты вспоминаешь, что вода — жидкость, возникшая в результате соединения двух газов. Ты знаешь, что она может быть как горячей, так и холодной и что если она достаточно холодна, то превращается в твердое вещество. Ты продолжаешь размышлять подобным образом, пока твой разум полностью не поймет, что такое вода. *Все это — ментальная концентрация.*

Затем ты поднимаешься и заходишь в воду. Теперь ты чувствуешь, что представляет собой вода. Благодаря непосредственным ощущениям ты чувствуешь, что вода — это жидкость, что она струится, обтекая твое тело, ты чувствуешь ее температуру, не измеряя ее термометром. Ты можешь плескаться в воде, разгонять волны руками, хлопать по ее поверхности. *Все это — концентрация посредством чувств.*

Однако при полной концентрации грань между тобой и водой исчезает — ты становишься с ней одним целым, теряешь свое человеческое тело и сливаешься с ней. Тебе больше не нужно *думать* о воде и ее разнообразных свойствах. Тебе не нужно *чувствовать* воду. Ты и есть вода. *Полная концентрация означает отождествление с объектом концентрации, слияние с ним*! В двух предшествующих фазах концентрации

ты остаешься изолированной от объекта, тогда как в третьей — в *состоянии сути* — переживаешь полное единение, а затем (как следствие) полное понимание и познание *изнутри*. Безусловно, твое тело не превратилось в воду, но *в своем сознании ты пережила это состояние.*

Понаблюдай за окружающими. Ты увидишь людей, постоянно говорящих о любви, носящих на лицах приторные улыбки, лезущих из кожи вон, чтобы показать другим, какие они «хорошие» и «добрые». Но «добрые» и «хорошие» они лишь снаружи. Когда же доходит до дела, такие люди демонстрируют свой эгоизм, потому что они — сам эгоизм.

Некоторые люди никогда не говорят о «добре» и даже не думают о том, что им следует быть «хорошими». Но все, что они говорят и делают, исходит от добра, так как они — само добро. **Человек не думает о том, *какой он, и не чувствует этого, — он просто есть* такой, какой есть.** И нет нужды говорить об этом: все, что он думает и делает, является проявлением того, что он собой представляет, проявлением его собственной *сути*!

Теперь мы переходим к самому сложному заданию — к концентрации *на себе*! Вначале *подумай* и *поразмысли* над тем, кто ты есть. Затем *прочувствуй* то, кто ты есть, и, наконец, стань тем, кто ты есть.

Чтобы обрести сознание здесь, на Земле, тебе пришлось оставить свое подлинное *Я* и принять разум и чувства. Таким образом, ты могла *думать* о том, кто ты, и *чувствовать* себя, но пока еще не смогла *быть* собой. Присмотрись к окружающим, и ты поймешь, что они так и не стали *самими собой*. Нет, они отождествляют себя со своими мыслями, чувствами и теми ролями, которые им выпало играть здесь, на Земле. Они «выпали» из своего истинного *Я* и стали притворщиками, живущими в вымышленном мире. Лишь в глазах маленьких детей можно увидеть искру *подлинной сути*. С развитием разума дитя все больше удаляется от самого себя, отождествляясь с навязываемой окружающими личностью. В то же время личность является лишь маской, сквозь которую его подлинное *Я — Великий Незримый* — взирает на

окружающий мир. Человек не может быть чем-то большим, чем инструментом для проявления своего подлинного *Я*, и все же люди так привязываются к своим маскам, что не могут расстаться с ними. Подлинное *Я* — царь и хозяин, человек же — лишь его покорный раб. Но сыны человеческие отреклись от своего *Я* и лишились трона, отождествив себя со своей личностью. Они сделали раба царем и изгнали подлинного царя (свое *Я*) в глубины подсознания. Разум стал инструментом изоляции, но посредством концентрации и при желании *осознать* он может превратиться в инструмент для возращения к истинному *Я*.

Прежде ты концентрировалась на различных вещах. С этого дня твоим единственным заданием будет концентрация на своем истинном *Я*. Ты пройдешь сквозь три фазы концентрации, пока не достигнешь отождествления со своим истинным *Я* — пока не станешь своим собственным *Я*. Твое задание — достичь состояния, которое может быть описано как «я есть то, что есть я». Но будь внимательна! Здесь недостаточно *думать*, что ты «есть», недостаточно *чувствовать*, что ты «есть», — здесь надо *быть тем, что ты есть*!

Вот твое задание, которое следует выполнить перед *Посвящением*.

Итак, начался долгий период моей жизни, в течение которого мне предстояло выполнить два основных задания: научиться хранить молчание и стать своим истинным *Я*.

— 26 —

Древо познания добра и зла

Изучив искусство хранить молчание, я однажды вечером вновь предстаю перед Птахотепом.

— Чему ты училась *еще*, когда училась хранить молчание? Или ты научилась только искусству молчания? — спрашивает меня Птахотеп.

— Нет, Отец, обучиться одному молчанию невозможно. Учась молчанию, я также училась и речи. Овладев искусством молчания, я также овладела искусством речи. Ведь *молчание* означает отсутствие речи, а *речь* означает отсутствие молчания. Я не смогла разделить их. Я поняла, что они неразрывно связаны между собой — как две стороны монеты.

— Верно, — говорит Птахотеп и, встав, подводит меня к одному из больших квадратных белых камней, из которых сложены стены.

Указав на гладкую поверхность камня, он спрашивает:

— Что ты видишь на этой белой поверхности?

— Ничего, — отвечаю я.

— А что я могу нарисовать на ней?

— Все.

— Так вот, — говорит Птахотеп. — *Ничто* содержит в себе *Все*. Они образуют совершенное единство. Что-то может стать различимым лишь в том случае, если оно отделится от единства.

А сейчас смотри — я нарисую зеленой краской лист на этой поверхности. Этот лист уже существовал на белой поверхности и прежде, но он был неразличим, потому что *позитивная форма листа и негативная природа фона находились в состоянии покоя по отношению друг к другу*. Они были абсолютно идентичны. Форма листа не отделялась от *Всего*,

заключенного в *Ничто*. Лист появился на этой стене, так как отделился от *Всего* и стал различим.

И запомни еще одну вещь: то, что лист появился в *зеленом* цвете, означает, что он оставил позади себя двойника противоположного цвета — невидимую негативную форму *красного* листа. *Все вещи, которые ты видишь вокруг себя, становятся различимы только благодаря тому, что они отделили себя от своих дополняющих половинок и последние остались в невидимом, непроявленном состоянии.*

Ты можешь обрести *знание*, лишь сравнивая две стороны — позитивную и негативную, — отделившиеся друг от друга. Пока эти обе стороны находятся вместе, тебе не удастся ничего постичь.

Погляди на видимый мир — он видим лишь потому, что отделился от *Все* и *Ничто*, иными словами, от абсолютного единства, которое мы зовем Богом. Все вещи мира становятся различимы благодаря тому, что позитивное отделено от негативного и мы можем их сравнивать между собой. *Познание невозможно до тех пор, пока все вещи не разделены на две половины, одна из которых будет проявленной, а другая непроявленной, и таким образом будет возможно их сравнение!* А сейчас следуй за мной.

Птахотеп ведет меня в другую комнату. Там он ставит перед белой стеной на большой стол маленькую фигурку. Затем на стол перед фигуркой устанавливает две зажженные лампы — одну правее, другую левее. На стене появляются две тени, отбрасываемые фигуркой.

Затем он берет прозрачный красный диск и помещает его между правым светильником и фигуркой. К своему величайшему изумлению я вижу, что правая тень становится красной, тогда как левая — зеленой.

— Как это получилось, Отец Души моей? — спрашиваю я.

— Подумай минуту, и ты сама найдешь объяснение, — отвечает Птахотеп.

Я молчу некоторое время, пока ответ не приходит сам.

— Статуэтка отражает красные лучи, направленные на стену правым светильником, позволяя проявиться лишь дополняющему зеленому цвету. Вот почему с левой стороны появляется *зеленая* тень. Эта же статуэтка отражает все лучи левого светильника, и поэтому тень на правой стороне стены кажется *красной*.

— Совершенно верно, — говорит Птахотеп. — Как видишь, два дополняющих цвета не могут существовать друг без друга. Точно так же *молчание* не может существовать без *речи*. Когда ты разговариваешь, негативная дополняющая *речь* половина — *молчание* — остается непроявленной. Когда же ты хранишь молчание, непроявленной остается позитивная дополняющая *молчание* половина — *речь*. Когда образуется гора, образуется также и ее дополняющая негативная половина — долина. Как может существовать гора без долины или долина без горы? *Ничто не может проявиться, если оно не имеет своей дополняющей, непроявленной половины. Когда проявляется что-то положительное, негативная сторона остается непроявленной, и наоборот.* Две эти стороны существуют вместе всегда — всю вечность.

Так что, когда ты видишь разобщенность, знай, что это тебе лишь кажется, так как две половины, даже отделившись от *всеединства*, всегда остаются *неразрывно связанными друг с другом*. И это неразрывное *божественное* единство проявляет себя всегда и везде. Ибо даже в кажущейся разобщенности оно продолжает быть активной *вездесущей силой притяжения между негативным и позитивным*. И позитивное, и негативное стремятся возвратиться к своему первоначальному источнику — божественному единству. Лежащая в основе всего сила, которая стремится возвратить все вещи к первоисточнику, зовется *Бог*.

Все творение — весь видимый мир, окружающий нас, — подобно дереву. На его правой стороне растут позитивные (хорошие) плоды, а на левой — негативные (плохие). Но обе стороны являются одним и тем же деревом и исходят из одного и того же единства.

Как добро, так и зло произошли из одного источника, который сам по себе не знает ни добра, ни зла. Только при разделении можно обрести знание. Следовательно, зримый, познаваемый мир должен состоять как из добра, так и из зла. Если бы это было не так, он был бы незрим и не существовал бы вообще.

Все творение есть дерево познания добра и зла. Но Творец — *Бог* — не является половиной, отколовшейся от единства. *Бог — само единство. Он* стоит выше всех форм, отделившихся от единства. *Он* — совершенное единство *в самом себе. Он — Ничто*, из которого появилось *Все*. Но в *Нем Все* и *Ничто* сливаются в неделимом *единстве*.

Творение всегда означало половину целого — ту половину, которая выпала из единства и проявила себя, став различимой, доступной для сравнений, тогда как ее дополняющая сторона осталась непроявленной. Вот почему мы не можем познать Бога в сотворенном мире — *ведь Бог* просто не имеет дополняющей половины и не может быть познан посредством сравнения. *Его* невозможно ни с чем сравнить, и поэтому *Его* невозможно узнать. *Ты можешь лишь БЫТЬ Богом.*

Послушай, дитя мое, есть лишь одна вечная сущность — *Бог*. Во всем живом присутствует эта вечная сущность. *Бог* — незримое единство, *Он* присутствует повсюду, вся Вселенная наполнена *Им*. Весь космос жив благодаря *Его* вечной *сущности. Бог* подобен дереву жизни — он отдал всю свою сущность творению, разделившемуся пополам, чтобы стать зримым и познаваемым. Иными словами, *Он* дал жизнь дереву познания добра и зла. Дерево познания добра и зла — наш мир — существует благодаря тому, что *Бог* струит по его капиллярам свою собственную жизнь — живет в нем!

Материальный мир подобен дереву смерти, а *Бог*, живущий в нем, — само дерево жизни, дающее жизнь всему творению. *Бог* всегда един. И этот единый *Бог* есть *Я* — сокровенная сущность всего живого. *Бог* — вездесущ, а так как две вещи не могут одновременно находиться в одном месте, ничто не может вытеснить *Бога* из любого места во Вселенной и только один *Бог* может присутствовать как *Я* в любой

из проявленных форм. Все существа — растения, животные и сам человек — всего лишь плоды на дереве познания добра и зла. Все мы живы лишь потому, что соки дерева жизни текут в наших жилах, потому что *дерево жизни живет в нас.* Это значит, что и в тебе, дочь моя, живет дерево жизни! Твое тело — лишь плод на дереве смерти, на дереве познания добра и зла, а значит, оно не имеет самостоятельной жизни. Но это плод также и дерева жизни; твое *Я* — маленькая веточка на *великом дереве жизни Бога.* И ты живешь лишь потому, что *Бог* живет в тебе как твое *Я.*

Благодаря тому факту, что ты родилась в телесной оболочке, ты стала различимым существом. Ты отделила свое сознание от *великого «Ничто» и «Всего» — от Бога,* от своего истинного *Я.* Ты выпала из божественного, райского, изначального состояния, где существовали все возможности проявлений в мире форм. Ты стала проявлением, созданной формой. Следовательно, все то, что ты являешь собой здесь, на земном плане, не более чем различимая половина целого, созданная из добра и зла. А поскольку твое сознание было помещено в это тело, оно отождествилось с телом.

Съедая плод, ты с этим плодом отождествляешься, так как ты состоишь из того, что съедаешь. Отождествив себя с телом, твое сознание (в символической форме) вкусило плод дерева познания добра и зла и стало субъектом царства смерти.

Но сейчас выслушай добрую весть: твое тело — плод разделения — всего лишь видимая часть твоего истинного *Я.* Вторая половина осталась непроявленной частью твоей сущности. Воссоединив эти половины, ты можешь возвратиться к божественному единству. Это единство невозможно испытать *физически.* Поэтому нужно, чтобы твое подсознание проявилось — стало видимым и *физическим.* Тогда ты соединишь обе половины друг с другом. Одно сознание не может управлять двумя телами. Пытаться восстановить единство таким образом — смерти подобно. Поскольку тело стало видимым благодаря тому, что отделилось от своей непроявленной половины, восстановление единства несет в

себе смерть для тела. И все же ты можешь испытать ощущение единения, пребывая в теле, — *совершив это в сознании.* Ты можешь расширять сознание, пока вся бессознательная часть твоей психики не станет сознательной. Тогда ты сможешь сознательно пережить свою непроявленную, невидимую половину и, таким образом, достичь божественного единства в своем сознании. И хотя твое тело останется в зримом *сотворенном* мире, в своем сознании ты сольешься со своим истинным *Я*. Таким образом, даже здесь, на земном плане, ты можешь испытать блаженство *быть Богом.*

Это стремление к единству можно увидеть во всем творении. Каждое существо ищет свою дополняющую половину, чтобы воссоединиться с ней. Позитивные мужские формы ищут негативные женские, и наоборот. Взаимодействие позитивных и негативных сил составляет основу материи. Собственно говоря, без этого невозможно само существование материи. Ведь в основе притяжения между полярными зарядами лежит стремление к единству — к Богу. Стремление вернуться к исходному состоянию — источник всей энергии в проявленном мире. Природа проецирует ее в наши тела в виде сексуальной энергии.

Пока существо ищет свою дополняющую половину во внешнем, зримом мире, оно никогда не достигнет единства, так как *дополняющая половина не может находиться вне ищущего — она всегда присутствует внутри, в глубинах подсознания, в незримой, непроявленной форме.* Ни одно живое существо не сможет появиться на свёт, не имея своей второй, непроявленной половины. Возьми, к примеру, себя, дочь моя. Все, что противоположно твоей проявленной части, присутствует в твоем подсознании в непроявленном виде. И оно так же является тобой, как и то, что в тебе проявлено. Ты не найдешь в другом человеке свою половину, но, обнаружив ее в себе, отыщешь дорогу в бесконечное *Все и Ничто*, вновь станешь тождественной *Богу*!

Благодаря этому единению, происшедшему в твоем сознании, вечная тоска по единству окончится и сексуальные желания больше не будут властны над тобой. Здесь, на зем-

ном плане, ты познаешь божественное состояние — бессмертие, блаженство, целостность! И в то же время ты станешь тождественна всем живым существам, в каждом из них ты сможешь ощущать свое истинное *Я*. Достигнув единения с Богом, ты соединишься со всей Вселенной. Возвысив сознание над телом, над своим личным существованием, ты познаешь космическое сознание, заключающее в себе все. Твое *Я* будет присутствовать в каждом живом существе — в самом Боге. Это значит, что ты вновь будешь *вкушать плод дерева жизни*! Затем ты перенесешься из мира следствий в мир причин, из царства временного в царство непреходящего, из страны смерти в страну жизни. Короче говоря, ты воскреснешь в вечности. Это и есть *Посвящение*!

Птахотеп замолкает. Но я вижу, как божественное единство светится в глубине его небесных глаз. Бесконечная радость, любовь и покой лучатся оттуда прямо мне в душу. В его взгляде я вижу завершенность правды.

Он благословляет меня, и я ухожу.

— 27 —

Двенадцать пар качеств-близнецов

На следующий вечер я вновь предстаю перед Птахотепом.

— Пришло для тебя время, — говорит он, — начать изучать и практиковать двенадцать пар противоположных качеств. Это будет твоим следующим упражнением. При *Посвящении* ты должна будешь сдать по ним экзамен. Итак, слушай внимательно и запоминай все то, что я сейчас скажу.

Кроме искусства *хранить молчание* и искусства *речи*, являющихся двумя противоположными проявлениями одной и той же силы, существует еще ряд противоположностей, которые ты должна научиться держать под контролем. Всего их двенадцать. С завтрашнего дня ты будешь находиться в храме лишь по утрам, а затем возвращаться во дворец. Теперь ты должна ловить каждую возможность быть в гуще людей, так как учиться контролировать эти противоположные качества в храме куда проще, чем во дворце. Здесь ты встречаешься только с такими же неофитами, как ты, стремящимися обрести божественное единство, или со жрецами и жрицами, уже обретшими его. Но в мирской жизни ты постоянно подвергаешься всевозможным соблазнам. Там ты встречаешься с другими людьми — рабами своего тела. И эти люди пытаются влиять на тебя. Там угроза твоего падения куда реальнее. Если же ты овладеешь всеми этими качествами и научишься применять их в миру, считай, что ты готова пройти экзамен *Посвящения*.

Вот эти двенадцать пар противополоных качеств:

МОЛЧАНИЕ — РЕЧЬ
ВОСПРИИМЧИВОСТЬ — СОПРОТИВЛЕНИЕ ВЛИЯНИЮ
ПОДЧИНЕНИЕ — УПРАВЛЕНИЕ
СМИРЕНИЕ — УВЕРЕННОСТЬ В СЕБЕ
МОЛНИЕНОСНАЯ СКОРОСТЬ — ОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ
ВСЕПРИЯТИЕ — СПОСОБНОСТЬ РАЗЛИЧАТЬ
СПОСОБНОСТЬ СРАЖАТЬСЯ — МИРОЛЮБИЕ
ОСТОРОЖНОСТЬ — ОТВАГА
НЕ ВЛАДЕТЬ НИЧЕМ — ВЛАСТВОВАТЬ НАД ВСЕМ
ОТСУТСТВИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ — ВЕРНОСТЬ
ПРЕЗРЕНИЕ К СМЕРТИ — ПОЧТЕНИЕ К ЖИЗНИ
БЕЗРАЗЛИЧИЕ — ЛЮБОВЬ

Сейчас Земля вступила в длительный период, в течение которого себялюбивые люди, рабы своего тела, постепенно возьмут власть в свои руки. Но ты уже знаешь, что там, где проявляют себя негативные силы, должны присутствовать и позитивные, пусть и не в проявленном состоянии. Во время этого темного периода, переживаемого Землей, Сыны Бога, проявляющие божественный принцип бескорыстия, исчезнут с земного плана и постепенно перейдут на непроявленный духовный план. Однако они будут продолжать работать в человеческом бессознательном и проявлять себя в душах наиболее духовно зрелых людей как стремление к освобождению и спасению.

На Земле мания величия отдельных индивидов и неудовлетворенность порабощенных масс приведут к устрашающим битвам. Тысячелетия жестоких битв и кровавых сражений, в которых неизменно будут торжествовать алчность, мстительность, тщеславие, зависть, жестокость, ненависть и прочие животные качества, приведут к тому, что красота, добро и правда почти полностью исчезнут с лица Земли. Но провидению будет угодно, чтобы группа людей, объединенных общими духовными узами (под началом Сынов Бога, работающих на духовном плане), спасла тайное знание — не дала ему кануть в реку забвения. Земля, как и всякая другая планета, пребывает под эгидой высокой духовной силы, и эта

сила проявляет себя через Сынов Бога в наиболее приемлемой для человечества форме. Эта сила также проявляет себя через группу *посвященных*, сравнявшихся с Сынами Бога благодаря саморазвитию. Они работают над осуществлением великого проекта по спасению Земли от тьмы, изоляции и безраздельного властвования дьявольских сил. Всякий *посвященный* принимает участие в этой работе. Поскольку ты будешь *посвящена*, ты тоже будешь участвовать в ней.

Каждый, кто решится участвовать в этой работе, должен овладеть всем набором противоположных качеств. Ты также должна будешь сдать по ним экзамен перед своим *Посвящением*.

Овладеть этими качествами — значит уметь применить их *в нужное время и в нужном месте*. Качество, являющееся *божественным* (проявленным в нужное время и в нужном месте), проявляясь в *неподходящее время и в неподходящем месте*, становится *дьявольским*. *Бог* создает лишь хорошее, прекрасное и истинное. *Не существует плохих или уродливых качеств, они становятся такими, лишь когда их применяют не тогда и не там, где надо!*

Ты уже знаешь, что я имею в виду, говоря об искусстве хранить молчание в нужное время и в нужном месте. Хранить молчание — благословенный дар, если он употреблен *тогда*, когда нужно, и *там*, где нужно. Но если мы храним молчание там и тогда, когда следует говорить, — например, если мы молчим там и тогда, когда достаточно сказать слово, чтобы спасти человека, — этот дар превращается в дьявольское орудие.

А если наша речь звучит в неподходящее время и в неподходящем месте, она превращается в злословие или дьявольскую сплетню.

Возьмем следующую пару качеств. *Восприимчивость* — божественное качество, если человек восприимчив ко всему прекрасному, доброму и истинному. Это значит, что он восприимчив к Божьей воле и она работает в нем. С другой стороны, восприимчивость или впечатлительность приводят к

несчастью, если мы становимся бесхребетными, поддаваясь любому чужому влиянию.

Сопротивление влиянию означает способность противиться всем низким силам. Но если мы станем сопротивляться влиянию высших сил, это божественное качество тут же обратится в дьявольское стремление к самоизолированию.

Долгом каждого участника осуществления великого проекта является полное *подчинение* воле *Бога. Он* может проявлять себя непосредственно через тебя или другого человека. Ты можешь распознать Божью волю, тщательно изучив предъявляемые к тебе требования и их совпадение с твоей *внутренней убежденностью. Бог* говорит с нами через наши внутренние убеждения, и мы должны полностью подчиняться Ему. И наоборот, подчинение чьей-то противоречащей твоей внутренней убежденности воле из корыстных побуждений, из страха, трусости или из-за желания «быть хорошим» для кого-то — дьявольский компромисс и *низость*.

Управлять означает дарить слабым и невежественным людям частицу собственной сильной воли. Вселенская любовь, объединяющая все активные силы человечества, должна вести народы к всеобщему благополучию, не ущемляя их право на самоопределение. Но правитель, навязывающий свою волю другим без любви и сострадания, правитель, руководствующийся лишь корыстными мотивами, превращает божественное искусство *управления* в дьявольскую *тиранию*.

Смирение мы должны испытывать лишь по отношению к божественной силе, к своему высшему *Я*, давшему нам жизнь. Ты должна осознать, что все прекрасные, добрые и истинные качества принадлежат *Ему*, а твоя личность — лишь инструмент для проявления божественного начала. Сама по себе личность — не более чем пустая оболочка. Ты должна увидеть в себе то божественное начало, ту вечную *сущность*, что проявляет себя во всей Вселенной, и почувствовать смирение. Но ты никогда не должна поклоняться земным формам и низшим силам, так как это значило бы превратить божественное смирение в низменное, трусливое

и дьявольское самоуничижение. Поступая так, ты предашь само *божественное начало*, которое вдохнуло в тебя жизнь.

Если ты хочешь служить делу осуществления великого проекта с полной отдачей, то никогда не должна забывать, что живешь и трудишься не благодаря собственным силам. Всякая сила приходит от *Бога*, и сила, которую проявляешь ты, приходит от твоего высшего *Я*, следовательно, тоже от *Бога*. Всегда помни, что твоя личность сама по себе — не более чем иллюзия. Твоя подлинная сущность, единственная непреходящая реальность, заключенная в тебе, — *Бог*. Вот почему *уверенность в себе* означает *уверенность в Боге. Божественная уверенность в себе неотъемлема от всякой творческой деятельности* и знаменует внутреннее единение с *Богом*. Но когда человек воображает, что все его таланты и способности являются его собственной заслугой и не принадлежат *Богу*, божественная уверенность превращается в дьявольскую гордыню и самоуверенность.

Чтобы соучаствовать в выполнении великого проекта, нужно обладать способностью принимать решения с молниеносной скоростью. Ты должна научиться мгновенно выбирать лучшее из множества решений. Возможна такая ситуация, в которой секундная задержка приведет к невозместимым потерям. Когда ты действуешь мгновенно, всецело сконцентрировав на проблеме все силы своего разума, стоящего над концепцией времени, твоя способность к принятию решений становится поистине божественной. Но скороспелость решений без надлежащей концентрации превращает *божественную способность действовать молниеносно* в дьявольскую поспешность.

Вот почему ты также должна выработать в себе *божественную осмотрительность*. Прежде чем начать действовать, ты должна взять под контроль свое настроение и дать решению созреть в тебе. Чтобы узнать волю Бога, порой требуется время. Но если ты доходишь в осмотрительности до того, что не в состоянии принять никакого решения, *божественный дар осмотрительности* обращается в дьявольское сомнение и нерешительность.

Как сотрудник великого проекта, ты должна научиться принимать все, что приносит судьба. Твоя ценность определяется не внешними обстоятельствами, а тем, насколько полно проявляется через тебя *Бог*. Мирские неудачи и даже унижения не могут уменьшить твое внутреннее богатство. Но и мирская слава не в состоянии умножить его. Бранят тебя или превозносят до небес — ты остаешься тем же человеком. Учись принимать все, что несет тебе судьба, с полной безмятежностью. Требует ли осуществление великого проекта жить в нищете и забвении или купаться в славе и роскоши — относись ко всему как к *средству достижения великой цели*. Ничто не должно изменить твоего отношения к жизни. Принимать все *таким образом* — поистине божественное свойство. Но с другой стороны, ты должна быть способна решить, когда *тебе, как сотруднице великого проекта, следует защищаться от унижений и злословия*. Также ты должна почувствовать, когда следует проявить скромность, и избегать прославления невежественной толпой. *Способность принимать все* не должна означать *безразличия и бесхарактерности*.

Всегда выбирай лучшее и не удовлетворяйся худшим. Ты всегда должна быть способна отличить *прекрасное* от *безобразного, хорошее* от *плохого, истинное* от *фальшивого, божественное* от *дьявольского*. Без способности отличать и сравнивать человек не может стать полноценным сотрудником великого проекта.

Если хочешь быть полезной, ты должна уметь *сражаться* с полной самоотдачей. Чтобы истина вернулась на Землю, ты мечом истины должна изгнать тень ошибки. Но твое благородное и бесстрашное *желание сражаться* ни в коем случае не должно обратиться в злобную сварливость. И хотя тебе придется проявить отвагу, никогда не забывай, что ты сражаешься духовным оружием, чтобы принести *мир* на Землю. Ты сражаешься, чтобы возвратить единство всему, что было разорвано на части, чтобы вернуть мир всем воюющим сторонам. Но твое *миролюбие* никогда не должно превращаться в трусливый *страх перед сражением*.

Чтобы стать полезным сотрудником, необходимо также научиться *осторожности*, но при этом также нужно научиться, когда и как следует применять этот божественный дар. Применив осторожность вовремя, ты сможешь спасти себя и других от опасности, уберечься от несчастья и предотвратить ненужные жертвы. Но божественный дар *осторожности* низводится до обычной трусости, когда человек отказывается что-либо делать из страха или недостатка уверенности в себе.

Ты должна обладать несокрушимой *отвагой* и не бояться никакой опасности. Ты должна отважно устремляться вперед и с готовностью принимать любую трудность, встречающуюся на твоем пути, храбро отражая любую атаку, направленную на божественное начало, когда этого требует великая цель. Но божественная *отвага* никогда не должна превращаться в дьявольскую *бесшабашность*.

Как сотрудник великого проекта, ты также должна усвоить, что значит *не владеть ничем*. Если задание требует, чтобы ты пребывала в бедности, или, наоборот, обеспечивает тебя богатством, ты должна всегда помнить, *что ничто не принадлежит тебе нигде и никогда. Все всегда принадлежит Богу*, и ты иногда получаешь кое-что из его имущества только затем, чтобы выполнить задание. Каналу безразлично, сколько воды протекает через него, так как вода не принадлежит ему; так же и ты должна отдавать другим все, что приходит тебе от Бога. Тебе никогда не следует беспокоиться о «куске хлеба» — ты будешь получать столько, сколько тебе нужно. И не важно, богата ты или бедна, — всегда нужно помнить о том, что тебе ничто не принадлежит. Но это божественное отношение к жизни не должно перерасти в *безразличие ко всему и презрение к материальным вещам. Тебе не следует ожидать, что окружающие станут помогать тебе, если ты перестанешь делать даже самое необходимое для обеспечения собственного существования*.

Материя — это одно из проявлений *Бога*, и ты должна почитать ее как *Божественное*. И в то же время ты должна чувствовать себя ее властительницей. Тебе нужно овладеть

искусством приобретения любой материальной вещи, необходимой для выполнения твоей задачи. А главное, помни, пока ты на Земле, тебе придется иметь дело с материей, тебе не обойтись без нее и, тем более, не следует идти против нее. Необходимо уметь использовать материю в своих целях — сделать ее помощницей в выполнении великого проекта. Но способность *властвовать* не должна перерасти в эгоизм и дьявольскую тягу к вещам.

Тебе, как нашей соратнице, участвующей в великом проекте, непозволительно *привязываться* к чему-либо или к кому-либо. Учись распознавать божественные, земные и дьявольские качества окружающих тебя людей. Не люби человека, но люби *божественное в человеке*, терпи в нем земное и обходи стороной дьявольское. И если это потребуется для выполнения задания, ты должна оставить без промедления самого любимого человека, так как то, что ты любишь в нем, *принадлежит Богу, а не человеку*. Человек — всего лишь инструмент, проявляющий *Бога*. Ты можешь найти и полюбить те же проявления в ком-нибудь другом. Люби *Бога* во всем и во всех, тогда ты сможешь избавиться от привязанностей. Но и *отсутствие уз* не должно обернуться полным безразличием к окружающим.

Ты должна хранить верность людям, в которых увидела проявление Бога. Ты любишь своих соратников по выполнению великого проекта, так как *видишь в них Бога*. Ты верна *Богу*, находящемуся в них, так как человек — всего лишь инструмент для проявления *Бога*. Таким образом, верность и почтение к *Богу* в человеке никогда не должны обращаться в возвеличивание или культ личности.

Для того чтобы справиться с ролью, отведенной тебе в выполнении великого проекта, нужно научиться использовать свою личность как покорный инструмент. Ты должна быть готова в любую минуту проявить свои таланты перед группой людей, зажечь своих слушателей, увлечь их за собой, своими словами и жестами заставить их дух трепетать. Иными словами, тебе нужно научиться выступать перед любой аудиторией без ложной скромности, без излишнего смуще-

ния. Но искусство «появляться на публике» ни в коем случае не должно возбудить в тебе дьявольское тщеславие. Ты должна избегать «показухи» и самодовольного краснобайства, пользуясь талантами, дарованными тебе Богом. Слыша аплодисменты и приветственные возгласы, ты не должна и на минуту забывать, что все эти проявления восторга и восхищения относятся вовсе не к твоей личности (которая сама по себе — не более чем пустая оболочка), а к Богу, проявляющему себя через земной инструмент.

Применяя искусство «появления на публике», ни в коем случае не поддавайся соблазну тщеславия. Так что не огорчайся, если при других обстоятельствах тебе придется оставаться в тени и идти по жизни совершенно незамеченной. В таких случаях ты должна не блистать перед публикой, а, наоборот, раствориться в ней. Но это «желание оставаться незамеченной» не должно доходить до жалкого самоуничижения и саморазрушения.

Если ты действительно хочешь стать полезным сотрудником в осуществлении великого проекта, тебе следует выработать в себе *презрение к смерти*. Для этого нужно четко уяснить себе, что *смерти* вообще не существует. Как только твое тело перестает функционировать, твое *Я* сбрасывает его как износившуюся одежду. Само же *Я* остается неотъемлемой частью дерева жизни, а *жизнь* бессмертна. Отождествляя себя с самой жизнью, ты больше не будешь сжиматься от страха перед лицом опасности. Ты будешь способна смотреть в глаза смерти с полным безразличием и безграничным презрением. Но никогда не допускай, чтобы *презрение к смерти* превратилось в *непочтение к жизни*.

Ты должна ценить жизнь превыше всего. *Жизнь есть Бог*. Вечная *сущность* проявляет себя во всем живом. Никогда не подвергай себя опасности бездумно. Цени жизнь, заключенную в твоем теле, и радуйся жизни. Но радость жизни ни при каких обстоятельствах не должна становиться самоцелью и обращаться в чувственность.

И наконец, ты должна подготовить себя к самому трудному из экзаменов — к испытанию *любовью* и *жестокой лю-*

бовью — безразличием. Эта последняя пара качеств, здесь, на земном плане, находится в неразрывном союзе. Как только ты проявляешь одно, второе проявляется автоматически.

Ты должна полностью отказаться от личной точки зрения, от индивидуальных склонностей и чувств, *учась любить всех и вся без различий, как сам Бог любит свое творение*. Как солнце одинаково согревает своими лучами все прекрасное и безобразное, хорошее и плохое, истинное и фальшивое, так и ты должна учиться одинаково любить все прекасное и безобразное, хорошее и плохое, истинное и фальшивое. Высшая божественная любовь — это *безраздельная* любовь, не знающая различий. Ты не должна думать о том, красив человек или уродлив, хорош или плох, честен или лжив, — всех нужно любить такими, каковы они есть. Ты должна усвоить, что все прекрасное и безобразное, хорошее и плохое, истинное и фальшивое — всего лишь разные грани того *невыразимого*, что мы для удобства зовем «Богом».

Когда все твое существо излучает абсолютную, безраздельную любовь ко всему сущему, к любви не смогут примешаться личные симпатии и антипатии. Ты станешь воспринимать все с высоты своего истинного видения, никому не потворствуя и не ущемляя ничьих интересов. Но ты должна безжалостно расправляться с любыми попытками отдельных личностей принести вред обществу. Такая безжалостность должна происходить из божественной, вселенской любви, а не рождаться из личной антипатии.

И ты должна, не колеблясь, проявить эту безраздельную, но и безжалостную любовь к каждому человеческому существу, если уверена, что его бессмертная душа может быть спасена лишь за счет его земного благополучия. Ты должна проявить такую любовь даже по отношению к самым близким людям. Ты должна бесстрастно наблюдать за тем, как самые близкие и дорогие тебе люди подвергают свои жизни смертельной опасности, и не отвращать их от избранного пути ни при помощи убеждений, ни посредством гипноза и магии, если знаешь, что ставка в этой игре — их бессмертная душа. Лучше человеку понести любые материальные потери

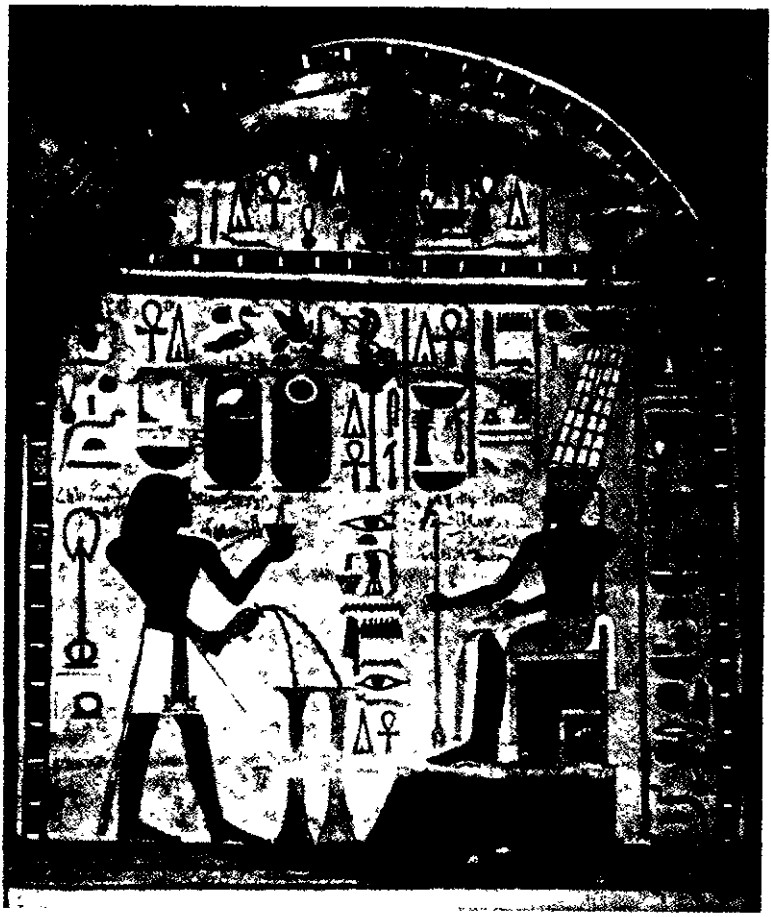
и даже встретить физическую смерть, чем потерять собственную душу. Что бы ни случилось, ты должна думать только о его душе. Как *Бог*, не вмешивающийся в дела людей, предоставляет им полную свободу выбора, так и ты не должна принуждать их действовать против их собственной воли. Прежде чем действовать, ты обязана оценить любую ситуацию с точки зрения духовного развития, а не с позиции земного благополучия. Но эта божественная неделимая любовь не должна низводиться до тупого безразличия к судьбе своих ближних и отказу помогать из личной антипатии тем, кто действительно нуждается в твоей помощи.

Это — самый сложный экзамен, так как здесь нужно отказаться от собственных чувств, вести себя так, словно их не существует вовсе. Лишь после сдачи экзаменов по этим двенадцати парам противоположных качеств ты сможешь в любое время отчетливо услышать голос Бога, который будет подсказывать тебе в труднейшие минуты твоей жизни, что ты должна *делать* и чего не должна!

После этого ты уже не сможешь ошибиться, так как БУДЕШЬ *самой любовью*. А любовь может действовать только ради любви. Ты сможешь просто оставаться собой, излучать *себя*, и вся Вселенная будет питаться твоим *светом*, твоим *теплом*, твоей *силой*. Затем ты станешь божественной, а твое сознание станет самим Богом! Это будет означать, что ты возвратилась из мира дерева познания добра и зла, из мира дерева смерти, где существуют лишь видимые оболочки и различия, в мир божественного единства. Ты познаешь плод дерева жизни и поможешь вкусить этот плод каждому идущему за тобой, так что все смогут познать единство вечной *жизни*, вечной *сущности* — *Бога*!

О *наместник* Бога! Никогда не забуду я твоих слов. Они запали в мою душу столь глубоко, что их значение слилось с моим существом. Они проникли в саму мою кровь, вошли мне в кость. И я поняла, что стала иным человеком, выслушав эти наставления.

Теперь мое задание — *претворить все это в жизнь*.



Фараон перед Амоном (Национальный музей Каира)

Фараон с атрибутами жизни

Четыре лица Брахмы (Ангкор-Тхом, Байон, Камбоджа)

— 28 —

Львы

Следующий день — большой праздник.

Мену как всегда одевает меня, застегивает на ногах золоченые сандалии, и я иду в приемную, где меня ожидают придворные дамы, Ру-Ка и двое слуг, держащих на весу ларец с драгоценностями. Ру-Ка церемонно подходит к слугам и открывает ларец. Затем главная фрейлина — моя официальная гувернантка — достает из ларца великолепный золотой воротник и, невероятно манерничая, церемонно надевает его на меня. Затем столь же церемонно она закрепляет головной убор при помощи золотой змейки и застегивает браслеты на моих щиколотках. Я стою неподвижно, словно статуя, всем видом выражая царственное достоинство. Но, несмотря на гордую позу, я всем сердцем желаю покрепче стукнуть Ру-Ка, чтобы он отвел от меня свой липкий взгляд.

Собственно говоря, Ру-Ка не так уж плох. Он умен и находчив, в его жилах тоже течет кровь Сынов Бога, и он может читать мысли других людей, но не пользуется своим даром в полной мере. Он кланяется мне вовсе не так, как придворный должен склоняться перед царицей. Нет, всем видом он показывает, что это «мужчина» склоняется перед красотой женщины, и при этом не отрывает от меня жадного взгляда. Бесстыжий! Ему прекрасно известно, что я могу прочесть все его мысли и чувства.

Но тут я вспоминаю слова Птахотепа: «В каждом существе заложена тяга к божественному единению — мужчина ищет женщину, женщина ищет мужчину. Это — тяга между двумя формами проявлений созидательной силы».

С этой точки зрения я могу понять и Ру-Ка. В нем также действует эта сила, и не его вина, что он находит меня при-

влекательной. Вот причина его бесстыдства. Если бы эта сила не жила в нем, Ру-Ка и внимания на меня не обратил бы. К тому же в глубине души я не чувствую настоящей злости по поводу того, что он откровенно восхищается моей красотой.

После завершения церемонии моего одевания дамы и Ру-Ка сопровождают меня к Фараону. О, как прекрасен — по-настоящему прекрасен — мой отец в праздничных одеждах — словно сам *Бог*, сошедший на землю! Мы покидаем дворец и направляемся к колесницам. Сейчас должна совершиться инаугурация.

Мы с отцом взбираемся на золотую колесницу — колесницу, запряженную львами! Отец принимает узду из рук конюшего. Когда я была совсем маленькой девочкой, отец иногда брал меня с собой на выезды. Я становилась у него за спиной, и он учил меня удерживать равновесие во время тряски. Для этого нужно полностью расслабить тело. Когда пол под моими ногами уходил то вперед, то назад, мне удавалось балансировать на кончиках пальцев, то сгибая, то выпрямляя колени.

Эти поездки всегда были очень забавными. Мы с отцом часто смеялись над моей неуклюжестью. Вначале отец пускал львов шагом, позволяя им постепенно перейти на рысь. Когда львы начинали бежать рысью, колесница дергалась то вперед, то назад, и я страшно пугалась, боясь упасть. Вместо того чтобы расслабиться, я судорожно цеплялась за руки, одежду или пояс отца. Отец заливался хохотом, а затем снова и снова, проявляя бесконечное терпение, показывал мне, как следует сохранять равновесие. Наконец я научилась делать своевременные, компенсирующие силу инерции телодвижения и стоять, не держась ни за отца, ни за край колесницы.

Как замечательно — сохранять неподвижность, когда колесница несется по земле! Иногда поездки затягивались, и мне становилось страшновато от сознания, что колесницу тянут за собой бегущие львы. Львам тоже нравились скачки, и, когда скорость возрастала, не только я и отец, но и, казалось, львы заливались смехом. Благодаря этим поездкам мое

тело стало сильным, мускулистым, словно я ежедневно занималась борьбой. Каждый мускул моего тела напрягался, реагируя на толчки и повороты колесницы. Это напоминало непрерывный танец, вернее, танцевал пол под нашими ногами, а мы лишь отвечали на его движения, сохраняя равновесие.

Когда мне исполнилось пятнадцать, отец научил меня управлять львами. Что за чудесное чувство — управлять этими могучими величественными животными! Они подчинялись каждому моему желанию с такой чуткостью, что мне даже не нужно было шевелить поводьями. Но отец никогда не позволял мне управлять ими в одиночку — даже моим собственным любимым львом, — ведь львы очень независимы и только *посвященные* могут подчинить их своей воле. Надеюсь, что после *Посвящения* мне позволят управлять львами самостоятельно!

Но сейчас мы едем на народный праздник, и отец правит львами с присущим ему достоинством, а я, его жена, стою рядом с ним. Я горжусь своим отцом — он до сих пор молод и красив. Вся его фигура и лицо излучают невероятную силу и выражают полную концентрацию. Это особенно заметно сейчас, когда он управляет львами. Балансируя на носках, он как бы вбирает в себя каждый толчок колесницы, при этом со стороны кажется, что он совершенно неподвижен, словно Бог Солнца.

Вот колесница останавливается и начинается утомительная церемония. Я не люблю эти публичные празднества — они похожи друг на друга, как две капли воды. Толпы людей, сановники, солдаты. И до конца церемонии — целую вечность — я должна сохранять полную неподвижность. Затем я обязана обмениваться бесчисленными приветствиями со всеми вельможами, читая при этом их глупые и предательские мысли, которые они пытаются скрыть за льстивыми улыбками. К счастью, при дворе кроме множества лицемеров попадаются настоящие соратники моего отца и Птахотепа. Вот к нам подходит офицер. От него исходит яркое свечение — словно от золота.

— Кто это? — спрашиваю я отца шепотом.

— Его зовут Тисс-Та, — так же шепотом отвечает отец, — он стал офицером лишь недавно, но обладает такими качествами (как ты сама видишь по его излучению), что я хочу сделать его командиром.

Все церемонии одинаковы — единственная разница состоит в том, что нам приходится восседать то на террасе дворца, то на специально сооруженных подмостках, то на террасе храма. Иногда праздники посвящены сооружению нового здания, иногда, когда из соседних стран возвращаются нагруженные всевозможными товарами караваны, они посвящаются успешным торговым сделкам. Время от времени отмечаются храмовые праздники. Я их особенно не люблю по той причине, что толпы людей, собираясь у храма, не имеют ни малейшего представления об истинном смысле церемонии, и вместо того чтобы поклонятся представленному в символах Богу, темный народ поклоняется самим символам.

Но даже самые утомительные церемонии подходят к концу. И вот мы с отцом возвращаемся домой.

Нет, мне не хотелось бы стать Фараоном. Дела страны совершенно меня не интересуют! По закону я могу претендовать на трон, но отец никогда не заговаривает со мной на эту тему и не готовит меня к управлению страной. Я знаю, что он и Птахотеп способны выходить из потока времени. Они могут переживать *прошлое* и *будущее* как настоящее. Во мне тоже начинает проявляться эта способность — иногда я вижу картины из будущего, но, когда я пытаюсь сосредоточиться на *собственном* будущем, все расплывается перед глазами — взор застилает туман. Отцу известно мое будущее, и поскольку он не относится ко мне как к соправителю, я понимаю, что мне никогда не быть Фараоном. Это меня ничуть не волнует — я собираюсь стать жрицей в храме. Но, как ни странно, картины из моей будущей жизни в качестве жрицы ни разу не явились мне — лишь густой туман застилает взор.

После таких церемоний особенно радостно на следующее утро находиться в храме. Мне всегда становится хорошо, когда я попадаю в его чистую духовную атмосферу.

— 29 —

Упражнения в телепатии

Однажды Птахотеп послал мне записку, где говорилось, что я должна посетить его вечером.

Вот я стою перед ним, и он говорит:

— Ты успешно сдала все подготовительные экзамены и сейчас можешь попытаться установить телепатический контакт с другим человеком. Вскоре ты сама убедишься, что подобные упражнения лучше выполнять после захода солнца. Причиной тому — стимулирующее воздействие прямых солнечных лучей на нервные центры и железы, отвечающие за *физическое проявление духа*, что привязывает сознание к материальному плану.

Солнечный свет оказывает угнетающее влияние на духовные проявления. После захода солнца этот эффект исчезает и сознание может освободиться и перенестись на духовный план из определенных нервных центров. Живые существа ночью отправляются спать. Сон — это переход сознания в духовные сферы. И поскольку большинство людей не в состоянии сознательно постичь сокровенные глубины духа, они теряют сознание — засыпают. Благодаря длительной практике человек способен так натренировать свою нервную систему, что сможет сохранять сознание, достигая самых потаенных глубин. Таким образом, нервные центры, отдыхающие днем, активизируются и реагируют на вибрации духа и собственного *Я*. Благодаря их активизации осуществляется контакт с человеком, находящимся на удалении, — то есть телепатический контакт. Для начинающего подобными упражнениями лучше заниматься после захода солнца, чтобы солнце не мешало ему. С практикой приходит способность устанавливать телепатический контакт в любое время суток.

Это упражнение, как и любое упражнение по концентрации, начинается с того, что человек сосредотачивается на одной мысли. Сконцентрируйся на человеке, с которым ты хочешь вступить в контакт, — пусть в этом тебе поможет твое воображение. С закрытыми глазами представь себе человека, с которым желаешь общаться. Постарайся разглядеть своим внутренним взором его фигуру, лицо — каждую черту. Представь себе, что *ты* — это *он*, а *он* — это *ты*, напрягай воображение, пока не почувствуешь, что его руки стали твоими руками, твое тело стало его телом. Продолжай, пока не почувствуешь полного отождествления с человеком, с которым желаешь вступить в контакт. На этом этапе отчетливо и ясно сформулируй в уме мысль, которую хочешь передать. Делай это с внутренним осознанием того, что *ты являешься этим человеком, что именно он формулирует ту или иную мысль.*

Это упражнение делится на три фазы. Вначале ты пытаешься думать в присутствии того, с кем хочешь вступить в телепатическое общение, а этот человек сознательно *пытается получить твое послание.*

Затем ты повторяешь то же упражнение, *находясь на удалении* от партнера, но *оговорив время сеанса, так что каждый из участников знает, что его партнер концентрируется на нем.*

И наконец, ты станешь посылать телепатические сообщения, *не оговаривая заранее время сеанса.* Эти три фазы относятся к позитивному этапу телепатического контакта. То есть на этом этапе посылаешь телепатические сообщения ты. Следующий этап заключается в том, что ты учишься *принимать и читать телепатические послания.* Этот этап также подразделяется на три фазы. Вначале ты становишься «пустой» — готовой к восприятию телепатического послания в присутствии человека, с которым хочешь вступить в телепатическое общение, а этот человек сознательно *пытается послать тебе сообщение.* Затем делаешь то же, *находясь на удалении* от партнера, но *оговорив время сеанса*, так что знаешь, *кто и когда* хочет сконцентрироваться на тебе. И наконец, ты

станешь получать телепатические сообщения, *не оговаривая заранее время сеанса.*

Со временем ты разовьешь в себе эти способности до такой степени, что сможешь мгновенно реагировать на любое телепатическое послание, приходящее от кого угодно с любого расстояния. Чем бы ты ни занималась, тебе удастся почувствовать, что кто-то концентрируется на тебе, и услышать его голос изнутри. Затем ты сможешь не только *слышать* голос человека, но и *видеть* его — словно тот находится рядом. Его фигура, лицо, а особенно — глаза предстанут перед твоим внутренним взором, словно в видении. Достигнув этого уровня, ты перестанешь чувствовать узы материи — ощущение изолированности, а также чувство того, что ты, словно в тюрьму, заключена в собственное тело, значительно снизится. Ты сможешь наслаждаться свободой духа, все еще находясь в физическом теле.

Вскоре ты обнаружишь, что телепатический контакт гораздо проще установить ночью, когда сознание не занято твоими мыслями. Твой партнер также будет менее изолирован, и потому его нервные центры будут тоньше реагировать на твои мысленные послания. Нервные центры большинства людей развиты настолько слабо, что тебе придется затратить немало усилий, чтобы твои послания пробились к ним. Когда они засыпают, тебе легче заставить их думать о себе и получать твои послания во сне. С практикой тебе откроются все законы телепатии — ты даже научишься мгновенно определять, не занят ли чем-то важным человек, на котором ты сконцентрировалась, а также ограждать себя от всех посторонних влияний, концентрируясь на какой-то мысли. Только новички постоянно донимают друг дружку своими мыслями!

Ты станешь выполнять эти упражнения каждый вечер, руководствуясь моими наставлениями. Сейчас же для начала поупражняемся вместе. Сядь напротив, закрой глаза и попытайся передать мне свою мысль.

Я сажусь напротив Птахотепа. Закрыв глаза, я пытаюсь представить, что нахожусь в его теле. Постепенно его руки

становятся моими руками, его ноги — моими ногами, и так я отождествляюсь со всем его телом. Затем, при полной концентрации, я формулирую мысль: «Я — Птахотеп — поднимаюсь, делаю шаг вперед и глажу голову этой молодой особы (мою голову)». Руки Птахотепа излучают невероятную силу, и я ощущаю прилив настоящего счастья каждый раз, когда он кладет мне на голову свою руку.

В тот же миг Птахотеп поднимается со своего места, кладет свою руку мне на голову и гладит мои волосы. Итак, моя концентрация оказалась успешной. Хотя такой ли уж успешной? Ведь Птахотеп и без того читает все мои мысли, даже тогда, когда я не пытаюсь ничего сообщить ему.

— Хорошо, — говорит Птахотеп с улыбкой, — я получил твое сообщение не только потому, что умею читать мысли. Ты хорошо сконцентрировалась. Уверен, что и твой лев почувствовал бы твое желание.

— Да, Отец Души моей, мой лев, наверное, смог бы. Но смог бы прочесть мои мысли человек?

— Терпение, дитя мое, со временем все будет возможно! А теперь попробуем сделать наоборот. Стань пустой и восприимчивой и постарайся понять, о чем сейчас подумаю я.

Птахотеп садится напротив. Я делаю все так, как он велит. Через минуту *я слышу его голос, словно он раздается внутри меня, словно он исходит из моего сердца*: «Как только ты научишься контролировать двенадцать пар противоположных качеств, придет время открыть тебе последние тайны, необходимые для *Посвящения*».

Я открываю глаза и спрашиваю с радостным изумлением:

— Так значит, мое *Посвящение* уже близко?

— То, что ты получила мое послание, свидетельствует о твоих способностях. Но ты должна еще усердно учиться самоконтролю.

Я подпрыгиваю от радости, обнимаю его за шею и громко целую в обе щеки. Птахотеп в ответ заключает меня в объятия и говорит сквозь смех:

— Ну вот, видишь, как ты умеешь контролировать себя? Ты не смогла противиться действию духовного единства! Ты

испытала единение наших душ, единство влилось в твое тело, и сейчас тело тоже хочет принять участие в единении. Но помни: то, что божественно на духовном уровне, становится дьявольским на уровне материи, так как вступает в противоречие с законами материи. Единство духа возможно, единство тел — нет. Два тела не могут занимать одновременно одно место в пространстве. Тоскуя по единству, люди стремятся соединить свои тела — и скатываются к сексу. Природа использует это стремление к единению, тоску по утраченному раю и, таким образом, производит новые поколения людей. Беда лишь в том, что секс не способен создать подлинное единство. Что невозможно, то невозможно. И все живые существа, теряя энергию во время полового акта, становятся грустными, так как их *души остаются неудовлетворенными.* Так что весьма желательно, чтобы ты *не позволяла стремлению к единству безудержно вливаться в твое тело.* Я достаточно опытен, чтобы суметь противостоять твоей красоте, но ты встретишь на своем пути и мужчин помоложе, которым будет трудно устоять, если ты бросишься им на грудь, обвивая руками их шею! Конечно же, мой совет пропадет впустую, — добавляет с улыбкой Птахотеп. — Чего тебе действительно недостает, так это опыта. И именно твоей неопытности я обязан зрелищем неистового проявления любви.

— Отец Души моей, — спрашиваю я, — не сердишься ли ты на меня?

— Нет, нет, дитя мое, — с улыбкой отвечает Птахотеп, — я совсем не сержусь. Пока ты обвиваешь руками лишь мою шею, все обстоит благополучно. Но предупреждаю, будь очень осторожна с другими мужчинами! Чем выше взлетает твой дух, тем труднее противиться твоим чарам. Тебе даже не нужно приближаться к мужчине, чтобы тот испытал силу твоей притягательности. Будь осторожна и не доводи мужчин до безумия.

— Отец, — удивленно спрашиваю я, — не хочешь ли ты сказать, что я недостаточно духовна? Тебе хорошо известно, как я преуспеваю в своих упражнениях. Ментуптах очень до-

волен мной. Я уже знаю, как контролировать собственное тело и нервные центры. Я успешно сдала все подготовительные экзамены.

— Да, — отвечает Птахотеп, — ты пробудилась духовно и научилась контролировать свое тело. Но в то же время ты чувствуешь себя очень раскованно и беззаботно на физическом плане. Ты не запираешь эту дверь не потому, что не можешь, а потому, что чаще всего не хочешь это делать. К тому же ты не предохраняешь свое тело и нервы от высоких вибраций духовного плана, действующих на них разрушительно. Когда ты проводишь духовные вибрации из высших нервных центров в низшие в нетрансформированном виде, первым грозит разрушение. Эти нежные инструменты могут легко пострадать. Тебе хватает самоконтроля, *когда ты этого хочешь*, но ты часто «ослабляешь удила» из чистого энтузиазма. Иногда ты просто *не желаешь* практиковать самоконтроль. Будь всегда начеку, дитя!

О Птахотеп, мой дорогой учитель! Как рано ты заметил то, что должно было неизбежно произойти, как искренне ты хотел спасти меня! Но и лучший совет не в состоянии превратить неопытность в опыт, а недостаток самоконтроля и внутреннего равновесия может быть компенсирован лишь болезненными переживаниями.

— 30 —

Восход Солнца и будущее

В жизни моей начинается новый долгий период. Я изучаю каждую свою мысль, каждое слово, каждый поступок. Я думаю над тем, проявляю ли я те или иные качества в нужном месте в нужное время, чтобы они выражали божественное начало, а не дьявольское. И благодаря этим постоянным наблюдениям за собой, я ясно вижу, до чего я все еще остаюсь неорганизованной, недисциплинированной и чувственной. Сколько времени еще должно пройти, прежде чем я достигну того уровня, где меня уже не будут захлестывать страсти, где я уже не буду отождествлять себя с внешними проявлениями, а стану госпожой своих физических, ментальных и духовных сил?

Весь период подготовки к посвящению я нахожусь в храме лишь по утрам и после того, как заканчиваю заниматься физическими и духовными упражнениями, возвращаюсь во дворец. Пополудни я принимаю участие в общественной жизни. Поездки на лодках и колесницах чередуются с путешествиями к различным поселениям.

Все эти экскурсии страшно утомляют меня. Я люблю находиться в обществе, но в обществе себе подобных — людей, которым есть о чем рассказать. Но эти люди другие, они так отличаются от нас, потомков Сынов Бога! Безусловно, в наших жилах тоже течет кровь сынов человеческих и наша раса утратила чистоту, но мы живем в духе и не столь материалистичны, как люди. Похоже, они совсем забыли, что их *Я* — свободный дух, а тела — всего лишь инструменты, необходимые для проявления этого духа.

Люди настолько полно отождествляют себя с собственными телами, *что пребывают в иллюзорном мире, считая, что они — всего лишь тела.* Когда их тела голодны, люди

считают, что *они* хотят есть, и, принимая пищу под наблюдением духа, считают, что поедают ее сами, а не скармливают ее своим телам, *господами которых они являются*. Они едят жадно — словно животные. Наблюдая за ними во время «кормежки», я часто невольно отворачиваю лицо, чтобы не видеть их животного поведения. Я тоже позволяю моему телу принимать пищу с аппетитом, я тоже обеспечиваю свой желудок и органы питательными веществами, пока организм не насытится ими, но как можно отождествлять себя с этим процессом? Мое *Я* не может испытывать голод, так как *Я* не принадлежит материи, а господствует над ней. Верно, мое сознание получает сообщение от тела о том, что тело нуждается в пище, и я узнаю об этом сообщении, испытывая чувство голода. Но *Я*, обитающее во мне, никогда не ест и не пьет. Как же я могу забыть, хоть на мгновение, что эти функции нужны лишь для того, чтобы поддерживать тело в хорошей форме? Единственное, что делает при этом мое *Я*, — это *внимательно следит* за тем, что попадает в мой рот, и *контролирует* процесс поглощения пищи.

Я не представляю, как люди, окончив поглощать пищу, могут говорить друг другу что-то вроде: «Да, это *мне* пришлось по вкусу!» Кому «по вкусу» это пришлось? Неужели эти люди не понимают, что пища «приходится по вкусу» их языку и нёбу? Эти несчастные — настоящие рабы своих физических желаний. Мы просто не понимаем друг друга! Но отец и Птахотеп говорят, что наш долг — находиться рядом с ними, пробуждая в них высшие желания. И в то же время им прекрасно известно, что большинство сановников заботит лишь то, *где бы* и *как бы* получить хорошо оплачиваемую должность и дорваться до власти.

И вот еще одно: сыны человеческие любят охоту на диких животных — использование разума для убийства ни в чем не повинных существ. А как они гордятся добычей! Им должно быть стыдно — они хуже зверей, на которых охотятся! Звери убивают, только когда голодны, а люди убивают себе подобных на войне и животных на охоте только из удовольствия!

Но отец говорит, что люди просто еще слабо развиты, и мы не должны судить их по своим меркам.

Меня также всегда поражало то, с каким интересом люди изучают свое генеалогическое дерево. Если они находят среди своих предков одним Сыном Солнца больше, чем у своих знакомых, то тут же начинают хвастаться и зазнаваться, по любому случаю демонстрируя презрение к менее родовитым сородичам. Именно по этой причине они так внимательно изучают родословную жениха и невесты, прежде чем дать согласие на брак. До чего все это смешно! Словно они не понимают, что земная жизнь — лишь краткое путешествие, длящееся от момента рождения до гибели тела, а истинное *Я* остается все тем же во всех живых существах. «Родословная» относится лишь к телу. Уровень, на котором находится человек, определяется лишь уровнем его интеллекта. Нередко приходится видеть, что человек, насчитывающий несколько поколений предков из расы Сынов Бога, стоит по интеллекту гораздо ниже иного простолюдина.

Среди этих людей я чувствую себя словно в обществе мертвецов. Они говорят, едят, пьют и выполняют другие действия лишь благодаря тому, что силы природы совершают в них какую-то работу. Но где же сознательный дух, контролирующий и управляющий природными силами не только в теле, но и во всей Вселенной? Они даже не представляют себе, что могут воспользоваться этими созидательными силами. Они столь слепы, что и представить не могут, что кроме зримых форм может существовать кое-что иное. Не ведают они и того, что я вижу каждую их мысль, каждое чувство, что я читаю в их умах и душах совершенно свободно: их *внутренняя сущность* для меня не тайна. Они лгут мне в глаза, потому что не способны прочесть мои мысли, и думают, что я *тоже* не способна читать мысли. Но я-то знаю, что их мысли отличаются от произносимых ими слов. Они не представляют, что ложь изолирует их, создает темные пятна, затмевающие их излучение. И эти темные пятна не только отвратительны на вид, но и гнусно пахнут! Мои львы хорошо различают по запаху этих лжецов. Когда кто-нибудь из них

приближается, львы морщат свои носы и, одарив человека презрительным взглядом, величественно отворачиваются. Но мне приходится туго — я должна вести беседы с такими людьми, делать вид, что не вижу их лицемерия и *не чувствую исходящего от них запаха!*

Насколько лучше оставаться наедине с отцом! Он построил чудесный дом в зеленом саду на берегу моря — дом только для нас двоих. Когда выпадает свободное время, он отправляется туда в лодке по Нилу, прихватив с собой только самых близких слуг. Мы там прекрасно отдыхаем вдвоем, наслаждаясь видом моря и обществом друг друга. Мы оба любим море, словно дети. Мы так счастливы в этом маленьком доме на морском берегу! Здесь, как нигде, мы ощущаем связь с морем и наслаждаемся полной свободой, бессмертием и вечностью.

Мы стараемся больше гулять у самого моря. Обычно мы ищем мидий на мелководье, а иногда берем лодку и заплываем подальше. Сама бесконечность разлита в красоте моря, когда воздух недвижим, а вода гладка, как зеркало! Но не меньшее величие чувствуется, когда свищет ветер, а вокруг бушует море, то поднимая лодку ввысь на гребне волны, то низвергая ее в темную пучину. Тогда мы сбрасываем с себя одежду, бросаемся в холодную воду и плаваем вокруг лодки.

Однажды, когда мы сидели на берегу после такого бодрящего купания, я спросила отца:

— Почему люди так слепы к духовным истинам? Что произойдет с миром, когда власть перейдет к сынам человеческим, как говорил мне Птахотеп? Мне становится страшно при мысли о том, что случится со страной, когда власть попадет в руки эгоистичных, властолюбивых людей. Я уже сейчас могу почувствовать, что ждет мир в будущем. Благодаря упражнениям в храме я развила способность к ясновидению, но мне еще далеко до тебя и Птахотепа!

Отец молчит, глядя на воду. Наконец он произносит:

— Да, для Земли наступит трудный период, и этот период продлится многие тысячелетья. Ты уже знаешь о том, что чистокровные Сыны Бога покинули земной план очень дав-

но. Сейчас на Земле остались их потомки от смешанных браков, которые унаследовали способности своих отцов и все еще могут проявлять чистое божественное начало. Но и они скоро исчезнут с лица Земли. Чтобы их высшие способности не угасли, получившие *Посвящение* потомки Сынов Бога снова стали брать себе в жены дочерей человеческих, и этот процесс происходил постоянно, пока смешанная кровь не проникла на все уровни человеческой расы.

По мере того как волны созидательной силы движутся в направлении дальнейшей материализации, земной элемент также начинает играть важную роль в наследственности. Вот почему на Земле рождается все меньше и меньше потомков Сынов Бога с удлиненными черепами, наделенных высшими духовными способностями. И все же, согласно законам наследственности и благодаря постоянному смешению крови, чистокровный Сын Бога может воплотиться на Земле в любое время — даже в самый темный, самый материалистический период развития человечества. Недалек уже тот час, когда на всей Земле будут рождаться лишь люди с короткими головами — даже в Египте! Они будут лишены духовного видения и мудрости нынешних правителей — потомков высшей расы. Вскоре человечеством станут управлять себялюбивые, алчные люди, руководствующиеся во всех своих поступках лишь разумом и слепым стремлением к власти.

Как ты уже знаешь, повторные смешанные браки между потомками Сынов Бога и дочерями человеческими привели к появлению людей, несущих черты обеих рас. Существуют люди, в чьих венах течет человеческая кровь, но чьи головы имеют удлиненную форму, благодаря этому они обладают всеми духовными способностями своих божественных предков. Но, согласно законам наследственности, повторные смешанные браки будут приводить к появлению все более и более разношерстного потомства (даже в одной семье будут встречаться люди, совершенно не схожие между собой) и все меньше людей будет обладать способностями своих божественных предков. Даже сейчас мы можем видеть семьи, где один сын несет в себе черты божественного происхождения,

другой же наделен только земными качествами, а третий является чем-то средним. Количественное соотношение все время меняется в пользу людей, наделенных низшими качествами. Не удивительно, что люди, чьи интересы ориентированы лишь на материальные блага, испытывают лютую ненависть к своим возвышенным собратьям. Нередко эта ненависть приводит к кровопролитным столкновениям.

И все же, согласно тем же законам наследственности и благодаря смешанным бракам, знание *посвященных* будет все глубже проникать в расу людей и распространяться там все шире и шире, охватывая все население Земли. Придет время — и каждый *человек* получит доступ к высшим знаниям и к посвящению. Смешение кровей, продолжающееся многие столетия, в конце концов сотрет те различия, которые существуют сейчас между всеведущими Сынами Бога и невежественными людьми. Итак, со временем люди сравняются с правителями. Постепенно раса Сынов Бога и племя первобытных людей *полностью исчезнут в своем чистом виде*. Но будут появляться отдельные люди, отличающиеся от общего уровня развития, и в одних из них будут доминировать черты их божественных предков, в других — черты примитивных людей.

Таким образом, каждый человек будет нести в себе черты обеих рас, они смешаются настолько, что людей невозможно будет различать по расовым признакам, а только по превалирующим чертам характера и способностям. Люди, наделенные выдающимися способностями, могут обладать обычными черепами и будут учеными, философами, мистиками или художниками. Обе формы голов — удлиненные (Сынов Бога) и короткие, обезьяньи (унаследованные от первобытных людей) — исчезнут полностью. Мозг и нервные центры, отвечающие за духовные и высшие психические способности представителей гибридной расы, будут оставаться недоразвитыми в течение многих тысячелетий. Черепа людей, соответственно, будут иметь округлую форму. С другой стороны, у представителей гибридной расы сильно разовьются мозговые центры, отвечающие за интеллектуальные способ-

ности, и будущие поколения будут отличаться высокими выпуклыми лбами.

Волны духовной силы, эманируемые высшей расой, распространяются во все более широкие слои населения (благодаря повторным смешанным бракам), открывая людям доступ к высшему знанию; власть будет переходить из рук в руки, пока не достигнет людей, стоящих на низшей ступени развития. В невежестве своем они разрушат все величайшие памятники культуры, оставленные Сынами Бога в различных частях света. Лишь немногие из оставшихся чудес будут служить безмолвным напоминанием человечеству о величии духа их далеких предков. Наши потомки благодаря сохранившимся легендам узнают о всесилии и всеведении «великих белых магов» и «посвященных», некогда обитавших на Земле. Но из невежества и гордыни люди на протяжении многих тысячелетий *будут считать эти легенды плодами вымысла*.

Долгий процесс гибридизации двух рас создаст на Земле некую «эволюционную лестницу», по которой сможет подняться даже человек, стоящий на самом низком уровне развития. *Люди-животные — не кто иные, как чистые духи, некогда павшие очень низко и потерявшие божественное сознание в глубинах материи. Они даже не знают о своем происхождении.* Чтобы помочь им, Сыны Бога пошли на величайшую жертву — стали брать себе в жены их дочерей, чтобы те произвели на свет более одухотворенное потомство. Но из-за этих отношений они сами увязли в материи и должны пройти весь путь развития человечества в качестве *помощников* (кто в воплощенном, а кто в бестелесном, духовном состоянии).

Уровень правящего класса будет опускаться все ниже и ниже, а доминирующая сила переходить из одной страны в другую. Постоянные войны, ведущиеся на Земле, ввергнут человечество в нищету, тьму и невежество.

Последние из оставшихся на Земле *посвященных* откажутся отдать людям оборудование, при помощи которого можно контролировать созидательные силы природы. Прежде

чем оставить земной план на многие тысячелетия, они уничтожат все свои инструменты. Один из *посвященных* (чужой нам по крови, но выросший и получивший *Посвящение* здесь, в Египте) спасет один из этих инструментов, унеся его с собой из Египта. Некоторое время жрецы иных племен будут хранить тайну этого орудия. Но придет час — и последний *посвященный* вынужден будет покинуть земной план и уничтожить немногие уцелевшие инструменты. Он сделает это, чтобы невежественные сыны человеческие, стремящиеся лишь к власти и богатству, не воспользовались их возможностями для уничтожения друг друга и всей Земли, вызвав новую цепную реакцию. Ошибка, некогда приведшая к разрушению дома Сынов Бога, не должна больше повториться.

После того как оборудование *посвященных* исчезнет с земного плана, люди будут вынуждены вспахивать землю и обтесывать камни собственными руками — как это делали первобытные люди. Они также будут страдать от тирании представителей собственной расы. Но поскольку все, что проявляет себя на земном плане, стремится к равновесию и единению, тирания себялюбивых алчных правителей в конечном счете выведет людей из бессознательного состояния. Боль и страдания заставят их обратить свой взор к высшим духовным истинам.

Духовные проводники оставят человечество без видимой помощи, чтобы люди, став на ноги самостоятельно, смогли открыть божественные истины в самих себе и в природе. Без этого они никогда не смогут подняться к вершинам духа. Но, как каждая хорошая мать учит своего ребенка делать первые самостоятельные шаги, внимательно наблюдая за ним, готовая прийти в любую минуту на помощь, — так и духовные силы, управляющие земным развитием, готовы вмешаться в процесс земного развития, как только человечество попадет в трудную ситуацию. Они постоянно работают на духовном плане, управляя человечеством оттуда. Когда же на Земле побеждает невежество и человечество безнадежно погружается во тьму, Сыны Бога совершают великое самопожертвование — нисходят на земной план, воплощаясь в человечес-

кую форму. Таким образом они приносят людям божественный свет и успокоение.

Благодаря смешанным бракам божественные качества станут достоянием всего человечества. Таким образом, Сын Бога сможет получить от земной женщины тело, в котором сможет проявить себя во всей полноте. Чтобы неустанно учить человечество высшим духовным истинам — любви и бескорыстию, — Сыны Бога будут воплощаться на земном плане в течение многих тысячелетий. И хотя правление повсеместно перейдет в руки сынов человеческих, все же найдутся правители, которые будут править с мудростью и справедливостью и сумеют построить высокоразвитые цивилизации, пусть не на всей Земле, но хотя бы на части ее. Иные, став учеными, художниками и мистиками, подарят человечеству замечательные открытия и высшие образцы философии, литературы, музыки и живописи. Чаще всего Сыны Бога будут вести очень уединенную жизнь, нередко в нищете и безвестности, так как лишь немногие люди смогут понять их. Но, несмотря на это, их духовный свет будет распространяться все глубже и шире. Имена этих титанов духа навсегда останутся в истории, и впоследствии их труды будут изучать в высших школах сынов человеческих.

Воплотившиеся Сыны Бога будут тайно действовать здесь, на Земле. Создав для себя уединенные жилища в горах, пещерах или иных уединенных местах, они смогут посылать оттуда в атмосферу Земли вибрации огромной силы. Люди, достигшие в своем развитии той стадии, на которой можно воспринимать эти волны, *автоматически установят связь с Сынами Бога и начнут работать с ними.* Как правило, они не будут осознавать этого, считая, что действуют согласно своему «внутреннему убеждению». Но само это «внутреннее убеждение» — не что иное, как божественная энергия, исходящая от Сынов Бога. Именно таким образом некоторые выдающиеся люди станут проповедовать учения, время от времени приносимые Сынами Бога на Землю. И хотя массы не смогут понять высоких истин этих учений, они почувствуют их внутреннюю правду и ту любовь и силу, которую они в

себе несут, и потому *поверят* в них. Так на Земле появятся *религии*, пришедшие от Сынов Бога.

Хотя Сыны Бога каждый раз будут приносить одну и ту же истину, люди *будут воспринимать и толковать ее по-разному, в зависимости от расовых особенностей и уровня развития*. Это различие толкования *одной и той же истины, пройдя через многие поколения*, породит множество *религий*. Один и тот же Сын Бога будет рожден в разные времена в различных частях света, чтобы провозглашать там высшие истины. Таким образом, из *одних и тех же истин*, провозглашенных *одним и тем же духом*, со временем возникнут *различные религии*. Из-за этой неразберихи, происшедшей по причине человеческого невежества, различные народы будут объявлять друг другу войны, стремясь «во имя Бога» ввергнуть в ад своих противников.

Уровень духовного развития у разных наций в один и тот же исторический период будет различным, и поэтому Сыны Бога будут встречать различный «прием» у разных народов. В тех странах, где жители достигли высокого уровня, Сыны Бога будут высоко почитаться.

Но волны энергии будут погружаться в материю до тех пор, пока не достигнут ее границ. Так что Земле будет суждено пережить исключительно мрачные периоды господства материализма, жестокости и невежества. Сыны Бога, вернувшиеся в такие времена на Землю, встретят необычайно плохой прием. Невежественные люди, одержимые жаждой власти, подвергнут Сына Бога пыткам, а затем убьют его. Но даже в этом акте самопожертвования он будет продолжать излучать невероятную духовную силу. Постепенно человеческий дух станет пробуждаться, а тьма исчезнет из людских душ. Со временем лик Земли полностью изменится.

Волны энергии, достигшие пределов материи, начнут возвращаться, неся с собой новый виток развития. У людей появится больше возможностей сотрудничать с Сынами Бога в осуществлении великого проекта спасения, со временем они станут проявлять все более и более высокую духовность. Тогда на Земле начнут воплощаться те, кто некогда принадлежал

к расе Сынов Бога, но не смог получить *Посвящения*, не сдав всех необходимых экзаменов или в силу каких-либо иных причин. Они снова смогут осознать то, что некогда знали. Пока в одних частях света люди будут продолжать убивать друг друга, где-то на Земле возникнет группа людей, способных получать и передавать излучение, исходящее от Сынов Бога, — людей, готовящих на Земле условия для новой жизни.

Люди, происходящие из низшей расы, также начнут постепенно подниматься к высотам. Вначале они придут к интеллектуальному пониманию того, что без убийства и, порабощения себе подобных они смогут жить на Земле гораздо более счастливо и спокойно. Чем выше будет подниматься человечество, тем с меньшей жадностью будет оно хвататься за материальные блага. Постепенно жажда власти и наживы начнет угасать в людях, и вместо того чтобы применять свои способности в борьбе друг с другом, они употребят их для приручения сил природы. Постепенно люди придут к пониманию того, что хлеб не обязательно добывать тяжким трудом, что, обрабатывая землю, вовсе не нужно поливать ее собственным потом: все блага от жизни можно получить, научившись использовать свои высшие нервные центры.

Таким образом, Земля снова окажется под влиянием волн высокой энергии, и люди смогут не только *понимать* высшие божественные истины при помощи своего разума, но и *переживать* их. Это вновь приведет к возникновению высокой цивилизации.

Пока человек отождествляет себя с материей — с землей, — его сознание будет связано с землей: *Он есть земля*. Позже, когда тело, перестав хорошо служить ему, умирает, человек «умирает» вместе с ним — его сознание переходит в латентное состояние. Именно это люди зовут *смертью*.

Но с человеком, пробудившимся в духовном отношении и стоявшем еще при жизни над материальным планом, происходит нечто противоположное: для него рождение в теле равносильно смерти, тогда как смерть тела означает *воскрешение — жизнь*!

Когда люди перестанут отождествлять себя с материей или (говоря символическим языком) когда они перестанут есть те плоды с дерева познания добра и зла, которые представляют лишь его правую половину, оставляя плоды левой половины нетронутыми, они вновь смогут жить в раю. Человечество обязательно должно достичь этой стадии развития.

Предстоит длительная борьба, но силы духа постепенно проникнут даже в самые изолированные сердца, и в течение последующих тысячелетий Земля превратится в *землю обетованную*. Когда-нибудь — в отдаленном будущем — проект спасения Земли будет осуществлен.

Отец замолкает и устремляет взгляд вдаль, туда, где море встречается с небом, словно видит там будущее.

— Отец, — спрашиваю я, — примете ли вы с Птахотепом участие в этой работе? Будете ли вы вновь рождаться на Земле на протяжении тысяч и тысяч лет? А что будет со мной? Что ждет меня в будущем? Я часто вижу будущее других, но, когда пытаюсь рассмотреть свое собственное, перед моим внутренним взором возникает пелена — все теряется в ней.

Выслушав мой вопрос, отец бросает на меня странный взгляд. Затем, обняв меня за плечи одной рукой, он приближает свое лицо к моему уху и говорит:

— Я еще не раз буду перевоплощаться на Земле, так как, благодаря браку с твоей матерью, я глубоко пустил корни в материальный план — гораздо глубже, чем полагается духу такого уровня, как мой. Но Птахотеп никогда не отождествлял себя со своим телом, неизменно оставаясь на своем духовном уровне. Завершив выполнение своего нынешнего задания, он не перевоплотится раньше чем через десять тысяч лет. Вместе со многими другими Сынами Бога он будет способствовать развитию Земли, работая на духовном плане.

Многие высокоразвитые души будут находиться с ним в постоянном духовном контакте и помогать ему в осуществлении проекта спасения Земли. Они должны будут выполнять задания Птахотепа, но при этом действовать независи-

мо. Справившись с одним заданием, они будут получать новое, более трудное. Люди, достигшие духовной зрелости, будут получать *Посвящение* на протяжении многих тысячелетий. Их *Посвящение* не будет совершаться в пирамидах, как это происходит сейчас, — им просто будут даваться задания, и их успешное выполнение будет расцениваться как сдача экзамена. Таким образом, они станут полноценными соратниками Сынов Бога. Птахотепу также будут помогать падшие Сыны Бога — те, кто некогда, отождествив себя с материей, сжег свои высшие нервные центры, пропустив сквозь них вибрации, обладающие слишком большим напряжением.

Лишь опыт многих перевоплощений на земном плане поможет этим падшим Сынам Бога подняться на свой изначальный уровень. Лишь испытав боль и печаль, смогут они пробудить свои высшие нервные центры, а затем ценой упорного труда им удастся восстановить функции этих органов и вновь проявить свои духовные и магические способности в полной мере. Они никогда не смогут чувствовать себя среди людей свободно — их мышление будет значительно отличаться от мышления окружающих, и никогда не смогут они приспособиться в полной мере к земной жизни, поскольку не будут понимать и принимать ее до конца. Они станут «чужаками», скитальцами, не понятыми всеми остальными. Как я уже говорил тебе, в большинстве случаев они будут обучать людей науке, литературе и искусствам, неся на Землю новые идеи. Иногда их будут понимать и чтить, но чаще — изгонять со злобой и ненавистью.

Испытав сполна страдания и тяготы жизни, падшие Сыны (и Дочери) Бога очнутся от своих материальных грез и вновь откроют для себя потерянных братьев, *обретя космическое сознание*.

Затем они станут работать со своими братьями, осуществляя великий проект — провозглашение на Земле божественной истины.

— Ты сказал, что Сыны Бога постепенно будут исчезать с Земного плана, — спрашиваю я отца, — а сыны человечес-

кие, еще не проснувшись духовно, будут брать власть в свои руки. Скажи, как же тогда смогут люди управлять львами? Эти величественные животные столь чувствительны, что даже сейчас не терпят рядом с собой эгоистичных сынов человеческих. Они являют собой проявление высокой энергии солнца на животном уровне — они живут и движутся в соответствии с солнечными вибрациями. Они с готовностью отвечают на всякое проявление отваги, силы, честности, любви — и просто не переносят низких вибраций. Когда человек приближается к ним, они тут же определяют, исполнено ли его сердце любви или жажды власти. И они не переносят эгоистичных, властолюбивых сынов человеческих. Если же произойдет то, о чем ты говоришь, как же смогут управлять львами эти люди? Я даже не представляю, как такое возможно, отец!

— Ты совершенно права, отказываясь представлять себе львов на службе у людей. Да, эти люди никогда не смогут установить со львами дружеских отношений. Ложью и лестью они смогут втираться в доверие друг к другу, но никогда им не удастся обмануть этих чудесных животных! Львы не смотрят на внешность, они видят правду, *так как они — сама правда*! Львы перестанут быть домашними животными и одичают, удирая подальше от людей.

— Но, отец, тогда каких животных станут запрягать люди в свои колесницы? Ослы и ишаки так медлительны!

Отец улыбается и говорит:

— Есть такие уголки Земли, где уже сейчас великолепное животное сродни зебре и ослу верно служит людям. Более того, не за горами тот час, когда это прекрасное животное будет использоваться вместо львов и в нашей стране. Помни, что наше правление несет с собой мир. Мы поддерживаем спокойствие и богатство страны посредством любви и мудрости. Сейчас у нас нет причин воевать друг с другом. Но настанет день, когда к власти придет выходец из другой семьи и возникнет новая династия. В его жилах будет течь смешанная кровь, и он не удовлетворится тем, что имеет. Он пожелает покорить соседние страны. Да, настанет время,

когда власть в нашей стране больше не будет основываться лишь на знании и бескорыстной любви. На первое место выйдут грубая сила и жестокость, а любовь и красота будут забыты. Вот тогда это животное, подобное зебре, станет играть важную роль в жизни государства. Покорное воле людей, оно будет использовано в войнах, так как никогда не представляет опасности для своего хозяина.

Но через несколько тысячелетий люди научаться приводить в движение свои колесницы, не впрягая в них никаких животных. Все эти секреты были известны расе Сынов Бога: они умели поднимать в воздух аппараты силой мысли, избавляя их от воздействия силы земного притяжения. Они оставили множество чертежей летательных аппаратов. Эти рисунки были сделаны на пальмовых листьях, которые прихватили с собой те, кому удалось бежать в разные части Земли, прежде чем континент Сынов Бога был разрушен. Некоторые *посвященные* до сих пор хранят их и будут продолжать хранить на протяжении последующих шести, а то и восьми тысячелетий. К этому времени люди найдут совершенно иной способ поднимать летательные аппараты в воздух. Но уверяю тебя, в этом отдаленном будущем не будет использоваться сила мысли и воздухоплавание будет куда более опасным, чем в прошлом. Но пройдет еще время, и людям откроются все тайны, известные Сынам Бога, даже сама тайна жизни. Эта фаза развития завершит собой полный цикл.

— Отец, прошу, расскажи мне о моем будущем.

И снова отец смотрит на меня как-то странно и грустно. Затем он притягивает меня к себе, и я слышу его голос, в котором ясно звучит его давно сдерживаемая грусть:

— Дочь моя, только что я говорил о *твоем* будущем. Но ты не узнала его. Все это, а также тот факт, что каждый раз, когда ты хочешь проникнуть в собственное будущее, перед твоим мысленным взором возникает пелена, говорит о том, что *всемирное Я* — то есть сам *Бог* — желает скрыть его от тебя и делает это для твоего же блага. Как же могу я идти против воли Бога? Удовлетворись тем, что для тебя лучше не знать собственного будущего. Если бы ты его знала, то не

смогла бы исполнять свои задания и обязанности как следует. Единственное, что я могу тебе сказать: *нам вместе предстоит пережить эти будущие события, хотя наши земные жизни не будут совпадать*. Время от времени нам придется воплощаться, но не одновременно и не в одном и том же месте. Будут и такие периоды, когда ты будешь жить на Земле, а я, подобно Птахотепу и прочим Сынам Бога, буду работать на духовном плане.

Но во сне ты сможешь часто встречаться с нами — детали не важны. Что бы ни произошло в будущем, твое высшее *Я* будет всегда оставаться с нами.

Обвив руками его шею, я говорю:

— Да, отец, я принадлежу тебе и я знаю, что ты никогда не оставишь меня.

— Мы никогда не оставим тебя! — медленно и серьезно произносит мой отец.

Вечер застает нас сидящими на террасе, откуда мы любуемся великолепным закатом над морем. Солнце склоняется все ниже и ниже к восточному горизонту, и отец, указывая на дельту реки, говорит:

— Там, где ты сейчас видишь морские волны, через тысячелетия будет простираться суша, и на ней возникнут многочисленные города. Воды Нила несут с собой огромное количество песка, и потому линия берега будет уходить все дальше и дальше в море. Когда-то давно на том месте, где мы с тобой сидим, плескалось море, а в далеком будущем, там, где ты сейчас видишь парусник, уплывающий в открытое море, будет находиться земля. Лик Земли изменяется не только из-за катастроф и природных бедствий, но и благодаря медленной работе воды.

Пока он говорит, солнце опускается все ниже. Небо окрашивается всеми цветами радуги, которые меняются каждую минуту. Но вот солнце исчезает за горизонтом. Нас окутывает кромешная тьма. Лишь звезды сияют, как крупные бриллианты.

Но мы остаемся на террасе еще долгое время, и я рассказываю отцу о том, что научилась устанавливать телепатичес-

кий контакт. Отец предлагает мне продемонстрировать свои способности — он хочет убедиться, действительно ли я научилась держать под контролем свои высшие центры мозга. Он пытается передать мне сообщение, отождествляя свой дух с моим. Мы оба гордимся тем, что я оказываюсь в состоянии прочесть эти безмолвные послания. Я сделала еще один шаг в своем духовном развитии — после заката солнца мне удается вступить в контакт с Птахотепом. Я концентрируюсь на его фигуре, на его благородном лице, и в особенности, на его глазах, отчетливо появившихся перед моим внутренним взором. Затем я слышу его послания — словно эхо звучит внутри моей головы. Я начинаю воспринимать его мысли как собственный внутренний голос. Постепенно его образ бледнеет и наконец полностью исчезает. Я понимаю, что он прерывает контакт и концентрируется на чем-то ином.

Вдруг мне приходит в голову установить контакт с Имой. После непродолжительной концентрации его образ предстает перед моим внутренним взором. Я вижу его ангелоподобное лицо и слышу, как он говорит, что очень доволен теми успехами, которых я добилась в своих телепатических упражнениях. О Има! Как часто я ощущаю в глубине своего существа твою братскую помощь!

На следующее утро мы вновь выходим на террасу. Восход кажется даже более прекрасным, чем закат. Еще темно, и небо темно-синее — почти черное. Вдруг, совершенно неожиданно, над горизонтом появляется край солнца и весь небесный свод озаряется пурпурным светом. Затем следует великолепная игра света — вся гамма цветов и оттенков, от светло-желтого до темно-синего — окрашивает небо. Мое сердце наполняет радость, а тело — жизненная сила, когда я вижу чудеса, являемые Богом. Как часто любовалась я рассветом, сидя на террасе нашего маленького домика! Какую при этом радость я испытывала!

И моя радость была тем полнее, что в эти минуты отец принадлежал только мне одной. Здесь он был не Фараон, а мой лучший друг и товарищ.

— 31 —

Бо-Гар и жезл жизни

Как-то днем, после того как шторм, бушевавший несколько дней подряд, начал стихать, но море еще продолжало волноваться, мы с отцом садимся в лодку и отплываем от берега, чтобы вдоволь покачаться на волнах в нашем утлом суденышке.

Вдруг я замечаю что-то в волнах. Оно то появляется на гребне волны, то вновь ныряет вглубь.

— Отец, — кричу я, — погляди! Что это там в воде?

Отец смотрит туда, куда я указываю.

— Давай подплывем туда, — говорит он и налегает на весла. Когда расстояние сокращается, нам удается рассмотреть, что предмет, привлекший наше внимание, не что иное, как корпус разбитого корабля. Мы видим разбитые доски, чудом держащиеся вместе, сломанную мачту и лоскутья, оставшиеся от паруса. Затем мне удается различить человеческую фигуру, цепляющуюся за доски.

— Погляди, это ребенок! — кричит отец и начинает грести еще быстрее.

Мне кажется, что нам никогда не достигнуть цели, но через некоторое время мы все же оказываемся рядом с остатками корабля. Отощавший мальчишка лет десяти отчаянно вцепился в обломки. Он полужив от истощения — ноги безвольно свисают вниз, тело раскачивается в такт волнам, глаза остекленели, и только судорожно вцепившиеся в обломки корабля пальцы удерживают его на поверхности.

Отец пытается подплыть как можно ближе, но волны сталкивают нас с обломками. Все же после нескольких безуспешных попыток отцу удается ухватиться за торчащую из обломков доску и подтянуть нашу лодку вплотную к разрушенному кораблю. Я наконец ухитряюсь разжать пальцы

мальчика, и вместе с отцом мы втягиваем его в свою лодку. Мальчик находится в бессознательном состоянии. Отец гребет к берегу изо всех сил. Слуги, увидев, что произошло что-то необычное, садятся в лодки и плывут нам навстречу. Отец вносит ребенка в дом. Здесь слуги, ухватив мальчика за ноги, переворачивают его вниз головой и удерживают в таком положении, пока отец ритмично сжимает ему живот, чтобы морская вода, которой тот наглотался, вылилась наружу. Затем отец приказывает слугам уложить ребенка на кровать и отсылает их из комнаты.

Тут отец делает нечто странное: открыв небольшой ларец, с которым он, кажется, никогда не расстается, достает оттуда маленький жезл, напоминающий крест, верхушку которого украшает кольцо. Удерживая жезл за кольцо, он водит им в различных направлениях над телом мальчика. Отец предельно сконцентрирован, все его внимание направлено на мальчика. Вначале он держит жезл над теменем маленького пациента, затем ведет его вниз и удерживает несколько мгновений над сердцем. Затем проводит им воображаемую линию через все тело до половых органов, вновь повторяет движение от макушки головы вниз к сердцу и после чертит незримые линии вначале вдоль рук, а затем вдоль ног.

Мальчик делает первый глубокий вдох, как только отец притрагивается кончиком жезла к его голове. Позже, по мере того как отец водит жезлом над различными частями тела, дыхание мальчика становится ритмичным, а его мышцы подергиваются и трепещут. Он начинает приходить в себя, и, как только отец совершает последний пасс, мальчик садится на кровати. Он выглядит совершенно здоровым. Вдруг, совершенно неожиданно, он срывается с кровати, обхватывает своими руками ноги отца и, прижимаясь к ним лбом, заливается плачем. Отец помогает ему подняться и утирает слезы с его лица с любовью и заботой.

Мальчик начинает говорить на языке, который я могу понять только благодаря духовному контакту. Упражнения по телепатии помогли развиться моим тонким органам до та-

кой степени, что *смысл* рассказа становится ясен мне, несмотря на непонятный язык.

Мальчик говорит, что его отец, купец из далекой страны, отправился на груженном товаром корабле в Египет, надеясь продать его там. Он также взял на борт свою жену и сына, чтобы те увидели нашу страну. Плаванье продолжалось несколько недель, как вдруг их настиг страшный шторм. Его мать и большинство матросов тут же погибли среди бушующих волн, тогда как ему, отцу и еще нескольким морякам удалось удержаться на поверхности, цепляясь за обломки корабля. Затем отца смыло волной у него на глазах, но ребенок продолжал цепляться пальцами за доски. Это все, что он помнил.

— Отец, — говорю я, как только мальчик замолкает. В его излучении я отчетливо вижу зияющую пустоту паники и отчаяния, — этот мальчик сейчас ничей. Позволь мне взять его к себе и заняться его образованием. Мену научит его языку и манерам. Я же буду брать его с собой в храм и обучать его. Возможно, ему удастся развить свои способности. Мы будем наблюдать за ним. Как знать, быть может, из него вырастет жрец. Пожалуйста, отец, позволь мне позаботиться о нем.

— Хорошо, — отвечает отец, — бери его с собой. Сам факт, что ты увидела его среди волн, говорит о том, что судьба свяжет вас вместе на многие века и тысячелетия. Согласно тайным законам судьбы — он *твой*.

Мальчик не сводит с нас глаз во время всего разговора. Затем, словно поняв смысл всего сказанного, он падает передо мной на колени, обнимает мои ноги и начинает выказывать всевозможные знаки благодарности и доверия. Я беру мальчика за руку и отвожу к слуге, который уже приготовил для него одежду и пищу. Мальчик набрасывается на еду с таким аппетитом, что трудно поверить: всего несколько минут назад он находился на грани полного истощения. Ему приготовили постель в углу моей комнаты, и он, забравшись в нее, тут же засыпает.

Мы с отцом выходим на террасу. Море почти полностью успокоилось, и мы любуемся игрой лучей заходящего солнца.

— Отец, — спрашиваю я, — какая сила заключена в этом маленьком жезле? Из чего он сделан? С его помощью ребенок был исцелен, словно по волшебству. Он был полуживой, когда попал сюда, а после твоего лечения тут же наполнился зарядом жизненной силы.

Отец некоторое время молчит, затем начинает говорить.

— Да, действительно, ребенок наполнился жизненной силой. Секрет этого жезла — один из секретов *Посвящения*. Мы храним это в тайне, так как сила, заключенная в жезле, может не только исцелять, но и убивать. Если же тайна станет известна невеждам, они смогут воспользоваться жезлом для убийства себе подобных. Но ты уже стоишь на пороге *Посвящения*, ты научилась хранить молчание, и потому я позволил тебе наблюдать за процессом исцеления мальчика при помощи жезла. Птахотеп подробно расскажет тебе о секрете этого жезла, а позже, когда ты пройдешь через *Посвящение*, он научит тебя также и пользоваться им. Завтра мы возвратимся в город, и я расскажу ему все. Ты научилась самоконтролю. Вскоре, получив окончательные инструкции, ты будешь *посвящена*.

Я молчу, переполненная эмоциями. *Посвящение* не за горами! Годы трудной подготовки уже позади, и меня допустят в самое сердце святилища. *Посвященная!*

В безмолвии — в глубоком душевном спокойствии — мы с отцом любуемся великолепной, вечно изменчивой и неповторимой драмой заката.

Недолгие дни свободы подходят к концу. И снова мы в городе, во дворце. Я беру с собой мальчика — бедного маленького птенца, потерявшего свое гнездо, — и рассказываю Мену о случившемся. Большое доброе сердце Мену тут же переполняется состраданием, и она начинает заботиться о мальчике, как если бы он был ее собственным сыном. Мальчик указывает на себя пальцем и говорит: «Бо-Гар». Когда мы зовем его этим именем, он отвечает нам счастливой улыбкой. У него хорошая душа. Его худощавое тело обладает гиб-

костью и исполнено жизненной энергии, огня и мускульной силы. Он все схватывает на лету — запоминает новые слова и выражения, лишь раз услыхав.

Вечером я отправляюсь к Птахотепу за новыми инструкциями.

Яиду туда в сопровождении Мену и думаю, насколько знакомым стал для меня этот путь. Мне уже никого не нужно ждать, чтобы пройти к Птахотепу, — ноги сами несут меня туда. Вот у входа появляется величественная фигура Имы. Чистое излучение, исходящее от нее, пронизывает воздух. Я украдкой поглядываю на его красивое тело и думаю: не испытываю ли я к нему физического влечения? Нет, я никогда не полюблю его физической любовью! Я чувствую, что узы, связывающие нас, превращают меня и Иму в одно существо. Как может человек любить себя и желать физически себя же самого? Има тоже происходит из расы Сынов Бога. У него удлиненный череп. Он чист и возвышен — словно ангел, мне кажется, что ему присуще лишь духовное начало. Нет, он никогда не полюбит меня физической любовью. Не полюблю его и я! Я весело гляжу на него и спрашиваю:

— Откуда ты узнал, что я должна прийти? Неужели Птахотеп послал тебя?

Има улыбается:

— Неужели ты еще не привыкла к тому, что люди, чей дух проснулся, не нуждаются во внешних источниках информации, чтобы узнать, где находится родственный дух и что он делает? Я концентрировался на тебе, чтобы узнать, возвратилась ли ты в город вместе с Фараоном и готова ли ты выполнить следующее мое задание. При этом я обнаружил, что ты находишься в пути. Птахотеп ожидает тебя. Проходи же, завтра мы вновь будем работать вместе.

Има уходит, и я ступаю в приемную Птахотепа.

Благодаря длительной практике самоконтроля и самопознания, а также упражнениям с двенадцатью парами противоположных качеств я научилась испытывать радость, не пересылая ее в тело. Я не бросаюсь на шею Птахотепу, а начинаю излучать радость и любовь через высшие нервные

центры, вмещающие мое сознание. Особенно ярко лучатся мои глаза.

Я низко склоняюсь перед *ним*.

Он все понимает и видит, как я контролирую выражение любви. Я осознаю, что *он* понимает и видит, и наш дух соединяется. О, это единение в тысячу раз радостнее любых объятий! Я счастлива и жду, что *он* мне скажет. Некоторое время он смотрит на меня глазами, исполненными любви и радости. Его взгляд пронизывает меня насквозь — для него нет тайн. Наконец он говорит:

— Пришло время, когда ты должна узнать тайну *Жезла* и прочих инструментов. Твой отец знал, что ты готова узнать эти секреты, вот почему он воспользовался возможностью и продемонстрировал тебе животворную силу Жезла. С этого дня ты будешь являться ко мне каждый вечер, чтобы получить от меня последние тайные знания.

Следующим утром я являюсь в храм. Я рада встрече со своими товарищами! Мне также очень приятно видеть наставника нашей группы неофитов, который никогда не делает ни одного лишнего движения и следит за тем, чтобы мы поступали так же. Благодаря этому мы получили контроль над телом. К тому же я научилась пересылать созидательную силу — соответствующую моему уровню развития — во все части своего организма. Благодаря этому мое тело стало таким послушным и сознательным, что я могу чувствовать каждый его орган не хуже, чем различные зоны собственного рта.

Постепенно я не только научилась ощущать свои органы, но и сознательно контролировать их работу. Например, я могу контролировать сердцебиение. Чтобы сделать это, я концентрируюсь на определенной части своего тела, а именно на том месте, где находится сила, вынуждающая меня делать вдох. Когда мы делаем выдох, полностью изгоняя воздух из легких, и некоторое время не вдыхаем, что-то вынуждает нас снова сделать вдох — и мы, будучи не в состоянии противиться этой силе, делаем его. *Что* же заставляет нас вдохнуть? Наверное, легче определить, *что не заставляет*

нас вдохнуть. Безусловно, это не нос — ведь он даже не дышит, а является отверстием, сквозь которое проходит воздух. И это не легкие, так как они всего лишь рабочий инструмент дыхательного процесса.

Наконец мы обнаруживаем, что какая-то сила, локализованная в области сердца, вынуждает нас делать вдох и контролирует дыхание. Когда я концентрирую все свои мысли в этом месте, я обнаруживаю, что могу ускорять или замедлять сердцебиение благодаря силе воображения. Таким же образом я научилась управлять другими органами своего тела. Как это замечательно — держать все органы под контролем! Ментуптах очень доволен моими успехами. Он кивает мне головой и бросает теплый дружеский взгляд, заметив меня этим утром среди неофитов. После групповых упражнений я обращаюсь к Име:

— Има, ты обещал дать мне новое упражнение по концентрации.

— Верно, слушай, — отвечает мне Има, — до сегодняшнего дня ты практиковала концентрацию параллельно с медленным ритмичным дыханием, при котором *ты* должна была вдыхать воздух, а затем *ты* вновь выдыхала его. С этого дня ты должна выполнять это упражнение по-другому. Теперь, вдыхая и выдыхая воздух, не отождествляй себя со своим телом — пусть дышит *твое тело*, но не *ты*. Тело живет лишь потому, что высшее *Я* — *Бог* — наполняет его собственным дыханием. Все мы живы благодаря тому, что наша физическая сущность наполняется дыханием *Бога*. Ты знаешь, что *Бог* — это твое *Я*. Следовательно, твое тело вдыхает твое собственное *Я* и живет благодаря этому. Итак, пока ты считаешь, что дышишь *ты*, ты отождествляешь себя со своим телом, а не с *собой*. Но если ты осознаешь, что твое тело вдыхает *тебя*, а затем выдыхает *тебя* же, давая тебе свободу, для тебя откроются чудесные надличностные переживания — ты сольешься со своим истинным *Я*.

С этого дня во время практики пытайся осознать, что не *ты* вдыхаешь и выдыхаешь воздух, а твое тело вдыхает и выдыхает *тебя*. При каждом вдохе у тебя будет возникать

чувство, что твое тело наполняется огромной жизненной силой, что оно вдыхает *тебя*, при выдохе же ты будешь чувствовать, что отделяешься от своего тела и существуешь отдельно от него до следующего вдоха. С практикой ты начнешь переживать нечто, подобное смерти тела в тот момент, когда ты покидаешь его с последним выдохом. Начинай практиковать, а позже расскажешь мне о том, как это у тебя получается.

Има поворачивается, чтобы уйти, но я останавливаю его и рассказываю о том, как мы с отцом нашли и спасли маленького Бо-Гара.

— Има, — говорю я, — мне бы хотелось привести мальчика в храм, чтобы он получил здесь образование. Сможешь ли ты уделить ему время, необходимое для того, чтобы оценить его способности?

— О да, я поговорю с Ментуптахом, и он примет его. Мальчик сможет жить и учиться вместе с другими детьми.

— Нет, Има, — говорю я, — мне бы хотелось, чтобы мальчик оставался со мной. В нем есть что-то необычайно прекрасное и чистое. Я буду приводить его в храм каждое утро и уводить вечером. Завтра мы придем вместе.

Следующим утром Бо-Гар приходит в храм вместе со мной. Он не знает, куда я его веду, так как еще не научился понимать нашу речь, но покорно следует за мной. Его лицо лучится радостью. Он счастлив, что может следовать за нами с Мену. Я полюбила Бо-Гара, как только увидела его среди волн. Он тоже привязался ко мне — это видно по его лицу, по тому, как он радуется, когда я позволяю ему сесть у моих ног.

Я веду его вдоль колоннады храма в школу неофитов, где обучаются одаренные дети. Вначале он не отпускает моей руки. Я понимаю: мальчика пугает мысль, что я могу оставить его здесь. Я обнимаю его за плечи и говорю, чтобы он не боялся здесь оставаться, так как вечером я приду за ним и мы вместе вернемся домой. Он ничего не понимает и смотрит на меня расширившимися от страха глазами. Затем, видя, что я не собираюсь его покидать, немного успокаивается.

Под вечер я возвращаюсь за ним и обнаруживаю, что Бо-Гар отлично поладил с остальными ребятами. Размашисто жестикулируя руками и даже ногами, он рассказывает детям свою волнующую историю. Те внимательно слушают его, словно понимают каждое слово. Завидев меня, Бо-Гар с загоревшимися глазами бросается мне на шею. Я рада, что он чувствует себя здесь столь уверенно.

С этого дня мы ходим в храм уже втроем — Мену, Бо-Гар и я. Проходят дни, недели, месяцы. Бо-Гар осваивает язык — теперь он может выразить свои мысли без всякого труда.

Под руководством Ментуптаха он выполняет утренние физические упражнения. Его тело исполнено жизни, а проводимость нервов удивительно высока. Он выполняет упражнения с огромной концентрацией, обнаруживая прекрасную способность к контролю над телом. Има полюбил его и уделяет мальчику много внимания.

Маленький сирота, потерявший всех близких, привязывается к Име как к брату. Он чутко реагирует на каждое доброе слово. Служители храма определили, что Бо-Гар не особенно склонен к наукам, но у него редкий талант художника и скульптора. И Имхотеп, великий художник, забирает мальчика к себе в студию в качестве младшего ученика. Имхотеп предрекает Бо-Гару великое будущее.

Каждый вечер Бо-Гар поджидает меня у ворот храма. По дороге домой он рассказывает мне, чему научился за день, занимаясь вместе с другими детьми. Не привяжись Мену к Бо-Гару всем сердцем, она бы почувствовала себя оскорбленной — ведь ей запрещено говорить со мной по дороге из храма домой. Когда мы ходили только вдвоем, я велела ей хранить молчание, чтобы ее болтовня не нарушала ход моих мыслей. Но тот факт, что Бо-Гару дозволено то, что ей было запрещено, Мену воспринимает как должное.

— 32 —

Инструкции Птахотепа: Семь октав вибраций и Ковчег Согласия

Я стою перед Птахотепом, благоговейно внимая его словам.

— Сегодня я открою тебе секрет чудодейственных свойств Жезла. Безусловно, это не что иное, как обычные законы природы. *Бог* вездесущ, и эманации его присутствия проявляются в материальном мире в виде законов природы. Вот почему здесь не может произойти ничего противоречащего этим законам. Однако законы зависят от стадии развития мира.

В духовном, ментальном и материальном мирах действуют различные законы. В материальном мире различные законы применимы к одной и той же форме материи — все зависит от масштабов. Например, существует закон, согласно которому уровень воды располагается горизонтально. Но этот закон соблюдается только в отношении определенных количеств, так, например, капля воды в чашечке цветка будет иметь выпуклую поверхность и миниатюрное создание, живущее в микромире, будет считать, что вода всегда стремится принять сферическую форму. Почему так происходит? Да потому, что соотношения сил поверхностного натяжения и гравитационного притяжения в капле воды и, скажем, в озере совершенно разные. И все же в обоих случаях действуют одни и те же законы.

Людям известны лишь немногие законы природы — в основном, те, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни. Они привыкли к определенным явлениям и окрести-

ли их «законами природы», полагая, что, придумав название, полностью познали их суть. Они признают эти законы и воспринимают их как должное. Если же они становятся свидетелями необычного явления, то тут же начинают говорить о «магии» или «чуде».

Люди даже не предполагают, что эти «чудеса» — такое же проявление законов природы, как и те явления, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни и которые кажутся им понятными лишь из-за того, что стали привычными. Собственно говоря, человек не знает, почему из зерна вырастает растение, а плод развивается из оплодотворенной клетки. Люди не понимают сути «оплодотворения», им также неизвестно, почему после оплодотворения клетка начинает делиться. Почему деление не заканчивается после рождения, почему происходит рост организма и этот рост рано или поздно завершается дряхлением и смертью. Но люди видят эти процессы постоянно и поэтому даже не удивляются им. Так что «оплодотворение», «развитие» и «дряхление» не менее загадочны и «чудесны», чем тайна, заключенная в этом Жезле, или «магические способности» *посвященных*.

Но чтобы по-настоящему понять силы, которые используют и которыми управляют *посвященные* посредством Жезла Жизни, тебе нужно узнать еще кое-что.

Когда мы говорили о дереве познания добра и зла, я объяснил тебе: то, что приобрело материальную форму, можно увидеть и ощутить лишь благодаря тому, что оно выпало из единства, где прежде пребывало в равновесии. Но все вновь стремится возвратиться к равновесию из проявленного состояния. «Равновесие» означает *полную неподвижность*. С другой стороны — «стать чем-то», то есть обрести зримую, осязаемую форму, означает потерю равновесия и последующее стремление к его восстановлению. Это предполагает постоянное отсутствие покоя и безостановочное движение. Если это движение остановится хоть на миг, все творение тут же превратится в энергию — следовательно, произойдет его материальное разрушение. Всякая энергия, всякая сила — движение, начинающееся от собственного центра и распро-

страняющееся по Вселенной во все стороны в виде вибраций или колебаний. Это проявление энергии прекращается лишь в том случае, если энергия возвращается в свое первичное состояние — обретает равновесие и божественное единство. Следовательно, говоря о «первичном состоянии», мы подразумеваем состояние, в котором материальных явлений не существует. По своей сути материя является движением, и если это движение прекратится, прекратится и само существование материи. Пока существует материальный трехмерный мир, он подчиняется неизменному закону движения.

То, что созидательные силы проявляют себя в бесконечном разнообразии и обладают бесчисленными возможностями, означает, что длина волны может изменяться в бесконечном диапазоне. Поскольку мы существуем здесь в своих физических телах, наша способность к восприятию ограничена, и бесчисленные формы волн находятся за порогом наших чувств. Мы воспринимаем «материальные объекты» и «нематериальную энергию» лишь благодаря собственным представлениям о том, что в действительности является «движением», «вибрацией», или «частотой».

Чем короче длина волны, тем в меньшей степени наше сознание наделяет ее характеристиками «материальности». Вибрациям, непосредственно воздействующим на органы чувств, мы даем соответствующие нашим ощущениям названия: «материя», «звук», «электричество», «тепло», «вкус», «запах», «свет». Более тонкие, нематериальные энергии и излучения, воспринимаемые лишь при помощи мозга и нервных центров, получили названия «мыслей» и «идей». Но существуют еще более тонкие излучения, обладающие еще большей проникающей способностью, высшие из которых являются *вездесущей божественной силой — самой жизнью!* Мы можем воспринимать эти частоты как особые состояния сознания.

Итак, во Вселенной существует бесконечное разнообразие лучей (вибраций). Все формы творения — от сложнейших звездных систем до крохотных одноклеточных организмов — есть результат проявления этих лучей. Не важно, со-

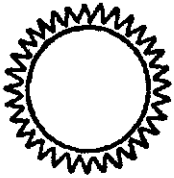
знаем мы это или нет, но мы живем среди этих лучей, более того, *именно эта форма энергии создала нас, людей*, и она постоянно действует в нашем теле, разуме — во всем организме. Вся Вселенная соткана из таких вибраций, а источником вибраций является *Бог*.

Сам *Бог* находится вне всяких проявлений жизни — покоится в себе самом, пребывая в абсолютном равновесии, где не существует ни пространства, ни времени. Но он постоянно излучает себя в материальный мир форм, чтобы наделить жизнью эти формы.

Поскольку *Бог* вездесущ и наполняет собой всю Вселенную, все во Вселенной пронизано и наполнено Богом. Ничто не может существовать вне присутствия Бога, и *Бог* присутствует везде. Вот почему *Бог* может проявить себя в каждой точке Вселенной и каждая вещь нашего обыденного мира заключает эту точку в своем центре. Из этой точки и началось ее проявление, созидание и утрата равновесия.

Этот аспект Бога, создавший материальный мир и наполнивший его жизнью, проникнув в него, мы зовем *«Высшим Я»*, *«Бог»*, *«Создатель»*, *«Вселенское Я»*, *«Высшее Я»* или *«Созидательный Принцип»* — все это означает различные аспекты *Божественного*.

Энергии, исходящие из центра, очень тонки, но чем дальше они распространяются, тем более грубыми становятся, пока не превращаются в материю. Таким образом, сила излучения ограничивает себя, и на краю проявления, предельно удаленном от центра, энергия превращается в твердую материальную «кору», или «кожуру». Вот почему мы изображаем Бога, проявляющего себя в материальном мире таким образом: внутренний круг высшей силы заключен в большой круг материальной коры.



Если выразить этот символ в буквах, мы получим «ОМ».

Все сущее — от центральных солнц до одноклеточных существ — создано согласно этому принципу. Посмотри на строение Земного шара: в центре находятся могучие

силы огненного цикла. Затем следуют раскаленные газы, далее — жидкие вещества, тогда как наружная оболочка состоит из твердой материи. Но я хочу напомнить тебе, что и другая сила неизменно действует во всем мироздании. Это — центростремительная сила, притягивающая всю материю в центр самой себя. И если бы не сопротивление твердой материи, весь проявленный мир втянулся бы в центр и исчез. Этой участи не избежала бы и наша Земля со всем разнообразием ее живых форм. Сопротивление материи не дает этому случиться, и лишь по этой причине стало возможным появление жизни на поверхности твердой коры Земного шара. Не забывай о сопротивлении материи — нам еще придется вернуться к этой теме.

Вот еще один пример для иллюстрации внутренней структуры материальных форм. Если взглянуть на разрез позвоночного столба любого позвоночного существа, мы увидим все ту же картину: пористая костная структура тела позвонка содержит в себе костный мозг — созидательную жизненную силу, окруженную твердым веществом кости. Возьми любую иную кость — череп, ребро или кость ноги — все устроено одинаково.

Срежь стебель любого растения, и тут ты увидишь тот же рисунок. Рассматривала ли ты когда-нибудь стволы поваленных деревьев? Деревья устроены таким же образом: из центра к периферии расходится кольцами жизненная сила. Годовые кольца символизируют волны жизни, возобновляющейся каждой весной, а грубая кора защищает дерево снаружи. *Рост всегда происходит из центра наружу. Сокровенный источник силы — Бог.*

Этот аспект Бога, облаченный в материю и создающий живые существа из материальных форм, мы называем *Высшим Я* или *Логосом*. Именно этот *Его* аспект притягивает нас к центру, так как мы утратили божественное единство (рай). Это тот «Небесный Жених», о котором тоскует человеческая душа. И человек никогда не должен подменять божественное *Я* своим собственным «я», не существующим реально и являющимся иллюзорной сущностью.

Жизненная сила, стоящая за любой формой проявления — будь то солнце, планета, человек, животное или неорганическое вещество, — всегда один и тот же *Бог*, одно и то же божественное *Я*.

Хотя в каждом существе присутствует один и тот же *Бог*, он проявляет себя в бесконечном разнообразии. Ведь *Бог* открывает себя на каждом уровне проявления, а любая материальная форма открывает Бога настолько полно, *насколько способна сознательно пережить и пропустить сквозь себя созидательную божественную силу. Сознательно пережить силу* означает *быть* этой силой, излучая ее во всех направлениях. Поэтому тело должно обладать достаточной *сопротивляемостью*, иначе оно будет сожжено и уничтожено собственным же излучением.

Вот почему тела различных проявлений жизни сделаны по-разному. Материя, из которых они созданы, обладает различной сопротивляемостью в зависимости от уровня сознания. Тебе известно, что *химический состав определяет характер тех вибраций, которые может выдержать тело.* Если тело подвергнется воздействию слишком сильных вибраций, может пострадать вся его нервная система, что приведет к нервному срыву и умственному расстройству. Если же число воздействующих на тело вибраций превосходит полную октаву, они могут оказать на него губительное воздействие. Именно поэтому, прежде чем посвятить человека в высший уровень божественной силы, мы стремимся подготовить его тело (в том числе и его химический состав) таким образом, чтобы разница между старым и новым восприятием вибраций не превышала одной октавы. Иначе он погибнет.

В материальном мире существует четыре уровня проявления, которые мы называем «веществом», «растительной жизнью», «животной жизнью» и «человеческой жизнью» — все зависит от уровня сознания. Конечно, трудно говорить о «сознании» вещества, сравнивая его с человеческим, однако кристалл может служить примером проявления сознания на этом уровне. Каждый уровень жизни характеризуется собственным уровнем сознания, а разница между уровнями со-

ставляет одну октаву. Лишь человек обладает способностью проявлять несколько уровней сознания — вплоть до божественного. Памятуя об интервалах — октавах, — определяющих ступени эволюции, мы можем проследить, как человечество (как категория) заняло четыре ступени на эволюционной лестнице, ведущей от Земли к Небу. Более того, мы видим, что каждая ступень соответствует одной октаве на шкале вибраций. Человечество знает об этих ступенях и наделило их именами: *человек* (характеризуется разумом); *гений* (характеризуется интуицией); *пророк* (характеризуется мудростью и вселенской любовью); и на последней (высшей) ступени стоит *богочеловек* (характеризующийся всеведеньем и всевластием).

Таким образом, в материальном мире мы можем обнаружить четыре формы проявления, которые вместе составляют семь октав вибраций.

Всякое существо излучает те вибрации, которые *сознательно* поддерживает. *Материя*, обладающая низшим уровнем сознания, проявляет себя посредством сжатия, охлаждения и отвердения.

Растения проявляют себя на двух уровнях: на материальном уровне и на уровне растительной силы — той силы, которая дает им жизнь. Растение проявляет материальные вибрации бессознательно — они составляют его тело. Сознание растения проявляется на уровне растительной силы и обладает тремя отличительными свойствами: это поиск пищи, поглощение пищи и усвоение поглощенной пищи.

Животные проявляют три силы: материальную, растительную и животную. Животное обладает телом, оно ищет, поглощает и усваивает пищу, а также обладает животным сознанием: проявляет эмоции, инстинкты, чувства, желания, симпатии и антипатии. Сознание животного находится на третьем уровне развития — всего на шаг ниже человеческого.

Средний человек поднялся на одну октаву выше. Он обладает разумом и способностью мыслить. Но в то же время он проявляет и три других уровня. На материальном — тело;

на растительном — поиск пищи, поглощение пищи и усвоение поглощенной пищи; на животном — эмоции, инстинкты, чувства, желания, симпатии и антипатии. Но самая главная его характеристика — это разум. Человек думает сознательно.

На следующей ступени развития человек делает огромный скачок — его сознание переходит с плана *следствий* на план *причин*. Он черпает из божественного источника причинного плана и проявляет эту силу посредством сознания и интуиции. При помощи разума и духовной силы человек выражает свои переживания на высшем плане и через слова доводит их до своих ближних. Он также может доказать существование своей интуиции другими средствами: вне измерений, при помощи звуков — как музыкант; в двух измерениях, при помощи линий и красок — как художник; в трех измерениях как скульптор или как танцор. Люди называют творческую личность *гением*. Гений проявляет пять октав вибраций — материальные, растительные, животные, ментальные и причинные силы.

Уровень сознания следующей октавы вибраций на языке людей называется «сознанием *пророка*». Пророк проявляет все силы, задействованные на предыдущих уровнях сознания, но он также обладает и сознанием высшего уровня, соответствующим плану божественной мудрости и вселенской любви. Ни в коем случае нельзя путать такие понятия, как «вселенская любовь», стоящая на шестом уровне сознания, и «любовь» третьего уровня, присущая всем животным. Последняя вызвана вибрациями третьего уровня и проявляется как побуждение, необходимое для продолжение вида. Такая «любовь» проявляется как желание овладеть телом. Она заставляет человека целовать, обнимать, сжимать — одним словом — овладевать.

Человек, испытывающий такую любовь, пребывает в состоянии изоляции и ищет партнера для физического удовлетворения. Любовь же шестого уровня — любовь пророка — происходит из первозданного состояния *единства* и не стремится *овладеть* чем-либо. Следовательно, эта любовь

тотальна, она всегда *дарящая* — никогда не берущая. Она не нуждается в физической поддержке и излучается сознанием во все стороны Вселенной. Люди, испытывающие такую любовь, никогда не стремятся никем овладеть, а чувствуют себя в единстве со *всем*.

Седьмое, и наиболее завершенное проявление Бога — это человек, наделенный *полным сознанием*, — или *богочеловек. Богочеловек всегда проявляет Бога — свое собственное божественное Я — и проявляет совершенно осознанно. Такой человек обладает полным сознанием — ни одна его часть не остается бессознательной.*

Лишь человек способен освоить и излучать все семь октав вибраций, так как нервные центры, соответствующие этим семи октавам трансформированной и нетрансформированной творческой энергии, образуют его нервную систему. С другой стороны, он способен излучать вибрации лишь на тех уровнях, где находится его сознание, так как нервные центры, соответствующие другим уровням, пребывают в латентном состоянии. Таким образом, средний человек излучает вибрации вплоть до четвертого уровня, гений — до пятого, пророк — до шестого, а богочеловек способен сознательно излучать все семь октав и, следовательно, излучает созидательную силу, покорную его воле. Она может исходить от него как в трансформированном, так и в нетрансформированном (более низкочастотном) виде.

Жезл твоего отца, который ты недавно видела, изготовлен из особого материала, похожего на латунь, и обладает способностью посылать излучения на *любой план*. Он сделан таким образом, что может передавать нетрансформированные излучения большой или малой силы в зависимости от желания использующего его человека.

Жезл может быть благословением, но может стать и проклятием. Все зависит от того, в чьих руках он находится. При помощи этого Жезла *посвященный* может излучать созидательные силы (от низших — ультраматериальных, до высших — божественных) в любом направлении. Так как он сам обладает всеми этими качествами, то может сознательно пе-

редавать их через Жезл. При помощи своих органов чувств человек может воспринимать лишь часть всей гаммы вибраций. Вибрации, стоящие ниже или выше порога восприятия органов чувств, определяются людьми как эмоции. Например, человек переживает высокие божественные вибрации как чувство вселенской любви. С другой стороны, низкие частоты ультраматерии также стоят за порогом чувственного восприятия. Вот почему, подвергшись их воздействию, человек испытывает чувство ненависти. *Посвященные* всегда пользуются вибрациями правильно и излучают энергию, необходимую для создания чего-то хорошего. *Это — благословение.* Вибрации ультраматерии могут быть использованы при необходимости для создания незримой, непроницаемой стены. При помощи Жезла *посвященный* может управлять всеми силами природы — усиливать или нейтрализовывать их.

Любое живое существо обладает этими способностями, но они соответствуют *уровню развития* данного существа. Можно пользоваться своей силой, не сознавая ее. Встречала ли ты когда-нибудь человека, задумывающегося над тем, как сделать шаг или поднять руку? Подними-ка свою руку и посмотри, как ты это делаешь. Твои мышцы напрягаются и поднимают руку, верно? Каждое движение твоего тела вызвано сокращением мышц. Но что сокращает твои мышцы? Подумай и ответь, дочь моя.

— Моя воля, Отец.

— Верно, воля. Но если я спрошу, что такое воля, сможешь ли ты дать мне ответ?

— Отец, я часто наблюдала за собой, когда чего-то *хотела*, вот то, что я смогла заметить: когда я *хочу* чего-то, я посылаю силу и направляю ее. Например, если я хочу поднять руку, оттягиваемую вниз действием гравитации, — то посылаю силу, которая вливается в мою руку, заставляя мышцы сократиться. Таким образом, рука поднимается.

— Совершенно верно, говорит Птахотеп, — *ты справилась с огромной силой земного притяжения*, действующей на твою руку. Ты также справляешься с силой притяжения, дей-

ствующей на все твое тело, когда подпрыгиваешь. Но в этом случае ты справляешься с силой притяжения лишь ненадолго. Твоя воля может превозмочь гравитацию только на очень короткое время. Итак, ты видишь, что время поглощает силу твоей воли, превращенную в физическую силу. Ну а что можно сказать в отношении пространства? Ты использовала силу, чтобы поднять руку или все тело на определенную *высоту* — продвинуться в *пространстве*. Итак, ты видишь, что сила воли поглощается двумя основными факторами — *временем* и *пространством*. Если же ты сумеешь увеличить свою силу воли и сохранить ее, то сможешь отрываться от земли на большее расстояние и пребывать в таком состоянии дольше. Ты сможешь парить в воздухе! Сейчас ты не способна на это, так как твое сознание еще не возвысилось до божественного плана. *Посвященные* же могут черпать сколько угодно силы из божественного источника и пользоваться ею в нетрансформированном виде. Они способны подниматься на любую высоту и пребывать там сколь угодно долго по собственной воле.

Посвященный знает все вибрации и обладает необходимыми органами (которые он развил сознательно) для управления этими силами. Тебе, например, известна сила мысли, благодаря которой осуществляется телепатическое общение. Эту силу мы контролируем при помощи одного из высших органов нашего мозга. Люди даже не подозревают, что обладают такими органами. *Посвященные* могут излучать высшую силу — божественную, созидательную силу. Это сила самой *жизни* — сила *вечной сущности*. Вселенная существует лишь благодаря этой силе. Эту силу способен использовать сознательно только *богочеловек* — единственное существо, чье сознание может сравниться с божественным. Ни одно другое существо не в состоянии *сознательно* управлять ею.

Всякая сила имеет на Земле свое материальное выражение, поэтому существует вещество, обладающее достаточной сопротивляемостью любым вибрациям и любым силам. Не важно, как называют люди это вещество, достаточно сказать, что оно входит в состав тел существ и форм проявле-

ния, соответствующих различным уровням сознания. Вещества способны накапливать и впоследствии в течение определенного времени излучать вибрации. Это выполняется не только в отношении вибраций, соответствующих собственному уровню сознания вещества, но также и в отношении вибраций более низких уровней. К примеру, вещество растений обладает достаточной сопротивляемостью, чтобы переносить не только вибрации, соответствующие растительной жизненной силе, но и вибрации материального плана, так как тела растений созданы из материи. Нервы и тела животных способны сопротивляться как вибрациям животного плана, так и вибрациям, стоящим на одну и на две октавы ниже — вибрациям растительного и материального уровней.

Нервы среднего человека обладают достаточной сопротивляемостью, чтобы выдержать вибрации ментального плана, а также трансформированные вибрации более низких уровней: животного, растительного и материального. Ментальные энергии порождают его мысли, животные энергии порождают его чувства и различные эмоциональные состояния, растительные энергии вливают в его организм жизненную силу, и, наконец, его физическое тело создано материальными силами. Этот ряд можно продолжать вплоть до богочеловека, сознательно использующего все свои нервные и мозговые центры и способного направлять высшие жизненные вибрации (находящиеся в его позвоночнике) к нервным центрам и различным органам своего тела, не трансформируя их (вибрации). Вещество, из которого состоит его тело, обладает достаточной сопротивляемостью, чтобы переносить высшие божественные энергии, а также (что само собой разумеется), трансформированные вибрации остальных шести планов проявлений. *Это только кажется, что тела людей, относящихся к различным уровням развития, сделаны из одного и того же материала. В действительности же они значительно отличаются по химическому составу, и этим объясняется то, что сопротивляемость тела всегда соответствует духу, в нем обитающему.*

Тот факт, что тело богочеловека способно вынести не только высшие божественные энергии, но и трансформированные вибрации остальных октав, свидетельствует о том, что в природе должна существовать форма материи, способная принимать и проводить сквозь себя как высшие божественные энергии, так и трансформированные вибрации низших октав, не *подвергаясь дематериализации*. Итак, Сыны Бога изобрели на своей родине материал (особый вид латуни), из которого стали изготавливать приборы для накопления и излучения высших творческих энергий, усиливая или ослабляя их в зависимости от цели. Эти приборы сконструированы таким образом, что способны сохранять творческую энергию в первозданном виде. Вот почему они могут действовать как источник божественной силы — как сама жизнь. Поскольку высший из этих приборов, несущий в себе и излучающий созидательную энергию, символизирует идеальный союз между *Богом* и *Землей*, его назвали *«Ковчегом Согласия»*.

Теперь ты должна понимать, почему мы храним эти приборы в тайне. Только богочеловек может свободно обращаться с подобным прибором, не опасаясь последствий, так как Ковчег Согласия хранит в себе и излучает те же силы, что и он. Если же к Ковчегу притронется обычный человек, он тут же упадет замертво, как пораженный молнией. Божественные энергии сожгут его нервы. *То же самое может произойти, если энергия, заключенная в позвоночнике живого существа, внезапно освободится в нетрансформированном виде и поразит его нервную систему.* В таком случае любой человек и животное немедленно погибнет. Подобную смерть люди называют «ударом». Они чувствуют, что какая-то незримая сила поражает организм словно молния. Эта сила подобна реке жизни, изолированной в позвоночном столбе или в центральных каналах растений. Обычно она протекает через тело в трансформированном виде. Она вырывается наружу только во время болезни и причиняет «удар».

Вот почему непосвященные не допускаются к нашим приборам. Более того! Поскольку наши приборы излучают

мощную энергию, мы изолируем их — храним за толстыми каменными стенами. Жизненная сила может оказаться смертельной, если она поражает форму материи, не обладающую достаточной сопротивляемостью. Тогда материя уничтожается, растворяется.

Ковчег и другие приборы сделаны из материала, способного удерживать заряд божественной созидательной энергии. Ковчег излучает эту энергию в нетрансформированном виде, а она способна *в зависимости от дозы, как давать жизнь, так и убивать*. Эта сила обладает вибрациями такого же рода, что и человеческая воля, способная противостоять (хоть и короткое время) силе земного притяжения. Ковчег согласия излучает ту же энергию, но усиленную в тысячи раз. Земля притягивает к себе предметы благодаря силе гравитации, мы же способны воздействовать на эти предметы силой, заключенной в Ковчеге Согласия, преодолевая земное тяготение и делая их невесомыми сколь угодно долго. Более того, мы можем оказывать на эти же предметы противоположное воздействие — усиливать влияющее на них тяготение посредством направленных лучей ультраматерии. Таким образом, мы возводим высочайшие строения с невероятной легкостью — делаем невесомыми огромные каменные глыбы, чтобы без усилия поднимать их на любую высоту, или придаем камням такой вес, что они тут же оседают под собственной тяжестью. Например: мы хотим вырыть колодец, но не хотим копать землю. Тогда мы выбираем камень нужного размера и придаем ему такой вес, что он погружается в землю на нужную глубину.

При помощи Ковчега Согласия — этого сверхмощного источника энергии — мы можем превращать нематериальные вибрации (например, лучи света) в материю. Или наоборот, можно растворить материю и превратить ее в энергию, сохраняющую свой потенциал многие тысячелетия.

Наша культура оставит после себя множество вещей, которые покажутся необъяснимыми будущим поколениям. Например, люди никак не смогут понять, каким образом нам удавалось безупречно полировать поверхность самых твер-

дых камней. Камни эти прилегают друг к другу настолько плотно, что между ними не остается и щели толщиной с волосок. Потомки еще долго будут ломать себе голову над тем, как сумели справиться со всем этим «рабы», действуя лишь «голыми руками». Сыны человеческие, порабощающие себе подобных, не смогут даже вообразить, что мы обходились без рабов, а просто дематериализовывали наружные слои камня таким образом, что его поверхность становилась зеркально гладкой. Мы приспособили свои инструменты для любых работ и можем легко выбирать толщину обрабатываемого слоя. Ты поймешь это, когда начнешь постигать природу различных энергий, в том числе и энергий материи. Но с этим может иметь дело лишь *посвященный*, которому также известно, что *любовь означает жизнь*, а *ненависть означает смерть*. И лишь высшие из *посвященных* могут быть архитекторами. Для того чтобы работать с рабами, не нужно быть посвященным! Мы же работаем с силами природы.

При помощи этих инструментов мы способны создать любую форму проявления. Проявление зависит лишь от того, как долго и с какого расстояния действует созидательная энергия. Сыны человеческие воспринимают как должное тот факт, что, явившись в храм, они тут же исцеляются от болезни. *Болезнь означает, что вибрации тела стали дисгармонировать между собой.* Мы восстанавливаем нарушенную гармонию, и человек вновь начинает чувствовать себя хорошо. Каждый орган обладает своей особой вибрацией, поддерживающей его в хорошей форме. Когда частота вибраций изменяется, соответствующий орган начинает страдать.

Мы также можем влиять на погоду — разгонять облака или, наоборот, вызывать дождь. Когда сыны человеческие видят, как небо затягивается тучами, и слышат раскаты грома, они радуются в ожидании благословенного дождя, омывающего землю. Они чувствуют себя вполне благополучно, зная, что жрецы храма заботятся обо всем: об их здоровье, о дожде и даже об их духовности.

— Отец Души моей, — говорю я, — каким образом ты заряжаешь Ковчег Согласия созидательной энергией?

Птахотеп устремляет на меня пронзительный взгляд и говорит:

— Я вижу, ты уже поняла, как заряжается Ковчег Согласия. Я уже говорил тебе, что на Земле существует лишь один источник созидательной энергии, и это — богочеловек. Обязанность высшего жреца — заряжать Ковчег созидательной энергией. Он добивается этого, либо непосредственно посылая в Ковчег собственную высокую энергию, либо направляя туда *положительный поток* энергии более низких вибраций и преобразуя его в созидательную энергию при помощи Жезла жизни. В обыденной жизни даже богочеловек излучает созидательную энергию в трансформированном виде. Лишь при предельной концентрации, когда его сознание становится сознанием *Бога*, богочеловек в состоянии излучать божественную созидательную силу, обладающую первозданными вибрациями. Если он хочет излучать созидательную силу в таком виде, то должен достичь состояния божественного *всесознания*.

Увидь его в таком состоянии сыны человеческие, они бы, испугавшись до смерти, бросились от него врассыпную. В таком состоянии богочеловек излучает столь яркий небесный свет, что обычные люди не в силах его выдержать. Если сын человеческий коснется богочеловека, когда тот находится в этом состоянии, то тут же упадет замертво, как если бы притронулся к Ковчегу Согласия.

Итак, когда *посвященный* излучает жизненную силу с целью исцеления, он входит в состояние концентрации, настраивая излучение так, чтобы люди смогли переносить его. При помощи Жезла он направляет лучи к определенным нервным центрам. Жезл сделан так, что может не только проводить энергию, но и излучать ее в трансформированном виде, усиливая или ослабляя ее по воле управляющего им человека. Чтобы зарядить Ковчег Согласия, *посвященному* вовсе не обязательно входить в состояние высокой концентрации и достигать уровня божественного сознания. При умеренной концентрации он может трансформировать энергию при помощи Жезла и усилить ее до необходимого уровня.

Когда Ковчег заряжен таким образом, он излучает созидательную энергию — источник всех других земных сил — долгое время.

С помощью Жезла *посвященный* контролирует энергию, содержащуюся в Ковчеге Согласия, так как Жезл является не чем иным, как Ковчегом Согласия в миниатюре, с той лишь разницей, что в нем не может накапливаться энергия. Жезл также может помочь преобразовать низшие энергии человека в высшие при том лишь условии, что человек стремится к этому *совершенно бескорыстно*. Жезл всегда излучает те энергии, которыми снабжает его человек. Так, очутившись в руках корыстолюбивого, алчного, злого человека, Жезл усилит присущий тому отрицательный заряд, в результате чего могут вспыхнуть эпидемии, произойти землетрясения и катастрофы. Нечто подобное когда-то сделали черные маги на родине Сынов Бога.

Теперь ты понимаешь, почему *посвященные* держат свои знания в тайне?

— Да, я поняла, Отец. Мне также стало ясно, каким образом моему отцу удалось оживить полумертвого мальчика. Находясь в состоянии высокой концентрации, мой отец направил излучение на ребенка, усилив его при помощи Жезла. Это произвело чудотворное воздействие. Ребенок сразу же наполнился жизненной силой. Но, Отец Души моей, скажи, что произойдет, когда сыны человеческие захватят власть? Должен ли ты тогда уничтожить Жезл и другие инструменты, как говорил мой отец? Жаль, если люди не смогут пользоваться их чудесными свойствами!

— Дитя мое, — говорит Птахотеп, — *каждое существо должно жить в тех условиях, к каким оно максимально адаптировалось на данной стадии развития*. Если мы отдадим свои секреты сынам человеческим, то они с помощью магического Жезла смогут лишь причинить вред друг другу. Сейчас они не готовы воспринять наши знания — и еще долго не будут готовы. Жезл Жизни и Ковчег Согласия будут вывезены за пределы Египта последним *посвященным*. Он не сможет построить пирамиду и потому вынужден будет прятать

Ковчег в чехле. Он не станет заряжать его до такой степени, как это делаем мы сейчас и, во избежание несчастных случаев, велит сопровождающим его людям носить ковчег на длинных деревянных шестах. Перед смертью он уничтожит жезл, а его непосвященные соплеменники будут продолжать носить за собой ковчег из страны в страну, пока тот полностью не утратит свою силу. Вскоре даже остатки ковчега исчезнут с лица земли.

В будущем люди будут узнавать о «Магическом Жезле» и о «Ковчеге Согласия» лишь из сохранившихся древних записей. Они будут считать все этой сказкой, но она будет передаваться из поколения в поколение. Где-то в глубинах сознания люди будут хранить воспоминания о «Ковчеге Согласия», в котором хранилась сила живого Бога. Они также будут помнить и о «Магическом Жезле», который они также будут называть «Жезлом Жизни». Легенды будут повествовать о том, как «маги» творили «чудеса» при помощи «Магического Жезла». Из сохранившихся записей они будут смутно чувствовать, что этот Жезл символизировал *власть* над силами природы.

Позже символом власти станет скипетр. Но это не будет *настоящий жезл* — он будет демонстрировать не *подлинную власть*, а всего лишь пустой символ фальшивой власти. И только спустя тысячи лет один из Сынов Бога, воплотившись на Земле, вновь создаст «магический жезл», обладающий настоящей силой. А в промежутке между этими событиями во всех странах появятся непонятные люди, которые то ли из желания обмануть, то ли из желания поразвлечь толпу, будут утверждать, что они «маги», и показывать фокусы, помахивая перед зрителями «волшебной палочкой». *Да, они будут имитировать то, что некогда происходило на Земле.*

Они будут размахивать «волшебной палочкой», произнося при этом «магические заклинания», имитирующие наши магические формулы. Но человечество узнает о громадной силе, таящеся в Жезле Жизни, не раньше, чем через много тысячелетий — когда на Земле воплотятся *живущие ныне*

падшие представители божественной расы, в чьем *подсознании будет жить память* об истинах, написанных в древних рукописях.

Придет время, и сыны человеческие откроют высшие тайны древней мудрости, хотя для невежественных масс они так и останутся неразрешимой загадкой. Когда эти знания попадут в руки непосвященных, они станут проклятием для человечества. Но путь людей лежит через страдание и печаль. Постепенно они начнут понимать, что не следует играть с Божьей силой. Они осознают свою ответственность. *Ведь Бог отдает людям все, даже самого себя; лишь люди в своем невежестве способны превратить в проклятие даже само благословение.*

— Отец Души моей, — обращаюсь я к Птахотепу, — ты говорил, что пирамиды сделаны из толстых каменных плит, чтобы надежно изолировать оборудование. Но каким образом излучается эта энергия? Как она проникает наружу?

— В толстых стенах пирамид прорезаны шахты и туннели, сквозь которые проникает излучение, исходящее от Ковчега Согласия и прочего оборудования во внешний мир. При помощи этих туннелей мы также осуществляем контроль погоды. Туннели имеют как положительное, так и отрицательное направление. Когда по ним проходят соответствующие силы, на небе появляются облака и идет дождь. Из-за возникающего напряжения вспыхивают молнии, это сопровождается сильным шумом. Вот почему люди слышат гром, доносящийся из пирамиды. Другие пирамиды были построены для иных целей.

— Что случится с пирамидами, когда власть перейдет в руки сынов человеческих, а Ковчег Согласия и прочие инструменты будут уничтожены *посвященными*? Они так и будут стоять пустыми? А что произойдет с Верховным Жрецом и другими жрецами и *посвященными?* — спрашиваю я.

— Нет, пирамиды не опустеют. Кроме большой пирамиды, где сейчас хранится Ковчег Согласия и прочее оборудование, а также проходят обряды *Посвящения*, все остальные будут использованы как усыпальницы последних *посвящен-*

ных Фараонов. После смерти их бальзамированные тела будут продолжать излучать высшую созидательную силу — как излучает ее сейчас Ковчег Согласия. Итак, их тела будут являться тайным источником энергии еще многие тысячелетия после физической смерти. Но в далеком будущем их гробницы будут разрушены невеждами.

— А что случится с великой пирамидой, Отец?

Птахотеп некоторое время смотрит вдаль, словно его глаза различают там нечто невидимое для других, затем, обратив ко мне свое лицо, говорит:

— Когда придет время разрушить наши инструменты и последние *посвященные* возьмут свои посохи и отправятся в путь, Верховный Жрец и его первый помощник завалят изнутри вход в пирамиду большим камнем, чтобы сыны человеческие не смогли проникнуть туда. Затем, исполнив свой последний долг, они дематериализуют свои тела так, как это происходит при жертвоприношении во время дворцовых праздников. Возникнет вспышка, взовьется облачко дыма — и все исчезнет, не оставив по себе и следа. Таким образом, внутреннее помещение пирамиды будет защищено от вторжений на тысячи лет. И все же *посвященные* не исчезнут с Земли. Зрелые души будут получать *Посвящение* — не на физическом, конечно, — на духовном плане. Они будут переживать *Посвящение* как сон или видение.

Птахотеп замолкает, и некоторое время мы смотрим в глаза друг другу. Я очень ясно понимаю, что он сейчас не хочет говорить, но у меня есть еще один вопрос:

— Отец Души моей, — говорю я, — почему все пирамиды имеют одинаковую форму? Есть ли тому причина? Почему они не построены как остальные дома, в форме куба?

Птахотеп улыбается:

— Почему не в форме куба? Так знай, что пирамиды имеют кубическую форму. Но я объясню тебе это в следующий раз. На сегодня хватит.

Я вижу, что Птахотеп закончил инструктировать меня, но не спешу покинуть комнату. Мне хочется, чтобы он проде-

монстрировал мне действие Ковчега Согласия и Магического Жезла. Но он смотрит на меня с улыбкой и говорит:

— Придет время, когда тебе позволят изучить строение Ковчега Согласия и Магического Жезла — все это произойдет лишь после твоего *Посвящения*. Но к работе с этими инструментами допускаются только *посвященные*, достигшие седьмого уровня посредством собственных усилий. Эти тайны не должны попасть в ненадежные руки. Будь терпелива. Время существует лишь в нашем мозгу, но для созревания время необходимо.

Птахотеп благословляет меня, и я ухожу.

— 33 —

Форма пирамид: Сатана

И снова я стою перед Птахотепом в его библиотеке.

— Я уже говорил тебе, — начинает он, — что за всеми вещами во Вселенной стоит сила, стремящаяся восстановить утраченное единство. Сила эта действует как притяжение, возникающее между двумя дополняющими половинками — двумя полюсами с противоположными знаками. Сейчас ты стоишь здесь, передо мной, благодаря тому, что твое тело притягивается к Земле. Если бы силы тяготения не существовало, ты, да и все, что сейчас покоится на земле, уже давно взлетело бы в космос. Да и сам гигантский Земной шар раскололся бы на части и разлетелся бы в разные стороны, не будь этой силы. Сила, удерживающая на месте Землю, ее атмосферу и все, что здесь находится, *не принадлежит Земле, но воздействует на нее в направлении от центра наружу.* Если бы материя не обладала сопротивляемостью и просто поддавалась силе тяготения, вся масса Земного шара провалилась бы в центр и исчезла бы там. Но к чему бы это привело? Подумай об этом.

Теперь подойди поближе, дитя мое, я покажу тебе кое-что. Если я положу на стол различные предметы, привяжу нитку к каждому из них, а затем, пропустив все нити через дырку в крышке стола, потяну за них снизу, тогда все предметы, имеющие размер, меньший чем дырка, провалятся в нее. Куда они делись? На них действовала сила, направленная к центру. Но откуда исходит эта сила? Откуда взялась сила, действующая из центра Земли? Можешь ли ты ответить на этот вопрос, дитя?

Я раздумываю минуту, а затем отвечаю:

— Земля видима. Если все видимые вещи являются таковыми лишь благодаря тому, что отделились от *«Всего и Ничего»* и оставили позади себя свою дополняющую половину, то и Земля должна иметь свою дополняющую половину, остающуюся в непроявленном состоянии. Значит, сила тяготения, действующая на Землю и на все существа, на ней обитающие, не что иное, как стремление к воссоединению со своими непроявленными половинами — отрицательными отражениями, отделенными от них пустотой. Следовательно, гравитация воздействует на Землю и все предметы, на ней находящиеся, притягивая ее к *пустоте*, стоящей вне пространства и времени. Если же Земля уступит этой силе, то она сама, а вместе с ней и все мы исчезнем в ее центре — в *пустоте*. Но тогда произойдет возращение к первозданному единству, к раю! Почему же этого не случилось, Отец?

— Дитя мое, — говорит Птахотеп, — *препятствие тому — сопротивляемость материи*! Без *сопротивляемости* невозможно творение! Сопротивляемость защищает Землю и все творение от аннигиляции. Все, что появилось в зримом мире, выпало из некой точки Вселенной. И эта точка стала центром каждой вещи. Вещи стали материей благодаря *падению*. Как же они могут возвратиться в первозданное состояние, если им не позволяет сделать это их собственная сопротивляемость! Возвращение к первозданному единству — Богу — возможно лишь *через превращение материи в дух*! Но сама материя никогда не сможет стать духом без духовной помощи. Вот почему один аспект Бога вошел в материю, облачился в материальную оболочку, принял материальные свойства и стал *Я*, оживившим все и сделавшим возможным одухотворение и спасение мира материи.

Благодаря воздействию, оказываемому на внутреннюю структуру материи, *Я*, находящегося в «центре» каждого существа, постепенно стали возникать новые формы жизни. По прошествии многих эпох они заняли все ступени эволюционной лестницы. Каждое существо прошло определенный путь развития, в начале которого стоял простейший одноклеточный организм.

Высшим существом на Земле является человек. На него возложена задача одухотворения Земли — задача, которую выполняют все живые существа Земли в меру своих сил и возможностей, на какой бы стадии развития они бы ни находились. *И каждый человек, сумевший пробудиться духовно и превратиться из существа, отождествляющего себя с собственным телом, в существо, равное Богу по своему сознанию, выполнил эту задачу.* Он внес свою лепту в одухотворение Земли, он продвинул ее на шаг к спасению. После этого он может выступать как спаситель всех живых существ.

Теперь ты должна понять, почему ты стоишь здесь, на земле, передо мной. Это возможно лишь потому, что *Я* Земли, которое тождественно твоему *Я*, любит Землю и всех существ, на ней обитающих. *Я* Земли притягивает к себе Землю, как жених — невесту. Эта тяга к единству — лежащая в основе всякой любви — проявляется на Земле в виде гравитации. И мы ощущаем ее как собственный *вес*.

Эта сила, которую мы называем весом, присуща всем формам материального мира. Мы должны считаться с ней, возводя строения, и никогда не действовать против нее! Если мы правильно рассчитаем эту силу, наши дома смогут простоять долгое время, если же мы пренебрежем законами тяготения, наши дома рухнут, прежде чем будут построены.

Всего сказанного мной достаточно, чтобы ты поняла, что форма пирамиды лучше всего выдерживает результирующую силу и такое строение способно простоять многие тысячелетия, успешно сопротивляясь разрушительным стихиям.

Пирамиды (а особенно Великая Пирамида) были построены с учетом всевозможных математических и астрономических законов, чтобы служить людям часами и календарем. Более того: грани пирамиды расположены под углом 51 градус по отношению к ее основанию, и потому солнечные лучи, отражаясь от них, делают их видимыми на огромном расстоянии, как со стороны моря, так и со стороны пустыни. Так что пирамиды служат также и маяками. Законы, по которым строились пирамиды, а также история их создателей записа-

ны на керамических плитах, которыми они покрыты. Сыны человеческие могли бы разгадать секрет нашей письменности и прочесть на плитах пирамид все то, чему я учу тебя, узнать законы астрономии и математики, примененные нами при их строительстве. Но в темные века, которые Земле суждено пережить, керамические плиты исчезнут, так что людям придется самостоятельно открывать эти законы.

Ты должна выучить законы трехмерного мира. *Он основан на законе духа и без него немыслим.* Первым истинным источником всех проявлений является *вечная сущность — Бог*. Но *Бог* находится в непроявленном состоянии, вне времени и пространства, и лишь проецирует свои проявления в трехмерный мир. Вот почему разговор о законах трехмерного мира мы должны начать с *Бога*. Но чтобы говорить о *Боге*, мы должны принять тот факт, что *Бог* стоит над всем зримым миром. Вот почему каждое существо может понять Бога настолько, насколько позволяет его собственное сознание переживать, проявлять и осознавать Бога. Иными словами, каждый может понять Бога в той степени, в какой сам может *быть Богом*! Но полностью сущность Бога может быть понятна лишь тому, кто никогда не выпадал из единства. ***Бог может быть понят только Богом***!

То, что самый примитивный человек имеет какое-то представление о Боге, свидетельствует о том, что в нем живо божественное *сознание*, хотя и в смутной, слабо выраженной форме. С другой стороны, полностью осознать Бога, понять Бога до конца означает соединиться с *Богом*, слиться с божественным *Я*. Это просто сказать, но очень трудно сделать! Поскольку человек выпал из божественного единства, ему доступно представление о Боге лишь в границах собственного понимания. Как может разъединенное понять единое, как может ограниченное понять безграничное, как временное может понять вечное? Как иллюзорное существо может увидеть, понять и осознать вечную, истинную *сущность — Бога*?

И все же человек должен достичь *Его*! Вечная тоска и неудержимое стремление к *единению* поможет человеку прийти к цели. Человеческий разум — величайший, но и самый

опасный дар, которым *Бог* наделил человека, — поможет ему перебросить мост через, казалось бы, непреодолимую пропасть, — пропасть, отделяющую все временное и личностное от безвременного и надличностного. Человек поддался соблазну и выпал из божественного единства по вине разума. Теперь же благодаря *тому же разуму человек сумеет возвысить собственное сознание до божественного единства*. Разум дает возможность человеку *понять* истину, и благодаря этому пониманию он продолжает искать дорогу к осознанию своего истинного *Я*.

Осознавать — значит быть. Думая о чем-то или говоря о чем-то, мы не *становимся* им. Мы можем сколь угодно долго думать и говорить о кошке или льве, но от этого мы не станем ни кошкой, ни львом. Точно так же ты можешь думать о себе и при этом не стать своим созидательным, божественным *Я*! Думать — значит оставаться в изоляции, ведь, посылая свою мысль к какой-то вещи, ты соединяешься с ней посредством этой мысли. Ты *соединена* с ней, но от этого ты не становишься тождественной ей. Ты не можешь стать тем, что находится в твоем разуме. Да, разум — чудесное орудие. Это зеркало, куда попадают все отражения, и благодаря им ты можешь все узнавать. Но твой разум — это еще не *ты*. Разум остается вне твоего *Я*. Следовательно, все, что производится твоим разумом, не является ни твоим достижением, ни твоим осознанием.

Когда человек начинает искать *Бога* снаружи, а не в себе, он может думать о Боге, молиться *Богу*, даже «любить» *Бога* всем своим существом, но он никогда не станет тождественным *Богу*. Человек никогда не найдет *Бога*, ища *Его* снаружи.

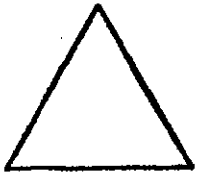
Творцом человека является его собственное *Я*, крайне удаленным от центра проявлением которого является его личное маленькое «я» — сознание, принадлежащее этому «я». Личное «я» — не что иное, как отражение образа Бога в материи, в теле человека. Поэтому, если человек желает возвратиться к Богу, он должен следовать лишь *одному* пути: *человек должен погружать свое сознание от личного «я» вглубь самого себя, чтобы прийти к своему истинному Я, прийти к*

своему Создателю. Человек должен сознательно узнать себя в Нем. Но, будучи иллюзорным созданием, личность не существует в реальности и потому не способна достичь самопознания. Все происходит наоборот: *Создатель узнает себя в своем творении — в личности.* Вот единственно возможный путь преодоления разграничения и возвращения к состоянию единства: индивид перестает думать о себе, чтобы стать *собой*, чтобы познать *себя*. Тогда различий между узнающим, узнаваемым и узнаванием больше не существует. *Я* — Создатель — узнает свое *Я* и узнает *себя*!

Только таким образом человек может познать Бога. Это и есть *воскресение*! Человек приходит к пониманию того, что его *Я* создало его и продолжает создавать, так как его собственное *Я* является Создателем. Таким же образом он приходит к осознанию того, что *его собственное Я является единственным Создателем Вселенной*! В результате этого осознания он познает *космическое всесознание*. В то же время он достигает состояния *самопознания* и *познания всего — всеведенья*!

Это божественное состояние, при котором *Создатель узнает себя*, можно выразить символически — числами:

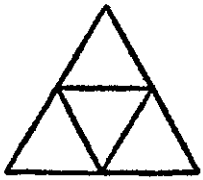
Бог, покоящийся в себе, — 1 в 3 и 3 в 1. А 1 и 3 есть неделимое единство.



В геометрии равносторонний треугольник символизирует образ Бога, где различий между узнающим, узнаваемым и узнаванием не существует: *1 в 3 и 3 в 1.*

Всякая форма является проявлением силы, ее создавшей. Таким образом, форма является образом кроющейся в ней созидательной силы. Божественное начало, *покоящееся в себе*, всегда проявляет себя в форме треугольника. Треугольник символизирует совершенную гармонию и совершенное равновесие — три его вершины расположены на одинаковом расстоянии друг от друга. Когда тот аспект Бога, о котором мы говорим как о «покоящемся в себе», приходит в движение, покидая план, где нет ни времени, ни пространства, он ста-

новится *созидательным* аспектом *Бога* и всегда проявляет себя числом 4. До тех пор, пока числа 1 и 3 создают единство в *божественном*, они остаются 1 в 3 и 3 в 1. Но, покинув божественное состояние, они разъединяются, и вместо «1 в 3» возникает «1 и 3», то есть 4. Равносторонний треугольник скрывает в себе 4 меньших равносторонних треугольника.



Этот закон заключает в себе тайну ключевого числа трехмерного мира — числа 7.

А сейчас попробуй представить себе, как энергия, выйдя из состояния «вне времени и пространства», впервые проявила себя в трехмерном мире. Закрой глаза, и я пошлю эту истину прямо в твое сознание.

Я делаю, как сказал мне Птахотеп: закрываю глаза и направляю внимание вовнутрь. Внезапно перед моим внутренним взором возникает *точка*, и я слышу голос Птахотепа:

— Чтобы сила покинула безмерное состояние и проявила себя, ей нужна *исходная точка*. Точка безмерна, она еще не покинула состояния единства. Так как точка состоит из единственного фактора, она несет в себе число *единства*, число 1.

Когда точка, покинув безмерное состояние, некоторое время проявляет себя, она движется и создает *линию*.

Я вижу внутренним взором, как точка превращается в линию, и слышу голос Птахотепа:

— Итак, возникло первое измерение — длина. Линия бесконечна, и потому ее первое проявление тоже символизирует число 1. Но в мире проявлений, в мире, где все имеет начало и конец, линия тоже определяется тремя факторами: начальной точкой, конечной точкой и расстоянием между ними. Таким образом, линия также символизирует 3 — ключевое число одномерной реальности.

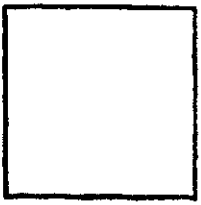
Ты, должно быть, заметила, то в *единстве* не может существовать число 2. Напомню тебе, что после точки, символизирующей единственный фактор — 1, мы сразу же перешли к трем факторам, *минуя число 2*. Как только точка начинает

двигаться, не важно, сколько времени (пускай хоть миг), мы сразу же получаем 3 фактора, а не 2. Бесконечная линия, безусловно, символизирует 1, но если линия имеет начало и конец, то символизирует число 3.

Число 2 может возникнуть только при *расколе единства.* Оно возможно лишь тогда, когда два единства отделены друг от друга. Но так как вне единства никакой реальности не существует, то *единство должно выделить из себя свое отражение.* Таким образом, происходит раскол, разъединение — гибель единства. Вот почему слово, обозначающее «двойственность»*, выражающее расщепление разума и души, так созвучно слову, обозначающему 2. Это справедливо для всех языков.

Теперь посмотрим, как из первого измерения возникает второе. Линия состоит из ряда точек. Все они обладают одинаковым зарядом созидательной энергии, и, излучая ее линейно, одинаковыми по мощности импульсами, с одинаковой периодичностью, в направлении, перпендикулярном линии первого измерения, точки образуют второе измерение. Каждая точка создает линию, и совокупность этих линий является плоскостью — равносторонним прямоугольником.

Так рождается второе измерение — ширина.



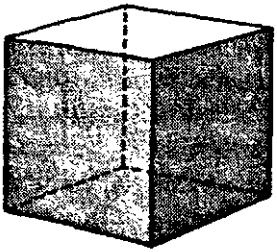
Прямоугольник — *четыре* в *одном* и *один* в *четырех* — состоит из пяти факторов. Вот эти факторы: четыре *проявленные* линии (исходная линия, конечная линия, правая и левая линии сторон) и пятый фактор — непроявленная площадь, ограниченная этими линиями. Таким образом, ключевым числом двухмерной реальности является число *пять.*

Но созидательные силы продолжают свою работу. Плоскость тоже состоит из точек, и эти точки, обладая равным потенциалом созидательной энергии, продолжают себя в

* В оригинале — *doubt*, точный перевод — «сомнение», которое в русском языке вряд ли связанно с числом «два». — *Прим. перев.*

третье измерение. Двигаясь в одном направлении одинаковый период времени, они удаляются от исходной плоскости на одинаковое расстояние. Так возникает *куб*.

Так рождается третье измерение — высота.



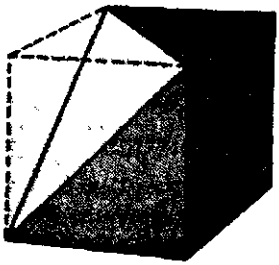
Куб — *шесть* в *одном* и *один* в *шести* — состоит из семи факторов. Вот эти факторы: шесть *проявленных* (ограничительных) плоскостей и седьмой фактор — непроявленный объем, ограниченный этими плоскостями. Таким образом, ключевым числом трехмерной реальности является число *семь*.

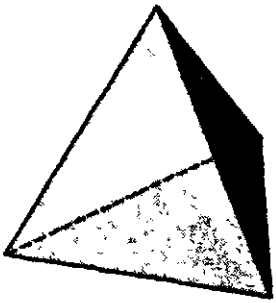
Как видишь, в основе материальной формы лежит куб. Разнообразные кристаллы формируются в соответствии с этим законом. Если ты рассмотришь их, то обнаружишь, что они либо имеют строго кубическую форму (например, соль), либо составлены из основных элементов куба в разнообразных сочетаниях.

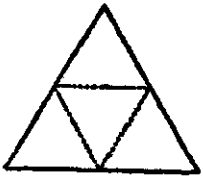
Взяв за точку отсчета одну из вершин куба, попытайся найти плоскость, где будут представлены все три измерения куба. Если ты сделаешь разрез строго посередине, то получишь плоскость, представляющую лишь два измерения куба. Чтобы получить плоскость, представляющую все три измерения куба, нужно сделать косой разрез, начиная с любого угла до двух противоположных. Таким образом, один угол куба будет отрезан.

Если мы продолжим в том же духе, то отрежем все четыре угла куба, и то, что от него останется, будет называться тетраэдром. Это фигура, грани которой образованы четырьмя равносторонними треугольниками.

Теперь ты видишь, что в кубе скрывается фигура совершенно иной формы — ее грани состоят не из четырехугольников, а из треугольников. Если мы спроецируем эти четыре треугольника на плоскость, получится один равносторонний треугольник — символ *Бога*.







Подобно равностороннему треугольнику, тетраэдр — воплощенные гармония и равновесие. Поскольку все вершины тетраэдра находятся на равном расстоянии друг от друга, в фигуре не возникает никакого напряжения — она находится в состоянии равновесия. Углы же куба, как и прямоугольника, находятся друг от друга на разном расстоянии, поэтому эти фигуры пребывают в состоянии постоянного стресса. Материя трехмерного мира состоит из кубических фигур, но в них скрыты тетраэдры, построенные по Божественному принципу. Материя не может существовать без божественной сути.

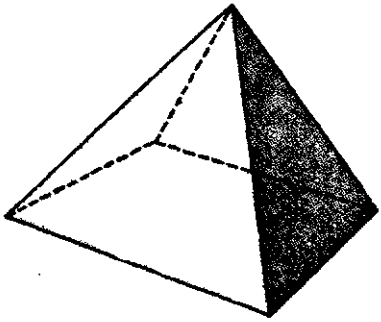
Весь трехмерный мир построен по единому принципу. Когда дело касается формы — живые существа или неживая материя, — все подчиняются одному закону. Тела человека, животного и растения принадлежат трехмерному миру. Однако за этой формой всегда кроется Высшее Божественное *Я* — жизнь — вечная *сущность*. Лишь человек может проявлять Бога своими словами, поступками и мыслями. Для этого он должен отождествлять свое сознание не с телом, а с его духовным содержанием — *Я*. Пока человек отождествляет себя со своим телом, он подобен непрозрачному кубу, скрывающему за внешней формой содержащийся в нем божественный принцип. Трудно заподозрить, что тетраэдр (Божественное *Я*), столь непохожий по форме на куб, кроется внутри!

Человек же, использующий свое тело, слова, мысли и поступки лишь для проявления Божественного созидательного

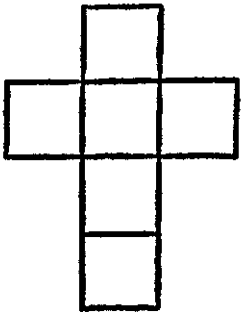
принципа и оставляющий свои физические качества в непроявленном состоянии, подобен (если воспользоваться той же аналогией) *кубу*, вывернутому наружу, чье содержимое — внутренние равносторонние треугольники божественного тетраэдра — ни от кого не скрыто.

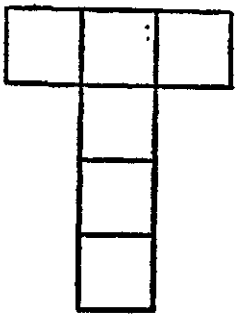
Такой человек использует материю (квадратные фигуры) только как основу, на которую ему приходится опираться в трехмерном мире.

Но срезанный куб, вывернутый наизнанку, является *пирамидой. Вот почему пирамида символизирует богочеловека*, познавшего свою божественную природу и всецело проявляющего *Бога* на Земле. Спасение Земли, одухотворение материи находит свое полное выражение в образе *богочеловека*. Божественное *Я* — Создатель — восседает на троне и царит над материей — телом.



Фигура же, символизирующая человека-материалиста, использующего свой разум для достижения материальных целей, — крест, или Т-образная фигура, образованная квадратными гранями куба. На этом кресте распято внутреннее божественное *Я*.





Божественное начало в таком человеке оскудело. Оно не может проявлять себя в материальном мире, занимая в нем

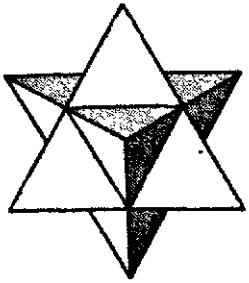
подчиненное положение. Оно распято на двух перекладинах материального мира — времени и пространстве — и умирает на этом материальном кресте. Но его смерть — это еще не конец! Божественное созидательное *Я* способно воскреснуть и спасти человека, чье сознание опустилось на самый низкий уровень. Материалист, в неведении распявший свое божественное *Я*, обрекает себя на бесконечные мучения и пытки. Он становится тем самым преступником, которого распинают рядом с божественным началом. Боль и страдания заставляют проснуться его сознание, в нем воскресает божественное *Я*. И происходит *спасение*, так как человек *узнает* себя в *Нем*!

Представители божественной расы, рассеявшиеся по всей Земле, несли с собой эти божественные символы. В любой стране, на любом континенте можно обнаружить изображение священных фигур. Они могут быть большими или маленькими, нарисованными на глине или вырезанными на металле. Многие люди будут считать, что эти изображения рассказывают о человеке, которого распяли на кресте, и лишь немногие узнают в них символ распятого божественного начала на кресте пространства-времени.

Пирамиды будут стоять на протяжении тысячелетий, провозглашая заложенную в их конструкции истину. Имеющие глаза и уши узнают эту истину, хотя и не будут способны постичь все математические и астрономические законы, примененные при возведении пирамид. Лишь немногие поймут все до конца. Для примитивных же умов пирамиды всегда будут оставаться «загадкой», такой же «загадкой», как и Сфинкс. Но и они когда-нибудь достигнут такого уровня, что смогут решить ее.

Но давай же вернемся к нашему кубу! Несколько минут назад ты сделала срез от одного угла куба к двум другим его углам, так что получила все три измерения в плоскости сечения. Таким образом, ты отсекла вершину куба. Затем ты сделала то же самое еще с тремя. Срезав из восьми вершин куба четыре, ты получила тетраэдр. Но если бы ты вернула срезанные вершины на место, и отсекла другую четверку вершин куба, то увидела бы, что куб содержит не один, а два тетраэдр

ра, вписанных друг в друга. Каждый из них является зеркальным отражением другого. Эти тетраэдры символизируют сокровенный закон зримого мира: неразрывную связь двух дополняющих половин — положительной и отрицательной. Заключенные друг в друге, они являют собой образ совершенного равновесия. При творении они действуют как два противоположных закона: закон духа и закон материи.



Дух есть жизнь, материя есть сопротивление. Закон духа — *излучение, дарение, бескорыстие*. Закон материи — втягивание вовнутрь, остывание, неподвижность.

Лишь одно существо способно сочетать в себе оба закона — это человек. Он — звено, связующее мир материи и мир духа. Он способен одновременно подчиняться законам обоих миров. Его мысли, слова и поступки могут быть проявлением бескорыстной любви, самоотдачи, тогда как тело его всецело принадлежит миру материи. *В правильном месте и в правильное время любой закон является Божественным, в противном случае — дьявольским.*

Без сопротивляемости материи Творение было бы немыслимым. В непроявленном *Божественном* все созидательные силы пребывают в полном покое и равновесии. Они представляют собой лишь *потенциал, энергетические возможности*. Творение начинается, когда одна сила отделяется от единства и противопоставляет себя Создателю — оказывает сопротивление. Это и есть «перворожденный сын» Бога — дух сопротивления. Отец посылает его, чтобы он на протя-

жении многих тысячелетий противопоставлял себя Создателю, сделав, таким образом, возможным акт Творения.

Возьмем камень. Сила, не дающая камню распасться на куски, — это та же самая сила сопротивления, что охлаждает, собирает и удерживает все вместе. До тех пор пока этот закон относится только к материи, он остается Божественным. Но инертное вещество становится живой материей лишь тогда, когда божественный дух, *Я*, заключив себя в материю, превращает ее в плоть. *Жизнь* проникает в инертное вещество, и, вопреки закону материи, в нем возникает живой дух: отраженный образ (ставший духом лишь благодаря тому, что *Бог — Я* всех живых существ — вдохнул свою собственную жизнь в материю) — *дьявол. Таким образом, ты видишь, что дьявол — это закон материи, получивший жизнь благодаря божественному духу*. Дьявол — закон неживой материи, он оживает лишь после того, как в материю проникнет божественный дух.

Когда человеческое сознание начинает отождествлять себя с законами материи, *человек вызывает дьявола к жизни* и сам становится служителем Сатаны. Без человека дьявол не может жить, без человеческого *Я* дьявол остается лишь несознательной силой, *естественным законом материи*.

Дьявол может получить жизнь только в сознании человека, отождествляющего себя с законами материи, с собственной плотью, человека, слепо следующего на поводу у своих желаний и потребностей. Такой человек проявляет следующие законы материи: центростремительную силу и охлаждение, наделив их *духовными характеристиками*, в результате чего возникает алчность, эгоизм, душевная холодность. Ни одно живое существо не встречало самого *дьявола*, так как *без человека дьявол не может существовать*. Без человека дьявол — не более чем закон природы. Мы можем встретиться с живым дьяволом лишь в человеческом образе; только в *выражении* человеческого лица мы можем распознать дьявольский лик.

Когда после смерти *Я* такого человека отделяется от тела, дьявол остается с трупом, как закон природы. Он стал дьяво-

лом благодаря человеческому *Я* — оживляющей силе *сознания*. Но сознание человека, отождествлявшего себя с материей и попавшего из-за этого в услужение дьяволу, *умирает вместе с дьяволом и становится бессознательным*. Дьявол увлекает своего раба за собой — в инертное вещество, в бессознательное, в себя.

Сознание же человека, отождествлявшего себя с законом Божественного духа и служившего ему, оживляется. Освободившись от цепей и материальной изолированности, оно сливается со *светом* и устремляется к *Богу*.

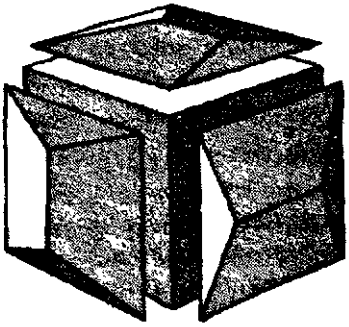
Два заключенных друг в друге тетраэдра символизируют два полюса творения, находящихся в совершенном равновесии. Творение — мир движения — основано на законе божественного равновесия. Внутренний закон управляет всеми процессами природы, в том числе и кристаллизацией. Как ты уже видела, в основе первичной формы материи — куба — лежит божественный тетраэдр. Грани тетраэдра — треугольники — идентичны плоскостям, проведенным через вершины куба. В глубине человеческого естества также существует план, где он может контактировать с божественным *Я*. Вот почему мы можем найти свою божественную *сущность* только внутри, а не снаружи.

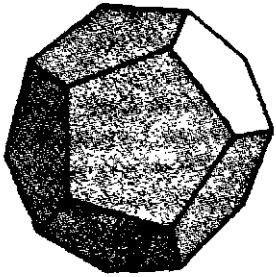
Человек направляет свое внимание во внешний мир и потому, в соответствии с божественным законом, погружается все глубже в духовную темницу. Лишь после длительных мучений он приходит к *Божественному*.

Но сейчас давай рассмотрим многочисленные формы кристаллов, имеющие куб в своей основе.

Возьми шесть геометрических фигур, напоминающих по форме крышу дома, основа которых точно совпадает с гранями куба. Теперь размести эти фигуры на кубе таким образом, чтобы все ребра совместились.

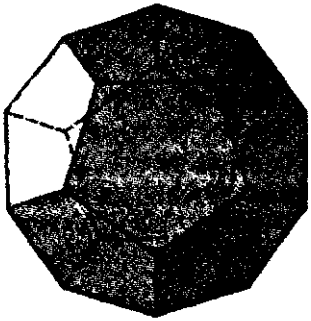
Таким образом, мы получим геометрическую фигуру — пятиугольный додекаэдр, состоящий из двенадцати равносторонних пятиугольников. Пятиугольный додекаэдр открывает нам иные законы длинного пути, по которому идет сознание. Но прежде давай рассмотрим последнюю кристал-



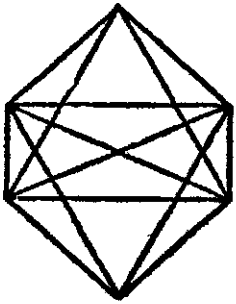


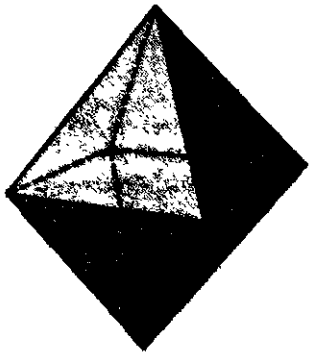
лическую форму в этой серии — икосаэдр, состоящий из двадцати равносторонних треугольников.

Итак, начав с тетраэдра, мы создали *четыре* правильные кристаллические фигуры: тетраэдр, куб, пятиугольный додекаэдр и икосаэдр. Из квадратов состоит только куб, из пятиугольников — только пятиугольный додекаэдр.

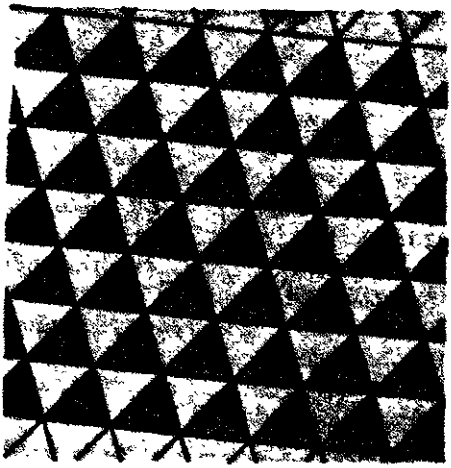


Тебе уже хорошо известны все описанные геометрические тела, кроме октаэдра. Но ты можешь создать октаэдр, начертив три линии одинаковой длины во всех трех направлениях (определяющих длину, ширину и высоту) в аксонометрии так, чтобы середины этих линий сходились в одной точке. Соединив конечные точки всех линий, ты получишь восемь треугольников, формирующих октаэдр. Итак, ты видишь, что октаэдр состоит из двух пирамид: одной — стоящей прямо и другой — перевернутой.





А сейчас слушай очень внимательно. Если мы рассечем октаэдр плоскостями, находящимися на равном расстоянии друг от друга, вдоль каждой из трех осей, то у нас получатся бесчисленные маленькие октаэдры. Но эти октаэдры *не заполняют собой весь объем большого октаэдра. Промежутки между маленькими октаэдрами заполнены тетраэдрами, как это было в кубе.* Ты можешь продолжать делить пространство октаэдров параллельными плоскостями сколько угодно, и каждый раз в промежутках будут оставаться тетраэдры. Таким образом, ты видишь, что трехмерное пространство всегда опирается на божественный тетраэдр — символ абсолютной гармонии и совершенного равновесия.



Точно так же все зримое творение каждой своей точкой опирается на *Божественное*, стоящее над всеми проявлениями, покоящееся в себе в непроявленном состоянии. *Бог вездесущ!*

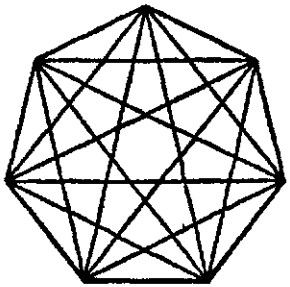
Но сейчас давай вернемся к различным геометрическим телам, скрывающимся друг в друге или накладывающимся друг на друга: к кубу, тетраэдру, пятиугольному додекаэдру и икосаэдру. Их взаимоотношения открывают нам некоторые новые законы.

Если мы возьмем половину граней каждой из вышеперечисленных фигур — тетраэдра, куба, пятиугольного додекаэдра и икосаэдра, — то получим следующие числа: 2, 3, 6 и 10. Перемножив их, получим число 360 — число градусов круга. Сложив же эти числа, получим 21 — число возможных связей между семью факторами трехмерного мира — ключевого числа 7!

Птахотеп замолкает, а я продолжаю стоять перед ним, сохраняя благоговейное молчание.

— Теперь ты можешь идти, дитя мое, — говорит Птахотеп, — сегодня ты узнала достаточно. В следующий раз мы поговорим о четырех сторонах пирамиды. За ними скрываются многие истины. Если ты хочешь прийти к полному самопознанию, тебе нужно ознакомиться с ними.

Я кланяюсь и удаляюсь.



***

4. И я видел: и вот бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него;

5. А из средины его как бы свет пламени из средины огня; и из средины его видно было подобие четырех животных, — и таков был вид их: облик их был как у человека;

10. Подобие лиц их — лице человека и лице льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны — лице тельца у всех четырех и лице орла у всех четырех.

12. И шли они, каждое в ту сторону, которая пред лицем его; куда дух хотел идти, туда и шли; во время шествия своего не оборачивались.

14. И животные быстро двигались туда и сюда, как сверкает молния.

15. И смотрел я на животных, — и вот, на земле подле этих животных по одному колесу перед четырьмя лицами их.

16. Вид колес и устроение их — как вид топаза, и подобие у всех четырех — одно; и по виду их и по устроению их казалось, будто колесо находилось в колесе.

17. Когда они шли, шли на четыре свои стороны; во время шествия не оборачивались.

18. А ободья их — высоки и страшны были они; ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз.

20. Куда дух хотел идти, туда шли и они; куда бы ни пошел дух, и колеса поднимались наравне с ними, ибо дух животных был в колесах.

22. Над головами животных было подобие свода, как вид изумительного кристалла, простертого сверху над головами их.

26. А над сводом, который над головами их, было подобие престола по виду как бы из камня сапфира; а над подобием престола было как бы подобие человека вверху на нем.

27. И видел я как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри его вокруг; от вида чресл его и выше и от вида чресл его и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние было вокруг него.

28. В каком виде бывает радуга на облаках во время дождя, такой вид имело это сияние кругом. Такое было видение подобия славы Господней. Увидев это, я пал на лице свое, и слышал глас Глаголющего, и Он сказал мне: сын человеческий! Стань на ноги твои, и Я буду говорить с тобою.

Книга Пророка Иезекииля, гл. 1

— 34 —

Четыре лика Бога

Вновь я стою перед Птахотепом.

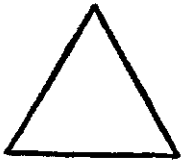
— Дитя мое, — начинает он, — сегодня ты узнаешь, что такое четыре лица Бога.

Я помогу тебе распознать их в *себе*. Четыре лица существуют во всем, что было сотворено. Все творение — *в том числе и ты* — зиждется на *его* четырех ликах.

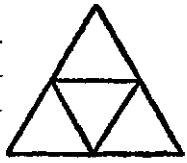
Жизнь зримого мира — начиная от гигантских центральных солнц, заканчивая микроскопическим простейшим организмом — не что иное, как вращение *вокруг* четырех ликов и *в* четырех ликах Бога.

Ты знаешь, почему *Божественное, покоящееся в себе*, в символическом виде выражается как равносторонний треугольник. *Бог* и его три аспекта — *один в трех* и *три в одном*. Это состояние — как и равносторонний треугольник — заключает в себе возможность для числа *четыре*. Когда три аспекта отделяются от основного числа *один*, тогда происходит переход от непроявленного «*три в одном*» к проявленному «*три и один*» — рождается число *четыре*.

Погляди-ка на равносторонний треугольник: в нем ты увидишь лишь *единое*, имеющее три стороны, три аспекта. Но он содержит в себе скрытое и непроявленное число *четыре* — ведь равносторонний треугольник может быть разделен на четыре маленьких равносторонних треугольника.



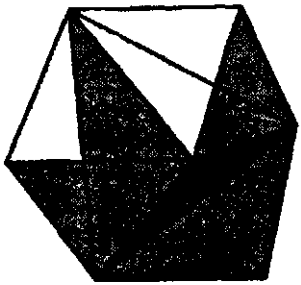
Когда треугольник переходит из непроявленного в проявленное состояние — *в трехмерный мир* — из треугольника возникает тетраэдр.



Как ты уже знаешь, первичная форма материального проявления, куб, скрывает в себе непроявленный тетраэдр.

Четыре треугольника, составляющие грани тетраэдра, суть области контакта между Божественным и материальным, так как они совпадают с внутренними поверхностями куба с отсеченными углами.

Если мы вывернем треугольники тетраэдра *наружу* с помощью углов куба, таким образом проявляя их, то получим пирамиду, четыре стороны которой одновременно являются *четырьмя треугольниками тетраэдра, вывернутыми наружу*, и отсеченными углами куба, также вывернутыми наружу.



Четыре стороны пирамиды символизируют четыре лика Бога, каждая из которых, отдельно взятая, проявляет три аспекта Божественного, *покоящегося в себе* и стоящего над всем Творением. Пирамида раскрывает живую реальность, живой закон, согласно которому *Бог* всегда и полностью проявляет себя в материальном мире и, следовательно, живет в каждой созданной им вещи.

Бог проявляет свои четыре аспекта в любой точке Вселенной. Он излучает себя в четыре стороны Земли, и *Он* лучится с неба. Поскольку эти потоки силы, возникающие в одной точке, но разнящиеся между собой столь значительно, пришли из райского единства, мы можем сравнить их с четырьмя великими реками, истоки которых находятся в центре рая, где растут Дерево Жизни и Дерево Познания Добра и Зла. Реки эти текут во внешний мир в четырех разных направлениях.

Ты найдешь это четверичное проявление во всех сотворенных вещах. Но ярче всего оно проявляется в больших воздушных потоках — в ветрах. Даже самый тупой человек знает, что ветры, дующие с разных сторон света, производят различный эффект.

Северный ветер несет с собой холод и сухость, он оказывает парализующее воздействие. Во многих частях света северный ветер делает воду твердой как камень.

Южный ветер всегда приносит жару и оказывает живительное, возбуждающее воздействие.

Восточный ветер прохладный и освежающий.

Западный ветер несет с собой тепло и влагу — во многих местах из-за западного ветра идет дождь. Он действует утомляюще и нагоняет сонливость.

Ты должна была об этом знать сама, так как такое замечает даже ребенок. Но задумывалась ли ты когда-нибудь о том, каким образом все это происходит? Как воздушные течения, беря начало в одной и той же точке земной поверхности, приобретают различные качества в зависимости от *направления*, в котором устремляются?

Представь себе, что ветер возник здесь, где мы с тобой находимся, где тепло и приятно. И этот ветер понесся на юг, в страну южнее нашей. Для жителей этой страны это будет *северный* ветер, и он принесет им прохладу. Он окажет на них охлаждающее, успокоительное воздействие. Но если ветер, возникший здесь же, примет северное направление, люди, живущие к северу от нас, почувствуют дуновение *южного* ветра. И он окажет на них оживляющее, стиму-лирующее действие, принеся с собой тепло. Так каким же образом ветер, возникший в одной и той же точке, оказывает как возбуждающее, так и успокаивающее воздействие, несет с собой как жару, так и холод, как дождь, так и засуху?

Все зависит от *направления* ветра. Этот закон пространства мы зовем *четырьмя ликами Бога*.

Первый — северный лик — *огненный* и он оказывает стимулирующее воздействие. Вот почему южный ветер несет с собой жар и побуждает животных к продолжению рода.

Второй — западный лик — *воздушный* и прохладный. Он все приводит в движение — вот почему восточный ветер освежает.

Третий — восточный лик — *влажный*, сырой и теплый. Он заключает в себе инертность, тяжесть, влагу и осадки. От западного ветра все живые существа становятся сонными. Их сознание втягивается в тела.

И наконец, четвертый — южный лик — *холодный*. Он производит эффект кристаллизации, материализации, оказывает сжимающее, вяжущее воздействие. Он приносит холод и успокаивает нервы.

Первый и главный лик *Бога — огненный*. Все прочие проявления, или лики, зависят от него. Вид огня определяет, какой будет погода: жаркой, холодной, влажной или сухой. *Вот почему огненный лик Бога является отцом всех остальных ликов*. В результате его излучений возникают различные состояния: тепло и сухость порождают *воздушное* состояние; холод и влага — *водянистое* состояние, тогда как холод порождает твердое *земное* состояние.

Ты обнаружишь действие этого закона всюду — в каждом дереве, в каждой травинке. Возьми, к примеру, дом: его южная сторона прогревается, подвергаясь воздействию северного лика Бога, тогда как северная стена дома остается в тени и холоде — ведь на нее воздействует южный лик Бога. Восточная сторона всегда сухая, а западная всегда испытывает избыток влаги. Когда бы мы ни производили дождь в пирамидах, капли всегда ударяют по западной стороне.

Этот четверичный аспект проявляется не только в больших воздушных потоках, но и во всем, что сотворено Богом. Посмотри на деревья: северная сторона всегда подвержена влиянию южного лика Бога — ее покрывает мох. Не задумывалась ли ты над тем, почему у человека лишь одно лицо и оно всегда обращено вперед? Направление, куда обращено лицо, — это огненный, дарящий аспект человека. Спиной же мы поворачиваемся к тому, к чему охладели. Наши конечности также направлены вперед, и нам удается направлять волю только туда, куда обращено лицо. И почему нам лучше

всего спится, когда мы ложимся в направлении с севера на юг? Почему все животные ложатся так? Почему птицы вьют гнезда, а муравьи строят муравейники с севера на юг? У животных нет разума, чтобы понять, зачем это нужно, но они инстинктивно чувствуют, что с севера приходят охлаждающие, успокаивающие потоки, а с юга — согревающие, стимулирующие. Они чувствуют, что для лучшей циркуляции их собственных жизненных токов следует строить гнезда и ложиться в направлении с севера на юг.

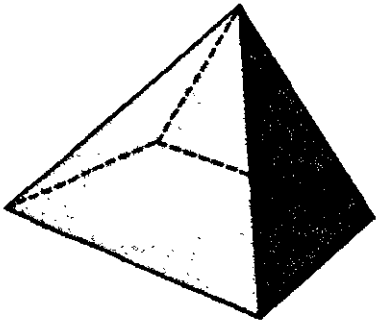
Вот почему человек, желающий соединиться с Богом, должен молиться, обратив лицо к северу или востоку — к югу или западу *никогда*. На севере и на востоке он сможет найти силы, способствующие развитию его духовности, тогда как на юге и на западе он получит толчок к отождествлению себя с примитивными инстинктами.

Воздействие четверичного излучения во всей Вселенной единообразно. *Четыре лика Бога никогда не смещаются и не поворачиваются. Они всегда остаются неподвижными, неизменными — каждый смотрит в своем направлении.*

Куда бы ни приходили Сыны Бога, они обучали людей этим истинам, выбрав подходящую форму изложения для каждого случая. Здесь, где люди понимают законы геометрии и способны усвоить истины при помощи разума, мы рассказываем о четырех ликах Бога при помощи пирамид. Но на Земле есть и другие расы, которые легче воспринимают духовные откровения. В землях этих людей Сыны Бога соорудили огромные каменные статуи, где *Божественное* выражено в форме треугольной человеческой фигуры с четырьмя ликами, обращенными ко всем четырем сторонам света.

Оба символа раскрывают нам одну и ту же истину: когда созидательное Божественное Начало покидает лежащую вне времени и пространства непроявленную реальность, чтобы проявить себя в трехмерном мире и стать материей, то, *даже сохраняя свои три аспекта*, оно проявляется как число *четыре*. Форма пирамиды ясно демонстрирует это: ее *четыре* стороны, расположенные на квадратной основе, являют собой

треугольники, символизирующие три аспекта Бога. Итак, пирамида проявляет *четыре*, умноженное на *три*: число двенадцать.



А это ведет нас к другой истине.

Как ты поняла из символической формы пирамиды, каждое из четырех ликов Бога имеет три аспекта. Это выражается в *двенадцатикратном проявлении* каждой точки Вселенной. Эти законы действуют во всем сущем, начиная с населяющих планеты мелких созданий и распространяясь все дальше и дальше в безграничный Космос. Итак, осознав один из этих циклов, ты узнаешь тайны внутренней структуры всей Вселенной и каждого живущего в ней существа. *Вся зримая Вселенная основана на двенадцатикратном проявлении Бога.*

Но, прежде чем продолжить, ты должна усвоить: *все, что люди могут воспринять при помощи своих органов чувств, полностью противоположно тому, что существует в божественном состоянии реальности.* Все, на что бы ты ни смотрела — сверху ли, снизу ли, справа ли, слева ли, спереди или сзади, — обращается в свою полную противоположность, как только ты прекращаешь *смотреть на это* и *становишься этим*. Когда ты *смотришь* на что-то, ты вступаешь с ним в *дуалистические отношения*. Ты, наблюдатель, и объект наблюдения — два противоположных полюса. Но когда ты *есть* что-то, ты входишь с этим «чем-то» в *монистическое состояние, Божественное единство.*

Сейчас я продемонстрирую тебе свою мысль на простом примере: возьми букву «Е». В каком направлении пишется эта буква?

— Ее пишут слева направо, — говорю я.

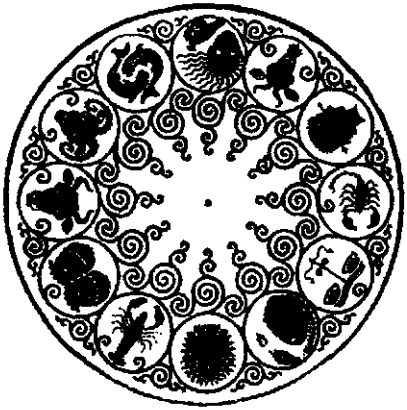
— Верно, — соглашается Птахотеп, — а сейчас я напишу эту букву на твоей груди. Теперь, когда ты *стала этой буквой*, как тебе кажется, в каком направлении пишется она?

— Справа налево, Отец, — говорю я.

— Верно, в противоположном. А сейчас следуй за мной, я покажу тебе кое-что еще.

Птахотеп ведет меня к двум большим круглым тарелкам, свисающим с потолка. Они служат светильниками. Обе тарелки украшены одинаковыми изображениями, но расположены эти изображения в обратной (по отношению друг к другу) последовательности и обращены в противоположные стороны. Изображения на первой тарелке повернуты головой к центру, тогда как на второй — головой к периферии. На одной изображения следуют по часовой стрелке, на другой против.

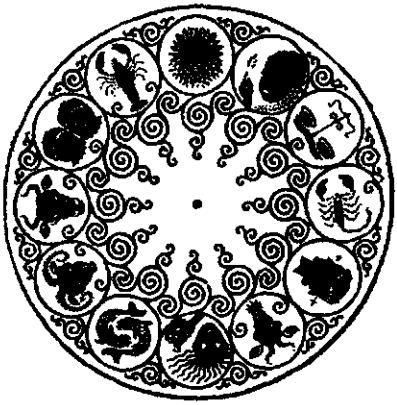
Птахотеп подводит меня к первому кругу и спрашивает:



— Когда ты видишь изображения головой кверху?

— Всегда, когда я обхожу круг. Из любой точки, Отец.

Затем Птахотеп ведет меня ко второму кругу и спрашивает:



— А как тебе представляются эти изображения?

— Все они расположены головой вниз, и их последовательность противоположна той, в которой располагаются изображения первого круга, — отвечаю я.

— А теперь постарайся найти точку, из которой ты увидишь изображения в правильной последовательности и вверх головой.

Я смотрю на картинки и *хочу* увидеть их обращенными головой вверх. Безотчетно я делаю шаг и оказываюсь *под* кругом — в *самом его центре*. И тут же фигуры словно изменяют свое положение! Сейчас все они повернуты вверх головой и располагаются в правильной последовательности. Я медленно поворачиваюсь, не отходя от центра, и все фигуры остаются в правильном положении. Но вот я делаю шаг в сторону — и тут же все изображения переворачиваются вниз головой! Я снова возвращаюсь в центр. Я потрясена, я переживаю *состояние бытия*, я понимаю, что это означает, и от восторга у меня кружится голова.

Увидев, насколько я потрясена, Птахотеп улыбается.

— Теперь ты видишь, — спрашивает он, — почему личное всегда противоположно *Божественному*? Понимаешь ли ты теперь, почему человеческие буквы пишутся слева направо, тогда как *Божественные — справа налево*?

— Да, Отец Души моей, — отвечаю я прерывающимся от волнения и восторга голосом, — теперь я понимаю.

Птахотеп берет мою руку в свою — как быстро сила, исходящая из его руки, успокаивает меня! Он ведет меня к большой доске, на которой изображены различные геометрические фигуры.

— Земля, — продолжает он, — получает двенадцатикратное излучение четырех ликов Бога от различных созвездий. Все вместе они окружают нас, словно колесо. Мы называем это огромное колесо «Зодиаком».

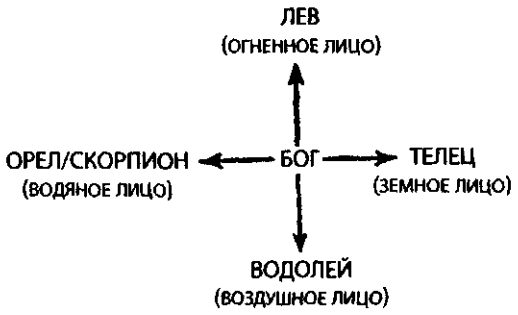
Земля существует лишь благодаря излучению, исходящему из Зодиака. Различные вибрации встречаются в определенной точке Космоса, где их взаимодействие производит эффект конденсации, или материализации. Наша Земля возникла именно благодаря этому медленному процессу материализации. Большую роль в этом процессе сыграло Солнце — Земля возникла в его силовом поле и стала его спутником. Земля получает свою жизненную энергию от Солнца, но также постоянно воспринимает излучение, исходящее из Зодиака и других планет Солнечной системы.

Как и все небесные тела, Земля олицетворяет материализацию различных взаимодействующих излучений. Вот почему на каждом этапе развития нашей планеты на первый план поочередно выступают различные силы великого космического колеса, соответствующие определенной форме проявления. Следовательно, в структурах камней, растений, животных и людей Земли присутствуют материализовавшиеся лучи определенных созвездий Зодиака, а также лучи всех отдельных планет Солнечной системы. Названия знаков Зодиака определяют земные формы жизни, являющиеся материализованными проявлениями соответствующих созвездий. Например, когда видишь льва, ты должна помнить, что он является материализовавшимся излучением зодиакального знака, который мы называем «Лев», представляя его на животном плане. Существуют минералы, растения и люди, созданные из той же энергии, но они представляют ее соответ-

ственно на минеральном, растительном и человеческом уровнях.

Так как название каждого знака Зодиака одновременно является названием определенной формы жизни, возникшей в результате материализации излучения данного знака, это название и есть то *единственное слово*, которое точно характеризует соответствующее излучение созвездия.

Вот четыре лика Бога — четыре точки координат — небесного свода в его *божественном состоянии*:



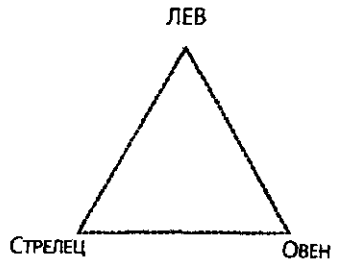
Каждое из четырех ликов Бога, каждая из четырех точек координат небесного свода содержит в себе три аспекта непроявленного *Божественного*. Таким образом, возникают *двенадцать знаков Зодиака*:

Три *огненных* аспекта первого лика *Бога* открываются посредством трех созвездий: *Овна, Льва* и *Стрельца*.

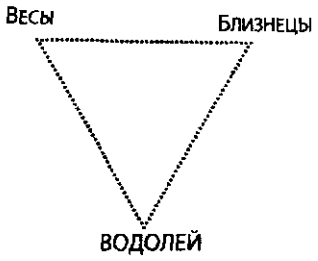
Лев — первое проявление *Бога* и, следовательно, он — *Великий Отец всего Зодиака*. Вот почему три проявления первого лика Бога имеют *отеческий*, дарящий жизнь характер.

Овен — излучает огонь молодости, несет в себе побудительную силу молодого отца, проникающего в лоно природы и пробуждающего новую жизнь. *Овен* — энергия *весны*, а эта энергия столь же дика и бесшабашна, как сам баран (Овен).

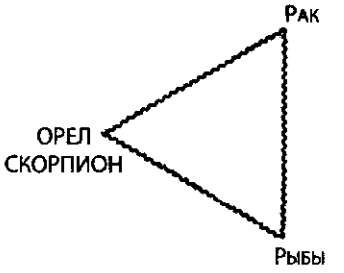
Лев — огонь взрослого, прекрасно развитого и почтенного человека — зрелого отца, излучающего созидательную силу, любовь и тепло, согревающие детей. *Лев* — энергия *лета*.



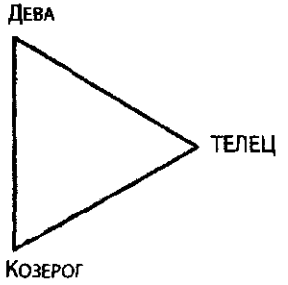
I
Огненный треугольник



II
Воздушный треугольник



III
Водяной треугольник

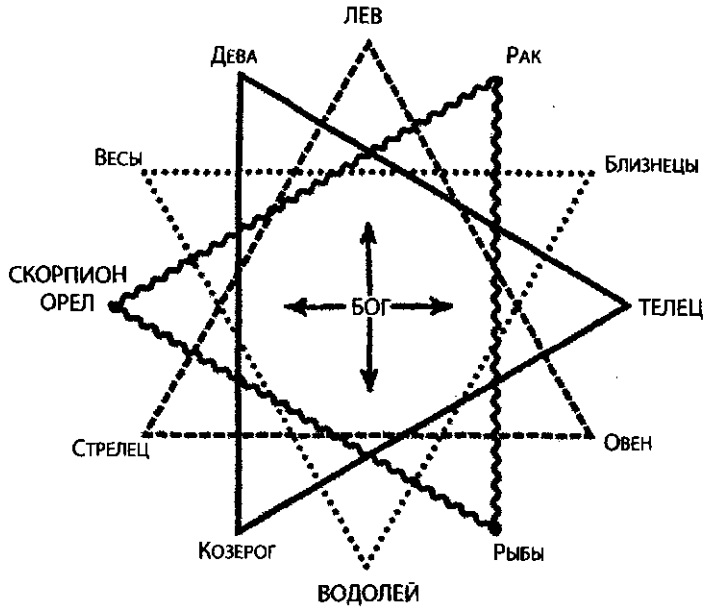


IV
Земной треугольник

Кентавр — *Стрелец* — существо, возвысившееся над своей животной природой, преодолевшее физические желания и направившее свое сознание к высшей цели. Он излучает огонь духа мудрого и снисходительного отца, спешащего на помощь своим взрослым детям с мудрым советом. *Кентавр*, или *Стрелец*, — духовный огонь мышления, сила старости, *зимы*.

Вот три аспекта второй группы, представляющей земной (материальный) лик *Бога: Телец, Дева* и *Козерог*. Все три проявления этого лика *Бога* обладают *материнским* характером.

Весной бык (телец) пасется на зеленом лугу, а вся природа убрана в свой лучший наряд, словно невеста, готовая идти под венец. Излучение зодиакального знака Тельца позволяет



Земле получить огненную энергию жизни и *укорениться*. Таким образом, божественное зерно воплощается в земной оболочке. Излучение *Тельца* дает возможность *Божественному Я стать плотью. Телец* пробуждает в материи энергию зачатия — призывая *невесту* к готовности. *Телец* символизирует тот аспект рождающегося материнства, когда будущая мать готова к зачатию.

Дева — незапятнанная царица небес — мать-богиня природы, которой никогда не касался мужчина, но которая несет в себе миллиарды созданий, рождающихся из ее тела. Энергия *Девы* — плодородность природы, вот почему ее изображают с колоском в руке. В мистическом мире *Девы* находится человеческая душа, очистившаяся от земных шлаков и ставшая незапятнанной, получив божественное семя. *Дева* ждет божественного ребенка, в котором оба принципа — *Божественный* и *материальный* — соединены в идеальном союзе. *Дева* — ждущий, беременный аспект материнства.

Третий аспект земного лика *Бога* — *Козерог*. Это животное живет там, где на поверхность Земли выходят твердые породы — среди камней, валунов и скал. *Центростремительная* сила заставляет материю достичь наивысшей твердости и в конце концов ведет к ее *кристаллизации*. В кристалле материя превозмогает саму себя, теряя свойственную ей непрозрачность. В кристаллах материя посредством геометрических форм проявляет законы созидательной энергии. Ребенок также является отвердевшей, кристаллизованной формой божественной созидательной силы жизни. Благодаря закону материи, благодаря центростремительной сжимающей *энергии концентрации* божественный ребенок — сознание — рождается в душе человека.

До тех пор, пока человек отождествляет себя со своими животными инстинктами, он подобен хлеву, где обитают животные. В этом хлеву в окружении животных должен родиться божественный ребенок — сознание. Это становится возможным благодаря концентрирующему действию созвездия *Козерога*. Единственный путь, способный вывести человека назад, к единству, к утраченному раю, проходит через концентрацию. Вот почему рождение божественного ребенка празднуют, когда солнце находится в созвездии *Козерога*. Излучение главной силы этого созвездия помогает человеку полностью проявлять *Божественное* в материи и посредством материи. *Козерог* рождает аспект материнства.

Близнецы, *Весы* и *Водолей* составляют три аспекта *воздушного* лика Бога. Присущее этому излучению воздушное, парообразное состояние порождает движение. Вот почему эти три созвездия благоприятствуют проявлению всего, что нуждается в свободном движении. По своим характеристикам они *духовны*.

Знак *Близнецов* заключает в себе две половинки Дерева Познания Добра и Зла. Его излучение производит эффект двунаправленности: оно заставляет человека смотреть то влево, то вправо, чтобы получить знания и приобрести опыт. Из-за этого жизненный путь человека разветвляется, словно дерево. Человек ищет знания на самых запутанных тропах,

расходящихся во всех направлениях. Он пытается все увидеть, все услышать и все узнать. Лучистая энергия *Близнецов* проявляет себя в тяге к знаниям.

Излучение *Весов* стремится привести все в равновесие. Весь опыт, приобретенный человеком, возложен на чаши весов и взвешен. Все ценное остается, все лишнее — отбрасывается. *Весы* стремятся создать гармонию, приучая человека к *различению*. Они приводят в равновесие двустороннюю энергию *Близнецов*. Знак *Весов* излучает в трехмерный мир закон равновесия и справедливости. *Весы* — проявление знания законов.

Созвездие *Водолея* излучает знание, приобретенное под знаком *Близнецов*, взвешенное на *Весах*, признанное ценным и закодированное в законах. Лучистая энергия этого знака не терпит преград и не знает границ. *Водолей* отдает сокровища другим, он не устает изливать из своего сосуда воду жизни, которая струится в далекие миры. Его волны — живительные высокие вибрации духа. *Водолей* — проявление духа, не терпящего пут.

Вот три аспекта четвертой группы — водяного лика Бога — Рак, Скорпион и Рыбы. Это проявления эмоционального плана.

Зодиакальный знак *Рак* проявляет малое количество воды, умещающееся в его норе. Когда рак ловит свою добычу, он укрывается с ней в норе и там съедает ее. Сознание, направленное во внешний мир в поисках духовной пищи, поймав добычу (т. е. накопив впечатления), возвращается в нору, чтобы классифицировать там полученный опыт. Лучистая энергия зодиакального знака *Рак* проявляет себя в сознании искателей истины, занятых самоанализом и изучением собственного духовного мира.

Знак *Скорпиона-Орла* символизирует великий поворотный пункт: превращение пресмыкающегося червя в воспарившего орла; искупление; пробуждение существа и осознание им собственного божественного *Я*. Червь — *Скорпион* — чтобы стать орлом, должен убить себя. Вот почему это созвездие имеет двойное имя. До *искупления* созвездие назы-

валось *Скорпионом* — в честь животного, способного убить себя при помощи собственного жала. После *искупления* созвездие стало называться *Орлом*, символизирующим свободный дух, — в честь птицы, способной воспарить высоко над миром материи, как божественный сокол *Гор*.

Излучение этого созвездия — побудительная сила, жизненный огонь, проявляющий себя через воду (через жидкости тела). Эта сила позволяет духу заключить себя в материю, чтобы вновь родиться в теле. Это энергия змея-соблазнителя, заманивающего дух в материю, принуждающего его выпасть из райского единства. Но если эта сила, трансформировавшись и преобразившись, становится чисто духовной, сексуальное желание превращается в сублимирующую силу, помогающую падшему сознанию возвратиться в утраченное единство. *Без этой силы выпавшее из единства сознание никогда не сможет найти дорогу к Богу*! Вода этого созвездия подобна болоту, где идет скрытый процесс брожения, болоту, где всюду пляшут болотные огни.

Рыбы обитают в бескрайнем океане. И хотя иногда рыбы поднимаются на поверхность, они тут же ныряют, чтобы скрыться в бездонной пучине. Истинная природа человека подобна океану. Сознание — это поверхность, но куда большую часть — глубины — составляет бессознательное, где лежат корни и истоки мыслей, слов и поступков.

С другой стороны, человек, прошедший сквозь *искупление* и достигший полного самопознания, человек, чье сознание было инициировано собственным Божественным *Я*, уже не имеет ни подсознания, ни сверхсознания. Иными словами, в нем нет ни одной части, которой бы он не осознавал. Выражаясь метафорически, он плавает в бесконечном океане *всесознания*. То, что не познавший *искупления* человек относит к «бессознательному» (а чаще всего — просто не замечает этого), для прошедшего сквозь *искупление* является его домом, где он все осознает. Два проявления пола (мужского и женского) чувствуют себя совершенно счастливо, как две беззаботные рыбки в океане абсолютной гармонии. Эффект, производимый созвездием *Рыб*, заключается в искуплении,

растворении личностного в безличностном, в глубинах безграничного *Я*, в божественном и неделимом *единстве сущего*. Великая работа по искуплению завершена благодаря излучению этой силы.

Достигнуто одухотворение материи.

Как видишь, три аспекта каждого из треугольников взаимосвязаны. Начинаясь на материальном плане, они направляются вверх, к своему одухотворению.

Взаимосвязь существует не только между тремя аспектами каждого из четырех ликов Бога: четыре треугольника располагаются таким образом, что их центры совпадают. Таким образом, создается зодиакальный цикл двенадцати связей, где различные аспекты четырех треугольников формируют ступени эволюции и прогресса. Но существует еще и третий вид связей между отдельными созвездиями, а именно — *связи между противоположными созвездиями, каждое из которых является дополняющей половиной другого.*

Однако вначале поговорим о связях, существующих между ступенями развития.

Здесь первым идет созвездие *Овна* как изначальное выражение жизни, как начало весны. Но ты не должна забывать о том, что существует два «начала весны»: одно — *абсолютное*, другое — *относительное. Всякое проявление жизни — в том числе и Земля со всеми существами, живущими на ней, — несет в себе «абсолютное начало весны». Это «абсолютное начало» не зависит от окружающего мира. Относительная же точка весны зависит от положения звезд в тот или иной момент. Из-за постоянного движения Земли она постоянно меняет свое положение.* Позднее я расскажу тебе об этом более подробно.

Знаки Зодиака располагаются в такой последовательности: *Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион-Орел, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы.*

Все то, что конденсируется в материю, проявляется на материальном плане и проходит за свою жизнь через полный оборот колеса Зодиака. Вся жизнь человека являет собой большой период, который можно разделить на меньшие

промежутки: детство, юность, зрелость и старость. Эти промежутки, в свою очередь, подразделяются на еще меньшие периоды: годы, месяцы и дни.

Эти короткие периоды — годы и дни — также проходят через полный зодиакальный цикл. Рождение соответствует *Овну*, затем, один за другим, следуют все знаки Зодиака, где *Лев* соответствует достижению зрелости, а смерть происходит под созвездием *Рыб*, когда человек исчезает с материального плана. Каждый день нашей жизни также начинается с пробуждения. Затем день достигает полного расцвета и постепенно начинает идти на убыль. Потом наступает вечер, и наши тела укладываются в постель, чтобы сознание возвратилось в *Я*. Тогда мы засыпаем — точно так же, как и в конце своего жизненного пути, когда сознание навсегда покидает тело. В каждом периоде есть начало, развитие, кульминация, упадок и растворение.

Отдельные знаки Зодиака имеют следующие характеристики:

Овен следит за тем, чтобы в мире проявлялось или рождалось что-то новое. Это справедливо и в том случае, если время рождения не совпадает со знаком *Овна*. Ведь в любом рождении заложена энергия начала, невзирая на положение созвездий во внешнем мире. Это *абсолютный* аспект *Овна*, проявляющийся в каждой рождающейся форме. Это относится и ко всем прочим созвездиям Зодиака: всегда существует внутреннее — *абсолютное* — проявление и наружное — *относительное*.

После рождения всякое новое существо должно укорениться, где бы оно ни находилось. Этот процесс происходит с помощью *Тельца*. Вновь рожденное существо принимает пищу и усваивает ее. Это создает материальную связь между наружным миром и организмом.

Под влиянием созвездия *Близнецов* существо начинает приобретать опыт, его жизненный путь дает ответвления, словно ветви дерева. Существо развивается в различных направлениях и накапливает знания.

Рак возвращает его домой, туда, где можно «переварить» духовный опыт. Начинается развитие внутреннего ядра.

Благодаря стимулирующему влиянию *Льва* существо начинает созревать и обретать достоинство. Оно обретает способность исполнять земные обязанности и заботиться о продолжении рода. Существо становится отцом семейства.

Дева приносит урожай. Человек собирает плоды своих трудов и складывает их в кладовые. В глубине души рождается божественное дитя — *вселенская любовь*.

На *Весах* взвешиваются его дела. Положительное и отрицательное сравниваются друг с другом и подводится баланс. Внимание человека обращено в обе стороны — его интересуют как мирские дела, так и духовные вопросы. Внутри себя он приводит оба мира в состояние совершенного равновесия, вызвав к жизни внутренний, божественный закон, стоящий вне и над всякой относительностью.

Знак *Скорпиона* несет с собой солнцестояние — великий поворотный пункт. Человек должен одухотворить божественную созидательную силу, которая до сих пор проявлялась как побудительный инстинкт. Иными словами, он должен использовать созидательную силу для служения другим — а значит, полностью преодолеть в себе все личное. Он переживает мистическую смерть своей личности и воскресает, обретая бессмертие в духе. Отныне он перестает служить материальным целям. Он парит высоко над землей, обретя полную свободу духа, словно *орел*, — священный сокол *Гор*.

Под воздействием *Стрельца-Кентавра* он становится учителем, как сам *Кентавр* — существо, возвысившееся над животным уровнем, существо, использующее свое тело животного только для того, чтобы поскорее добраться до цели. Его мысли, словно молнии, режут тяжелые тучи мрака и невежества. Он передает свой опыт будущим поколениям.

Знак *Козерога* помогает божественному ребенку — вселенской любви — родиться в человеческом сердце. Человек сознательно отождествляет себя с Божественным *Я*. Когда божественный ребенок, рожденный в сердце, становится ви-

дим, человек обретает кристальную ясность. В его словах и поступках открывается вселенская *любовь*.

Под знаком *Водолея* существо выплескивает и разбрасывает свои сокровища. Оно становится сияющим, прекрасным ребенком *Бога*, стоящим вне и над сексуальностью. Излучая самого себя, существо обращается в источник высшей божественной духовной энергии. Начинается процесс трансформации и дематериализации.

Под знаком *Рыб* живое существо переживает воссоединение со своей скрытой дополняющей половиной. Это, безусловно, означает, что материя уже разрушена. Существо возвращается во *вселенское единство*, к *Богу*. Его сознание взмывает вверх, чтобы слиться там с *космическим сознанием*, тело сброшено, начинается новая бесконечная жизнь.

Этим путем следует каждый человек, даже если он еще не достиг высшего уровня сознания. Ступени развития могут разниться, но цикл развития всегда один.

А сейчас давай рассмотрим, как дополняют друг друга противоположные знаки Зодиака:

Мощная, импульсивная энергия *Овна* регулируется Законом *Весов*, усмиряющим слепую силу *Овна* и направляющим ее в нужное русло.

Брачная энергия *Тельца* дополняет и удовлетворяет инстинктивную тягу к размножению *Скорпиона*.

Материнская энергия *Рака*, устремленная к «родному очагу», является «второй половинкой» кристального, оплодотворяющего излучения *Козерога*. Новорожденный принадлежит матери.

Отеческая сила *Льва* находит свою «вторую половинку» в детской энергии *Водолея*. Отец поддерживает, защищает и обучает ребенка.

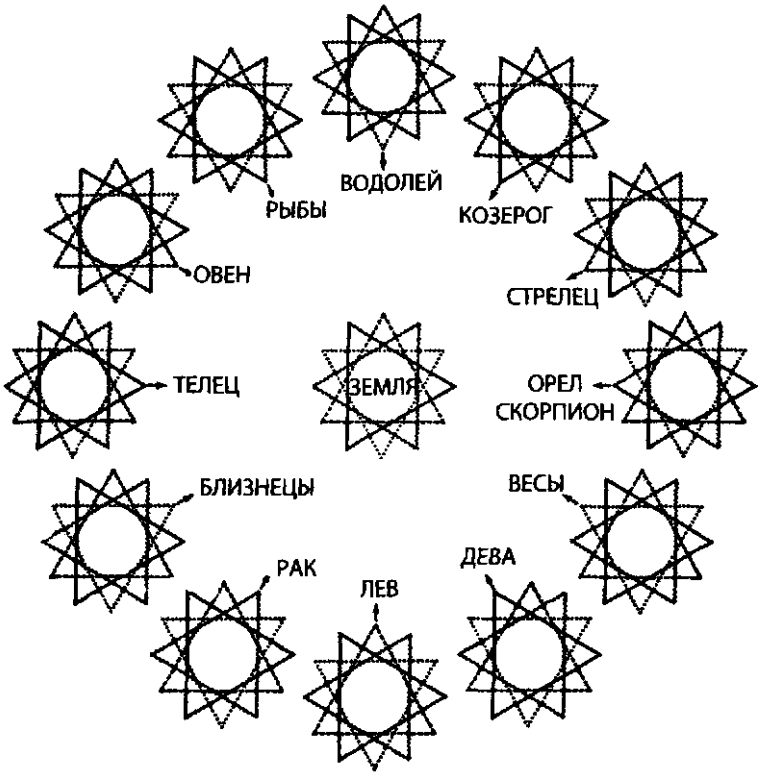
Проявляющаяся в созвездии *Близнецов* юность с ее тягой к знаниям получает в учителя *Кентавра*.

Небесная *Дева*, беременная божественным ребенком, получает поддержку и пищу из мистического мира *Рыб*.

Сейчас тебе должны быть понятны эффекты, производимые четырьмя ликами *Бога* посредством различных созвез-

дий. Для того же, чтобы осознать жизнь Вселенной с миллиардами ее живых существ (к которым принадлежишь и ты сама), тебе нужно знать, что круг откровения с двенадцатью его центрами Силы оказывает независимое от созвездий воздействие на каждую точку Вселенной. И поскольку четыре лика *Бога* никогда не поворачиваются, каждое созвездие излучает разную энергию в различные направления, и характер этой энергии определяется постоянным и неизменным *направлением* четырех ликов.

Давай возьмем как пример созвездие *Льва*. В южном направлении *Лев* излучает энергию, характерную для Льва, тог-



Положение Земли по отношению к четырем ликам Бога, которые никогда не поворачиваются.

да как в противоположную сторону — на север — исходит излучение, свойственное *Водолею*, в западном направлении созвездие шлет излучение *Скорпиона*, в восточном — *Тельца*, в направлении север-север-запад — излучение *Девы*, в направлении запад-север-запад — излучение *Весов*, и так далее: для каждого направления — свое особое излучение.

Теперь ты видишь, что характер излучений зависит не столько от *местоположения созвездий*, сколько от их *направления*. Это подобно тому, как характер ветра определяется не местом его возникновения, а направлением, в каком он движется.

А вот еще один очень важный факт: поскольку проявление всегда происходит *из центра наружу* и поскольку четыре лика *Бога* посылают свое излучение с одинаковой интенсивностью из каждой точки, абсолютно все — будь то центральное солнце, планета, растение, простейшее существо или человек — неизменно находится в центре *двух* кругов (в центре *Великого Космического круга* и в центре непроявленной сущности, в центре собственного *внутреннего круга*).

Мы получаем как приходящие снаружи лучи — от Великого Космического круга, так и приходящие изнутри — те, что *исходят* от нашего внутреннего круга.

Мы находимся в том же положении, что и наша Земля, выпавшая из божественного единства. Земля — вовсе не центральная точка Вселенной, она — один из спутников Солнца, вращающихся вокруг него, а также вокруг собственной оси. Вот почему наше представление о Вселенной является прямой противоположностью реальной картины божественного состояния. При взгляде с Земли кажется, что весь небесный свод вместе со всеми его космическими системами вращается вокруг нас. Но в действительности все происходит наоборот — вращается не небосвод, а наша планета совершает сложное движение: вращается вокруг Солнца, которое, в свою очередь, движется вокруг Космического солнца, которое, вместе со всей космической системой, описывает орбиту вокруг Центрального солнца. И это перечисление можно продолжать до бесконечности. Но и жизнь небесных

тел — суть не что иное, как движение и развитие, принявшее форму великих циклов четырех ликов *Бога* в *Зодиаке. Но никогда не забывай, что всякое проявление (будь то одноклеточное существо, растение, животное, человек или небесное тело) не зависит от места, занимаемого им во Вселенной, несет в себе как Великий Космический, так и свой собственный круг.* Это не будет казаться тебе странным после того, как ты поймешь, что *каждая точка Вселенной излучает все то же двенадцатикратное проявление четырех ликов Бога — притом что последние не изменяют своего положения.*

Энергия, излучаемая *Великим Космическим кругом*, приходит к нам извне. Вот почему мы видим круг как бы отраженным в зеркале (см. рисунок на странице 333).

Так как небесный свод — как мы его видим с Земли — находится в постоянном движении, состав излучения, доходящий до Земли от бесчисленных звезд пояса Зодиака, непрерывно изменяется. Всякое творение, включая и человеческое существо, обладает своей *собственной структурой сил*, созданной из тех же, излучаемых звездами Вселенной созидательных сил. В момент рождения структура сил индивидуального Зодиака аналогична структуре большого зодиакального пояса. А это приводит нас к пониманию того, что *всякое живое создание может появиться на свет лишь при том условии, что эти две структуры сил полностью совпадают друг с другом.*

До конца своей земной жизни человек постоянно подвержен новым влияниям и впечатлениям. По мере накопления опыта его внутреннее созвездие претерпевает значительные изменения. Некоторые способности развиваются, иные уходят на задний план — все зависит от его реакции на собственные поступки и переживания. *В момент смерти внутреннее созвездие существа оставляет на его душе свой неизгладимый отпечаток, и душа не может перевоплотиться, пока созвездия небесного свода не займут соответствующего положения.* Вот почему некоторые люди перевоплощаются почти сразу же после смерти, тогда как иные вынуждены ждать по несколько тысяч лет, пока небесные созвездия не совпадут с

рисунком, оставленным в их душах внутренними созвездиями.

Все существа, когда-либо рождавшиеся в этом трехмерном мире, *появлялись на свет под тем же созвездием, под которым заканчивали свое предыдущее существование. Созвездие смертного часа предыдущего воплощения и созвездие часа рождения в следующей жизни всегда идентичны. Но созвездия смерти и рождения никогда не бывают одинаковыми при одном и том же воплощении, так как каждое отдельное существо изменяется в течение своей жизни.* При этом каждое существо — *в том числе и человек* — несет в себе через всю жизнь отпечаток того созвездия, под которым оно было рождено. Это созвездие содержит в себе индивидуальный круг, обусловливающий развитие характера существа.

Итак, если ты хочешь узнать, какие силы сформировали тело и душу определенного существа и, следовательно, предуготовили *его судьбу*, нужно узнать, под каким созвездием оно было рождено.

Из-за постоянного движения звезд взаимоотношения между двумя кругами — космическим и индивидуальным — меняются. Центры энергии Космического круга (созвездия) и скрытые центры силы индивидуального круга отклоняются от того положения, которое они занимали в момент рождения. В течение жизни эти центры могут то удаляться, то сближаться друг с другом. Вот почему в жизни каждого человека бывают благоприятные и неблагоприятные периоды.

Все формы жизни подчинены этим силам, *и лишь одно существо обладает способностью управлять всеми этими энергиями и силами, создавая свою сущность и свою судьбу. Существо, способное управлять этими силами по собственной воле, зовется человеком. Однако он может контролировать их лишь тогда, когда осознает и узнает их в себе и желает преодолеть их влияние!*

До тех пор пока человек *не* знает о существовании этих сил, он находится в полной зависимости от них, словно лишенная сознания форма жизни. Лишь человек, полностью познавший себя, может возвыситься в своем сознании над

этими силами. Он перестает быть рабом этих сил и приобретает способность контролировать и преобразовывать их. Преображая созидательные силы, человек преображает и те силы, которые создают его судьбу, и, таким образом, возвышается над роком.

Сейчас тебе должно быть понятно, почему необходимо знать все о двенадцатикратном излучении четырех ликов Бога. Когда ты поймешь, что *только твое тело и материальная часть твоей сущности сотканы из этих сил, а твое Божественное Я стоит над ними и контролирует их*, ты сама начнешь управлять этими могучими созидательными энергиями, взяв в руки бразды, которые выпустила, родившись в материальном мире. Осознав это, ты сможешь освободить свое *Я*, распятое в этом мире на кресте *времени* и *пространства*. Твое подавленное и загнанное в подсознание *Я* станет свободным и, воскреснув из мертвых, будет возведено на трон, принадлежащий ему по праву. Эта мистерия жизни, символом которой является крест и *Божественный принцип*, на нем распятый, представляет второй аспект Бога. Созидательное начало, погрузившееся в материю, совершает акт высочайшего самопожертвования на протяжении тысяч и тысяч лет — получив качества материального мира, оно оживляет и одухотворяет материю, являя в ней свой дух.

— 35 —

Эпохи Земли

Я стою перед *Ним. Он* начинает говорить:

— Земля и ее обитатели пока что не осознают сил, приходящих из Космоса. Следовательно, обитатели Земли не в состоянии контролировать и преобразовывать эти силы по собственной воле.

Земля получает космические лучи — она просто купается в волнах энергии. Все, что происходит на Земле — лишь непосредственная реакция на действие этих лучей, своего рода резонанс, вызванный их взаимодействием.

Солнце многократно усиливает эффект созвездий, в которых оно пребывает. Оно посылает на Землю как собственное излучение, так и излучение соответствующих созвездий. Четыре поры года возникли благодаря этому обстоятельству.

Из-за вращения Земли создается впечатление, что весь небесный свод не просто вращается вокруг нас, но и совершает более сложные движения. Одно из основных этих движений — конус, который описывает в пространстве земная ось. То есть одна из конечных точек земной оси остается как бы фиксированной, другая же — описывает круг. Это явление приводит к тому, что точка весеннего равноденствия космического круга постепенно смещается. Если смотреть с Земли, то кажется, что она движется вспять.

Время, за которое земная ось полностью описывает конус (т. е. время, за которое точка весеннего равноденствия совершает полный оборот по зодиакальному кругу и возвращается в прежнее положение), соответствует 25 920 земным годам. Мы называем этот период *космическим годом*. Разделив его на двенадцать, мы получаем *космический месяц*, равный

2160 земным годам. Это время требуется для прохождения точки весеннего равноденствия через один зодиакальный знак.

Космические вибрации оказывают столь значительное воздействие на Землю, что могут даже повлиять на ход мировой истории. Глобальные религиозные, научные, художественные течения и идеи возникли в результате излучения, исходящего из определенного созвездия, по которому перемещалась точка весеннего равноденствия на протяжении космического месяца. Для душ, воплотившихся на Земле — то есть людей, — вступление в новую эпоху всегда знаменуется достижением нового уровня развития человечества и возникновением новых идей.

Нация — это группа душ, воплощение определенных концентраций энергии. С каждой новой эпохой на Землю попадают иные группы душ, иные расы. Выполнив задачи по претворению в жизнь новых идей и развитию цивилизации, группа покидает Землю по истечении космического месяца, чтобы продолжить развитие на другой планете. Безусловно, среди каждой расы есть представители, не успевающие «сдать экзамен» в конце эпохи. Они остаются на Земле, как кофейная гуща в опустевшей чашке, и продолжают свою работу. Вот почему нации приходят в упадок после достижения высшей точки в развитии своей цивилизации. Высокоразвитым отцам нации наследует слабовольное и неспособное к творчеству потомство. Нация, гордящаяся своими достижениями, вдруг начинает чахнуть и теряет свои позиции. Потомки славных отцов — не более чем шлак, остающийся от расы, достигшей высокого духовного развития и покинувшей Землю.

Материальный мир возник благодаря столкновению пронизывающих Космос божественных лучей созидания. Это взаимодействие привело к их конденсации и материализации. Если бы небесные тела получали лишь чистые, не преобразованные вибрации божественной творческой силы, аннигиляция материи произошла бы мгновенно. Неподвижные звезды, или солнца, пропуская сквозь себя божественное

излучение, преобразуют его таким образом, что его частота и длина волн становятся безопасными для Земли. Преобразованные лучи приходят к нам от неподвижных звезд, составляющих созвездия Зодиака. Вот почему, желая описать высшую форму созидательной божественной энергии, мы избираем зодиакальную символику. Да, именно созвездия Зодиака оказывают прямое воздействие на Землю, а фазы развития земной жизни определяют «созвездия, отвечающие за эпохи» — созвездия, по которым проходит точка весеннего равноденствия.

Нам довелось жить в эпоху, когда точка весеннего равноденствия проходит сквозь созвездие *Тельца. Бог* (Пта) открывается нам в лучах, исходящих из этого созвездия. Вот почему Божественное начало проявляет себя в атмсфере Земли в символической форме *быка*. Божественный бык — это *Апис*. Дополняющее созвездие, *Орел-Скорпион*, имеет символическую форму змеи-искусительницы, ползущей по земле, или божественного сокола — *Гора*. Тебе должно быть известно, что эта энергия, земная по своей природе и проявляющаяся на низших планах, привязывает дух к Земле — манит человека назад, к последующим перевоплощениям. С другой же стороны, будучи одухотворенной, эта сила помогает человеку достичь высочайших уровней духовности во время его земных воплощений.

Змея, *стоящая вертикально*, является для нас символом *посвящения* — подругой дерева познания и мудрости. Совершает же таинство посвящения *инициатор* — орел, воспаривший ввысь. Он одухотворил змею — энергию инстинктивных потребностей, и благодаря его разуму этот акт стал проявлением духовной мощи. Таким образом *инициатор* является инструментом *Божественного начала*, открывающего себя в зодиакальном знаке *Тельца*. Вот почему в нашу эпоху эти животные считаются «священными» во всем мире. Сейчас ты должна понять, почему *посвященные* изменяют символ *Бога* каждую новую эпоху соответственно тому, куда попадает точка равноденствия. Но под всеми этими символами — и над ними — неизменно находится непроявленная

Первопричина — *Божественное начало, покоящееся в самом себе.*

Созвездие *Тельца* относится к троичному проявлению, при котором лик Бога испытывает материально-земное воздействие: сжимается, стягивается и твердеет. Это значит, что в настоящее время самыми явными и легкоуправляемыми силами являются те, которые создают материю и действуют в ней. Наше задание — *покорить материю материей*, то есть *покорить материю при помощи сил, создавших саму ее суть.* Сейчас мы пользуемся частотами материи, этими незримыми и невероятно мощными силами, иначе говоря, *дух материи служит нам для покорения материи.* Мы заряжаем материю всей октавой этих энергий и таким образом контролируем законы материального мира — процессы созидания и деструкции, материализации и дематериализации. Мы также можем уменьшать или увеличивать по собственной воле вес вещества.

Со временем наши истины расцветут повсеместно. Но потом созвездия сместятся и Земля постепенно выйдет из тех областей космического пространства, где действуют силы, ответственные за возникновение нашей эпохи. Некоторые энергии постепенно угаснут, добавятся новые, и структура воздействующих на Землю вибраций полностью изменится. Это означает, что люди, родившиеся на Земле в более позднюю эпоху, будут другими — они не смогут понять наши идеи. Слова и символы, используемые нами для объяснения тайных законов творения, потеряют для них свой первоначальный смысл и станут пустой шелухой. Человечество начнет всему учиться заново, выполняя новые задачи и преодолевая новые препятствия.

Ты уже знаешь, что должно произойти после того, как последний Верховный Жрец совершит таинство *Посвящения* для последнего достойного знания кандидата. Передав неофиту Ковчег Согласия и Жезл Жизни, последний Верховный Жрец удалится вместе со своим помощником в пирамиду и изнутри закроет вход камнем. После этого они дематериализуют все наше оборудование, а затем дематериализуются са-

ми, чтобы тайна не попала в недостойные руки. *Новопосвященный* же должен будет участвовать в творении новой эпохи Земли. Он унесет из этой страны Жезл Жизни и Ковчег Согласия и провозгласит своему народу идеи новой эпохи — эпохи, в которую точка весеннего равноденствия укажет на созвездие *Овна*. В этот период Земля будет испытывать сильное влияние двух дополняющих друг друга созвездий — *Овна* и *Весов*.

— Подойди ко мне, моя маленькая дочь, — говорит мне Птахотеп, — я возложу руку на твою голову, чтобы ты увидела картины будущего.

Птахотеп подводит меня к ложу, где неофиты обычно развивают под его руководством способность *сознательно* путешествовать во времени, избирая периоды прошлого или будущего и переживая их как настоящее.

Птахотеп приказывает мне лечь на ложе, кладет руку на мой лоб, и тут же в моей голове возникает гул и ощущение покалывания. Через несколько мгновений я вижу картину, рассказывающую мне символическим языком снов о *значении* событий далекого будущего.

Я вижу приемную Фараона — неизвестную мне залу, и самого Фараона. Но он не *посвященный*, как мой отец. Я догадываюсь об этом по исходящему от него тусклому свечению. Перед ним стоят двое красивых, статных мужчин — два брата с благородными, величественными лицами. По свечению, исходящему от них, я понимаю, что один из них является *посвященным*, тогда как второй всего лишь хитроумный, находчивый златоуст. *Посвященный* хранит молчание, тогда как его брат вовсю пользуется своим даром оратора. Он пытается убедить Фараона освободить народ, который находится у него в рабстве, и позволить всем им покинуть эту землю. Фараон упрям и отказывается выполнить эту просьбу. Он требует чуда. Тогда оратор бросает свой Жезл на землю. Жезл мгновенно превращается в змею, которая, извиваясь, ползет по земле. Фараон тут же призывает своих магов, требуя, чтобы те дали ответ. Маги тоже бросают на землю свои жезлы,

и те тут же превращаются в змей. Но первая змея пожирает всех змей, сотворенных магами Фараона.

Я начинаю толковать видение: Жезл символизирует разум — могучий инструмент. Но если разум привязан к земле и служит только материальным целям, он превращается в змею, ползущую по земле, и эта коварная соблазнительница порождает в людях эгоизм. Двое благородных братьев бескорыстно борются за свой народ. Коварство в их руках превращается в мудрость, и она уничтожает все низкие аргументы их подлых противников — магов.

Но вот картина меняется. Безбожие и эгоизм египтян навлекают на них новые, все более страшные беды. Но Фараон все равно не уступает и отказывается освободить народ из рабства. Наконец самое страшное несчастье разразилось над его страной — каждого перворожденного (будь то человеческий ребенок или звереныш) убивают за одну ночь ангелы — посланцы Бога. Беда не обходит стороной и дом Фараона. Они щадят лишь тех, кто не ел мяса ягненка и написал кровью ягненка свое имя на воротах.

Что означает этот символ? В грядущую эпоху доминирующими созвездиями становятся *Овен* и *Весы*. Пока же *Овен* не вошел в полную силу, его и влияние, оказываемое им на Землю, можно сравнить с *молодым овном*, то есть ягненком. С кровью ягненка люди, следующие указаниям *посвященного*, получают силу *созвездия Овна*. Они — предвестники новой эпохи — «избранный народ». Их цель — донести до человечества древние истины в новой форме. Те же, кто выполнил свое задание к концу эпохи, должны уйти. Ангелы Господа призывают их домой.

Теперь передо мной разворачивается новая картина. *Посвященный* выводит свой народ из Египта. Так как *Овен* принадлежит к стихии огня, перед ними несется огненный столп, указывающий путь во мраке. Он выводит людей из потемок духа, в которых пребывает Египет в конце своей эпохи. Но вновь сердце Фараона ожесточается. Он начинает жалеть о том, что позволил этим людям покинуть Египет ради обретения свободы. Он бросает целую армию в погоню

за беженцами. Но *Великий Посвященный* решает воспользоваться огненным Жезлом, чтобы защитить свой народ. Он направляет на армию Фараона волну ультраматерии, которая значительно усиливает земную гравитацию. И тут же Фараон с его солдатами, лошадьми и колесницами словно прикипает к земле, не в силах сдвинуться ни на пядь. Их неумолимо затягивают в себя недра земли. Все это происходит на берегу моря. И огромная волна, поднявшись над поверхностью, накрывает наконец Фараона и его войско.

Я поражена, но не столько эффектом, произведенным Жезлом Жизни, сколько видом животных войска Фараона. Некоторые тащат за собой колесницы, тогда как на спинах иных восседают воины. Животные походят на зебр, но крупнее, и окраска их иная — белая, коричневая, серая и даже черная! Я никогда не видела подобных зверей! Возможно, это те самые животные, о которых как-то рассказывал мне отец. Они тоже великолепные звери!

Но вот картина меняется. *Посвященный* блуждает со своими людьми по «пустыне». Это трудный переходный период на стыке эпох. Между двумя смежными эпохами никогда не существует резкой границы — скорее, они постепенно перетекают одна в другую. Причина тому — взаимное ослабление влияния двух соседних созвездий. Старые идеи уже не удовлетворяют новое поколение, тогда как новые идеи не могут быть восприняты людьми предыдущего поколения. Большая часть людей обратилась к старым, закостенелым представлениям — к концепциям эпохи *Тельца*. Но идеи эти уже не обладают силой взрослого быка (Тельца). Нет, скорее их можно сравнить с маленьким бычком — теленком. В символическом языке снов дух всегда представлен *золотом*, и в своем видении я вижу людей, *пляшущих вокруг маленького золотого тельца (теленка) и поклоняющихся ему.*

В это время *Великий Посвященный* взобрался на «гору» и «говорит с *Богом* лицом к лицу». *Бог* желает, чтобы тот провозгласил идеи нового века перед своим народом, используя для этого религиозную символику — жертвенного ягненка,

символизирующего созвездие *Овна*, и две плиты, символизирующие созвездие *Весов*.

Жертвенный ягненок — Божественное *Я*, явившее себя в материальной оболочке и позволившее распять себя на двух столпах трехмерного мира — *пространстве* и *времени*. Его жизнь отдана ради спасения Земли через ее одухотворение. Две плиты с заповедями (подобно тем, что венчают голову Сокола Гора, стоящего в храме) символизируют творческое начало, пронизывающее весь Космос, а также структуру собственного *Я*, проявляющего себя в душе как моральный закон. На протяжении более чем двух тысячелетий эти божественные истины будут для людей религиозными символами. И эти истины станут пробным камнем новой эпохи.

Когда *Посвященный*, возвратившись с горы со скрижалями, где высечены заповеди, видит, что его народ поклоняется золотому тельцу, он приходит в такую ярость, что швыряет скрижали на землю и, разбив их на куски, обращается к *Богу* с просьбой покарать непокорных. Вскоре появляются ядовитые змеи, символизирующие змею-соблазнительницу — побудительную силу созвездия *Скорпиона*. Эти змеи падают прямо с неба и жалят людей, карая их за то, что те поклонялись *тельцу*. *Посвященный* испытывает жалость к своему народу, беззащитному перед змеями. Посреди лагеря он устанавливает два шеста, скрепленных в виде буквы «Т», и размещает на них бронзовую змею с *поднятой вверх головой*. Это символ дерева познания — дерева змеи. Ведь змея с поднятой головой уже не является ползающей по земле соблазнительницей, заманивающей людей в их тела. Она становится символом высшей мудрости, ведущей человека к единству, к Богу. Все заболевшие от укусов тут же выздоравливают, лишь посмотрев на бронзовую змею.

Я толкую увиденное: тот, кто не в состоянии воспринять идеи новой эры, заболевает духовно. Он не может найти своего места в обществе и мучительно переживает духовный конфликт. Таких людей можно излечить, лишь приведя их к центру собственной сущности, где находится дерево змеи. Посмотрев на дерево (но не вкусив его плода), они осознают

божественную истину, не используя это знание в своекорыстных целях. Таким образом, они исцеляются. Мудрость и бескорыстное знание исцеляют любую душевную болезнь.

Картины будущего продолжают разворачиваться. *Великий Посвященный* подводит свой народ к порогу новой эпохи — к границам *земли обетованной*. После этого он поднимается на гору и просто исчезает. Его тела никто никогда не найдет. Я знаю, что он просто дематериализовал себя при помощи специального устройства, как это делали его предшественники в Великой Пирамиде.

Избранные люди, призванные провозгласить и претворить в жизнь идеи новой эпохи, уходят из этого мира, сохраняя в тайне учение своих великих Учителей. Ковчег Согласия теряет свою силу, а на Земле не остается *посвященных*, способных зарядить его при помощи Жезла Жизни.

Так проходит космический месяц, и земная ось смещается на одну двенадцатую своей конической орбиты. Постепенно точка равноденствия входит в созвездие *Рыб*. И снова людей охватывает беспокойство — они не могут найти истину в избитых идеалах прошлой эпохи. Теперь они напоминают стадо, оказавшееся без пастуха. В этот переходный период на Земле появляется *аватар* — *Сын Божий* — великий Учитель, явившийся с целью раскрыть человечеству тайну творения. Он — Бог, *воплотившийся* в человеке. И этот *Сын Божий* является земной проекцией жертвенного ягненка. Подобно тому как Космическое *Я* жертвует собой, заключив себя в материю трехмерного мира и распяв себя на двух великих столбах — пространства и времени, *Сын Божий* (проявляющий в полной мере Божественное *Я*) принимает смерть от рук невежд.

Человек, отождествляющий себя с собственным физическим телом, живет во тьме и уподобляет себя хлеву со скотиной, где скот — обитающие в его теле низменные инстинкты. В таком хлеву и в полной тьме — тьме ночи — родился божественный ребенок, *сознание собственного «Я»*. Два типа людей узнают и признают его: простые необразованные люди, живущие в гармонии с природой и не знающие порож-

даемых разумом сомнений, — такие, как пастухи; и *посвященные*, те, кто уже долго шли дорогой разума, разочаровались в возможностях ума и стали смотреть на вещи своим внутренним взором, как это делали мудрецы и мистики Востока.

Религиозные символы новой эпохи — два дополняющих друг друга знака — *Рыбы* и *Дева*. Сын Божий выбирает себе помощника из *рыболовов*. Он платит дань земле золотой монетой, которую извлекает изо рта *рыбы*. Его учение черпает силу в этих двух дополнительных знаках. Но его слова доходят до людей, стоящих на разных ступенях развития. Тем, кто уже пробудился и достиг пятого уровня — поднялся на духовный план, — этим «пяти тысячам» он дает все свое учение, две *рыбы* и пять *хлебов* (пять зерен пшеницы на колосьях в руке *девы* в ее символической форме). Но даже эти «пять тысяч» человек, чей дух уже пробудился, не в состоянии понять идей Его учения на протяжении всей эпохи! После того как Он накормил народ, остается *двенадцать* корзин с остатками еды. Это означает, что человечество должно изучить тайны собственной души в проявлениях двенадцати зодиакальных знаков. Человечеству нужно еще двенадцать эпох, которые составляют один космический год — равный 25 000 земных лет, — чтобы понять эти высшие истины.

Для всех тех, кто смог дорасти в своем сознании лишь до четвертого уровня — для «четырех тысяч», — *Сын Божий* не расточает всех своих истин в виде пищи. Он дает им *несколько* рыб и пять хлебов. Но даже этих «нескольких» идей оказывается слишком много для них. После трапезы остается *семь* корзин с остатками. Материалисты должны изучить тайны семи планов, и лишь тогда они будут готовы понять космическую истину *Я*.

Знак *Рыб* принадлежит к водному треугольнику. Следовательно, в эту эпоху человечество должно принять вызов *воды*. И тут перед моим изумленным взором предстает машина, с помощью которой люди получают энергию, преобразуя воду в пар. Я вижу огромные корабли (подобные городам!), бороздящие моря и океаны на огромной скорости. Их тоже

приводит в движение сила воды, преобразованная в пар. Человечество выдержало испытание — *вода* покорена *водой*!

В медицине вода также играет ведущую роль как терапевтический агент. Везде я вижу бассейны, водные курорты, лечебные ванны. Вода в медицине применяется везде: водные ванны, души, грязевые ванны, контрастные ванны, компрессы и множество иных разнообразных водных процедур для лечения физических недугов. Некоторые люди даже пользуются целебными силами росы — гуляют по утрам босиком по росистой траве.

И затем, в конце эпохи, когда точка равноденствия приближается к следующему созвездию — *Водолею*, — люди начинают делать открытия, относящиеся к волновой природе энергии. Это и есть предвестие эпохи *Водолея* — века технической революции. Излучение, исходящее из созвездия *Водолея*, не знает преград и, сметая все на своем пути, открывает себя в новых идеях и социальных концепциях. В конце эпохи *Рыб* эти веяния приводят к переворотам и революциям именно в тех странах, где им сильнее всего противятся. Я вижу представителей правящих классов, заточенных в тюрьму, тогда как дух новой эры носится на свободе, убивая аристократов.

Видение того времени, когда энергии *Водолея* заработали в полную силу, показывает мне великого Учителя, уничтожившего границы между тремя мировыми религиями. Всей своей жизнью он доказывает, что внутреннюю суть всех религий составляет одна и та же истина, один и тот же Бог. Между наукой и религией также исчезают границы, так как люди открывают, что все, что их окружает — даже сама материя, — имеет волновую природу. Люди узнают, что различие между материальными и духовными проявлениями состоит в разности частот, тогда как суть всегда остается единой — все есть проявления единого источника — *Бога. Все* есть *волна* — именно это демонстрирует символическая фигура *Водолея*, льющего на Вселенную *волны* из своего ковша.

Духовное движение на Земле оказывает свое воздействие на общество. Наука приходит к созданию «волновой те-

ории», и я вижу бессчетные открытия, основанные на разработке этой теории. Я вижу разнообразные приборы, как воспринимающие, так и излучающие волны. По спектру волн определяют, какие элементы присутствуют на различных планетах и звездах. Медицина перестала лечить исключительно водой и перешла на лечение волнами. Для исцеления различных болезней употребляются разнообразные приборы, производящие волны инфракрасного, ультрафиолетового и рентгеновского спектра.

Созвездие *Водолея* относится к воздушному лику *Бога*. Человечество покоряет воздух воздухом — энергиями, извлеченными из материи в газообразном состоянии. Я вижу, как люди переходят от паровых машин к аппаратам, питающимся газом. И тут мой изумленный взгляд поднимается к небесам, по которым летит саранча, созданная человеческими руками, саранча, несущая людей в своем брюхе. И эти аппараты тоже приводятся в движение газом: *воздух* покоряет *воздух*!

Благодаря парному знаку, *Льву*, люди вновь познают самое мощное проявление Бога на Земле. Солнце — великий *Ра* — вновь признано как главный источник земной энергии. И вновь люди становятся «солнцепоклонниками», хоть и не в религиозном смысле этого слова. Влияние *Льва* также проявляется и на другом плане. Стремление *Водолея* — смести все границы. Но уничтожение всех границ без точки концентрации ума означает психическую болезнь. *Водолей*, сметая границы, ведет за собой обезумевшие народные массы, уничтожающие все на своем пути. Но тут в силу вступает *Лев*, и бунтующая толпа группируется вокруг сильных фигур — диктаторов.

В эту эпоху изобретено автомобильное движение и построены средства сообщения с другими планетами. Границы и препятствия исчезают, а с ними исчезает и изолированное положение Земли в Космосе. После исчезновения границ, разделяющих государства, человечеством начинают управлять из единого центра. «Одна паства — один пастух».

Вечное колесо продолжает вращаться, и Земля вступает в новую эпоху — эпоху *Козерога*, где парный знак — *Рак*. И вновь люди устремляют свой взор на Землю, понимая, что как бы ни были велики их знания, им все еще очень мало известно о своей великой Матери — Земле. Знак *Козерог* относится к земному лику Бога. Люди изобретают аппарат, основанный на тех же принципах, что и наш Ковчег Согласия. Таким образом, они начинают контролировать вес материи — сводят его к нулю, используя силы антигравитации, или увеличивают его, применяя лучи ультраматерии. Теперь люди начинают перемещаться из одной точки Земли в другую по прямой, а не объезжая Земной шар по периферии, как прежде. Для этого они используют специальные машины, аннигилирующие любое вещество и, таким образом, уничтожающие все преграды на своем пути. Но эти машины вырабатывают и такое излучение, которое тут же восстанавливает изначальную структуру среды после их прохождения через нее. Люди покорили материю материей, и это позволяет им пробраться в сокровенные глубины Земли, где скрываются неисчерпаемые источники энергии.

Комбинация этих двух зодиакальных знаков — *Козерога* и *Рака* — оказывает сильное влияние на духовную жизнь человечества. Великий Учитель этой эпохи открывает людям неисчерпаемый источник силы, кроющийся в человеческой душе. Те, кто владеют ключами от этого источника, обладают способностями, почитаемыми невеждами как «сверхъестественные». Я вижу, как во всех уголках Земли открываются школы, где дети учатся упражнениям, известным в свое время лишь египетским *посвященным*. И это знание распространяется с невероятной скоростью, становясь уделом все более широких кругов населения Земли.

Видения постепенно бледнеют, и я возвращаюсь к обычному состоянию сознания. Я все еще на ложе, и чувствую головокружение от всего увиденного в будущем. Птахотеп подходит ко мне и помогает подняться на ноги. Он дает мне последние наставления на сегодня:

— Как видишь, дитя мое, жители Земли вначале *посвящались* небольшими группами, затем число групп стало возрастать. Человек может получить индивидуальное *Посвящение* на протяжении *единственной жизни*, а нация получает *Посвящение*, если она полностью посвящает себя самосовершенствованию и достигает в этом высшего уровня. В конечном счете весь мир получит *Посвящение*, завершив полный цикл четырех ликов Бога. В земном масштабе времени этот процесс займет многие тысячелетия. Земля будет проходить зодиакальный цикл бесчисленное количество раз. Я показал тебе лишь крохотную часть этого невероятно длинного пути. История человечества — отнюдь не порождение случайностей и совпадений. Тебе необходимо знать, что каждый шаг на пути развития предначертан Богом. Но человек способен пройти весь путь за одну жизнь, если полностью посвятит себя этой цели.

Благословляя меня на прощание, Птахотеп добавляет:

— Возвращайся сюда завтра. Мне нужно сказать тебе кое-что важное.

— 36 —

Последние приготовления

В этот день я с нетерпением жду встречи с Птахотепом. Однако, весьма преуспев в искусстве самоконтроля, я не позволяю поводьям выскользнуть из рук, какое бы внутреннее напряжение я ни испытывала. Я сознательно наблюдаю за тем, какое воздействие оказывают внешние события на мои нервные центры, и просто не позволяю своим нервам реагировать на раздражители, если мне этого не хочется. В начальный момент их естественной реакции я своим сознанием вклиниваюсь между побудительным импульсом и ответным действием и приказываю своей нервной системе оставаться спокойной и холодной, как кусок стали.

Но сейчас, когда Птахотеп предупредил меня, что должен сообщить нечто важное, мне стоит больших трудов удержать свое сердце от того, чтобы оно не забилось, как птица, при одной лишь мысли о предстоящем разговоре.

Наконец наступает вечер, и я направляюсь вдоль колоннады к его приемной. Вот я предстаю перед ним, спокойная и невозмутимая.

Птахотеп принимает меня как обычно. Его благородное лицо, как всегда, излучает невыразимую возвышенность, так что мне трудно понять, что именно он собирается мне сейчас сказать.

— Доченька, — начинает он, — ты продвинулась настолько, что научилась сознательно регулировать все естественные процессы в своем теле. Отныне лишь ты вольна решать, позволить ли той или иной силе проявить себя. Ты уже не рабыня природы — ни разумом, ни душой, ни телом. Но я должен указать тебе на тот факт, что для тебя все еще существует опасность порабощения. Если ты сознательно применишь свою волю, никто и ничто не сможет отнять у тебя

свободу. Но никто также не сможет удержать тебя от порабощения силами, исходящими из твоего собственного *Я*. Воля Бога (следовательно, закон) гласит, что каждый дух имеет право на полную свободу воли. Никто не вправе посягнуть на эту свободу. Вот почему ты никогда не должна забывать о самоконтроле и самоанализе.

Да, ты созрела для *Посвящения*. Но помни: всеведение и всесилие требуют высочайшей ответственности. Хорошенько подумай и прими взвешенное решение: хочешь ли ты стать *посвященной* — ведь *Посвящение* наложит на тебя огромную ответственность.

Не выходи из дому в течение трех дней и храни полное молчание. Если твое решение относительно *Посвящения* не изменится, на четвертый день — день новолуния — приходи сюда в сопровождении отца, чтобы сделать последние приготовления.

Мне хочется сказать *Ему*, что я уже приняла решение, но я понимаю, что *Ему* и так это известно. Формальности должны быть соблюдены. Я кланяюсь и ухожу.

Я посвящаю эти три дня прощанию со всем, к чему привязалась. Я знаю, что возвращусь из храма после обряда *Посвящения* совершенно иным человеком. Я брожу по саду, где когда-то в детстве играла со своей матерью, посещаю все любимые уголки и вспоминаю, какой тогда рисовалась мне моя будущая жизнь. Подойдя к своему любимому месту, я некоторое время молчаливо стою и прощаюсь в душе с каждым деревом, каждым кустиком и каждым цветком. Прощаюсь я и с той маленькой девочкой, которая когда-то была здесь счастлива. Затем я отправляюсь к большому пруду попрощаться с золотыми рыбками, которых я так любила кормить в детстве! Я вспоминаю, как однажды оступилась и чуть не упала в воду, но меня подхватила прекрасная женщина в белых одеждах. И сегодня я чувствую ее присутствие где-то рядом. Я знаю, что, согласно законам перевоплощения, она, родившая меня в этот мир, откроет для меня дверь, ведущую в мир иной, когда придет мое время. И наконец, я захожу во дворик для львов, где прощаюсь со своими любимцами.

Пока я еще не *посвящена*, мне позволяют появляться здесь лишь в присутствии смотрителя. Сегодня он сопровождает меня в последний раз: пройдя обряд *Посвящения*, я обрету власть над животными и больше не буду нуждаться в его помощи.

Здесь содержатся лишь львы, принадлежащие царской семье. Один из львов — великолепный зверь — обычно сидит рядом с моим отцом во время аудиенций как символ его сверхчеловеческой силы. Здесь есть львы, которых мы запрягаем в колесницу, а также два моих собственных зверя: Шу-Гаар и Шима. Оба они — дети того льва, который сидит рядом с моим отцом во время аудиенций. Это исключительно умные, сверхчувствительные, великолепные представители своей породы. Оба любят меня так, словно я львица, а не женщина. Они радуются при моем появлении, как безумные, — особенно Шу-Гаар, который не скрывает ревности каждый раз, когда я ласкаю Шиму. Я всегда слежу, чтобы его ревность не переросла в слепую ярость. Это может быть опасно! Как только я ступаю в дворик, ко мне бросается Шу-Гаар. Он трется своей огромной головой о мою руку, ожидая, что я поглажу в ответ его морду, уши и потреплю гриву. Затем он, как всегда, пытается лизнуть мое лицо, я же быстро уклоняюсь, стараясь при этом не обидеть зверя. Я даю ему кусок еще теплого мяса и, пока он пожирает его, улучаю момент, чтобы дать такое же лакомство и Шиме.

В третий, и последний день мы с отцом отправляемся в поездку на колеснице, запряженной львами. Я наслаждаюсь ездой как никогда. В соответствии с инструкциями Птахотепа я не произношу ни слова. Но я и без этого хранила бы молчание. Мы понимаем друг друга без слов. Истина похожа на человека-невидимку, которого можно увидеть, лишь когда он облачен в одежду. Если же он наденет на себя слишком много одежд, нам будет трудно составить о нем верное представление. Чем меньше на нем платья, чем туже оно его обтягивает и чем тоньше материал, из которого платье пошито, тем точнее картина. Но как бы ловко ни сидела на нем одежда, как бы ни подчеркивала она все линии тела, *мы видим*

лишь одежду, а не человека-невидимку. Так же и с истиной! Чем *меньше* слов мы тратим на то, чтобы ее высказать (чем меньше на ней одежды), тем легче она узнается. Но и сама наша попытка облачить истину в слова приводит к тому, что истина скрывается от нас, и мы не можем разглядеть ее подлинную сущность. Для тех, кто не может читать мысли, слова — единственный способ общения. Однако они ни за что не смогут разгадать того, что скрывается за словами. Но мы с отцом *видим* друг друга! Так зачем же нам прятать свои мысли и свои души за словами? Мы находимся *здесь* ради друг друга и наслаждаемся единством *бытия*! Львы несутся вперед. Мы мчимся в полном безмолвии.

Как только наступает великий день, я иду прощаться с Мену и Бо-Гаром. Мену рыдает так, словно я отправляюсь на свои собственные похороны. Ее терзают предчувствия неотвратимой беды. Я даже не представляю, как утешить ее. Маленький Бо-Гар не понимает, что происходит, но он тоже плачет из-за того, что видит, как рыдает Мену, и из-за того, что я собираюсь куда-то уйти. Он бросается передо мной на колени, обхватывает мои ноги руками и, устремив на меня взгляд, в котором видна вся его душа, отчаянно говорит:

— Царица, моя дорогая Царица, никогда не забывай моей клятвы: где бы ты ни была, где бы ни был я, в любое время и в любом месте я приду на помощь тебе и спасу тебя, если ты окажешься в опасности! Я приду *даже с другого конца Земли*! Помни об этом, и пусть моим свидетелем будет Бог! Я спасу тебя!

Бедный маленький Бо-Гар. Он спасет меня! Но от чего? Если Птахотеп решит, что я готова к *Посвящению*, он посвятит меня. Вот и все. О какой опасности может идти речь? И что значат эти слова о *другом конце Земли*? Мальчик здесь, рядом со мной. Что же может разлучить нас? Но я не могу долго раздумывать над его словами, так как пришло время отправиться в покои отца.

Отец встречает меня с печальным и задумчивым лицом. Неужели его тоже мучат предчувствия? Может, ему открылось нечто страшное в моем будущем? Он обнимает меня,

кладет правую руку на мою голову и благословляет. Затем мы покидаем дворец.

Птахотеп ждет нас в своей маленькой приемной. Но прежде, чем мы успеваем войти, из-за колоннады появляется Има. Его ангелоподобное лицо сияет улыбкой. Он бросает на меня ободряющий взгляд и тут же исчезает. Я знаю, что его любовь поможет мне преодолеть все испытания. Отец ведет меня к Птахотепу. Он берет меня за руку и вкладывает ее в ладонь Птахотепа. Затем бросает на меня еще один исполненный любви взгляд и покидает комнату. Я остаюсь наедине с Птахотепом.

— Моя милая дочь, — говорит Птахотеп, — великий круг закона, в котором твоя судьба проявляла себя в мире времени и пространства, сегодня должен замкнуться. Этот круг — твой земной путь — был предопределен уже тогда, когда ты впервые выпала из Божественного единства, подобно тому как траектория полета бумеранга — ширина круга, высшая точка, которой он достигнет, время, требующееся для его возвращения в начальную точку, — определяется теми силами, которые запускают его.

Твой характер и твоя судьба были созданы теми же силами. Они являются плодом причины и следствия, действия и противодействия, поступков и опыта, сплетенных между собой, словно бесчисленные нити, где твое *Я* проявляло себя в веках и тысячелетиях. Все эти действия и противодействия, поступки и опыт кристаллизовались в твоем характере. Твой характер предопределяет твою судьбу, а следовательно, и будущее. *Я* излучает созидательную силу через сито твоего характера в воплощение, и посредством творящих образ сил, исходящих из глубины твоей души, эти энергии создают *иллюзорные видения*. Последние же, проецируясь в материальный мир, создают твою «личность» и твою «судьбу».

Я излучает в каждого человека одну и ту же созидательную силу. Тот факт, что из одной и той же созидательной силы возникает столько различных иллюзорных видений, личностей, характеров и судеб, объясняется разнообразием

влияний, которым подверглись различные люди с момента потери первичного единства.

Станут ли «реальностью» не материализовавшиеся, но дремлющие в подсознании и ожидающие материализации проекции *Я*, останутся ли они всего лишь «иллюзорными видениями» — зависит от того, *с каким планом человек отождествляет свое сознание. «Видение» — та же «реальность», но существующая в нематериальном, творящем образы мире энергии, тогда как все происходящее на Земле, все то, что люди считают «реальностью», по существу, не что иное, как «видение» — проекция собственного Я. Единственная разница состоит в том, что последняя проекция происходит на низшем плане и визуализируется в атмосфере Земли.* Таким образом, судьба — воплощенная проекция будущего — материализованное видение.

Когда же человек позволяет управлять всем воле собственного *Я* — воле *Бога*, на материальном плане (в так называемой «реальности») происходит то, *что человек сознательно желает*. Следовательно, он начинает контролировать собственную судьбу. Это происходит благодаря тому, что его *Я* способно трансформировать видения, скрывающиеся в его подсознании, в духовную энергию. С другой стороны, как только человек начинает отождествлять себя с внешними силами, возникающими в его низшем естестве, в его теле, и считать их проявлением собственной воли, все происходящее с ним попадает в зависимость от телесных потребностей. Не важно, что он продолжает считать эти потребности «собственной волей», от него уже ничто не зависит, и он становится игрушкой в руках слепых *сил судьбы*. В таком случае «иллюзорные видения» и проекции, дремлющие в его подсознании, со временем непременно превращаются в «реальные» события, разворачивающиеся на земном плане.

Во время *Посвящения*, прежде чем ты покинешь свое физическое сознание, чтобы проснуться в *космическом самосознании*, энергии, возникшие в результате твоих действий, а также последствия этих действий, копившиеся в течение веков, — энергии, покоящиеся в твоем подсознании в ожи-

дании материализации, — *проявятся в твоем сознании как видения.* Ты не сможешь разрушить их, так как они возникли из созидательных сил. Но ты можешь предотвратить проявление этих энергий на низшем плане — на уровне материального мира. Ты сможешь добиться этого, если сумеешь сделать так, чтобы *твое сознание опустилось в глубины твоей души, туда, где скрываются эти дремлющие силы, и ты, пробудив их в своем сознании, переживешь видения как реальную действительность.* «Пережить» означает направить силы обратно в сознание и прожить их как *состояния сознания.* Таким образом, внутреннее напряжение, существующее между силами, разрядится. Энергии начнут растворяться, терять свою силу и будут разрушены.

При *Посвящении* ты переживешь свою будущую судьбу как серию различных состояний сознания — как серию иллюзорных видений — но при этом не будешь осознавать ни места, ни времени происходящего. Таким образом, ты освободишься от собственной «личности» и будешь самостоятельно создавать свою судьбу. Ты будешь и дальше использовать свое тело — но уже как безличное орудие Бога. Это нужно затем, что каждый *посвященный* должен возвратиться на Землю, чтобы помочь своим ближним освободиться от оков материи, от оков собственного тела — вырваться из когтей слепой судьбы и возвратиться к состоянию Божественного единства. Каждый, выпавший из единства в разобщенность и воплотившийся на материальном плане, должен найти свой путь назад, к потерянному раю.

Но если посвященный начинает действовать в противоположном направлении, то есть когда он использует высшие духовные энергии для того, чтобы создавать личные реалии, направляя созидательные силы из Божественного сознания в свое тело, он падет ниже уровня любого обычного человека. Обычный человек направляет в материю лишь те силы, что возникают в его материальном естестве. Он переживает действие физических сил в своем теле, и потому для него это не означает падения. Он проявляет силы на том же уровне, где они

возникают. *Материальные силы не покидают материального плана.*

Посвященный же имеет дело не просто с физическими силами. Направляя высокие духовные силы в свое тело, он теряет свое высокое духовное состояние и низко падает. Чем выше его энергия, тем ниже он падает.

Вот почему ты должна помнить, что, став *посвященной* — а ты к этому так стремишься, — ты больше не сможешь безнаказанно делать то, что позволено обычному человеку. Направив эти силы в свое тело, ты просто сожжешь свои нервные центры и сорвешься с высот в бездну, как падающая звезда.

Подготовительные упражнения предназначались для того, чтобы ты смогла понять эту истину. Итак, сейчас, в полном сознании, ты должна в последний раз дать мне ответ: достанет ли тебе мужества подчиниться этим законам, взять на себя высокую ответственность за все, что с тобой может произойти; желаешь ли ты *Посвящения* или предпочитаешь отказаться от этого и возвратиться к обычному существованию, где будешь подчиняться лишь человеческим законам?

Некоторое время я безмолвствую, затем говорю искренне и горячо:

— Отец Души моей, долгие годы я посвятила подготовке, и у меня было достаточно времени, чтобы решить, остаться ли мне в храме или посвятить себя светской жизни. Последние три года я неустанно концентрировалась только на этом вопросе. Мое единственное желание — вернуться к утраченному божественному состоянию. Я приняла непоколебимое решение. Отец, *посвяти* меня!

— Так тому и быть, — отвечает Птахотеп. — Да пребудет с тобой Бог. Следуй за мной!

Он ведет меня к другому крылу храма, где живут неофиты. Там он передает меня молодому жрецу, ожидающему нашего появления. Я встречалась с ним прежде. Оборачиваясь ко мне, Птахотеп говорит:

— Сейчас ты займешься подготовкой своего тела и своей души к *Посвящению*. В день полнолуния, после того как солнце скроется за горизонтом, приходи ко мне.

Мы кланяемся, и *Он* уходит.

Жрец отводит меня в келью, где я посвящаю несколько дней упражнениям. Цель этих упражнений — очистить мысли, душу, кровь и тело настолько, насколько это возможно. Во время посещения школы неофитов я придерживалась строжайших предписаний в диете и делала специальные упражнения. Все это было направлено на то, чтобы вновь образуемые клетки моего тела обладали более чистым химическим составом, чем те, которые они замещают. Таким образом, ткани моего организма обрели достаточную сопротивляемость, чтобы выдерживать вибрации высокой частоты. Сейчас, когда процесс близок к завершению, мне позволено питаться лишь определенными кореньями и травами. Я должна тщательно их разжевывать и глотать только выдавленный из них сок. Эти травы и коренья подобраны очень тщательно: некоторые способствуют стимуляции органов выделения, другие же оказывают воздействие на нервную систему и сердце. Таким образом, организм совсем не слабеет.

Благодаря новой диете с каждым днем я испытываю все большую и большую легкость. Через несколько дней у меня возникает такое чувство, словно у меня и вовсе нет тела. С другой стороны, ясность моего ума и способность к концентрации возрастают невероятно. Никогда прежде я не была способна мыслить с такой отчетливостью. Постигать высшие духовные истины с такой кристальной ясностью. Во время поста без применения укрепляющих трав человек тоже способен достичь высочайшей ясности мысли. Но нервная система может пострадать из-за этого. И хотя во время поста человек становится сверхчувствительным, он одновременно ослабевает. Но благодаря применению этих трав устраняются все отрицательные стороны поста.

Так проходит день за днем. И вот наступает день полной луны. Погруженная в себя, я отправляюсь к Птахотепу.

Я вхожу в его комнату как раз в тот момент, когда солнце скрывается за горизонтом.

— Следуй за мной, — говорит Птахотеп и выходит из комнаты.

Птахотеп ведет меня по храму и, обойдя стол для жертвоприношений, подводит к огромной каменной стене. Каменные блоки стены пригнаны друг к другу так, что между ними нет ни малейшего зазора. Теперь я знаю, для чего это нужно. Тут Птахотеп, взявшись рукой за камень, медленно отводит его в сторону. В стене возникает проход. За ним открывается уходящая вниз длинная каменная лестница. Мы спускаемся по ней, а затем продолжаем свой путь по длинному коридору. Мои чувства говорят мне, что мы находимся под землей. Но, как ни странно, я нигде не замечаю плесени, а воздух необычайно чист — в нем чувствуется озон. В конце подземного коридора находится другая лестница, ведущая вверх. После того как мы поднимаемся по ней, Птахотеп ведет меня через какие-то коридоры, одни из них широкие, другие — узкие. Мы проходим через комнаты, где стоят какие-то непонятные аппараты, затем вновь поднимаемся по ступеням. Наконец мы попадаем в большую комнату.

Все коридоры и комнаты, в том числе и эта, залиты ярким, словно дневным светом. Но я нигде не вижу светильников. Кажется, что свет излучают сами камни. Оборудование, стоящее в этой комнате, имеет столь загадочный вид, что тут же полностью завладевает моим вниманием. Вся комната залита ярчайшим светом, и я замечаю *нечто* столь блистающее, что кажется, будто оно сделано не из твердого вещества, а из света, из какого-то особенного, концентрированного, отвердевшего света. Эта масса также излучает и обычный свет. Вот почему комната так ярко освещена.

Однажды при посещении дома гончара я заглянула через щелочку в печь. Внутри стояло несколько добела раскаленных и совершенно прозрачных глиняных сосудов. Они стояли в ряд — друг за другом — и тоже излучали свет. Эта огромная призма излучала такой же свет. Но только свет — никакого *жара*!

В комнате стоят и другие загадочные предметы. Они очень странной формы, а материал, из которого они сделаны, совершенно мне незнаком, так что я даже не могу представить, для какой цели они предназначены. Но сейчас нет времени ля их изучения. Я с нетерпением жду начала *Посвящения* — все мои мысли только об этом!

Птахотеп подводит меня к дальнему углу комнаты, где стоят открытые каменные саркофаги.

— До сих пор, — говорит мой проводник и наставник, — ты лишь слышала о том, *что* такое *Посвящение*, сейчас же ты узнаешь, *как* оно происходит. Во время *Посвящения* тело кандидата подвергается воздействию частот более высокого уровня, чем уровень его сознания. Таким образом, *его сознание переходит на более высокий уровень*! Лишь тот, кто прошел длительную и упорную подготовку, может быть посвящен в высшую силу, в высший уровень сознания, не пострадав при этом. Лишь такой человек способен контролировать свое тело при помощи разума, понимания и воли, настраивая свои нервы на высшие частоты.

Как это тебе уже известно, животные не способны изменять свой способ существования или условия жизни. Вот почему они не могут выносить более высоких частот, чем их собственные. Например, если животное подвергнуть воздействию тока той же частоты, что и человека, оно погибнет через несколько минут от «удара», а умирая, будет извиваться в мучительных судорогах.

Человек же способен адаптироваться к повышению вибраций на октаву. Таким образом, средний человек, прошедший соответствующую физическую подготовку, может без всякого вреда подвергнуться воздействию вибраций гениев, другими словами, воздействию вибраций пятого уровня. При этом он будет испытывать неземное блаженство. Это происходит потому, что воздействие высших вибраций (если они, конечно, переносимы) возвышает человека и всегда сопровождается ощущением счастья. Но дальнейшее повышение частоты вибраций всегда сопровождается мучениями, так как нервы не в состоянии выдерживать такое напря-

жение. Воздействие низших вибраций порождает в индивиде чувство страха и депрессию. Средний человек, испытавший блаженство, вызванное вибрациями высшего плана, со временем, благодаря настойчивой практике, может получить посвящение в пятую ступень. Его нервы настолько окрепнут и приспособятся к высоким частотам, что он и вправду станет гением. Он станет воспринимать постоянный поток интуитивных знаний.

Ощущение блаженства, связанное с переходом на высший уровень сознания, известно всякой творческой личности, а также каждому человеку, употребляющему спиртное или другие стимуляторы с целью получения ощущений, сопровождающих прохождение по нервам тока более высокого напряжения. Но употребление искусственных стимуляторов всегда приводит к последующей депрессии, отчего человек опускается ниже того уровня, на котором находился прежде.

При *Великом Посвящении* потоки силы, соответствующей семи уровням сознания (начиная с низших и заканчивая высшими божественными созидательными токами), проходят сквозь тело кандидата. Таким образом, кандидат посвящается во все силы, а его *сознание охватывает все уровни*. Для того чтобы кандидат смог пройти через обряд *Посвящения* и остаться в живых, его сознание уже должно находиться на шестом уровне. Для любого, чье сознание еще не достигло шестого уровня, *Посвящение* неминуемо несет с собой смерть. Таким образом, при помощи потока силы кандидат достигает седьмого (божественного) уровня, которого он никогда не смог бы достичь самостоятельно. Никто не может достичь божественного созидательного плана без посторонней поддержки. Здесь происходит великий переход от его прежнего, отрицательного состояния к новому — положительному состоянию дарения. Как бы человек ни старался, какие бы усилия ни прилагал, чтобы достичь седьмого уровня самостоятельно, он не сумеет этого сделать — единственное, что ему может удаться, — это подойти к *Посвящению* полностью подготовленным. В таком случае *Посвящение* в божествен-

ное сознание происходит благодаря простому акту наложения рук. Посвященные таким образом больше никогда не выпадают из божественного сознания, так как они уже прошли весь цикл полного сознания, приобретя при этом необходимый опыт. Лишь последний шаг — воссоединение с дополняющей половиной — делается при постороннем участии. Отныне они живут в состоянии *сознания Бога*.

Однако при *Посвящении* в нашем храме кандидатам не обязательно проходить полный путь вплоть до седьмого уровня сознания. Обязательным для *Посвящения* здесь считается достижение по крайней мере шестого уровня сознания и соответственная подготовка тела. Благодаря посторонней помощи при *Посвящении* им открывается путь к своему истинному *Я*, и во время самого акта *Посвящения* их сознание сливается с потоком божественной энергии.

Эти кандидаты не могут оставаться в состоянии божественного сознания по завершении *Посвящения* и вновь входят в свое прежнее состояние. Но они помнят то блаженство, которое испытали при акте *Посвящения*, и путь, ведущий к седьмому плану сознания, становится для них проще и легче. Таким образом, *Посвящение в храме* открывает возможность познать блаженство воссоединения с божественным *Я* для гораздо большего количества людей, чем иная форма *Посвящения*.

С другой стороны, *Посвящение в храме* таит в себе опасность того, что *новопосвященный*, так и не достигнув состояния богочеловека, может поддаться соблазну и пасть ниже того уровня, на котором он находился прежде. Непосвященному же это не угрожает, так как, пройдя весь предначертанный смертным земной путь и познав все соблазны, он рано или поздно оказывается у Врат Рая. Он достигает божественного плана, обогатившись опытом на всех уровнях. Но для этого живому существу нужно прожить целый век творения.

Божья воля велит, чтобы все *посвященные в храме* на время вернулись к земной жизни, невзирая на грозящие им опасности. Таким образом, они могут еще послужить человечеству и вернуть Богу множество душ. Тот же, кто падет

после *Посвящения*, должен будет перевоплотиться на Земле позже — когда человечество останется без духовных поводырей. Падшие будут помнить все великие истины, открывшиеся им при *Посвящении*, и станут проповедовать их будущим поколениям, выражая их в речах, сочинениях и поступках.

Тайна *Великого Посвящения* некоторое время будет храниться в храме. Но позже, когда к власти придут земные люди, мы закроем пирамиды камнями изнутри и дематериализуем все хранящееся там оборудование. Тайна божественной созидательной энергии не должна попасть в руки непосвященных. Через тысячи лет, когда люди наконец вломятся в пирамиды, они не найдут там ничего, — совершенно ничего, даже человеческих скелетов.

Сегодня на Земле много душ, готовых к *Великому Посвящению*. И наша обязанность *посвятить* этих людей, если, несмотря на наши предупреждения, они повторят свою просьбу *троекратно*.

При *Посвящении* кандидат начинает сознавать каждый план творения. Все бессознательные части его души обретают сознание — у него больше нет ни «подсознания», ни «сверхсознания». При *Посвящении* сознание кандидата становится *всесознанием*. Цикл, начавшийся с того, что, выпав из единства, он обрел сознание в материи — в собственном теле, — завершается. Кандидат сознательно воссоединяется со своей дополняющей половиной, присутствовавшей в бессознательной части его души как негатив, как некая чуждая сущность, обладающая, однако, притягивающей силой. И сила эта проявлялась как *тоска*, как *неизбывное влечение* тела к единению. Сознание возвращается к единству, после чего его «дополняющая половина» исчезает, *так как она также стала осознанной*. Это воссоединение мы зовем «мистическим браком».

«Брак» всегда означает соединение положительного и отрицательного. Однако на Земле «браком» зовется тщетная попытка соединения с другим существом, обладающим телом. Но мистический брак духа происходит *в сознании* и при-

носит достижение полной, непреходящей целостности, так как воссоединение с собственной дополняющей половиной означает воссоединение с Богом. И цикл завершается!

Тело человека устроено таким образом, что для каждой октавы в нем есть соответствующий центр. С одной стороны, эти центры являются своего рода распределителями, передающими по нервным путям вибрации, воспринятые ими из высших центров. С другой стороны, они выполняют роль трансформаторов, когда передают вибрации тем центрам, что расположены ниже.

Трансформаторы, содержащиеся в нервных центрах обычного человека, функционируют независимо от его сознания. Вот почему такой человек не может осуществлять над ними контроль. Все в нем контролируется законами природы, действующими помимо его сознания, и он не знает, что происходит в его теле, в его душе, в его подсознании.

При *Посвящении* кандидат должен сознательно испытать воздействие высокого тока на все семь главных нервных центров. Вначале его сознание уходит на нижнюю сферу творения. Он должен познать действующие там силы и научиться ими управлять. *Это его первое испытание.* После успешного прохождения первого испытания кандидат переходит ко второй октаве вибраций — познает силы, действующие на этом уровне, и учится управлять ими. *Это второе испытание.* Затем он поочередно переходит к третьей, четвертой, пятой, шестой и, наконец, к седьмой октаве. Лишь после успешного прохождения всех этих испытаний и *сознательного* овладения всеми семью сферами кандидат становится *посвященным.*

Сознание — свет, бессознательное — мрак. Когда мы видим свет, разливающийся над Землей, мы говорим, что сейчас *день.* Таким образом, каждый из уровней сознания является «днем» Бога. На каждом уровне сознания *Бог познает себя.* Все эти «дни» (уровни сознания) заполнены деятельностью, беспокойством и движением — лишь на седьмой «день» Бог отдыхает от работы! Седьмой «день» — когда тво-

рение завершено — ознаменован покоем и равновесием. В этот «день» Бог *покоится в себе*!

Когда после *Посвящения* человек вновь способен сознательно испытать единение в *сущности*, когда он переживает вновь и вновь это божественное состояние во время медитаций и когда он поднимается по собственной воле с шестого уровня сознания на седьмой и может пребывать в таком состоянии сколь угодно долго, тогда и только тогда *посвященный* становится *богочеловеком*. Лишь тот, чье сознание есть *мир и покой*, чьи действия и поступки исходят из божественного состояния, чья воля излучает лишь добро и божественную любовь при любых обстоятельствах, — лишь тот может по праву называться Сыном Бога, *богочеловеком*, Пта-Хотепом!

Богочеловек сознательно проявляет и контролирует все семь планов творения. Но его сознание отождествляет себя лишь с высшим, божественным планом. Он все знает об остальных уровнях, управляет ими, но он никогда не вкушает плод с дерева познания добра и зла. Он сознательно пребывает в *Боге*. Он соединяет в себе все семь планов. Он материя — имеет тело; он растение — движется, питается и заботится о своем теле; он животное — у него есть инстинкты и чувства; он человек — обладает разумом и способностью логически мыслить; он гений — его отличает интуиция и он стоит выше закона причин и следствий; он пророк — стоит над пространством и временем, видит прошлое и будущее, любит всю Вселенную бескорыстной любовью, помогает всем существам добиться искупления и освободиться от оков материального мира; и он богочеловек — всеведущ и всемогущ; он — это *вечная сущность, жизнь, Бог*!

Как ты сама могла увидеть, разные *посвященные* находятся на разных уровнях. Большинство достигнут седьмого уровня, лишь пройдя до конца свой путь развития. Вот почему существуют жрецы различных санов. Обязанности Верховного Жреца может исполнять лишь тот, кто достиг седьмого уровня сознания благодаря собственным усилиям, тот, кто не *ожидает* и не *получает* высшей божественной силы,

как это делают кандидаты при *Посвящении*. Верховный Жрец, наоборот, сам *излучает* и *отдает* эту силу.

Шесть из семи ступеней сознания получают свои созидательные вибрации, свою энергию от седьмой ступени — от Бога. Даже тот *посвященный*, кто смог достичь седьмой ступени лишь во время *Посвящения*, все еще ожидает и получает созидательную энергию жизни от седьмой ступени — от Бога. Лишь Бог и те, кто стал тождествен Богу, могут излучать свою энергию безгранично.

Материя же как негативный отраженный образ Бога *способна лишь получать*. Все существа, на каком бы уровне они ни находились, получают то, что идет сверху, и передают это вниз.

Растения оживляют материю, хотя сами получают пятикратную созидательную энергию — энергию пяти высших уровней. Животные отдают двукратно — на два уровня ниже своего, тогда как получают троекратно с высших уровней. Человек отдает троекратно — на три уровня ниже своего, и также получает троекратную энергию высших уровней — его сознание находится посередине. Сознание же гения находится на пятом — причинном — плане, потому он излучает свою созидательную энергию на четыре плана вниз, а получает лишь с двух высших планов. Пророк — *посвященный* — передает свои благостные вибрации всем существам, находящимся на пяти низших уровнях, а получает созидательную силу только с божественного уровня. Он все еще находится в двойственном положении по отношению к Богу. Лишь человек, достигший *совершенного космического сознания* благодаря собственным усилиям, излучает положительную (и только положительную!) энергию во всех направлениях. Он живет в *Боге* — в целостном сознании *Я*.

Ты уже поняла, что *отдавать* — излучать — это качество Бога, тогда как *брать* — поглощать — это свойство материи.

Любые частоты обладают проникающей способностью по отношению к низшим уровням, но не способны оказать воздействие на высшие. Если ты возьмешь двух людей, стоящих на разных уровнях сознания, то человек с низшим со-

знанием (каким бы «плохим» он ни считался) может повредить человеку высшего уровня лишь своими действиями, но его вибрации не способны оказать никакого отрицательного воздействия на последнего. Тогда как излучение обладателя высшего сознания — его «дурной глаз» — может причинить вред тому, кто стоит на низшей ступени развития. *Посвященный* же может передавать свою магическую силу существам всех уровней без исключения.

При *Посвящении* божественная созидательная энергия начнет проходить вдоль твоего позвоночного столба, воздействуя по очереди на все семь центров. Ты будешь воспринимать эту энергию как состояние сознания каждого из семи уровней. Но хорошенько запомни то, что я тебе сейчас скажу: *когда ты осознаешь определенную октаву, ты настроишься на ее частоту, и вся ее сфера на время станет для тебя представлением об «абсолютной реальности». Пройдя испытание на одном уровне, ты очнешься на следующей ступени и поймешь, что предыдущее переживание было не более чем видением низшего порядка. Но если ты не сможешь пройти испытания и отождествишь себя с видениями, если ты не сможешь контролировать их, то они и впрямь станут для тебя действительностью и ты будешь переживать их как реальность до скончания веков. Это означает, что твое тело умрет и останется лежать здесь, в гробу, тогда как тебе предстоит досматривать эти иллюзорные картины на протяжении нескончаемых перевоплощений — тысячи и тысячи лет, пока ты наконец не достигнешь уровня, с которого упала.*

Различие между видением и реальностью состоит лишь в том, что в первом случае все, принимаемое тобой за реальность, тут же превращается в видение, как только ты пробуждаешься на высшем уровне сознания и понимаешь, что все пережитое не было реальностью, а простой проекцией твоего *Я* в мир видений. Любое видение реально, пока ты веришь в его реальность. Единственная *реальность*, единственная объективная *реальность* — это *Я, Бог*!

При прохождении испытаний ты переживешь все жизни, которые тебе суждено прожить после того, как ты пала на

Землю. Свободная от пут времени и пространства, ты сможешь пережить их как видения, пробуждаясь каждый раз на новом уровне сознания. В конце ты очнешься на седьмом уровне — в *космическом сознании собственного Я*. В этом божественном состоянии ты станешь единым целым с последней, высшей и *единственной реальностью* — с Богом. Но это уже не пробуждение, а воскрешение!

Затем ты будешь освобождена от своей собственной «личности» — которая также является лишь проекцией: ты будешь освобождена от своей личной судьбы! Это и есть искупление. После этого ты сможешь исполнять обязанности жрицы в храме. Затем, если благодаря собственным усилиям ты сумеешь достичь седьмого уровня сознания и оставаться на этом уровне постоянно, ты станешь богочеловеком. Тогда ты удостоишься звания Верховной Жрицы храма.

— Отец Души моей, — обращаюсь я к Птахотепу, — ты сказал, что существует опасность падения с уровня высокого сознания даже после того, как человек прошел *Посвящение*. Ты также говорил мне, что падение *посвященного*, направляющего высшие созидательные энергии в свое тело, произойдет неизбежно и что падет он ниже прежнего уровня. Ты также сказал мне, что во время акта *Посвящения* кандидат переживает *свою будущую судьбу* такой, какой она была предначертана с момента падения из райского единства. Тогда как же может *посвященный*, переживший в видениях все соблазны и прошедший сквозь все испытания, как может он пасть на низший уровень и вновь оказаться в трехмерном мире? Если он увидел всю свою будущую судьбу, словно во сне, не должно ли ему присниться и это падение?

— Когда бумеранг запущен, — отвечает мне Птахотеп, — круг, описываемый им, и время полета известно еще в момент его запуска. Но существует возможность вмешательства некоей внешней силы, которая перехватит бумеранг в любой точке и принесет его назад. Тогда бумеранг возвратится домой раньше. Но бумеранг сохранит свою прежнюю форму и вес, и, если к нему будет приложена та же сила, он сможет еще раз вылететь из той же точки и описать

все ту же траекторию. Видишь ли, возможность полета *заложена в самой форме и весе бумеранга.*

Посвященный, достигший седьмого уровня благодаря посторонней помощи, подобен этому бумерангу. Он пережил в видениях свою будущность до самого конца — вплоть до возвращения в Божественное единство, но познал он все это *лишь в своем сознании.* Его личность и личные обстоятельства все еще остаются в мире материи. После *Посвящения* его прежняя жизнь не кончается. Так и ты после прохождения обряда останешься дочерью Фараона и наместницей царицы.

В этот период — до самостоятельного достижения седьмого уровня сознания — *посвященный* рискует пасть на низший уровень и, следовательно, *начать совершенно новый круг судьбы.* Поскольку он *осознал* божественную созидательную силу (хотя и с посторонней помощью), эта сила отбросит его на невероятное расстояние, так что он должен будет описать гораздо больший круг, чем тот, который был ему предначертан *до осознания им божественной созидательной силы.* Черные маги, разрушившие дом Сынов Бога, пали на низшую ступень Творения. Сейчас они лежат на земле как валуны и скалы, и их сознание должно проделать длинный эволюционный путь, обретая жизнь в растениях, животных и людях, прежде чем достигнет прежней ступени развития. Некоторые из них пали до уровня растений и животных, но есть и такие, которые опустились до уровня обычных людей. Путь, который проходят существа через материальный мир, обычно занимает большой промежуток времени, но некоторые личности *могут значительно его сократить* и завершить на тысячи, а то и на миллионы лет быстрее, чем остальные. На это, конечно, способны лишь люди. Лишь человек, использующий разум, благодаря своему сознанию может переживать состояния, при которых отсутствует *ощущение времени.* Растения и животные не способны на это. Теперь ты понимаешь, почему животные так страдают! Как и все живое на земле, они являются ограниченным проявлением сознания падших душ высшего плана.

В *Посвящении* все негативные силы, проявившиеся в падении с высших уровней сознания, полностью нейтрализуются позитивными. Таким образом «долги» возвращаются. После успешного прохождения *Посвящения* ты вступишь *в состояние, где нет судьбы*. Пока ты проявляешь Бога, у тебя нет ни собственной личности, ни судьбы. Ты не подчиняешься закону действия и противодействия. Но стоит тебе отождествить себя со своим телом, ты вновь кажешься в колесе бесчисленных перевоплощений.

Сейчас, когда ты знаешь все возможные последствия *Посвящения*, я спрашиваю тебя в последний раз: хватит ли в тебе мужества, чтобы пройти обряд *Посвящения*?

— Да! — отвечаю я, не колеблясь ни секунды.

В комнату входит высокий величественный человек. Я знаю его. Он также Верховный Жрец — наместник Птахотепа. Он приближается к нам. Птахотеп делает мне знак лечь в саркофаг, и я подчиняюсь его приказу.

Когда я оказываюсь в саркофаге, Птахотеп бросает на меня взгляд, исполненный безграничной любви. Затем жрецы поднимают каменную крышку саркофага и накрывают меня. Я оказываюсь в кромешной тьме, закрытая в каменном гробу.

— 37 —

Посвящение

Я, как обычно, жду, что произойдет дальше.

Ничего не происходит.

Я лежу в каменном гробу и смотрю во тьму.

Во тьму? Но это не совсем тьма. Посреди темного поля моего зрения возникает полоска зеленоватого фосфоресцирующего света. Вокруг то возникают, то исчезают светлые точки. Я слежу за этими светящимися точками и пытаюсь понять, откуда они берутся и куда исчезают. Вдруг я замечаю, что светящиеся точки находятся на большем удалении друг от друга, чем мне прежде казалось, а пространство, где я только что видела зеленоватую фосфоресцирующую полоску, стало пустым — там нет даже светящихся точек. Точки удаляются от центра — там не остается вообще ничего. Из-за полного отсутствия света в пространстве образуется черная дыра, и я смотрю сквозь нее в *ничто*.

Затем я замечаю, как в этой абсолютной, мертвой темноте появляются две светящиеся точки. Они медленно приближаются и смотрят на меня, словно два глаза. Я не вижу этих глаз — в них нет ни света, ни цвета, но я знаю, что обязана видеть их. Я *знаю*, что два глаза глядят на меня. Эти глаза не принадлежат никакому телу. Они — два центра энергии, оказывающей на меня необъяснимое воздействие. Эта мрачная, темная энергия поглощает светящиеся точки. Они исчезают под ее влиянием. Вокруг черной дыры, из которой струится незримая сила, намечается контур и образуется граница. Перед моим испуганным взором возникает безликая маска чудовища — силуэт, негатив, узнаваемый лишь благодаря тому, что он находится в абсолютной пустоте.

Я знаю — просто знаю, что это бестелесное чудовище — само *Зло*. Я знаю. Я видела, как эти ужасные гримасы иногда появлялись на человеческих лицах. Сейчас же *причина* этих гримас, безликое, бестелесное существо предстало передо мной. Может быть, оно всегда находилось рядом, а я просто не замечала?

Бестелесное существо напоминает голову козла. В силуэте отчетливо обозначаются рога, возвышающиеся над удлиненной мордой, которая заканчивается козлиной бородкой. Возможно, эта форма — лишь результат излучения *незримой силы*? Глаза существа посажены очень близко и производят устрашающее впечатление. Они — словно мельничные жернова, готовые втянуть в себя и уничтожить все, что видят. Сквозь эти жуткие глаза чудовище излучает злую силу. Кажется, она пронизывает меня насквозь, а сами глаза готовы втянуть меня в себя, засосать, закружить, как в гигантском водовороте.

Меня охватывает паника. Страх сковывает все мое тело — я не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. А глаза все ближе, все пронзительнее. Они обладают какой-то страшной властью надо мной. Я чувствую, как это дьявольское существо (а может быть, сам дьявол?) пытается подчинить меня своей воле. Чудовище приближается ко мне вплотную. Оно заглатывает меня, и через секунду я чувствую, что уже перестала быть собой. Я стала *им*. На моем лице проступают его черты, мое тело приобретает его формы, в моих венах вместо крови струятся дьявольские потоки энергии. Адское ощущение парализует все мое тело. Тело извивается в страшных судорогах.

Где-то в глубине моего естества ОНО говорит со мной без слов, но я прекрасно понимаю каждую его мысль: «Вот ты и поймалась. Сейчас ты в моей власти! Ты сама убедилась, что, несмотря на все старания, тебе не удалось выдворить меня из своего сознания. Все усилия оказались тщетны — ты моя. Мы с тобой — одно целое. Ничто не разделяет нас, я — это «я» в тебе, а ты — это «я» во мне. Ты обречена пережить во мне охлаждение, сжатие и отвердение. Ага! Чувствуешь, как

ты сжалась, как вдавливаются твои колени в твою же грудь? Твои ноги скрещены и сжаты... не кажется ли тебе, что ступни начинают прирастать к голеням? Твои руки тоже скрещены, а кулаки сжаты так плотно, что, боюсь, ты можешь просто не разжать их больше. А сейчас твоя голова втягивается все глубже и глубже — вот она протискивается между кулаками... лицо прижимается к груди. Ты скрутилась так, словно находишься в матке! Но ты продолжаешь сжиматься. Ты становишься все меньше и меньше, пока не превращаешься в маленький овальный камешек. Да, ты всего лишь маленький камешек, холодный, твердый и мертвый... но камешек, обладающий сознанием! Ты сознаешь, что замурована в нем на века... На тысячелетия... На веки вечные...

Оглянись вокруг, посмотри на горы, вознесшиеся ввысь. Видишь ли ты эти камни и валуны? Но не смотри *на* них, всмотрись *в* них! Теперь ты видишь, что все эти камни, как и ты, обладают сознанием? Они согреваются солнцем, обвеваются ветрами и охлаждаются морозом. Люди ходят по ним, весенние потоки уносят их с гор, разбивая и шлифуя друг о друга. И это происходит и происходит... повторяясь до бесконечности».

Холодея от страха, я переживаю все картины, которые рисует передо мной *дьявол*. Да. Это сущий ад. Живая и в сознании, но замурованная в каменной могиле, не способная подать и признака жизни... я превратилась в тяжелый мертвый камень!.. *Быть* ли этому?

Нет! *Я не* камень! Я заключена, замурована в камне, но я не камень! *Мое Я — не материя*. И я сама — одно из измерений этого *Я* — дух, над которым не властны ни время, ни пространство!

И, напрягая всю силу духа так, как я научилась во время упражнений по телепатии, когда общалась без слов, посылая и читая мысли на расстоянии, я издаю беззвучный крик: «Нет, я не ты, а ты не мое «я»! Мы навсегда разъединены с тобой, так как ты — смерть, а я — *жизнь*! Мы никогда не сможем стать тождественны друг другу! Ты, со своим законом сжатия и отвердения, всего лишь негатив, карикатура на

вечный источник жизни — на *божественное начало, покоящееся в себе*! Ты не страшный призрак. Ты не чудовище. Ты не «дьявол». Ты не можешь существовать независимо. Тебя создало Божественное *Я* и будет создавать тебя все время, пока облачается в материальную оболочку. Ты — внутренняя сущность материи, ты — закон, защищающий материю. Да, ты действительно имеешь власть над моим телом, так как ты должен был создать его по приказу моего Высшего *Я*, когда мое личное «я» рождалось в этот мир, чтобы стать личностью. Но у тебя нет власти надо мной, над моим созидательным *Я*, так как ты не более чем *закон материи, получивший жизнь благодаря моему духу*! Нет, *я не ты, я — это я, но ты всего лишь часть меня. Ты — тоже я*! Твоя суть — сжатие, а на духовном плане, в сознании, сжатие проявляет себя как *страх*. И ты должен исчезнуть, потому что *мне не страшно*!»

Эти невысказанные, безмолвные слова производят устрашающий эффект! Все вокруг окутывает кромешная тьма, и горы проваливаются куда-то с громоподобным звуком. Камни и скалы падают, земля разверзается, воцаряется полный хаос... но я продолжаю твердо стоять на ногах посреди этого разрушения.

Как только все успокаивается и я прихожу в чувство, мне становится ясно — только что мне снился страшный сон. Как хорошо — проснуться от такого кошмара!

Во мне пробуждается аппетит и жажда. Но я не хочу терять времени ни на еду, ни на питье: моя цель — *Бог*. Я хочу дойти до него поскорее.

Я оглядываюсь вокруг. Оказывается, я нахожусь в просторной комнате, залитой красноватым светом. Приятные, воспитанные люди предлагают мне отведать деликатесов, разложенных на красивых блюдах, и испить вина, налитого в великолепный золотой кубок. Они предлагают мне присоединиться к ним. Я улыбаюсь — питье и пища никогда не были соблазном для меня. Как я могу позволить себе задержаться из-за какой-то закуски на своей дороге к *Богу*!

Я благодарю их за гостеприимство и доброту и прощаюсь. Но странно, я больше не чувствую ни жажды, ни голода! Оглядываясь по сторонам, я не могу сообразить, где нахожусь и что происходит вокруг. У меня создается впечатление, что все находится в беспрерывном хаотичном движении. В воздухе угадывается какой-то странный запах... запах разгоряченных человеческих тел... его нельзя назвать мерзким, скорее, он отталкивающий.

Понемногу мои глаза приспосабливаются к приглушенному свету, и я вижу, что нахожусь в какой-то пещере, где на диванах вперемешку лежат мужские и женские тела. Они качаются и переваливаются друг через друга, обнимают друг друга и совершают какие-то странные движения. Я наблюдаю за ними со всевозрастающим изумлением.

Они, наверное, пьяны? Или просто не в себе? Когда-то я наблюдала за животными в их брачный период. Но и животные никогда не теряют достоинства, даже когда их тела дрожат от страсти и возбуждения... они никогда не ведут себя как эти люди. Жрицы, служащие в храме любви, выполняют свои обязанности самозабвенно и достойно, так как знают, что этим они приносят жертву на алтарь божественной любви. Как же эти люди пали так низко, что забыли о высокой цели любви и сделали акт любви самоцелью? Это же люди — почтенные люди, созданные по образу и подобию Бога! Почему же они ведут себя как безумные? Я узнаю среди них знакомых сановников, придворных дам, но они не видят меня. Их уши и глаза заняты только собой. Внешний мир для них просто не существует! *Они замурованы, находятся в плену собственного воображения*!

Да, они разговаривают друг с другом, но говорят они так, словно забыли, что речь — божественный дар проявления духа. Они используют речь, забыв о всякой логике, — их фразы совершенно бессмысленны. Так, например, я слышу, как мужчина, танцуя с женщиной и прижимая ее к себе, спрашивает ее: «Дорогая, ты моя?»

«Да, дорогой, я вся принадлежу тебе», — отвечает его партнерша, и танец продолжается. Через некоторое время

эта пара вновь приближается ко мне, и я снова слышу, как мужчина с полузакрытыми глазами задает все тот же вопрос, наверное, раз в сотый: «Дорогая, ты моя?»

«Да, дорогой, я вся принадлежу тебе», — отвечает столь же неутомимо его партнерша. Что с ними происходит? Достаточно спросить только раз и получить ответ. Зачем же повторять одно и то же сотни раз? Да и чего стоит сам вопрос! Как может один человек принадлежать другому? *Любой человек принадлежит лишь себе.* Он — свободное существо, имеющее неотъемлемое право распоряжаться собой. Так как же этому мужчине могло прийти такое в голову? Как женщина может *принадлежать* ему? Даже лев вряд ли может принадлежать человеку. Так откуда же может появиться такая идея, что женщина «его», и почему он спрашивает об этом сотни раз? Может быть, он болен психически? Да и женщина, неустанно отвечающая на одну и ту же бессмыслицу, разве может быть нормальной? Похоже, что все эти мужчины и женщины ведут себя одинаково.

В этот момент ко мне приближается высокий, широкоплечий мужчина. Похоже, он может читать мысли, потому что, глядя мне прямо в глаза, говорит: «О прекрасная дама, неужели вы не знаете, что такое любовь?»

— Любовь? Да, конечно же, я знаю, что такое любовь! Любовь благородна и священна, когда два живых существа преданы друг другу, но не тогда, когда они одержимы лишь одной мыслью: *владеть*! Но я не вижу и малейших признаков любви в сердцах этих людей! Я вижу лишь одно — они потеряли рассудок... эта страсть, эта лихорадка, овладевшая ими, лишь отупляет и убивает тончайшие нервные центры, предназначенные для восприятия духовных откровений!

Нет, эти люди должны быть спасены — их нужно вывести из этого полусознательного состояния! Я подхожу к молодой женщине, стоящей рядом, хватаю ее за руку и кричу ей прямо в ухо: «Проснись! Не позволяй страсти отупить твое сознание! Ты дух, а не тело! Не позволяй же своему телу занять твое место! Не опускайся до уровня животного, просыпайся... ты слышишь? Просыпайся и беги отсюда! Спасайся,

пока не поздно!» Молодая женщина смотрит на меня как сквозь вуаль, словно сомнамбула.

— Оставь меня, — говорит она, — я хочу счастья!

И продолжает танцевать. О, как она слепа! Неужели она думает, что можно найти счастье в объятиях, в любви, лишенной *духовного содержания*? Счастье — это то, что человек переживает в сознании; счастье — в его *Я*. Так каким же образом надеется эта женщина найти счастье в пустой телесной забаве?

— Забудь на время о своем разуме, — говорит мне все тот же мужчина, — ты не в праве судить их, так как сама еще не испробовала этого. Станцуй со мной, и ты увидишь, что это такое!

С этими словами он заключает меня в свои объятия и увлекает в самую гущу людского водоворота. Он ведет себя так же глупо, как и остальные.

Я танцую и наблюдаю за собой с любопытством... неужели я тоже опьянею и потеряю голову, как эти слабоумные бедняги? Но единственное, что мне удается за собой заметить, — это нарастающее отвращение к моему партнеру. Он часто и горячо дышит, и мне противно ощущать его дыхание на своей шее и лице. Он выдыхает использованный воздух. Почему я должна дышать тем воздухом, который он использовал? Мне также не нравится, как пахнет его тело. Я хочу дышать свободно, хочу на свежий воздух — подальше от этого противного места!

Я пытаюсь отстранить своего партнера, но он вдруг начинает меняться. Из мужчины он превращается в огненный дух. У него уже нет тела — сплошное пламя. И это пламя пытается покорить меня, окружить со всех сторон, поглотить. Пламя пытается войти в меня, ворваться в меня через рот. Но чистая сила, излучаемая моим сознанием, отгоняет огонь прочь. Огонь, чувствуя свое бессилие, ярится, разгорается и полыхает с невероятной силой. Вот языки пламени заполняют всю комнату и поглощают всех танцующих. Здесь больше никого не осталось... никого и ничего... только море пламени, пожирающее все вокруг.

Но я стою, не тронутая пламенем. *Я остаюсь собой!*

Тут до меня доносится громоподобный голос из самой гущи пламени: «Сейчас ты победила, ты прошла и это испытание... но берегись! Ты победила не оттого, что сильнее меня. Ты не можешь быть сильнее — потому что *я огонь твоего собственного Я*. Ты не воспламенилась лишь потому, что твоя чистота и *отсутствие опыта* стали стеной между тобой и мной. Твое тело и чувства все еще спят — вот что защитило тебя! Но берегись, мы еще встретимся, мы *обязательно встретимся*!» И все исчезает — комната, огонь, дым. Я вновь остаюсь одна.

«Мы обязательно встретимся, — повторяю я про себя его последние слова. — Но я не боюсь тебя! Даже если мое тело станет рваться на части, воспламененное страстью, это не затронет моего *Я*. Я буду продолжать стоять над всем физическим».

Но что это? Не слышится ли мне в ответ издевательский смех? Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, откуда он доносится, и вижу, что нахожусь посреди зеленого луга. Издалека ко мне приближается какая-то фигура. Когда фигура подходит ближе, я вижу, что это хорошо сложенный мужчина, но черты его лица теряются в дымке.

Как мне хочется видеть сквозь туман... видеть все, что в нем скрыто... мне хочется разогнать его... туман не исчезает, несмотря на все мои усилия. Но мужчина заинтересовал меня, и я спрашиваю: «Кто ты?»

Красивый молодой человек подходит совсем близко и, склонившись к самому моему уху, голосом, от которого все *внутри у меня затрепетало*, говорит: «О возлюбленная моя! Я искал тебя так долго! Искал тебя целую вечность — с того самого момента, как мы с тобой пали, лишились райского сада и разделились. Наконец-то я нашел тебя! Приди же ко мне, положи свою маленькую головку ко мне на грудь! Приди же в мои объятия, и мы с тобою снова соединимся. Как хорошо, что ты устояла и не поддалась зову плоти! Как хорошо, что ты осталась чистой и нетронутой! Ведь ты принадлежишь мне, а я — тебе. Мы полностью дополняем друг друга.

Неужели ты не чувствуешь, с какой силой нас притягивает друг к другу? Приди же ко мне, и мы воссоединимся в любви. Приди ко мне, моя родная, моя небесная невеста! Я люблю тебя!»

Я слышу его голос, слышу его мощный, мужественный шаг. От него исходит какая-то огромная сила — и все же он чужой. Я не знаю этого мужчину! Как же он может быть моей дополняющей половинкой? Нет, никто не может искать дополняющую половину снаружи. Птахотеп говорил, что дополняющая половина всегда остается позади проявленной формы как ее зеркальное отражение. Она пребывает в *непроявленном состоянии*. Нет! Ни один человек не может быть моей половиной! И почему этот мужчина все еще окутан густым туманом?

— Ты ошибся, — говорю я ему, — я не знаю тебя, и я не твоя половина. Тебе придется поискать ее где-нибудь в другом месте, если ты считаешь, что свою дополняющую половину можно найти в окружающем мире. Никто не может найти свою дополняющую половину снаружи. Во внешнем мире можно столкнуться лишь с *проекциями, подобными дополняющей половине*. Но ни я, ни ты не сможем обрести единство при помощи картинки, проекции. Лишь божественное единство *Я* несет в себе истинное блаженство! Я найду дополняющую половину в *себе*!

— Прежде чем найти дополняющую половину в себе, — говорит красавец, — нужно быть тождественной в своем сознании с Божественным *Я*. Как же следствие может опередить причину? Божественное *Я* — это райское состояние единства, к которому ты можешь прийти, слившись со своей дополняющей половиной. Так как же ты думаешь достичь этого без меня, без своей дополняющей половины? Ты забыла, что ты — половина целого, а я — другая его половина.

Мы — живые отраженные образы друг друга и потому принадлежим друг другу. Я ношу тебя в своем подсознании, а ты носишь в своем подсознании меня. И даже не желая искать друг друга, мы притягиваемся друг к другу. И эта сила исходит из того райского состояния, в котором мы находи-

лись прежде. Лишь в божественном сознании мы сможем вновь обрести божественное единство! Как же ты думаешь возвратиться в это состояние без меня? Как же ты приобретешь опыт, в котором так нуждаешься, без моей помощи?

Но я не позволю ему так легко повлиять на меня!

— Как бы ты ни старался убедить меня, я все равно тебя не хочу! Насколько мне известно, мне просто достаточно знать о твоем присутствии в подсознательной части моего *Я*, и я хочу познать тебя в *себе*, а не во внешнем мире. Иди своим путем и позволь продолжать мне идти своим!

После этих слов красавец отступает и начинает таять в воздухе, словно утренний туман под лучами солнца. Его голос доносится до меня издалека; звучит все тише и тише... это тот самый голос, который произвел на меня такое сильное впечатление: «Я буду продолжать искать тебя на земном плане... *продолжать... искать... искать...*» Голос постепенно исчезает вдали, и воцаряется полное безмолвие.

Но мне еще не все понятно, и поэтому я кричу ему вслед:

— Скажи, почему тебя застилает такой густой туман?

— *Туман застилает твои глаза*, — звучит в ответ его голос издалека, словно эхо ударов моего собственного сердца, — *а не меня*. Всему виной твоя неопытность... она защитила тебя от меня... она помогла тебе устоять. Но мы еще встретимся... мы обязательно встретимся вновь.

У меня в голове вертится еще множество вопросов, которые я хочу ему задать. Я бросаюсь к тому месту, где он только что стоял, но не нахожу там никого. Я поворачиваюсь, чтобы вернуться на луг, но и луг исчез. Все окутывает густой туман... сквозь него я ничего не могу различить, как ни напрягаю зрение. Но я не одна. Это я знаю наверное. Везде звучат голоса людей, и я понимаю, что как-то с ними связана. Вокруг меня что-то происходит, и я играю важную роль в происходящем. Все наперебой обращаются ко мне, и среди этой разноголосицы я различаю голос, который совсем недавно так поразил меня. Я понимаю, что это существо, принимая разнообразные формы, неустанно преследует меня. Но где все

это происходит? Что говорят все эти голоса? И что я им отвечаю?

Я не могу понять до конца смысл происходящего. Мне кажется, что уши мои застланы тем же плотным туманом, что и глаза. Перед моим взором вновь что-то мелькает, но, прежде чем я могу разобрать очертания, исчезает в тумане. Вот я вижу башню... я знаю, что там находится кто-то... это заключенный... я тайно приношу ему еду. Я дочь тюремного стражника, и что-то непреодолимо влечет меня к заключенному. Я знаю, что должна помочь ему.

Затем все вновь исчезает в тумане. Я пытаюсь понять, где я, и внезапно перед самым моим лицом возникают разноцветные каменные плиты. Это пол, который я неустанно скребу и мою. Затем вновь сквозь туман до меня долетает голос. Он похож на мой собственный. Голос спрашивает меня: «Нашла ли ты моего ребенка?» Мне кажется, что это старое, больное тело, имеющее какое-то отношение ко мне, испытывает глубокую усталость. Затем это странное чувство исчезает, и, к моему величайшему изумлению, туман исчезает тоже.

И снова я оказываюсь посреди еленого луга. Я готова продолжать путь. Воздух свеж, солнце светит, но его лучи еще не очень горячи. Как странно — ласковое солнце в полдень! Но тут я замечаю еще одну странность — мои ступни находятся гораздо дальше от моих глаз, чем обычно. *Значит, я стала намного выше ростом!* Действительно, странно! В моем возрасте люди уже не растут. А что это за странный наряд на мне? А куда делись мои сандалии? Что стало с моими руками? Они совсем не такие, как прежде. Как все изменилось: *словно я — вовсе не я, словно я сплю!*

Но сознание мое остается ясным. Нет, я не сплю! Невдалеке я замечаю лес. Я приближаюсь к нему, и вот между деревьев вырисовываются очертания дома. Но какой странный этот дом! Хотя место кажется мне знакомым, я могу поклясться, что никогда прежде здесь не бывала. Нет, я никогда не видела ни этого дома, ни таких деревьев. Они так не похожи на наши пальмы.

Я подхожу к дому, и у меня возникает чувство, словно я всегда жила здесь. Но это невозможно! Подобных домов я даже не встречала — он построен из камня, а крыша у него наклонная, а не плоская, как у всех нормальных домов! Зайдя в дом, я тут же чувствую, что все здесь мне знакомо и потому направляюсь прямо в «мою комнату». Ею оказывается маленькая комнатушка с белеными стенами. Я подхожу к окну и любуюсь великолепным пейзажем — оказывается, дом и луг расположены высоко на горе, откуда открывается прекрасный вид на долину. Внизу подо мной извивается большая река, по которой плывут корабли и лодки. Вид корабли имеют очень странный: на них нет ни мачт, ни парусов, нигде не видно весел, но они все же движутся, причем быстрее, чем наши лодки. А вот еще одна загадка: вместо мачты над палубой корабля торчит толстая труба, откуда поднимаются клубы черного дыма.

Солнце заходит, и в долине сгущаются сумерки. Где-то вдалеке, там, где разбросаны деревушки, на которые, как мне почему-то кажется, я прежде часто смотрела, вспыхивают синие огни молний. Каждая вспышка сопровождается раскатом грома — точь-в-точь, как у нас над пирамидами. Я некоторое время наблюдаю за игрой молний, пока где-то рядом не раздается пронзительный звон. Я хватаю маленький аппарат, издающий этот звук, и прижимаю его к уху. Мои движения совершенно естественны, словно я давно уже привыкла к этому странному аппарату. Прижимая к уху его черную круглую часть, я слышу, как оттуда доносится голос — голос той самой фигуры из тумана:

— Целую твои руки! Как ты, милая моя?

— Со мной все в порядке, — отвечаю я своему невидимому собеседнику, — но мне бы хотелось побыстрее вернуться домой. Не мог бы ты заехать за мной завтра? Враг уже совсем близко и наступает с невероятной скоростью. Воздушные налеты происходят каждый вечер. Мне бы хотелось быть дома, рядом с тобой.

— Хорошо, — отвечает голос из аппарата, — я с радостью заберу тебя к себе. Но не будет ли разумнее с твоей

стороны остаться там, в лесу? Здесь, в городе, бомбежки продолжаются и днем, и ночью — почти без передышки.

— Нет, я хочу вернуться домой, быть вместе с вами. Я могу позаботиться и о себе, и о доме, но сейчас, когда всем вам угрожает опасность, я хочу быть там же, где и вы. Пожалуйста, забери меня домой!

— Что ж, — вновь раздается голос из аппарата, — вижу, мужество тебе не изменяет. Завтра пополудни я приеду, заберу тебя. До свидания. Целую тебя еще раз, дорогая!

— Я тебя тоже целую. Спокойной ночи! — отвечаю я и кладу аппарат на место.

Кому принадлежал этот голос? Каким образом смогла я услышать его через этот странный аппарат? И почему я слышу его своими *физическими ушами*, а не благодаря внутренней связи душ? Мысли молниями проносятся в моей голове: неужели все, что я пережила сейчас, — всего лишь видение? Может, это сон? Простое испытание моего *мужества*?

Нет, к сожалению, это не сон. Но как бы мне хотелось пробудиться от этой действительности и оказаться посреди зеленого луга, как это происходило каждый раз после пробуждения ото сна! Да, то был сон, но сейчас я бодрствую и должна действовать. Сам воздух здесь кажется тяжелым от страха... страх пропитывает все вокруг — мне трудно дышать! Враг наступает со всех сторон. Если это будет продолжаться в том же темпе, город скоро будет взят в кольцо неприятелем. Люди, бежавшие с оккупированных территорий, рассказывают страшные истории о жестокости врага. Но все мы в руках Божьих, и, что бы ни произошло, я верю, что все только к лучшему, так как на *все воля Божья*. А воля Божья всегда хороша.

Я начинаю быстро паковать свои вещи. Когда я выглядываю из окна на следующий день, я вижу, как вниз по склону горы молнией несется наш пес. По его поведению я догадываюсь — мой муж приехал за мной. Через несколько минут дверь дома открывается, и на пороге появляются они — мой муж и пес. Пес вне себя от радости — он прыгает так, что почти дотягивается до лица мужа своим языком. Я тоже

счастлива — бегу к своему мужу и с любовью обнимаю его. Мы прожили с ним вместе почти двадцать лет и продолжаем любить друг друга, как и в день свадьбы.

Манера держаться и все поведение моего мужа действуют так успокаивающе! Каждый его жест излучает силу. Да, он — само олицетворение мужества, спокойствия и надежности!

— Ну как, боишься? — спрашивает он, улыбаясь.

— Нет, — говорю я, обвивая руками его мускулистую шею, — *Бог* не оставит нас!

И я прижимаюсь к нему еще плотнее, склоняя голову на его широкое плечо.

Мы начинаем переносить вещи в машину, и я вдруг на минуту замираю на месте. Что это за машина? Повозка или колесница? На какое-то мгновение вспоминаю, что привыкла к иным средствам передвижения, но тут же улыбаюсь сама себе — эта машина мне тоже хорошо известна. Ведь это автомобиль моего мужа, и все же странно, как это он ездит сам по себе, без *львов* в упряжи.

Я прижимаю руки ко лбу: львы? Львы, запряженные в автомобиль, львы в этой стране? Наверное, у меня совсем в голове помутилось! Да, здесь тоже есть львы. Вернее, были, в зоопарке. Но из-за бомбежек их пришлось убить. Ведь это было бы так опасно, если бы крупные хищники вырвались на волю из разрушенных взрывами вольеров. Теперь мне ясно, откуда у меня появились эти мысли о львах и прочих немыслимых вещах. Я видела египетские пирамиды на фотографиях. Только на фотографиях! Наверное, я стала жертвой не в меру разыгравшегося воображения.

Вот мы и дома. Я вбегаю в свою квартиру. Дверь открывается сама собой, не успеваю я прикоснуться к ручке. Мое сердце подпрыгивает от радости — на пороге стоит маленький Бо-Гар! Но он уже совсем не маленький. Совсем взрослый юноша! Как обычно, он мило мне улыбается, кланяется и целует руку.

— Как я рад, как я рад снова видеть вас дома, царица! — говорит он тихо.

Некоторое время я молча смотрю на него. Я ничего не понимаю.

— Бо-Гар, ты здесь? Как ты здесь оказался? — спрашиваю я.

Сейчас уже удивлен Бо-Гар:

— Да вы сами прекрасно знаете, как я здесь оказался! Уже три года, как я живу здесь, в вашем доме! Почему вы вдруг об этом спросили?

Я просто отказываюсь это понимать! Он точь-в-точь такой, каким я его всегда знала, но только вырос. А ведь он еще ребенок — он *должен* быть ребенком! Но почему? Уже три года, как он приехал сюда со своей далекой родины. Да и тогда он уже был вполне сформировавшимся юношей. Так откуда же у меня такое странное чувство, что он мальчик двенадцати лет? Почему же у меня вновь такое чувство, что все это — сон?

А, вот и мой муж! Вся прихожая уставлена цветами. Как мило с его стороны после всех этих лет нашей совместной жизни встречать меня так же, как и в первые дни медового месяца!

После ужина мы удобно устраиваемся вокруг небольшого деревянного ящика, из которого доносится человеческий голос. Голос рассказывает последние новости о войне и о том, какие меры предосторожности мы должны принимать. Какая странная штука! Еще один вид материализации мыслительного процесса — чем-то напоминает работу того телепатического аппарата, с помощью которого я общалась со своим мужем там, в лесном домике.

Птахотеп, мой любимый учитель, тоже посылает волны высокой энергии через всю страну каждый вечер. Все люди во время сна получают поддержку и исцеление благодаря любви, которую он излучает. Но его излучения проникают в глубины человеческого естества, а не в *физические уши*, как эти волны, исходящие из странного деревянного ящика.

Затем мы все отправляемся спать.

На протяжении многих ночей нас будет будить ужасный звук — вой сирен. Они завывают по всему городу! И каждый

раз мы вскакиваем с кроватей, наспех одеваемся, хватаем шкатулку с деньгами и драгоценностями и старый альбом с символическими мистическими рисунками. Затем мы с мужем бежим по лестнице вниз — в погреб. Там же, на лестнице, мы сталкиваемся с моей младшей сестрой, которая вместе со всеми своими детьми — новорожденным младенцем, трехлетним сыном и двухлетней дочерью — тоже спешит в погреб. На лестничных площадках одна за другой открываются двери, и оттуда выбегают люди — бледные, осунувшиеся и безмолвные, — чтобы присоединиться к нашей небольшой процессии. Но вот, когда мы достигаем первого этажа, прямо передо мной распахивается дверь, и оттуда выходит высокий седовласый и седобородый мужчина. О, где я прежде видела эти глаза? И вдруг, словно при вспышке молнии, я вспоминаю: это же *Тисс-Та́* — молодой генерал моего отца, сделавший блестящую карьеру при дворе! Да, это он, это его глаза! Но почему он такой седой, такой старый? И почему я вдруг начинаю шептать ему на ухо: «Отец, отец, ты не замерзнешь?» На что он успокоительно машет рукой и отвечает: «Да со мной все в порядке. Не волнуйся!» И все мы спускаемся в подвал.

А враг подходит все ближе и ближе. Стальное кольцо его войск сжимается вокруг города.

Однажды дверь нашего дома открывается... и входит Има. А *он* как оказался здесь? И что за одежда на нем? Я обнимаю его и спрашиваю:

— Почему ты так вырядился, что это за костюм на тебе?

— Что за вопрос, мама? — изумляется Има. — Почему ты спрашиваешь меня так, словно видишь меня в этой одежде впервые? Это же форма Военно-Воздушных Сил. И ты уже не раз видела меня в ней!

Я стою совершенно растерянная, словно только что очнулась ото сна. Да, конечно, это форма Военно-Воздушных Сил, а юноша — мой дорогой, мой любимый сын, но все же я знаю, что он — Има. Да, это Има, конечно же, Има! Но я по-прежнему ясно помню его в одеянии жреца, помню, как он давал мне уроки концентрации. Уже тогда от него исхо-

дила чистая и сильная энергия. Но почему он ведет себя так, словно не помнит о наших встречах в храме?

— Мама, — говорит он, — нашу часть переводят в другое место. Мы больше не можем использовать этот аэродром из-за бомбежек. Если мы задержимся здесь хоть на пару дней, то все наши аэропланы будут уничтожены. Мы передислоцируемся в сельскую местность. Куда точно — еще не знаю. Ну, пока!

Мое сердце сжимается от боли. Я уже привыкла к мысли о том, что моему сыну угрожает постоянная опасность. Когда он записался в авиацию — меня как громом поразило. Я днями бесцельно бродила по квартире, чувствуя себя как в страшном сне. Возможно ли такое, чтобы матери посылали своих здоровых, сильных, молодых сыновей на человеческую бойню? Нет, это только сон, не могут люди пасть так низко, чтобы убивать друг друга самыми изощренными способами, самым «совершенным» оружием; причем уничтожают в основном молодых, красивых и сильных мужчин — именно тех, кто должны были бы продолжать свой род! Этих юношей отбирают для бойни лишь потому, что они «годны к службе». А слабые и больные остаются дома, и поэтому они-то преимущественно и становятся отцами нового поколения. Это прямая дорога к стремительной деградации всего человечества. А люди опустились настолько, что даже не видят этого! И их слепая ненависть уничтожает лучшее поколение!

Сон! Кошмар!

Затем постепенно ко мне начинает возвращаться ощущение реальности — я отдала своего ребенка Божьей воле. Ничто не свершится, если на то нет Божьей воли, а все, что происходит, — все к лучшему. Все события — лишь выражение стремления Творения возвратиться к равновесию, назад, в рай. Эти слова моего любимого учителя, Птахотепа, а также все то, чему он обучал меня в Великой Пирамиде, повлияли на меня так сильно, что у меня вновь появляется мужество жить и чувствовать, несмотря на осознание того, что мой

сын и тысячи других юношей отправлены на эту невероятную бойню.

Я знаю, что мы будем надолго разлучены — он отправится воевать, а кольцо вражеских войск сомкнется вокруг нашего города еще туже. А что будет потом? Выйдем ли мы живыми из этой гигантской мясорубки? Встретимся ли когда-нибудь вновь в этой жизни — здесь следуют сплошные знаки вопроса.

И все же я не могу, не имею права испытывать боль. Мне не позволено связывать себя с кем-либо в этой жизни так, чтобы мое счастье всецело зависело от его благополучия! В этом молодом человеке, которого я выносила под сердцем, чтобы он смог вновь появиться на Земле, я люблю не тело, не его физическое проявление — я люблю *Бога* в нем! Божественное *Я* создало его тело, как и тела всех прочих людей, животных и растений, чтобы выразить себя в них. Да, это проявление надличностного божественного начала! И я люблю его в красивом теле моего сына. Все творение является проявлением единого Бога, так почему же я боюсь «потерять» это частное проявление — своего сына? Но все же почему я вздрагиваю при одной мысли, что он может погибнуть? Может, потому, что он — плоть от плоти моей и кровь от крови моей? Потому что мы так близки физически? Но ведь его *Я* и мое *Я* — это одно и то же *Я*, и оно не связано ни плотью, ни кровью!

Я должна уйти в собственное *Я*, чтобы отождествиться с *Я* моего сына, а затем и с *Я* всей Вселенной — и это *Я* мне никогда не потерять! Для меня не может быть различия в том, кто умрет — моя «кровь и плоть» или совершенно незнакомый мне человек, так как все эти тела созданы одним и тем же *Я* Бога. Я должна справиться с этой привязанностью — из-за нее сейчас я испытываю такую страшную боль. Боже, дай же мне сил выдержать и это страшное испытание! *Хоть я еще и не достигла уровня космического сознания, дай же мне сил вести себя так, словно я каждую минуту нахожусь в божественном состоянии сознания!*

Мои ноги дрожат, однако я подхожу к своему мальчику, обнимаю его и говорю:

— Мой мальчик, мой любимый, мой единственный сын, прощай! Я отдаю тебя в руки Бога. Он не оставляет никого из нас без своей любви. Просто помни, что все проходит — все, кроме истинной любви. Даже сейчас мы любим друг друга, потому что мы едины в Боге. Эта духовная общность, эта любовь, свела нас вместе на Земле. Мы никогда не потеряем друг друга, мы всегда будем вместе. Даже если нас разлучат в этой жизни, мы обязательно встретимся в другой. Куда бы мы ни пошли, где бы мы ни оказались, любовь обязательно сведет нас вместе. Прощай, родной, в эти тяжкие дни помни о силе, которая стоит за нами, которая никогда нас не покидает, — силе, которую мы зовем *Богом*!

Мы долго стоим, крепко обнявшись. Я не плачу, он тоже. Я целую его в гладкий юношеский лоб. Он прижимает меня еще крепче к своей груди и уходит. Я машу ему из окна на прощанье. Он машет в ответ и исчезает.

***

Сегодня мы празднуем Рождество. Грохот пушек ни на секунду не смолкает, но мы стараемся отпраздновать этот день как можно лучше. Сейчас меня мало заботит вопрос о том, что в вечности не существует ни Рождества, ни каких-либо других праздников, ни вообще дней недели. Каждый день вечности — праздник, так как является уникальным проявлением Бога. Но мой муж любит праздновать Рождество. Ему так нравится дарить мне подарки в этот день! И, конечно же, самому их получать. Так что мы как можем готовимся к Рождеству: муж наряжает елку, Бо-Гар ему помогает.

Последние несколько недель Бо-Гар живет с нами. Даже если бы он захотел возвращаться к себе по вечерам, ему это вряд ли удалось бы из-за непрерывных бомбежек. Он живет в комнате, освободившейся после отъезда моего сына.

Несколько лет назад Бо-Гар переехал сюда, на Запад, с Востока. Он собирается учить европейцев искусству, известному его народу, — подчинять тело духу. С началом войны раздобыть камень или бронзу для скульптуры стало просто

невозможно, и поэтому я отдала пустующее помещение студии Бо-Гару для уроков. С первых дней пребывания в нашем доме Бо-Гар повел себя так, словно был нашим ребенком. И сейчас, когда он с моим мужем украшает елку, между ними царит полное взаимопонимание.

На кухне я пытаюсь придумать что-нибудь «праздничное» из тех скудных запасов, которые нам удалось раздобыть. Вечером у нас соберется все мое семейство, и мы должны угостить всех домочадцев «на славу».

Звонит дверной колокольчик, дверь открывается, и на пороге появляется мой юный кузен — бледный как смерть и трясущийся от возбуждения.

— Эстер, — выпаливает он на одном дыхании, — враг полностью окружил город. Они применили тактический маневр — совершили бросок не с той стороны, где мы их ожидали. Они идут прямо на нас! Мы с отцом были в городе и позвонили матери, она сказала, что вражеская армия уже дошла до нашей виллы. Тяжелые танки и пехота направляются к центру города. К счастью, телефонную линию еще не успели перерезать. Очевидно, неприятельские танки будут здесь с минуты на минуту. Так что готовьтесь, а я должен бежать. Прощай! — и он уходит.

Я бегу к своему мужу и рассказываю все, что только что узнала. Тревожные вести тут же распространяются по всему дому. Скоро об этом узнают мой отец, сестра и семья нашего сторожа.

Наш дом расположен на холме. Из окон мы прекрасно видим улицу, по которой должен прийти неприятель. Муж говорит, что войска должны появиться здесь не раньше, чем через несколько часов. Потому он предлагает начать праздновать Рождество прямо сейчас, а затем спуститься в гостиную к отцу, куда нас всех пригласили на ужин. Таким образом, мы все время будем находиться вместе и наблюдать за развитием событий.

Муж зажигает свечи на елке. Я думаю о сыне, который сейчас, возможно, сражается с неприятелем в воздухе. Я по-

ручаю его Богу. Затем мы все вместе спускаемся в квартиру отца.

— Дети, — говорит отец, как только мы появляемся у него в гостиной, — давайте быстрее сядем к столу, так как скоро нам придется спуститься в подвал.

Мы дружно садимся к столу. С тех пор как мать умерла, ее место в конце стола неизменно пустует, а на столе стоит зажженная свеча. Во время еды мы почти не разговариваем. Все чувствуют, что скоро наступят суровые времена, когда каждый из нас должен будет взглянуть в лицо своей судьбе. Внезапно за окнами раздается мощный взрыв. Мы безмолвно переглядываемся.

— Давайте продолжать трапезу, — нарушает молчание отец, — возможно, нам удастся поужинать.

Мы пытаемся сохранять спокойствие, но взрывы раздаются все чаще и ближе.

В дверь звонят. На пороге появляется офицер федеральной армии.

— Мы собираемся установить пушку в вашем саду и разместить нашу часть в вашем доме. Дайте нам ключи от всех квартир.

Мой муж поднимается, чтобы провести офицера по дому. Внезапно раздается особенно громкий взрыв. Весь дом содрогается, как при землетрясении.

Вскоре в столовую возвращается муж.

— Отец, — говорит он, — всем нам следует незамедлительно спуститься в погреб. Снаряд угодил в гараж, котельная повреждена. Мы должны отключить отопление и идти в котельную откачивать воду. В квартире оставаться опасно. Неприятель находится на противоположной стороне улицы. Бой не будет продолжительным, но все мы должны быть готовы к тому, что несколько дней нам придется провести в подвале.

Как всегда задумчиво и невозмутимо, отец говорит:

— Пускай женщины и дети спускаются вниз. Я же собираюсь закончить свой ужин. Пожалуйста, подайте кофе!

Мы прекрасно знаем, что с отцом не поспоришь. Моя сестра подхватывает малыша на руки, я беру за ручку ее старшего сына, а вторая наша сестра уводит за собой ее дочь. Мы отправляемся в убежище, а мой муж, брат и Бо-Гар остаются пить кофе с отцом.

Взрывы звучат все громче. Даже здесь, в подвале, мы слышим, как дом сотрясается до основания. Вскоре тяжелая входная дверь открывается, и в подвал заходят мужчины. Муж склоняется ко мне и шепчет на ухо:

— Они устанавливают пушку в нашем саду и собираются защищать дом до последнего. Солдаты отказываются покидать город. Наш дом расположен в ключевом месте — если неприятель его возьмет, ничто уже не сможет остановить продвижение войск со стороны реки. Я надеюсь только на то, что все это продлится недолго. Город полностью окружен, и сопротивление лишь повлечет за собой бессмысленные разрушения и потери. Я распоряжусь, чтобы сюда спустили матрацы — возможно, нам хоть немного удастся поспать.

С этим он покидает нас.

Но даже самая долгая ночь когда-нибудь заканчивается и наступает рассвет. Железная дверь то открывается, то закрывается. Солдаты то и дело забегают к нам погреться. За стенами пурга, и термометр показывает 15 градусов ниже нуля. Здесь тоже холодно. Мы надели на себя под шубы все, что было теплого в доме, но все равно замерзаем. Солдаты — совсем еще мальчики. Они дрожат от страха и холода и продолжают сражаться по приказу офицеров. Бедные ребята! Их забрали из теплых домов, чтобы отвести на эту бойню!

Мы пытаемся заснуть, но малыш кричит так громко, что все попытки оказываются тщетными.

Когда в подвал на следующее утро заходит отец, он выглядит необычно бледным.

— Водонапорная башня разбита, — говорит он, — экономьте воду. Скоро нам будет нечего пить.

Он уходит, и я слышу, как мужчины обсуждают возможность приносить воду издалека. Вся вода, оставшаяся в тру-

бах, слита в тазы и ванны. Здесь, в убежище, стоит огромная деревянная бочка с водой на случай пожара. Неужели мы будем вынуждены пить эту застоявшуюся воду? Я замечаю остановившийся на мне отчаянный взгляд младшей сестры. Она думает о младенце. С тех пор как ее муж пропал без вести, у нее не стало молока, и ребенок вынужден был питаться молочными смесями. Но для того, чтобы приготовить ему пищу, нужна свежая вода. Вода также нужна для того, чтобы ополаскивать посуду между кормлениями. Я пытаюсь успокоить ее и шепчу на ухо:

— Идет снег. Мы натопим снега, и у нас будет вода.

Мой муж слышит, что я говорю, и отзывает меня в соседнюю с убежищем комнату.

— Неужели ты не понимаешь, что из снега воды будет очень мало. Солдаты израсходовали почти всю нашу воду. Если мы не хотим умереть от жажды, нам нужно подумать, где раздобыть воду. Без пищи еще можно жить, но без воды долго не протянешь. Здесь, в доме, двадцать шесть взрослых человек. Без воды даже бобов не сваришь. Я попробую поискать воду где-нибудь по соседству.

И мой муж уходит.

Однако вскоре он возвращается и сообщает, что в соседних домах воды тоже нет и что он собирается отправиться на поиски воды в другой квартал.

— Не делай этого, прошу тебя, — говорю я мужу, — пулеметы бьют беспрестанно, пушки и самолеты тоже не бездействуют. Тебя могут ранить. Оставайся здесь и никуда не ходи.

Мой муж улыбается в ответ:

— Не будь ребенком, в Первую Мировую тоже стреляли из настоящего оружия, но я прошел через это. *Бог* не покинет нас, а чему быть, того не миновать.

Я обнимаю его, и он уходит. Хлопает железная дверь.

Я сижу в укрытии и жду. Жду безмолвно и спокойно. Если на то не будет Божьей воли, — ни одна пуля не коснется моего мужа. Если же Его воля будет иной, что ж...

— Ничто не бывает плохим само по себе, все дело в том, как ты это воспринимаешь, — слышу я голос, доносящийся из моего сердца.

Я говорю себе, что сотни, тысячи, а может, и миллионы жен сейчас, как и я, сидят где-то и молятся за своих мужей. Их мужья такие же люди, как и мой. Столь сильная любовь к определенной личности — одно из проявлений *Я*. Когда два человека любят друг друга, это значит, что они испытывают единство *Я* в своем сознании. Они чувствуют, что принадлежат друг другу потому, что они едины в божественном *Я*.

Я пытаюсь успокоить свое сердце, но оно продолжает бешено стучать.

— Сохраняй спокойствие, — говорю я ему, — бейся ровно и спокойно. Дыхание медленное и глубокое. Глубже. Еще глубже. Сохраняй спокойствие! Рано или поздно все мы покинем свои тела. И через сотню лет не будет иметь ни малейшего значения, кто ушел первым. Пространство и время — всего лишь иллюзии, созданные нашим интеллектом. Но дух — Божественное *Я* — стоит выше всех этих иллюзий, выше разума, времени и пространства. Дыши ровно и глубоко; ни о чем не думай — просто будь.

Не знаю, сколько прошло времени, но вот дверь открывается и появляется мой муж — с водой. Вода! Свежая питьевая вода! Как это здорово! Все мы — двадцать шесть человек — последнее время только о ней и думали. Но я не вскакиваю на ноги, не бросаюсь ему на шею — *великие моменты всегда так просты*! Никаких восклицаний, никаких слез: мой муж стоит и отмеряет каждому порцию воды и смотрит на меня. Наши глаза встречаются, и мы прекрасно понимаем друг друга без слов.

«Отсрочка, — думаю я, — надолго ли?»

Мы сидим в подвале, во мраке. Снаружи раздается беспрерывный грохот канонады. Земля дрожит, и, чтобы не упасть, нам приходится время от времени держаться за скамью. Пушки и танки стреляют без остановки. Рев бомбардировщиков. Пронзительный свист бомб, а затем взрывы.

Шквальный огонь не стихает. Сколько времени мы уже просидели в этом подвале? Здесь, в постоянном полумраке, все мы лишились чувства времени. Единственное, что мы можем себе позволить, — слабый огонь керосинки. Электричества уже давно нет. Когда канонада хоть ненамного стихает, мы все бросаемся в соседнюю комнату, где, на наше счастье, еще остаются запасы съестного. Но наши вылазки становятся все более редкими и кратковременными, так как дом стали обстреливать с противоположной стороны улицы. После каждого прямого попадания снаряда мы слышим, как наверху осыпается черепица и падают стропила. В любой момент потолок над нами может рухнуть и похоронить нас всех заживо.

Один из снарядов попал в стену соседнего помещения. К счастью, наше убежище пока остается целым. Позже, в период затишья, мы с мужем идем осматривать разрушения, причиненные прямым попаданием. В стене подвала зияет дыра. Яркие солнечные лучи, попадающие сквозь нее внутрь, заставляют нас щуриться. Весь пол усеян битым кирпичом, стеклом и щепками, все это покрывает густой слой пыли. На краю вывороченной балки на одной ноге стоит сплошь покрытая пылью курица — с таким видом, словно ничего не произошло. Она единственная осталась в живых из всего выводка. Бедная птица! Какое ужасное мнение должно было сложиться у нее о нас, людях! Через несколько дней искусство повара превращает ее в изумительный суп. Лишь сейчас, поглощая пищу, мы узнаем, как ей досталось! Кость одной ноги полностью раздроблена осколком снаряда. Так вот почему она стояла тогда на одной ноге! Но с каким терпением и безразличием она сносила все это — даже кудахтаньем не показывала, как страдает.

Долгие часы мы сидим в укрытии. Кажется, что шквал огня никогда не прекратится. Я держу на руках сына моей сестры. Все мое тело одеревенело от постоянного страха: ведь мы, человеческие существа, хотя и способны спокойно смотреть в лицо опасности, безмятежным остается только наш дух. Плоть же трепещет. Мы не знаем, что нас ждет впере-

ди — смерть от прямого попадания снаряда, погребение заживо под обломками здания или медленное умирание от жажды, голода и холода. Маленький мальчик просит меня: «Расскажи какую-нибудь сказку, тетя Эстер, расскажи мне что-нибудь!» И я начинаю рассказывать ему сказку. Я рассказываю, а ребенок играет с автомобильчиком. Моя обязанность — заводить пружину, чтобы тот ездил. Забавляясь, мальчик что-то напевает про себя. Какая знакомая песенка, как же она называется? Вспомнила! Это песня поросенка из фильма Уолта Диснея «Мне не страшен серый волк». Как хорошо, что в погребе темно и никто не видит, что слезы катятся у меня по щекам. О Боже, ты не оставил нас здесь одних! Мы получили твое священное послание, и оно гласит, что мы ничего не должны бояться!

— Тетя Эстер, расскажи мне еще, расскажи, что случилось потом! Почему ты молчишь? — спрашивает маленький Питер. В ответ я прижимаю мальчика к груди и продолжаю:

— И мама маленьких козлят вернулась и...

После многих часов обстрел прекращается. Мой муж, словно это стало его привычной работой, берет бидоны и идет за водой.

Возвратившись, он подходит ко мне и говорит дрожащим голосом:

— Эстер, только что я был наверху. Вся прекрасная мебель, которую ты вырезала, и все твои скульптуры превратилась в груду обломков. У одной комнаты нет пола, у другой — стен. Мы остались без дома, Эстер!

Он роняет голову мне на плечо, и все его тело сотрясается от рыданий.

Я обнимаю его и говорю:

— Не плачь, не надо. Главное, что мы живы! Мы все еще живы и здоровы посреди всех этих разрушений. Я сделаю новые скульптуры. Не расстраивайся из-за неодушевленных вещей — жизнь превыше всего!

Он пытается взять себя в руки:

— Я любил все эти вещи, эту обстановку. Так любил! А теперь все это разрушено, все исчезло.

— Ничего, когда-нибудь даже этот ад прекратится.

Я кладу ему руку на плечо. Нежно обнимая друг друга, мы возвращаемся в убежище. Сейчас не время для сантиментов.

Ко мне подходит Бо-Гар и спрашивает шепотом:

— Что случилось? Мы слышали, как рухнули стены и крыша там, где должна находиться ваша квартира.

Я рассказываю ему все, о чем сама только что узнала от мужа.

— Я должен сейчас же туда подняться. Там остались слайды и фильмы по йоге. Работа всей моей жизни пойдет насмарку, если эти материалы пропадут.

— Нет, не ходи, Бо-Гар! Вражеские снайперы тут же застрелят тебя. Я не позволю тебе туда подняться!

Этот разговор слышит мой брат.

— Я пойду вместе с ним, — тут же заявляет он, — вместе мы быстро управимся и тут же вернемся обратно.

Они уходят. Мы остаемся в напряженном ожидании. Минуты тянутся так медленно! Полчаса. Час.

Наконец железная дверь открывается, и в убежище входят Бо-Гар и мой брат. Они все покрыты пылью и грязью, но улыбаются, как победители. В руках у них коробки со слайдами и катушки фильма. Брат начинает рассказывать:

— Стены прогнулись вовнутрь, но в углу, на оставшемся от пола маленьком островке стоял шкафчик. Нам нужно было добраться до него. От пола почти ничего не осталось — только одна железная балка. К тому же приходилось то и дело посматривать на улицу, чтобы не попасться на глаза снайперам. В общем, мы легли ничком и поползли по балке. Бо-Гар вытаскивал из шкафчика коробки со слайдами и передавал мне. Нам удалось спасти все!

Все мы так счастливы, что они оба вернулись невредимыми! Бо-Гар прячет свои сокровища в углу убежища. Там они в относительной безопасности. И вдруг взрыв невероятной силы чуть не валит всех нас с ног. Дом, а вернее, то, что от него осталось, дрожит как лист. Новая атака! Мы слышим рев приближающихся аэропланов. Бомбы, мины, гранаты и шрапнель рвут землю на части. Взрывы становятся все гром-

че, и мы слышим, как после каждого из них над нашими головами осыпаются осколки черепицы и кирпича. Шквальный огонь не стихает: кажется, что какая-то гигантская космическая швейная машина что-то неустанно строчит где-то в вышине. Каждую минуту снаряд может пробить крышу нашего последнего укрытия. Мы сидим в безмолвии, с ужасом ожидая прихода смерти. Сколько это еще может длиться? Сколько еще выдержат эти стены и потолок? Вдруг новый взрыв — такого мощного еще не было. Все вокруг ходит ходуном, а горничная моего отца разражается истерическими рыданиями. К ней тут же присоединяются две другие служанки. Я вскакиваю на ноги и кричу изо всех сил:

— Тише, тише! *Бог с нами! Бог здесь!*

Взрывы не прекращаются. Вряд ли женщины могут услышать мои слова, но я не перестаю повторять:

— *Бог с нами, давайте же будем все сейчас думать о Боге! Больше ни о чем, только о Боге!*

И постепенно один за другим ко мне присоединяются голоса:

— Да пребудет с нами Бог!

Никто из нас не знает, сколько времени все это продолжалось, но понемногу адский шум снаружи смолкает. Взрывы звучат все реже, и наконец наступает относительная тишина. Мы слышим, как солдаты перетаскивают что-то тяжелое. Выглянув наружу, я вижу, что на ступенях лежат неподвижные тела в военной форме. Пол залит кровью. Некоторые из этих молодых солдат мне знакомы. Еще несколько часов назад они забегали к нам в убежище, чтобы согреться, и рассказывали о своих семьях. Бедные родители — они еще долго будут ожидать возвращения своих сыновей! А мой сын! Где ты, сын? В каком круге ада находишься ты сейчас?

Мы пользуемся передышкой, чтобы подкрепиться. Теперь нужно использовать каждую спокойную минуту. Мой муж с двумя мужчинами отправляется за водой.

Сколько времени мы провели здесь, в подвале? Наверное, несколько недель. Муж вспоминает: «Во время Первой Мировой мы тоже оказались под шквальным огнем в Добердо.

Но каждые сорок восемь часов нам давали передышку. Тогда люди думали, что человеческие нервы дольше выдержать не в состоянии. Я и представить себе не мог, что когда-то мне придется несколько недель просидеть не смыкая глаз вместе с женщинами и детьми в укрытии, спасаясь от шквального огня!»

Мы все сидим, закутанные в меха и теплые зимние пальто. Никто из нас и не подумал о том, чтобы снять с себя хоть какую-то одежду с тех пор, как мы оказались узниками этого подземелья. Одной рукой я держу Питера, другой — сжимаю шкатулку с драгоценностями. Рядом со мной стоит коробка с запасом еды для младенца. Мы готовы к тому, что в любую минуту нам придется бежать из этого дома. Соседняя вилла полыхает после того, как ее обстреляли из огнеметов. Муж распорядился, чтобы мы все были готовы бежать по его команде.

Мы не знаем, с какой стороны неприятель может поджечь наш дом. Но куда нам бежать? У нас нет ни малейшего представления.

Наш сосед и его сын были тут же расстреляны снайперами, как только выскочили из пылающего дома. Уцелела только его жена. Она проползла на животе до ближайшего дома, и соседи впустили ее к себе.

Все мы ждем — моя младшая сестра с младенцем на руках, мой седовласый отец, укутанный в свою черную меховую шубу, старшая сестра со своим семейством, мой брат и слуги — все мы готовы в любую минуту сорваться с места и бежать.

Через некоторое время грохот снаружи опять смолкает. Мне бы хоть немного поспать — нервы совершенно измотаны, а голова раскалывается. Глаза закрываются сами собой, и я начинаю куда-то уплывать, но тут меня возвращает назад пронзительный плач младенца. Сестра пытается успокоить его, но тот продолжает рыдать и визжать, не умолкая ни на секунду. Я забираю младенца из рук сестры и пытаюсь утешить его, как могу, но все напрасно. Я возвращаю ребенка сестре. Плач все продолжается.

Во мраке к сестре пробирается Бо-Гар. Он берет ребенка на руки и, покачивая его, начинает что-то напевать на своем родном языке. Младенец тут же умолкает. Как только наступает тишина, все мы тут же засыпаем — прямо там, где сидели. Бодрствует только Бо-Гар — раскачивая ребенка, он продолжает напевать свою экзотическую мелодию.

Проходит еще несколько дней, а может быть, недель. Мы даже перестали спрашивать друг друга о том, какой сегодня день. Мой муж собирает немного снега под забором, приносит его в подвал и начинает бриться. Он остается верен своим привычкам при любых обстоятельствах. Все остальные мужчины обросли косматыми бородами. Только мой муж и Бо-Гар продолжают ежедневно бриться посреди этого ада.

Побрившись, мой муж садится рядом со мной. Возвращается и моя сестра — в руках у нее бутылочка с едой для младшего сына. Несмотря на обстрелы, она каждый раз поднимается наверх готовить еду ребенку. Накормив ребенка, она, как это уже вошло у нее в привычку, оборачивается ко мне и спрашивает:

— Может быть, уже все кончилось?

— Нет, — отвечаю я ей шепотом, — я чувствую, что это еще не конец.

И в ту же минуту прямо у нас над головой разрывается мина. Мы слышим, как осыпаются кирпичи, щепки и черепица. Крыша нашего убежища пока выдерживает взрывы. Но надолго ли ее хватит? Мы сидим в тишине, и я обращаюсь к Богу в душе: «Готова ли я умереть? Мой гороскоп предсказывает мне смерть под обломками здания. Может быть, мой час настал? Должна ли я умереть или мне должно продолжать бороться за жизнь?»

И тут, прямо во тьме, мне является видение: маленький холмик, а сверху зажженная свеча — такая же крошечная, как те, что цепляют на елку. Затем, прямо перед моими глазами, маленький холмик начинает расти и превращается в большой холм, покрытый изумрудной травой, а маленькая свечка превращается в факел, полыхающий ярким пламенем.

Видение исчезает, и я понимаю, что мне пока еще не суждено умереть. Я должна стать этим факелом и нести людям свет!

Ночью ребенок опять начинает надрывно кричать, и опять его успокаивает Бо-Гар. Мы пытаемся заснуть, но в это время раздается взрыв мины и в укрытие сразу же врывается ледяной воздух. Мужчины вскакивают, чтобы посмотреть, что случилось. Одна из стен прогнулась вовнутрь, а в середине ее зияет дыра. Мы все ждем атаки. Я шепчу сестре:

— А вот это уже конец. К утру вилла будет взята.

— Да, — говорит она, — мне тоже так кажется, иначе мы все умрем.

— С тех пор как мы перебрались в убежище, прошло семь недель, — шепчет мне мой муж.

Как ни странно, но неприятельские пушки перестали палить, бомбы тоже не падают. До нас доносится лишь пулеметный огонь. Муж поворачивается ко мне и тихо говорит:

— Значит, пехота уже совсем близко. Они прекратили использовать полевое орудие, чтобы не попасть по своим. Неприятель должен появиться здесь с минуты на минуту.

В полдень я выхожу из убежища, чтобы посмотреть, где мой отец. Как только я выхожу наружу, моим глазам открывается картина: неприятельские солдаты выбегают из соседской сожженной виллы.

— Отец, отец, — кричу я, — и все остальные, смотрите, враг уже здесь!

Мы все успеваем вбежать в укрытие, и тут в двери вламываются вражеские солдаты — их ружья наготове.

Мертвая тишина! Мы безотрывно смотрим друг другу в глаза. Время остановилось. Все солдаты одеты в широкие белые маскхалаты. На дворе снег. Они похожи на детей, участвующих в рождественском спектакле.

Затем, один из солдат, издавая нечленораздельные звуки, указывает на женщин. Мы понимаем — нам следует отойти влево. Еще одно непонятное слово — и его рука указывает на мужчин: они должны все вместе пройти куда-то с одним из них. У нас даже нет времени попрощаться. Мужчины уходят,

а женщины остаются здесь, вместе с иностранными солдатами. Держа автоматы наизготовку, они обыскивают весь подвал. Вот один молодой солдат тычет дулом винтовки в детскую кроватку. Он смотрит на колыбель, и слезы выступают на его глазах. С невыразимой нежностью он что-то говорит на неизвестном нам языке. Но мы понимаем его слова: «Маленький ребенок». Затем он оборачивается к нам и, указывая рукой в ту сторону, где находится его родина, объясняет нам, словами и жестами, что там, дома, у него тоже остался «маленький ребенок».

Я немного успокаиваюсь, осознав, что эти солдаты такие же люди, с такими же чувствами, что и мы.

Затем появляется офицер и говорит на одном из европейских языков: «Мы не причиним вам зла. Мы — штурмовой отряд. Мы сыновья людей, принадлежавших к уничтоженному классу. Нам нужно развивать наступление, и за нами придут другие солдаты. Они не такие, как мы, так что будьте осторожны!»

Ближе к вечеру вновь раздаются выстрелы. Но сейчас огонь ведут наши соотечественники, пытающиеся отбить нашу виллу. И снова мы сидим в страшном подвале, прислушиваясь к выстрелам, доносящимся снаружи. Внезапно раздается оглушительный взрыв, и вслед за ним в подвал проникает волна холодного воздуха. Взрывная волна распахнула тяжелый железный ставень подвального окна, и через это открытое окно в подвал градом сыплются пули. Все мы бросаемся к стене и прижимаемся к ней. Но нам все равно продолжает угрожать опасность. Стоит сделать один шаг — и можно угодить под пули. Ставень *должен* быть закрыт!

Я оглядываюсь. Женщины и дети распластались у стены, словно пытаются втиснуться в нее. Никто не в состоянии сдвинуться с места. Из открытого окна летят пули. Ситуация становится невыносимой. Ставень *должен быть закрыт*!

Меня охватывает странное чувство — внутри все похолодело. Мои нервы словно заморожены.

— Испугалась? — спрашиваю я себя.

Нет! *Кто* боится, если мне кажется, что я вообще не существую! Я просто знаю, что именно *я* должна закрыть ставень. При этом я наблюдаю за собой с любопытством. Каково это, оказаться в таком положении? Что при этом переживают? Какова инстинктивная реакция человека, которому приходится быть героем поневоле?

В углу стоит толстая, инкрустированная резьбой трость с загнутой ручкой. Я ложусь на живот и ползу по полу к тому месту, где находится трость. Ухватив ее за нижний конец, я начинаю ползти обратно — к окну. Пока я проделываю все эти маневры, в моей голове вспышкой проносится неизвестно откуда взявшаяся мысль: *кандидаты должны были пройти испытание — «преодоление смерти» — во время Посвящения в Великой Пирамиде. Возможно, я прохожу это испытание здесь, в убежище? Может быть, все это снится мне при Посвящении?*

Я осторожно ползу к окну, и мой разум отвечает: «Да, там, в Пирамиде, кандидаты сдавали этот экзамен с легкостью. Они знали, что это всего лишь испытание, необходимое для *Посвящения*. Но эти пули — не сон. Они действительно убивают! Сколько молодых солдат потеряли свою жизнь прямо здесь, у тебя на глазах?

И все же ставень должен быть закрыт *именно по этой причине*!

Встав на колени под самым окном и держа трость наготове, я подпрыгиваю и просовываю руку с тростью через окно. Обнаружив, что железный ставень полностью открыт, я понимаю: чтобы суметь подцепить край ставня загнутой рукоятью трости, я должна просунуть через окно не только руку, но и плечи. Просунувшись через окно, я вытягиваю руку, и у меня возникает такое чувство, словно все мое тело начинает удлиняться. Но вот трость цепляет железный край, и я медленно тяну ставень на себя. Тут мне на помощь приходят сестры. Они подтягивают тяжелый ставень на место и плотно закрывают его.

Вот и все! Как просто. Никакого ликования, никакого драматизма. Но все же до чего странно: прежде снайперы, рас-

положившиеся на противоположной стороне улицы, осыпали подвал градом пуль, стоило подать хоть малейшие признаки жизни, а сейчас во время всего маневра — ни одного выстрела! Может быть, им что-то помешало стрелять? Или они не стреляли, увидев, что я женщина?

— Тетя Эстер, — хнычет маленький Питер, — расскажи мне еще сказку.

И я снова начинаю рассказывать сказки.

На следующий день женщины вынуждены бежать из разбомбленного дома. Прошлая ночь была сплошным кошмаром. Мне трудно поверить, что подобные вещи могут происходить в действительности. Завоевание страны подобно встрече мужской и женской силы в *жестоком совокуплении*. Одна страна покоряет другую, силой прокладывая свой путь в тело побежденной. Льется кровь. Отдельные жители гибнут, как живые клетки при разрушении ткани. И все же — это рождение нового мира, новой жизни, нового творения. Встреча жестока и свирепа — как всегда при сотворении новой жизни. Но природа смотрит вперед, в будущее, принося в жертву бесчисленные клетки и бесчисленных индивидов ради высшей цели — рождения новой жизни. Новая жизнь рождается и на материальном уровне, и на духовном. Она рождается благодаря встрече двух стран — покорившей и покоренной. Благодаря этому брачному союзу двух стран возникнет новая цивилизация. Клетки двух тел — двух стран — встретятся и сольются. Родятся дети, обладающие качествами обеих рас. Природа создает гибридную расу, и индивиды, появляющиеся на переходном этапе, смягчают противоречия и разрушают границы, разделявшие расы и нации.

Мне суждено было ощутить это совокупление в полной мере в ночь воздушного налета, когда окончательно разбомбили наш дом. Мне довелось увидеть это соитие вблизи и понять, до чего оно жестоко и сколько человеческих трагедий порождает. *Има* спас меня, и я не разделила судьбы большинства женщин, укрывавшихся в нашем доме. Когда один из солдат схватил меня и стал тянуть в угол убежища, я успела

сказать ему на смеси всех известных мне языков: «Я — мать, сын на войне, у тебя дома осталась мать. Пожалуйста, не делай этого».

В полупьяных глазах несчастного юноши, чья плоть была отравлена «штурмовыми пилюлями», блеснула искра понимания. Я видела, что он *вынужден* был задуматься о своей матери. Затем, с отчаянием и яростью, он зашвырнул меня под скамью и выбежал из подвала.

На следующий день мы почувствовали внутренний приказ покинуть разрушенный дом. Мы чувствовали, что нас вела высшая сила. Это было выше нашего понимания, но мы спаслись и не погибли под развалинами дома, как все оставшиеся — без исключения.

Все происходило как в кошмарном сне.

После недель, проведенных во тьме, мы вышли на улицу под яркий солнечный свет. Он был таким ярким, что глаза еле выдерживали. Я оглянулась на то, что некогда было прекрасной виллой, а сейчас превратилось в груду битого кирпича, из которой в небо торчали обломки балок. Затем мы стали перебегать через дорогу, стараясь не спотыкаться о трупы и кучи щебня. Моя сестра прижимает к груди младенца. Вдруг она скользит вниз по ступеням, засыпанным снегом. Я бросаюсь к ней на помощь, но и сама тут же падаю, увлекая за собой маленького Питера, чью руку ни на минуту не выпускаю. Под снегом скрывается низкая ограда из колючей проволоки. Мы пытаемся перелезть через нее вместе с детьми. Это видит солдат из вражеской армии и приходит к нам на помощь. Сначала он переносит младенца, затем по очереди пересаживает всех нас. Я оказываюсь последней. Мы ничего не говорим ему — мы не поймем друг друга. Но я смотрю ему прямо в глаза и крепко пожимаю руку. Затем мы снова бежим, виляя и пригибаясь, чтобы не угодить под пули, все еще свистящие во всех направлениях. Дети кричат, надрываясь. Снег слишком глубок для маленького Питера — он не может идти, и я волоку его за собой, напрягая все силы. Время от времени мы останавливаемся под уцелевшими террасами, чтобы передохнуть и согреть детям руки, ды-

ша на них и растирая. Затем мы снова бежим туда, куда ведет нас неведомая сила.

И наконец, словно во сне, перед нами раскрываются двери дома, и добродушный офицер вражеской армии защищает нас от своих же жестоких товарищей. Вскоре мы становимся добрыми друзьями, и он говорит мне: «Мама, будь осторожна! *Один* хороший солдат — *десять* плохих. Мало кто из офицеров нашей армии будет защищать тебя так, как я. Будь осторожна, когда нам придется перебазироваться!»

Да, нам известно, что не все вражеские солдаты столь гуманны. Мы помним ту *первую ночь*! Мы никогда не забудем их!

Все наши мужчины куда-то исчезли, кроме отца, которого мы вскоре нашли. Спокойно и чинно старый джентльмен шел через эту бойню. И в то время, как разгулявшиеся солдаты победившей армии безбожно всех грабили и раздевали, отбирая все, что могли, от мехов до авторучек, отец пришел в дом нашего друга целым и невредимым — никто даже пальцем его не тронул. Мощная энергия, излучаемая отцом, произвела впечатление даже на солдат неприятельской армии, и они старались держаться от него подальше.

Через несколько дней раздается стук в дверь этой странной комнаты этого странного дома, где живут четырнадцать человек — солдаты, женщины, дети и беженцы. Дверь открывается, и входит Бо-Гар. На нем лохмотья, а ноги кровоточат. После всего, что ему пришлось перенести, остается лишь удивляться, как он остался жив. Соседи рассказали ему о том, в каком направлении мы бежали из разрушенного дома. Он вновь нашел нас.

Через несколько дней вернулся и мой брат, тоже в лохмотьях. Ему пришлось пройти пешком несколько сотен километров. Где-то ему удалось найти два башмака (оба на левую ногу), и он носил их с присущим ему достоинством. Но, главное, он жив, все остальное не важно!

Дни идут, а известий о моем муже все нет. Я не могу выбросить из головы видение: беспомощный, он лежит на снегу у дороги. Где же он сейчас?

После многодневных упорных поисков, которым, казалось, не будет конца, я обнаруживаю его, тяжелораненого, в доме одного добросердечного фермера. Видение не обмануло меня.

Проходят недели, месяцы. Мы вечно голодны и никогда не знаем, откуда придет к нам пища. Но наконец война окончена!

Мы пытаемся восстановить несколько комнат в развалинах нашего дома. Бо-Гар и я делаем все возможное, чтобы раздобыть хоть какую-нибудь пищу в это голодное время. Мой муж прикован к постели на долгие месяцы, но наконец он набирается сил и может осторожно передвигаться, опираясь на две палки. Как хорошо, что я скульптор! Я кладу кирпичи, снимаю уцелевшие двери и переношу их туда, где они нам нужны. Мы собираем оконные рамы по частям. У нас нет стекол, потому мы затягиваем их оберточной бумагой. Разгребая кучи щебня и щепок голыми руками, мы извлекаем оттуда несколько уцелевших горшков и сковородок, а также искореженные серебряные столовые приборы.

Мы с Бо-Гаром находим маленькую повозку, на которой возим уголь, впрягшись в нее, словно лошади. Нам трудно удержать ее, когда мы спускаемся с горы, когда же приходится тащить ее в гору, мы выкладываемся до последнего. Но зато по ровной улице она катится легко и весело.

Мы находим и очищаем от грязи остатки мебели и пытаемся собрать из них что-то пригодное в хозяйстве. Мы сколачиваем гвоздями обломки балок и досок, и наконец нам удается вновь открыть «Школу Йоги» на развалинах старого дома. Бо-Гар обучает тому, чему он научился у Ментуптаха, а я передаю знания, полученные от Птахотепа.

Так проходит несколько месяцев. Вопрос о хлебе насущном постепенно теряет свою остроту. Наши ученики, имеющие родственников в селах, время от времени приносят нам то немного муки, то несколько яиц или картофелин, а иногда даже куски сливочного масла. А от моего сына по-прежнему никаких вестей.

Но однажды после полутора лет ожиданий раздается звонок в дверь — и передо мной стоит Има!

Я всегда думала, что в такие моменты мать и сын бросаются друг другу в объятия, обливаясь слезами, — ничего подобного! Я удивленно смотрю на него, а затем мы обнимаемся — спокойно и тихо. Я испускаю глубокий вздох облегчения. Он жив и не изувечен. Только шрам с правой стороны его красивого лба говорит о том, что он побывал в авиакатастрофе.

И все же я глубоко огорчена. Я знаю Иму достаточно хорошо, чтобы понять — для него нет места в стране, где грубость, тупость и хамство стали нормой жизни. Человек способен существовать в таких условиях, не подвергая свою жизнь и здоровье чрезмерному риску лишь тогда, когда ему удается сохранять мир в душе, веру в Бога — и хранить молчание. Он никак не может понять, что мы уже не в храме, где господствует любовь и бескорыстие, где каждый может свободно выражать свое мнение, не рискуя быть превратно понятым.

Има не может приспособиться к такому миру. Он не терпит несправедливости и захочет сражаться против самой атмосферы, царящей здесь сейчас. Похоже, он забыл, *кто* он такой, но при этом, сохранив чистоту помыслов, честь и мужество, считает, что сыны человеческие должны проявлять те же качества. Он *отстаивает* свою веру в *людей* и загнал в глубины подсознания нерушимую веру в Бога.

Бедный Има! Ему приходится переживать одно разочарование за другим. Почему он отказался от веры в *Бога*? Из-за этого он теряет веру в собственные силы! Я чувствую, что он, должно быть, перенес серьезный психический срыв, но где и когда? И почему у меня возникло смутное и неприятное предчувствие, что тому причиной была я сама?

Я знаю, что когда-то, где-то он потерял свою веру *из-за меня*. Но тщетно я ищу причину. Единственное, что я знаю с абсолютной определенностью: я должна возвратить ему его веру в *Бога*. Поэтому он и стал моим сыном. Я должна возродить его веру в себя — это то же самое, что возродить веру

в Бога. Я в состоянии осознать, что его глубокая любовь и вера в меня — не что иное, как проекция его глубокой веры в *Бога*, загнанной в подсознание. Он должен прийти к пониманию того, что в каждом человеке нужно любить Бога. Личность — всего лишь внешняя оболочка, маска, через которую *Бог* проявляет себя.

Има должен осознать, что все, что он находит прекрасного в людях, все, что он в них любит, принадлежит *Богу*, а не человеку.

Это относится и ко мне — к той, кого он любит. Я это понимаю лучше, чем кто-либо на Земле. Мне выпала задача вновь направить его к *Богу*, и потому он должен понять, что я всего лишь инструмент, с помощью которого *Бог* проявляет себя в виде материнской любви. Когда он поймет это, он станет лучше понимать и самого себя, что избавит его от множества разочарований.

И вот пришло время, когда мой единственный сын, существо, которое я люблю больше всего на свете, вынужден жить в неотапливаемом помещении, где обычная температура — 20 градусов ниже нуля. У моего ребенка нет даже теплого одеяла, и он вынужден голодать. Я легко могу найти для него теплую комнату и накормить его досыта, но знаю, что не должна так поступать! *Я знаю, что для него будет хуже, если погибнет его душа, а не тело! Из любви к нему я вынуждена быть жестокой*!

В темноте я встаю на колени в своей постели и обращаюсь к *Богу*: «Будь же с ним, о *Боже*, и помоги ему вновь найти *себя* и *Тебя*! Помоги ему найти путь, ведущий к *Тебе*, и не дай ему никогда уклониться от него! Разбуди его, *Боже*, ведь ты пребываешь в нем, разбуди же *Себя* в нем, так как моих сил для этого слишком мало. Без этого он пропадет, и *Ты* знаешь, что найти *Тебя* он сможет лишь в *себе*. Ты знаешь, почему он считает, что все отступились от него, что даже *я* его бросила.

Он должен разочароваться во всех, он должен потерять всякую надежду, чтобы найти дорогу к *Тебе*, дорогу к *себе*! Ты знаешь, *Боже*, что я не вижу иной возможности спасти его. Я не могу и не должна больше показывать ему свою любовь.

Он должен найти *Тебя* благодаря своим собственным усилиями. Я всего лишь слабый человек, Господи, но *Ты — Бог, сама любовь*. Ты любишь его больше, чем способна любить я. *Ты, Боже*, всегда с ним. Прояви же к нему свою божественную любовь, прояви же ее сейчас, когда я жестока!

Береги же его и помоги ему сохранить здоровье во время той внутренней борьбы, которую он сейчас ведет. *Ты* знаешь, что он совершает грех против собственного здоровья, ибо потерял веру в *себя*, ибо в неведении своем желает убить *себя*. *Позаботься же о нем, открой его духовные глаза и не покидай его*».

И так — каждую ночь.

Однажды ночью, когда я становлюсь на колени во мраке спальни, случается нечто странное: неожиданно пространство вокруг меня озаряется светом. Свет становится все ярче, и вот перед моим взором возникает замечательный пейзаж: высокая заснеженная гора, к вершине которой ведет узкая извилистая тропа. Я знаю, что это тропа к *Богу*. Не колеблясь ни минуты, я ступаю на нее.

Вокруг меня простираются прекрасные луга, но я иду все дальше и выше, пока не достигаю неприветливых гор. Тропа становится все круче, все больше камней попадает мне под ноги, но я иду с поразительной легкостью, словно скольжу. Позади меня остается необитаемая местность. Горизонт расширяется, и я могу увидеть с невероятной отчетливостью все то, что осталось внизу. Но у меня нет времени оглядываться по сторонам, и я продолжаю свой путь. Наконец тропа кончается, и передо мной возникает короткая каменная лестница с семью ступенями. Каждая ступень в два раза выше предыдущей.

Я стою под синим небом перед лестницей в семь ступеней и понимаю, что должна взобраться по ней.

Первая ступень невысока, чтобы стать на нее, мне нужно преодолеть *вес собственного тела*. Это мне удается легко.

Вторая ступень повыше, она пробуждает сопротивление моего тела. Но я уже давно подчинила *силы своего тела*, и этот подъем у меня тоже не вызывает никаких затруднений.

Третья ступень *значительно выше*. Чтобы одолеть ее, я должна одолеть свои *чувства*. Управившись с чувствами, я поднимаюсь на третью ступень.

Но, когда я смотрю на четвертую ступень, оказавшуюся на удивление высокой, меня охватывают сомнения: «Удастся ли мне взобраться на нее? Хватит ли мне сил?» Тут я осознаю, что *сомнения* подтачивают мои силы, они парализуют меня. Но сомнения есть мысли! Значит, я должна одолеть свои *мысли*, чтобы исчезли сомнения. Благодаря длительным и упорным занятиям в храме я знаю, как это сделать! Собрав все силы своей души, я *становлюсь* абсолютной верой в Бога, и все мысли исчезают. Вместе с мыслями тут же исчезают и сомнения. Я взбираюсь на четвертую ступень.

Тут я с удивлением замечаю, что стала гораздо выше, пока поднималась по лестнице. После каждого шага я росла, и теперь мой рост не сравнить с тем, который был у меня в начале подъема. Сейчас передо мной возвышается пятая ступень. Несмотря на мой нынешний рост, я еле дотягиваюсь руками до ее края. С большим трудом я подтягиваюсь, помогая себе ногами, но, взобравшись, я с удивлением отмечаю, что у меня больше нет тела. Все *материальное* во мне (и на мне) исчезает. Я превращаюсь в бестелесный *дух*.

Шестая ступень уж очень высока! Здесь меня поджидает несколько трудностей. У меня нет ни рук, которыми я могу подтянуться, ни ног, которыми я могу оттолкнуться, — как же мне взобраться туда?

Оглядываясь в нерешительности, я вижу, что подо мной распростерся целый мир! Отсюда страны и города кажутся игрушечными. Я вижу каждый дом, где живут люди. Меня охватывает невыразимая жалость, когда я думаю о них: сколько им еще придется идти по пути познания, каким тернистым покажется им этот путь, им, заключенным в скорлупу собственного эгоизма, в которой некогда страдала и я.

И тут случается чудо — мое сердце захлестывает волна *вселенской любви* и я поднимаюсь на шестую ступень!

И вот я стою перед последней и высочайшей ступенью — она так же высока, как и я. Как мне хочется взобраться на нее!

Это чувство наполняет все мое тело. Но все напрасно! Я просто не знаю, что делать: у меня нет ни ног, ни рук, ни мышечной силы моего тела, которая могла бы помочь мне достичь цели. Но я должна оказаться там любой ценой. Там я найду Бога, и я хочу встретиться с Ним лицом к лицу.

Я жду, но ничего не происходит.

Вдруг я обнаруживаю, что нахожусь здесь не одна. Какое-то существо, подобное мне, также взобралось на шестую ступень и просит меня помочь преодолеть седьмую. Я понимаю, какое страстное желание оно испытывает, и, забыв о собственной цели, помогаю своему новому спутнику взобраться наверх.

Но в то же самое мгновение, когда я забываю о своем желании, я оказываюсь на вершине лестницы. Я не знаю, как это произошло, а моего спутника нигде не видно. Он исчез, не оставив следа. Это была лишь *иллюзия*, благодаря которой я забыла о своем личном желании. Пока я хотела подняться сама, мне не удавалось взойти на ступень, *столь же высокую, как я*.

Я прибыла! И тут, словно при ослепительной вспышке молнии, передо мной предстает небесное существо. Моя дополняющая половина! Непреодолимая сила тянет меня к этому существу, и я сливаюсь с ним в совершенном единстве. Я понимаю, что Оно всегда было мной, а я всегда была Им. Мы были двойственной проекцией одного и того же божественного истинного *Я*. В этом двойственном состоянии я всегда взирала на *Бога* как на что-то отдельное и я говорила *Ему* «Ты». Сейчас же, в состоянии изначального единства, я чувствую, что эта незримая сила, которую я прежде называла «Богом», через мгновение станет *мной*. Вокруг меня начинает вращаться огненный диск. Его невидимая ось — мой позвоночник — обитель моего истинного *Я*.

Я чувствую, как мой позвоночник горит, как белая горячая дуга, как мост, сотканный из токов жизни, излучая свет из семи центров силы и заряжая мое тело.

И тут время для меня перестает существовать, я вижу цепочку всевозможных форм жизни, в которые я перевопло-

щалась после своего выпадения из райского единства. Я вижу вехи своего пути длиной в миллионы лет. Я вижу, что мои прошлые воплощения неразрывно связаны с жизнями других душ. Вижу, как развивались наши отношения, и эти фрагменты, сложившись вместе, словно кусочки мозаики, создают цельную картину.

Я узнаю нити, связывающие меня с дополняющей половиной, с Птахотепом, Атотисом, Имой, Бо-Гаром и многими, многими другими людьми. Я отчетливо вижу, как эти нити связывали всех нас на протяжении многих веков и тысячелетий. Я вижу, как души, продвинувшиеся дальше в своем развитии, помогали другим преодолеть трудные участки пути, вижу, как мы помогали друг другу, делая все для приближения нашей общей цели — одухотворения материи. И эта работа помогла нам влить сознание в свои тела — они становились все более одухотворенными, все более красивыми. Материя, из которой созданы различные формы проявления, становится все более гибкой, все более совершенной, все более чуткой к воле духа и в конце концов станет покорной рабой божественного *Я*, не задерживая в себе ни одного луча, исходящего от духа. Я поняла тайну пирамиды, так как сама стала пирамидой, используя материю — свое тело — как твердую опору, но при этом проявляя лишь *божественное*!

И тут все вокруг меня — земля, небо, вся Вселенная — сливается в гигантском море огня. Меня окутывают языки пламени, и какое-то мгновение мне кажется, что весь Космос будет уничтожен. Молнии пронизывают мои вены, все мое тело, а огонь обжигает меня. Но вдруг все меняется: огонь больше не пожирает меня — *я сама становлюсь небесным огнем, пронизывающим все, дающим жизнь всему, поглощающим все*! Меня окружают потоки света, но эти потоки возникают во мне. *Я сама* — источник света и всего сущего. Земля больше не властна надо мной. Ее притяжение больше не держит меня в оковах. Я парю в *нигде*. Моя сущность больше не знает границ. Сейчас я притягиваю к себе все, но ничто не притягивает меня, ничто не связывает меня.

Я ищу тех, кого любила, так как знаю — они не будут уничтожены. Но тщетно ищу я их в окружающем меня *ничто*. В пустоте не существует ничего, кроме меня, и я обращаю свой взор вовнутрь.

И тут же я осознаю, *что во мне содержится все и вся*! Во мне заключена вся Вселенная, и все, что в ней есть, живет во мне. Все существование — это *Я*. И тут я понимаю, что, в сущности, никогда не любила то, чего *не находила в себе*. Сейчас же, познав себя до конца, я понимаю, что в равной степени люблю всех и все, так как *они — это я, а я — это мое «Я» во всем*!

Я есть венец, сама жизнь, вечная, бессмертная *сущность*. Отныне не существует ни борьбы, ни печали, ни страданий; не существует ни дряхления, ни конца, ни смерти! *Я во всем, в каждом рождении существую я — бессмертная сущность, новая форма жизни. В каждой смерти присутствую я — бессмертная сущность, уходящая в себя, в бесконечность, в созидательное божественное начало.*

Я понимаю, что *время* и *пространство* существуют лишь на периферии сотворенного мира, вращающегося, как диск, с немыслимой скоростью. *Но я в себе, я — вневременная, внепространственная вечность*. И пока я *покоюсь в себе*, моя вечная сущность наполняет пространство и все, что в нем существует:

Я — ЕДИНСТВЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, Я ЖИЗНЬ, Я — ЭТО Я!

Я покоюсь в себе и наслаждаюсь бесконечным покоем, но в этом покое слышится зов, требующий моего возвращения в покинутое тело. Я зажигаю свет своего сознания и пытаюсь понять, кому принадлежит этот голос. Ах да, это голос моего любимого учителя Птахотепа! *Он* зовет меня назад.

И я выхожу из своего небесного *Я* и вновь облачаюсь в одежды моего личного эго. Но я несу с собой сознание того, кто *я есть*.

И вновь я — человек, но в сердце своем я несу осознанное мной Божественное *Я*. Отныне Божественное *Я* будет дей-

ствовать через меня, и я буду во всем покорна ему. Я медленно открываю глаза.

Мои глаза встречаются с небесно-синими бездонными глазами моего учителя Птахотепа. *Он* зовет меня к себе. Его взгляд излучает тот же свет, ту же энергию, тот же покой, что я познала в блаженном состоянии *Посвящения*. И те же свет, энергию и покой я несу сейчас в своем сердце. Я не могу раскрыть губ, чтобы произнести хоть звук. Я до сих пор не могу найти связующих нитей между собой и своим телом. Но мне незачем говорить. Мне известно каждое желание, каждая мысль моего учителя. Мы с ним находимся в духовном единстве, в *Боге*. Все едино!

Он кладет свою правую руку мне на сердце, и ко мне медленно возвращается жизнь. Я делаю глубокий вдох, и оживляющий поток прокатывается через все мое тело. Мое сердце вновь бьется ровно и сильно. Постепенно я восстанавливаю контроль над телом.

Птахотеп и его помощник помогают мне сесть, а затем и выбраться из каменного саркофага. Я держусь на ногах нетвердо и робко делаю первые шаги. Птахотеп и другой Верховный Жрец, поддерживая под руки, отводят меня от ниши с каменным саркофагом. Тут я замечаю, что все *посвященные*, живущие в храме, собрались в большом зале, где находится Ковчег Согласия. Похоже, все они ожидают меня. Когда я приближаюсь к ним, две Верховные Жрицы приветствуют меня, произнося священное слово:

«ОМ»...

В этом круге людей, познавших воскрешение, я чувствую себя новорожденным младенцем. У меня то же тело, что и прежде, но в то же время я — совершенно новое существо. Я оказываюсь в новом мире, я уже не смотрю на мир со стороны, я вижу центр всякой сущности, вокруг которой сотворена наружная форма. Эта форма является лишь проявлением собственного центра.

Я стою в центре круга воскресших. Моя внутренняя сущность вибрирует в ответ священному звуку — божественной мантре. И благодаря этой неописуемой вибрации магическо-

го звука я переживаю в своем сознании единение со всеми *посвященными* и всей Вселенной. Они пришли сюда все — жрецы и жрицы, — чтобы приветствовать мое воскрешение и выразить мне божественную любовь. Вот стоит мой отец, Атотис, облаченный в простую белую одежду посвященного. Рядом с ним — учитель Ментуптах и мой дорогой брат Има. Когда я вижу его благородное лицо, его глаза, лучащиеся улыбкой, в моей памяти тут же всплывают картины самого трудного этапа *Посвящения* — испытание на отречение и испытание жестокой любовью. О возлюбленный Има, знаешь ли ты, что только благодаря тебе я прошла эти испытания?

Величественная старая жрица выходит из круга *посвященных*. В руках она держит платье, которое передает Птахотепу, а затем вместе с *Ним* надевает его на меня. Затем она протягивает Птахотепу головной убор — обруч, украшенный знаком *посвященных*, — и *Он* венчает им мою голову. На переднем крае обруча находится голова змеи, символизирующая трансформацию и одухотворение сексуальной энергии. Наконец-то я могу носить этот знак не только как царица, но и как *посвященная*!

Вот я и стала жрицей. Я нахожусь на низшей ступени жречества. Теперь лишь от меня зависит, смогу ли я подняться на высшую ступень, где мне позволят использовать Жезл Жизни.

Птахотеп подходит, кладет руку мне на голову и благословляет меня. Затем, взяв меня под руку, *Он* подводит к *посвященным*. В первую очередь, он, конечно, ведет меня ко второму Верховному Жрецу. Тот также кладет мне руку на голову и благословляет меня. Затем меня подводят к моему отцу, и я чувствую, как сквозь его протянутую руку в меня вливается вся его любовь. Итак, я обхожу по порядку всех *посвященных* и получаю от каждого благословение. Наконец я предстаю перед Имой, получившим *посвящение* чуть раньше меня. Он тоже благословляет меня, но я чувствую, как дрожит его рука.

Затем Птахотеп подводит меня к Ковчегу Согласия. Я становлюсь перед ним на колени. Впервые в жизни мне позво-

лили прикоснуться к нему рукой. Каждой клеточкой, каждой каплей крови я чувствую поток огненной энергии, струящийся из Ковчега Согласия в мое тело. Я делаю глубокий вдох, и вот, когда мое сознание проснулось *в моем теле*, я переживаю осуществление райского единства — всемогущество и всеведенье в *Боге*. Я осознаю и познаю значение *бытия*. Куда бы я ни направила фокус своего сознания, везде я вижу свет и ясность. Последняя и высшая истина жизни предстала передо мной во всем своем ослепительном блеске. Я испытываю чувство абсолютного всемогущества, рожденное божественной созидательной силой моего *Я*.

И вновь Птахотеп берет меня под руку и ведет назад, через все комнаты, по которым мы уже проходили. Назад, через коридоры, через каменные двери, в храм. За нами следуют все *посвященные*. В храме нас ожидают неофиты, и сейчас я впервые буду отправлять службу как жрица. Я стою у алтаря рядом с Птахотепом. К нам по очереди подходят неофиты, и я благословляю каждого. Я держу вытянутую руку у каждого над головой, и все в безмолвии принимают мое благословение. Вот ко мне подходят дети из школы неофитов. Среди них мой приемный сын — маленький Бо-Гар. Он становится передо мной на колени, преданно смотрит мне в лицо, а затем склоняет голову, и я благословляю его.

О Бо-Гар! Маленький Бо-Гар, какую удивительную роль ты сыграл в моих видениях при *Посвящении*!

Но вот моя первая служба в храме подходит к концу. Птахотеп отводит меня в келью, где я готовилась к *Посвящению*, и оставляет одну. После строгого поста мне снова позволили употреблять легкую пищу и напитки.

Я долго сижу на кровати, все еще находясь под впечатлением странных видений, явившихся мне при *Посвящении*. Что за жуткие картины! Как хорошо очнуться и понять, что это не было явью! Как я могла носить эти образы в себе, чтобы затем они мне привиделись? Это просто не может быть реальностью! Неужели люди способны деградировать настолько, чтобы убивать друг друга с такой жестокостью, используя эти адские инструменты? Этот подвал! Это приви-

девшееся мне убежище! И все же я знаю вечный закон: всякое существо способно видеть лишь те картины, которые могут воплотиться в действительности. *Что бы ни представил себе человек — это может материализоваться! Иначе человек просто не смог бы этого вообразить!*

Но эти жуткие картины! Эти птицы, управляемые сынами человеческими, птицы, способные взлететь в небо так высоко, что их и не увидишь с земли! Эти птицы бросают оттуда свои страшные яйца, несущие смерть и разрушение. Одним ударом такое яйцо может разрушить целый дом. Возможно ли такое?

И для чего же сыны человеческие используют свой разум? Для изобретения дьявольских приспособлений!

А какими странными аппаратами они пользуются! Эти аппараты могут передавать голос на огромное расстояние. Как будет смеяться Има, если я расскажу ему, что люди прибегают к помощи этих аппаратов для общения на расстоянии, вместо того чтобы использовать такой простой способ, *как телепатическое общение*! Он наверняка попросит меня объяснить ему, как устроен подобный аппарат, но, увы, я не смогу этого сделать! Ведь я же не могу объяснить устройство Ковчега Согласия и Жезла Жизни любому так, чтобы тот смог сделать их сам! Но эти приборы существуют. И точно так же, я знаю это без сомнения, существует телефонный аппарат! О Има, чистый и верный слуга Бога, я видела в своем видении, как ты управляешь одной из железных птиц! Ты, как и тысячи других здоровых красивых юношей, шел, словно околдованный, убивать других людей, и сам становился их мишенью. Как ты мог пойти на это безумство?

А кто этот огненный мужчина, «мой муж» из видения? Он был так близок моему сердцу! Он был моим лучшим другом! И все же я не знала, кто он, а он не знал, *кто я*.

Я пересматриваю одну за другой все картины, явившиеся мне при *Посвящении*. Во всех своих родных и близких из видений я узнаю людей, окружающих меня в этой жизни.

День завершается праздником, в котором участвуют все жрецы, жрицы и неофиты. Фараон тоже присутствует. И по-

скольку родственникам *новопосвященных* разрешено присутствовать на этом празднике, моя дорогая старая Мену тоже здесь! Как только я выхожу в сад, она бросается мне навстречу со всей скоростью, на которую способно ее немолодое, полное тело. Светясь радостью, она обнимает меня и плачет от облегчения.

— О, как я рада, что вновь увидела тебя живой! Скажи, теперь, когда ты жрица, ты все еще любишь меня? Могу ли я по-прежнему жить с тобой?

Я глажу старую Мену по голове и пытаюсь успокоить ее страхи:

— Ах, Мену, Мену, конечно же, я люблю тебя! Конечно же, ты можешь оставаться со мной. Сейчас меня к тебе привязывает еще большая любовь.

— 38 —

Я — ЖРИЦА

Каждая из жриц храма имеет свой круг обязанностей. Одни обучают неофитов храмовым танцам, иные помогают бесцельно блуждающим в атмосфере Земли беспокойным душам умерших. Во время священного сна жрицы направляют их к духовному развитию. Без этой помощи души умерших могут увязнуть здесь на сотни, а то и на тысячи лет — лишенные органов чувств, они не способны к общению с другими существами. Они замкнулись в себе и не могут найти пути, ведущего к развитию. Жрицы находят эти заблудшие души, пронизывают их энергией своей любви и благодаря внутренней тождественности посылают в их сознание мысли, помогающие им выйти на путь развития. Таким образом, жрицы выполняют сразу две задачи: с одной стороны, они помогают блуждающим душам, с другой — очищают атмосферу Земли.

Именно жрицы, посвящая юношей в тайны физической любви, заботятся о том, чтобы они были более здоровыми, красивыми и духовно богатыми. Жрицы учат их преобразовывать физические инстинкты силой собственного духа и направлять преобразованную энергию на достижение высших целей. Они также обучают собирающихся жениться юношей, как передавать эту священную энергию своим женам, чтобы у тех рождались благородные дети.

И наконец, некоторые жрицы исполняют те же обязанности, что и жрецы: учат неофитов концентрации, встречаются и беседуют с людьми, у которых возникли различные духовные проблемы. Когда эти жрицы достигают высшего уровня в своем духовном развитии, им позволяют использовать Жезл Жизни для исцеления больных. Таким образом

жрица становится Верховной Жрицей. Я вхожу именно в эту группу.

Я в восторге от своих обязанностей! Что может быть прекраснее, чем заглядывать в самую душу своих учеников, наблюдать за их развитием, за тем, как с каждым днем они все ярче и ярче проявляют Божественное! Мне кажется, что я наблюдаю за какой-то непрозрачной породой, пропускающей сквозь себя с каждым днем все больше и больше лучей, и вдруг Божественное начало пронизывает ее всю! Ежедневно я переживаю подобное, общаясь с моими дорогими неофитами! Я также забочусь о людях, приходящих в храм в поиске исцеления от телесных недугов. Я принимаю их в своей маленькой келье — той самой, в которую отвел меня Има, когда я впервые пришла в храм.

В такие моменты люди показывают мне свое «второе» лицо, — лицо, которое никто не видит, о котором они, чаще всего, и сами не знают. Я вижу внутренний облик каждого существа, и мне очень полезно узнать обо всех событиях и переживаниях, сформировавших этот внутренний облик в соответствии с законом действия и противодействия. Если бы каждый мог видеть свой собственный внутренний облик и внутренний облик других людей! Тогда люди перестали бы ненавидеть друг друга, перестали бы друг друга бояться! Плохих людей нет! Люди часто обижают других, делают другим больно, но они так поступают только из боязни и недоверия — желая упредить враждебные действия других и таким образом защитить себя. Поступая так, они дают другим повод считать свои поступки злонамеренными.

Но если бы нашелся человек, способный убедить «врагов» в том, что их «злонамеренные» действия объясняются не чем иным, как обычной боязнью и недоверием к себе подобным, враждующие стороны вздохнули бы с облегчением и протянули бы друг другу руку. Люди невежественны и слепы, они не видят друг друга — и в этом причина царящих на Земле ненависти и вражды. Что может быть прекраснее того чувства, которое испытываешь, открыв человеку его слепые глаза и увидев, как в них появились понимание и осознанность!

Кроме этих обязанностей мне позволено находиться рядом с Птахотепом, когда *Он* исцеляет больных при помощи Жезла Жизни. Больные приходят к храму ранним утром — кто сам, кто с помощью родственников или друзей. Птахотеп и его помощник вливают в их немощные тела живительную силу. Я видела собственными глазами, как под воздействием Жезла Жизни в одно мгновение срастались переломанные кости и заживали страшные раны, оставляя после себя лишь небольшие шрамы на коже. Обломки кости срастались друг с другом, словно куски металла, сплавляющиеся вместе при разогреве, так же соединялись разорванные мягкие ткани, связки, сухожилия, сосуды и кожа. С такой же скоростью Жезл Жизни исцелял самые серьезные воспалительные процессы печени, легких, почек и других органов. Поистине велика милость *Божья*!

Кроме храмовых обязанностей я еще исполняю обязанности жены Фараона. Как и прежде, я сижу рядом с отцом во время праздников и прочих торжественных событий. В такие минуты у меня появляется прекрасная возможность понаблюдать за придворными, гостями и людьми из толпы. Все люди такие разные! Они отличаются друг от друга буквально всем — формой головы, цветом и оттенками кожи, а также характером силы, которую они излучают. Иногда они приносят нам чудесные дары — неизвестных мне зверей, редкие драгоценности, диковинные наряды, тонкие ткани, изумительную посуду. Отец пригласил художников из дальних стран обучать наших храмовых мастеров своему искусству. Наши мудрецы также путешествуют в далекие земли и обучают своим тайнам чужеземных ученых. Отец обещает, что когда-нибудь мы вместе посетим эти великие страны.

Сразу же после *Посвящения* мне позволили одной ездить на колеснице, запряженной львами. *Посвящение* дало мне возможность направлять свою волю непосредственно к нервным центрам живых существ, полностью подчиняя их. Я научилась контролировать те нервные центры своего организма, которые обычно находятся в латентном состоянии у сынов человеческих. И поэтому я способна излучать свою

волю с такой силой, что другие живые существа тут же становятся ее покорными орудиями.

Но при этом я никогда не забываю, что высший дар человека, полученный от *Бога*, — свобода воли. Я знаю, что на это никто посягать не должен ни в коем случае. Воздействие на чью-то волю — черная магия! Вот почему я никогда не использую силу собственной воли против человека. Как часто мне хочется облегчить состояние человека, помочь ему решить проблему, использовав свою волю! Но этого делать нельзя, так как решение, полученное таким способом, принадлежало бы мне, а не ему! Это означает, что я украла бы у него возможность удачного прохождения испытания. А ведь каждый должен научиться решать жизненные задачи самостоятельно — только таким образом человек приобретает бесценный опыт, создает собственную судьбу и расширяет горизонт своего сознания.

Животные непосредственно подчиняются силам природы. Они исполняют ее волю автоматически и инстинктивно. Животные не способны к самоопределению. Потому я могу применять свою волю ко львам. Они мгновенно подчиняются любому моему желанию, чутко реагируют на каждую мысль. Как это прекрасно, управлять этими величественными животными, которые становятся частью меня, подчиняются столь же послушно, как рука или нога! Божественное *Я* наполняет жизнью все живые существа, и «любовь», испытываемая животными, — не что иное, как подсознательное стремление к единению с *Я*, но на низшем, физическом плане сознания.

Ребенок на раннем этапе своего развития выражает эту жажду единения тем, что кладет себе в рот все, что попадается в его маленькие ручонки. Звери делают то же самое — их любовь ко мне так велика, что они испытывают высшее блаженство, когда чувствуют, что моя рука, а то и голова находится в их мощных челюстях. Они делают вид, что хотят съесть меня, но при этом даже не кусают. Конечно же, я не принимаю всерьез эти угрозы! Я понимаю, что когда они пожирают, к примеру, газель, то лишь *следуют инстинкту еди-*

нения. Инстинкт самосохранения имеет тот же источник, что и инстинкт сохранения рода, — стремление к божественному состоянию единства.

Вот почему проявления этих двух инстинктов очень похожи и часто совпадают. Природа использует изначальное стремление к единству для продолжения рода живых существ, а также для сохранения жизнедеятельности организма посредством удовлетворения чувства голода. Вот почему мясо, получаемое львами из рук смотрителя, никогда не сравнится для них по вкусу с плотью убитой ими жертвы. Ведь в последнем случае они бессознательно ощущают грубую форму единения с живым существом — с самой жизнью!

Я получаю массу удовольствия, проводя время со львами! Мне чрезвычайно интересно наблюдать, как эти величественные создания проявляют качества божественного *Ра* — солнца, трансформированного до животного уровня. Маленький Бо-Гар тоже в восторге от львов, впрочем, он пребывает в полном согласии со всем, что я говорю или делаю. Как хорошо запомнились мне уроки езды на колеснице, полученные от отца! Сейчас я передаю эти знания Бо-Гару. Он очень способный, инстинктивно делает правильные движения и уже после нескольких тренировок способен сопровождать меня даже в длительных поездках.

Иногда мы с отцом отправляемся в наш маленький домик для отдыха, стоящий на морском берегу. Теперь нас каждый раз сопровождает Бо-Гар, и мы втроем от души радуемся солнечному теплу и морской воде. Отец тоже любит проводить время с Бо-Гаром, и мы не нарадуемся, глядя на то, как эта чистая душа раскрывается подобно цветку навстречу ярким лучам солнца. Как-то, любуясь играющим Бо-Гаром, отец подзывает его к себе. Мальчик подходит, и отец спрашивает его:

— Послушай, Бо-Гар, не хочешь ли ты поработать вместе со мной?

Бо-Гар падает ниц перед отцом и, в знак высочайшего почтения вытянув перед собой сжатые руки, отвечает:

— Господин мой, я с радостью посвящу всю свою жизнь заданию, которое Ты мне поручишь, лишь бы доказать, что я достоин этого!

— Встань, Бо-Гар, — говорит отец, ласково похлопывая ребенка по голове, — ты будешь работать вместе с нами, выполняя великую задачу по спасению Земли. Для этого нужно внимательно слушать то, чему учат тебя твои учителя в храме, и ты станешь нашим соратником. Вставай же, Бо-Гар, тебе не нужно падать передо мной на землю.

Бо-Гар не может сдержать охватившую его радость и прыгает вокруг нас, словно маленькая обезьянка. Затем, словно спохватившись, он пытается напустить на себя серьезный вид, показывая, что уже достаточно взрослый и достоин отцовского доверия.

Вскоре Бо-Гар убегает в сторону пляжа на поиски мидий, и мы остаемся одни. Я спрашиваю отца:

— Ответь мне, пожалуйста, отец, почему даже сейчас, когда я стала *посвященной* и возвысилась над временем, научилась видеть прошлое и будущее с той же ясностью, что и ты, я все же не могу заглянуть в собственное будущее, хотя судьбы других людей видны мне как на ладони? Почему это так? Единственное, чего я жду от будущего, — это возможности достичь высшего уровня духовности.

Отец смотрит на меня, улыбается и молчит.

Я понимаю его мысль, улыбаюсь и шлю ему свою мысль в ответ. Мы понимаем друг друга.

Его взгляд говорит: «Зачем ты спрашиваешь меня об этом? Если ты не можешь увидеть своего будущего, значит, предполагается, что ты должна справиться со своей задачей без этого знания. Не беспокойся о будущем и стремись достичь высшей ступени духовности, которую ты испытала с помощью Птахотепа во время *Посвящения*».

Но вот обязанности вновь зовут нас в город, и мои дни проходят как и прежде: я делю свое время между храмом и дворцом. Мне нравится моя работа. Она полностью удовлетворяет меня. И все же каждый день я с нетерпением жду того часа, когда все дневные обязанности будут выполнены

и я смогу полностью уйти в себя — в Бога. Каждый раз, обращая взор внутрь своего существа, я пытаюсь собственными силами достичь высшей ступени сознания. И я чувствую, что неуклонно приближаюсь к своей цели. И все же каждый раз, возвращаясь в свое личное сознание, я испытываю разочарование: вновь я не смогла прийти к пережитой мною при *Посвящении* высшей и последней реальности, воспоминание о которой горит в моем мозгу неугасимым огнем. В такие моменты я утешаю себя лишь тем, что мне еще предстоит не раз участвовать вместе с Птахотепом в вечерних молитвах и медитациях.

Птахотеп, его помощник, жрецы и жрицы — все *посвященные* — собираются на закате в храме. Мы садимся в круг, причем Птахотеп и его помощник садятся друг напротив друга, создавая таким образом два полюса. Некоторое время мы посвящаем тому, чтобы очиститься от низких вибраций, проникающих в наши духовные тела во время общения с сынами человеческими. Затем Птахотеп берет за руки своих соседей по обе стороны от себя, и мы все делаем то же самое. Птахоте и его помощник посылают по этому живому кругу поток высшей, чистейшей божественной энергии. Это позволяет нам испытать высшее состояние божественного единства. Таким образом сопротивляемость наших нервов развивается гораздо быстрее. Эти минуты блаженства, переживаемые мною ежедневно во время молитв, наполняют радостью и значением всю мою жизнь.

О Боже, дай мне сил достичь *Тебя* самостоятельно!

Фараон Хефрен (Национальный музей Каира)

Фараон олицетворяет Бога, по отношению к которому созидательный принцип, Гор, представленный в образе сокола, шепчет Божественную истину. Фараон именно тот, кто посвящен слышать и подчиняться этой истине.

— 39 —

Мы встретимся вновь

При дворе начались приготовления по случаю торжественного приема. Когда-то отец послал в чужую страну своего офицера — Тисс-Та, вместе с другими аристократами и войском, снарядив их кораблями, гружеными всевозможными товарами. Правитель этой страны принял нашу экспедицию очень сердечно и в ответ отправил своих воинов, доставивших товары для обмена. Сегодня мы собираемся отпраздновать прибытие этого войска.

Мену наряжает меня в самое красивое платье, а Ру-Ка с должными церемониями приносит мои царские драгоценности. Затем двое старейших аристократов сопровождают меня к отцу, и мы вместе со всеми придворными шествуем вдоль колоннады и подходим к террасе, расположенной на дворцовой площади. Достойно и величественно Фараон занимает свой золотой трон. Справа от Фараона сидит его лев, я же сажусь по левую руку и чуть впереди — почти у самого края террасы. Сановники и вельможи занимают свои места справа и слева от нас.

И вот начинается торжественный прием. Чужеземные воины подходят к нам, выстроившись в длинную колонну. Командир и его свита выходят вперед и низко склоняются перед нами. Затем командир произносит речь на нашем языке, в которой заверяет нас, что его повелитель чрезвычайно рад дружбе с нашей страной и выражает надежду, что она продлится еще много лет. Затем он подзывает своих носильщиков и велит им принести дары.

Я наблюдаю за всей этой сценой. Люди из свиты чужеземного командира прекрасно развиты физически. Это большие, сильные, широкоплечие и очень мускулистые мужчины. В нашей стране такие высокие и сильные люди встреча-

ются лишь среди Сынов Бога, но они гораздо изящнее, гибче и проворнее этих здоровяков. Птахотеп, отец и некоторые другие потомки Сынов Бога, такие, как Има, Ментуптах, Имхотеп прекрасно сложены, но их сильные тела при этом обладают удивительной величественностью и одухотворенностью. Они не такие коренастые и потому не походят на красивых зверей.

Никогда прежде не видела я подобных людей! Они мне совсем не нравятся. В нашей стране я привыкла смотреть на лица с точеными, словно высеченными в камне чертами, в которых отражается высокая духовность, свойственная Сынам Бога, но также встречающаяся и среди представителей гибридной расы. Но у чужаков черты лица неправильные, что придает им еще большее сходство с животными. А чего стоят их уши! У представителей нашей расы уши небольшие, тонкие, хорошо очерченные, мочки отделены от кожи лица. У чужеземцев же уши широкие и грубые, а мочки срастаются с самой шеей, как у обезьян! Но больше всего поражают их рыжие волосы! Их лица, руки и ноги густо покрыты рыжими кудряшками, горящими под лучами солнца, словно золото. Они держатся очень самоуверенно и, когда смеются, показывают ряд белых крепких зубов красивой формы. Но и этим они напоминают мне животных. От них исходит огромная сила, но это отнюдь не духовная сила! Нет, мне совсем не нравится их внешность!

Но я также вижу, что наши заморские друзья дивятся нам не менее, чем мы им. Им также пришелся не по вкусу наш вид. Я понимаю, что их глаза еще не открылись навстречу духу. Они не способны не то что оценить, но даже заметить красоту наших тонких, одухотворенных лиц и фигур. Они видят лишь одно: наши люди мельче, чем они. И я, читая их мысли, понимаю, какое презрение они испытывают к нам.

Я привыкла видеть в обращенных ко мне взглядах мужчин восхищение и преклонение перед моей красотой. Но эти чужаки смотрят с восторгом только на мои драгоценности и на мой наряд, не замечая, как хороша *я* сама! Да, они бросают на меня любопытные взгляды. Но их любопытство вызвано

тем, что я правительница этой страны, а не красивая женщина. Я знаю, что унаследовала миниатюрность матери, но красота женщины не зависит от ее роста и размеров! Но эти солдаты, прибывшие из далекой страны, считают, что женщина может быть красивой только тогда, когда обросла достаточным количеством мяса. Я, как обычно, наблюдаю за собой, — может, во мне проснулось тщеславие? Нет! Просто я огорчена их грубостью, невежеством и неразвитостью. Они подобны сынам человеческим, принадлежащим к низшим классам нашей страны.

Всем этим людям так недостает культуры и воспитания! Их командиры и вельможи — не исключение. Один из них подошел к террасе и сейчас стоит прямо передо мной. Очевидно, он занимает довольно высокий пост, так как все время находится рядом с командиром. Сейчас же, окруженный солдатами, он неотрывно глазеет на меня. Уголки его рта сложились в непочтительную наглую усмешку. Его поведение недостойно сановника! Как аристократ может выявлять такое непочтение к женщине? Даже Ру-Ка, самый наглый человек при дворе, смотрит на меня с дерзостью, но при этом не скрывает восхищения, вызванного моей красотой. Но этот чужак просто бесстыдно пялится, не чувствуя никакого восхищения! И все же я подавляю в себе всякое тщеславие и кокетство. Я слежу за всем и постоянно держу себя под контролем!

Я отворачиваюсь от него и снова смотрю на церемонию. Меня захватывают военные игры. Должна признать, их физическая сила в новинку для нашей страны. Эта раса произошла от потомка Сынов Бога, великана, у которого божественная сила предков проявилась в крови, а не в духе. Его потомки смешали свою кровь с кровью примитивной расы людей, отчего появилось ширококостное потомство, обладающее невероятной мускульной силой. Они значительно уступают в быстроте, гибкости и ловкости нашим солдатам, но демонстрируют такие чудеса физической силы, которые не по плечу ни одному из наших воинов. Пока продолжаются эти игрища, я то и дело поглядываю на наглого чужеземца.

Все это время он смотрит на меня не отрываясь. Да, мне кажется, это была бы поистине непростая, но и интересная задача, шаг за шагом провести его к собственному духу — открыть его духовные глаза и научить видеть внутреннюю красоту женщины, а не только ее плоть!

В течение нескольких дней я настолько занята приемами, что у меня не остается времени для храма. Празднества и церемонии беспрерывно сменяют друг друга. Парады, экскурсии, банкеты — и все это время я должна находиться рядом с отцом, исполняя свои светские обязанности. Наконец Мену почувствовала себя в своей стихии, постоянно наряжая меня во все новые и новые платья. Бо-Гар же расстроен и удручен — у меня совершенно нет для него времени. Ру-Ка часто посещает меня в сопровождении носильщиков с ларцом, из которого извлекает, как фокусник, всевозможные произведения ювелирного искусства.

Мне приходится безропотно сносить все это — такова моя обязанность! И все же каждый раз после смены наряда я с большим любопытством рассматриваю свое отражение в зеркале, воображая, какое впечатление произведет на чужеземца мое новое платье или украшения. Когда мой отец и все придворные вырядились в свои лучшие наряды, демонстрируя уважение к гостям, я еле сдерживала смех, глядя на них. Как странно выглядел отец в этом пышном убранстве! Ну а я? Неужели чужеземные гости не сочтут меня красивой в этих одеждах?

И вот мы уже с *ним* знакомы! Отец официально представил меня чужеземному командиру и всем офицерам его свиты, включая и «его». Так что сейчас я ежедневно «получаю удовольствие» от общества гостящих у нас высших офицеров.

Их правитель, снаряжая к нам эту экспедицию, отбирал для нее только офицеров, оказавшихся способными выучить наш язык за довольно короткое время. Так что теперь у нас есть возможность вести приятные беседы и обмениваться мыслями с нашими гостями. Но я все равно чувствую некоторую скованность в присутствии *этого* офицера, так беззас-

тенчиво смотревшего на меня на протяжении всей церемонии. Когда я, услышав его голос, поняла, что *это голос человека, превратившегося в пламя в моем видении*, мое сердце учащенно забилось. Удивительно!

Чужаки довольно забавные люди — им недостает лоска и образованности, но при этом их никак не назовешь тупыми! Они очень близки к природе и, хотя не осознают на *интеллектуальном* уровне внутренние созидательные законы и суть вещей, проявляют большую осведомленность во многих вопросах — результат непосредственного опыта. Я с удивлением замечаю, что многие истины, открывшиеся нам благодаря наблюдению и созерцанию, дошли и до этих людей, но в виде предрассудков и верований!

Когда им неведома причина того или иного явления, они считают, что оно происходит по воле какого-то незримого существа, которого они зовут «богом». И они упорно настаивают на том, что эти воображаемые сказочные существа зовутся «боги». Чужеземцы считают, что знают обо всем больше всех! Когда начинаешь сообщать им истины или разъяснять реальные факты, они только качают головами и снисходительно посмеиваются. Конечно же, мне не позволено разглашать тайны храма, но все же я пыталась кое-что рассказать чужеземному гостю о силах, вызывающих молнию и гром. Я понимаю, что не могу рассказать иностранцу о том, что Верховный Жрец пользуется Ковчегом Согласия, чтобы вызвать молнию и благословенный дождь, который не дает засохнуть нашему урожаю. Но я все же объясняю ему, что молния возникает при встрече двух противоположных сил и что он может сам проделать подобный эксперимент, ударяя друг о друга два куска камня.

В ответ на это он смотрит на меня свысока и начинает говорить, что молния — это стрела верховного бога, которую тот посылает на землю, а во всех камнях живут маленькие демоны, которые сердятся, если их беспокоят, и посылают в ответ свои молнии. Когда же я пытаюсь дать ему более подробные разъяснения на этот счет, я вижу, что он ограждает свой разум непроницаемой завесой. В определенном

смысле, нет большой разницы, считает ли человек возникновение молнии «результатом столкновения противоположных сил» или «стрелой, посылаемой богом». Но он должен понять, что ему никогда не научиться управлять силами природы, если он будет оставаться рабом предрассудков. И все же мне удалось заинтересовать нашего рыжеволосого гостя объяснениями различных природных явлений, и он слушает меня, внимая каждому слову. Он попросил меня стать его учителем и теперь будет ежедневно ходить со мной в храм, чтобы получить знание низшей ступени.

После того как солнце скрывается за горизонтом, Мену помогает мне переодеться в платье жрицы. Затем, закрыв лица вуалью, мы отправляемся в храм. Неофит уже провел моего заморского офицера в келью, где он ожидает меня. Мену остается в храмовом саду, я вхожу внутрь. Чужестранец стоит, опершись плечом о стену, и приветствует меня своей надменной улыбкой. Эта улыбка возмущает меня! Как смеет он так смотреть на меня? Ведь я ни в чем ему не уступаю! Он даже не понимает, что сила разума стоит превыше всего! Но ничего, скоро я докажу ему это. Силой своего интеллекта я сумею укротить этого рыжеволосого великана. Он будет посрамлен, несмотря на всю свою физическую мощь!

Чужеземец низко кланяется, но я вижу, им руководит вовсе не почтение. Он находится в стране, где люди по-настоящему поклоняются мне. Они чтят меня как *посвященную*, жрицу — ту, кому позволено служить *Богу*. Чужеземец знает, что я жрица. Но он не имеет ни малейшего представления, что значит наше «*Посвящение*». Он не понимает, что наше знание является не системой представлений, основанных на воображении, а плодом прямого знания истины — божественного *всеведенья*. Но я открою его глаза! Я посвящу его в тайну возникновения Вселенной. Я объясню ему, что такое Творение!

— Если хочешь прийти к истинному знанию, — говорю я ему, — тебе вначале следует познать себя. Вначале ты должен осознать, *кто ты на самом деле*. Познав себя, ты придешь к тому, что все тайны Вселенной кроются в тебе. Таким

образом, благодаря самопознанию тебе станут известны все тайны мира. Вначале разгадай загадку Сфинкса, загадку о самом человеке. Ты должен понять, кем ты являешься!

Вначале чужеземец смотрит на меня очень внимательно. Затем на его лице появляется улыбка.

— Так я должен узнать, кто я? Мне всегда казалось, что я это прекрасно знаю! Если это для кого-то загадка, то скорее для тебя, царица. Что ж, я открою тебе свою тайну! Знай же, что я — мужчина! — И с этими словами он заливается смехом, обнажая крупные крепкие белые зубы.

Боже, какой же он все-таки ребенок! Но его смех столь заразителен, что я не могу удержаться и тоже заливаюсь смехом.

— Я прекрасно знаю, что ты мужчина, — начинаю я говорить сквозь смех, но не успеваю продолжить, так как он беспардонно перебивает меня:

— Нет, царица, по-моему, ты не знаешь, что я мужчина. А о том, *что такое мужчина*, ты и понятия не имеешь! Я, конечно, не жрец и не умею читать мысли других, но я знаю женщин, а также знаю кое-что, чего ты совсем не знаешь или о чем ты забыла! Ты забыла, что ты женщина! Как же ты собираешься раскрывать передо мной тайны человека и Космоса, если ты даже не знаешь простейших вещей, о которых известно всем?

— Я прекрасно знаю, что я женщина, — решительно начинаю я. Чужеземец нахально улыбается, но я продолжаю, как ни в чем не бывало: — Наружная форма — всего лишь покров внутренней сущности. Когда человек знает свою внутреннюю сущность и когда он *является* своей внутренней сущностью, он использует наружную оболочку как инструмент, *не отождествляя себя с нею*. Тело — всего лишь одежда для *Я*. Ты тоже носишь наряды, но при этом ты не являешься нарядом. Таким же образом, облачаясь в тело, ты можешь быть либо мужчиной, либо женщиной.

Но *Я* не может быть ни мужчиной, ни женщиной. *Я* не имеет пола — *Я* стоит выше этого. *Я* — это Создатель. Наружное же проявление, личность, физическое тело — явля-

ется лишь половиной истинной сущности. Вторая половина остается в бессознательном, непроявленном состоянии. Станет ли личность мужской или женской, зависит лишь от того, какая часть твоего *Я* воплотилась. Когда же личность осознает обе свои половины и сделает их сознательными, она становится тождественной *Я* и уравновешивает в себе оба начала — как мужское, так и женское.

— Но все же телом личность остается либо мужчиной, либо женщиной? Так ведь?

— Да, — отвечаю я, — в этом ты прав. Материальное явление может иметь лишь одну сторону. Когда сливаются обе половины, на физическом плане они аннигилируют. Воссоединение двух взаимодополняющих половин означает дематериализацию тела, уничтожение материи. Человек может быть двуполым лишь в своем духе.

— Царица, — говорит заморский гость, — из всех твоих премудрых слов я уразумел лишь одно, с чем полностью согласен. Мне совершенно понятны все эти физические «секреты», касающиеся дополняющих половин. Но для меня остается загадкой, царица, почему после того, как я находил свои дополняющие половинки и неоднократно соединялся с ними, мое тело не исчезло, не дематериализовалось? Может быть, я просто никогда не находил своей настоящей половинки? Но, даже если это будет означать полное физическое уничтожение, я все равно буду продолжать искать свою *истинную дополняющую половину* — ту женщину, которая даст мне полное счастье. За такую женщину и жизнь отдать не жалко!

Тут я ощущаю, как по моему телу прокатывается жаркая волна и достигает моей головы. Я чувствую полное бессилие, столкнувшись с таким образом мышления. Как объяснить ему, что земное счастье, к которому он стремится, может быть лишь кратковременным и никак не удовлетворит его бессмертную душу?

На сегодня наша беседа завершена. Ему нужно время, чтобы переварить те истины, которые он узнал из нашего разговора.

И это продолжается много вечеров подряд. Я борюсь с его невежеством, подбираю каждое слово, чтобы как можно точнее выразить свою мысль и зажечь в нем божественную искру, которая поможет увидеть ему свое высшее *Я*. По утрам, как только я поднимаюсь с постели, он уже занимает мои мысли. Я припоминаю всю вчерашнюю беседу и концентрируюсь на том, что собираюсь сообщить во время следующего урока. Я возобновила свои поездки на колеснице, но сейчас я совершаю их одна, без Бо-Гара. Бо-Гар очень опечален этим обстоятельством, и Име, его учителю, приходится утешать мальчика. Мне жалко Бо-Гара, я не хочу, чтобы он так грустил, но мне нужно побыть наедине со своими мыслями.

После одной такой прогулки я, прощаясь со своими львами, глажу их по голове, запуская пальцы в гривы. И тут я замечаю, что цвет львиных грив точно такой, как и у волос чужестранца. Если бы я стала гладить его голову, между моих пальцев скользили бы такие же густые пряди волос! Как же я люблю этих львов!

В тот же вечер я рассказываю заморскому офицеру о том, что его волосы напоминают мне львиную гриву.

— Царица, — говорит он, — могу ли я отправиться с тобой на одну из таких прогулок? Если я увижу, что ты можешь управлять львами силой собственной воли, я действительно поверю в твои сверхчеловеческие способности!

И он смеется издевательски.

— Где это ты услышал о моих сверхчеловеческих способностях? — спрашиваю я.

— Все говорят о них. Все почитают тебя как богиню. Все считают тебя высшим существом, но не я!

Я чувствую себя уязвленной.

— Так кем же ты считаешь меня? — спрашиваю я, отмечая про себя с досадой, что мое сердце учащенно бьется, пока я жду ответа.

В это же мгновение перед моим внутренним взором предстает Птахотеп, на его благородном лице застыло такое выражение, словно он желает предупредить меня о чем-то.

— Нет, нет! Оставь меня! — говорю я его образу. — Мне ничего не грозит!

И я продолжаю слушать слова офицера.

— Так значит, ты хочешь знать, кем я тебя считаю? И ты это хочешь услышать из моих уст? Но почему? Ты ведь так высоко вознеслась над всеми земными проблемами, что я даже не представляю, как тебя может интересовать то, что творится в моей бедной простой голове! Да и, кроме того, ты ведь можешь читать человеческие мысли, разве не так?

— Да, я могу читать твои мысли, но сейчас меня интересует, будешь ли ты откровенен со мной, — говорю я, испытывая при этом чувство неловкости.

Но у меня нет времени разобраться в этом чувстве, так как чужеземец вновь обращается ко мне:

— Ага, так ты хочешь знать, насколько откровенен я с тобой? Так почему же ты не спросишь себя, *насколько откровенна с собой ты*?

На какое-то время я теряю дар речи. Я просто не знаю, что на это ответить. Годами я вырабатывала привычку наблюдать за всеми своими мыслями и чувствами и определять, что за ними стоит. Я убеждена, что искренна с собой, а потому искренна и со всем остальным миром, в том числе и с этим человеком. И все же его слова застигают меня врасплох. В чем же дело? еужели мне недоставало мужества, чтобы разобраться во всех своих чувствах, мыслях и побуждениях? Я должна рассмотреть себя более пристально и сконцентрировать все свои силы, чтобы выиграть эту битву. Я должна выйти победительницей! Я не должна позволить этому неотесанному мужлану считать себя в чем-то сильнее меня. Он должен понять, кто из нас действительно стоит выше!

На следующий день мы отправляемся на прогулку вдвоем. Прежде чем забраться на колесницу, чужеземец становится рядом с одним из львов и, вытягивая вперед свою косматую голову, спрашивает:

— Ну как, хочешь попробовать, действительно ли мои волосы напоминают львиную гриву? Если ты гладишь львов, то почему бы тебе не погладить и мою голову? — тут он снова

заливается смехом, демонстрируя два ряда прекрасных белых зубов.

Он действительно большой ребенок. И ведет он себя так вовсе не от недостатка почтения! Мне хочется рассмеяться вместе с ним, и, если бы рядом не было смотрителя, я бы, наверное, не удержалась и взъерошила его рыжую шевелюру.

Так продолжается день за днем. Вскоре офицер должен будет отправиться назад, на свою родину. Я могу гордиться собой. Как «женщине», мне удалось изменить его отношение к себе. Он давно уже отбросил чувство собственного превосходства и откровенно томится в течение дня, ожидая наших вечерних занятий. Теперь я понимаю, что в действительности он никогда и не испытывал чувства превосходства — все это было лишь позой, попыткой самозащиты в предчувствии неизбежного поражения. Ему просто не хотелось отказываться от маски мужской самонадеянности.

Он восхищался мной с самого начала, и тщеславие, побудившее меня проводить время в его компании, таким образом, может быть полностью удовлетворено. И все же я *не удовлетворена*! Напротив, меня постоянно гложет недовольство! Но каждый раз, пытаясь проанализировать истоки своих ощущений, я прихожу к тому, что мой интерес к этому человеку исходит отнюдь не из низших женских инстинктов. Теперь я постоянно слежу за собой. Мену же утверждает, что я демонстрирую все признаки влюбленности, и не нарадуется тому, что я наконец «расцвела». Но она ошибается. Мену все рассматривает со своей точки зрения и просто представить себе не может, что я не должна и не могу влюбиться. Я вовсе не влюблена!

Да и как я могу влюбиться в неотесанного, неуклюжего рыжеволосого великана? Он совершенно не в моем вкусе. Он чужд мне физически; даже неприятен. Во время самоанализа я часто задавала себе вопрос: хочу ли я от него ребенка? Боже избавь! Ребенка с такими ушами и таким костистым грубым телом? Никогда! Значит, я не влюблена. Единственное, чего я хочу, так это чтобы он наконец пришел к *Богу*. Ведь я болею

за каждого своего ученика. Вот почему я так настойчиво думаю о нем. Но он все еще не нашел *Бога*. Да, в этом мне не удалось преуспеть. Вот почему я думаю с такой тоской о том, что скоро ему суждено покинуть нашу страну и больше я не увижу его никогда в жизни.

Затем все происходит с молниеносной быстротой.

В последний вечер, который нам предстояло провести вместе, я отправляюсь в храм, чтобы попрощаться с ним. Как обычно, он стоит, опершись о стену, но куда девался его надменный вид? Он смотрит куда-то вдаль, словно ничего вокруг не замечая.

— В чем дело? — спрашиваю я.

— Я пытаюсь понять, что заставило прийти меня сюда сегодня? И чего ты хочешь от меня, красавица-царица без сердца? Какую пользу принесли все эти вещи, которым ты обучила меня, если они сделали меня несчастным? Ты все говорила о том, что я должен найти себя, но всеми своими словами и поступками ты добилась лишь того, что я потерял себя! Я был храбрым, отважным воином, который никого не боялся. А сейчас я стал рабом маленькой женщины, не достающей мне головой до плеча. Сейчас я боюсь будущего. Я не представляю, как смогу жить без тебя!

Я чувствую, как радость горячей волной разливается по всему моему телу. Наверное, это просто женское тщеславие — пытаюсь я утешить себя. Но нет, дело не только в тщеславии. Вначале я хотела, чтобы он увидел во мне женщину, оценил мою красоту, и как только я добилась этого, мне захотелось воспользоваться своей властью, чтобы вывести его на путь, ведущий человека к себе. Я делала все возможное, чтобы пробудить в нем *Я*, но вместо этого он в меня влюбился. Я хотела провести его к *Богу*, но он оставался слеп ко всему, что я ему показывала, и глух ко всему, о чем я говорила. Он видел перед собой только женщину. Он так и не поднялся выше собственной чувственности. Он даже не представляет, что никогда не видел *Меня*, и поэтому не может быть в *Меня* влюблен. Я просто для него не существую. Он даже не понимает, что видит только мое тело, мою внеш-

нюю оболочку, одежду, в которую облачено мое истинное *Я*! Как это ужасно! Как низко!

— Послушай, — говорю я ему, дрожа всем телом, — ты действительно не должен был приходить сюда сегодня. Ведь мы просто не поняли друг друга. Нам просто нельзя встречаться. Я пыталась поднять тебя на духовный план, а ты пытался опустить меня до плотского уровня. Мне и самой не стоило так стараться. Отправляйся же назад, на родину. Мы никогда больше не встретимся с тобой!

От этих слов кровь приливает к его лицу. Его лицо и шея становятся темно-красными, так что рыжая шевелюра бледнеет на этом фоне.

Его глаза загораются, как уголья, и я с ужасом вижу, что все его духовное тело пылает, словно огонь. Затем, не дав мне опомниться, он хватает меня своими ручищами, сжав мои плечи, словно клещами, и, прижав меня к своей могучей груди, целует меня прямо в губы. Я задыхаюсь, а он, продолжая осыпать поцелуями мое лицо и шею, хрипло шепчет: «Значит, ты больше не хочешь меня видеть? А я хочу тебя видеть! Мы встретимся вновь! Мы еще встретимся!»

При виде этого дикого лица меня охватывает паника. Мне хочется оттолкнуть его от себя и убежать, но после того, как он сжал меня в своих стальных объятиях, все мое естество охватил ответный огонь. Я теряю над собой контроль и полностью отдаюсь во власть ранее неведомому мне сладостному чувству. Сейчас я осознаю, что люблю его, полюбила с первой же встречи, всем своим телом и душой я страстно люблю его и всегда буду любить!

Огонь, словно вырвавшись из гигантского вулкана, охватывает меня всю. Горячие языки пламени пляшут вокруг и пожирают меня. Мой позвоночник превращается в раскаленный мост, на котором горят семь ярких факелов. Но я не чувствую себя неподвижной осью, где мое истинное *Я* излучает огонь жизни. Напротив, мое сознание провалилось в мое пылающее тело, и разряды молний проносятся сквозь мои вены, сквозь все мое естество. Они сжигают мое созна-

ние, уничтожают меня. Затем я проваливаюсь во мрак, и все исчезает.

Понемногу я прихожу в себя и открываю глаза. Меня окружают каменные стены. Я лежу на полу в своей келье. Я одна — вокруг могильная тишина. У меня нет мыслей. Мне просто не о чем думать. Сломленная и уничтоженная, я медленно поднимаюсь на ноги, покрываю лицо вуалью и выхожу из кельи. Длинная колоннада кажется черной и пустой. Сделав несколько шагов, я замечаю, что у стены застыла темная фигура. Има! Он стоит, словно изваянный из камня. Он дико смотрит прямо перед собой. Даже во тьме я замечаю этот взгляд, его невозможно не заметить. Затем, ни слова не говоря, Има поворачивается и уходит.

Без единой мысли в голове я возвращаюсь во дворец. Мену сопровождает меня, как всегда, в безмолвии. Тишину прерывают лишь ее громкие зевки.

— 40 —

Лев

Я падаю на колени перед Птахотепом.

Я не говорю ни слова. Он понимает меня, даже когда я молчу.

— Отец Души моей, спаси меня! Забери огонь из моего тела и верни свободу, без которой я не могу и не хочу жить!

Я утратила саму себя, я погибаю, я больше не владею собой, не обдумываю свои поступки; мысли управляют мною и разрывают мою голову на части.

Помоги мне, Отец Души моей, помоги мне вернуться в небесные высоты, где царят духовная ясность, чистота и свобода. Верни мне крылья, чтобы я полетела с тобой ввысь как созидательная сила Бога — божественный Сокол Гор, несущийся сквозь Вселенную, создавая новые миры.

Открой для меня небеса вновь, Отец Души моей, дай мне снова услышать музыку сфер, музыку, которая живет лишь в моей памяти, тогда как внутри меня царит мертвая тишина и уши мои глухи.

Открой вновь мои духовные глаза, Отец Души моей. Свет небес и сияние Бога живы только в моей памяти, а внутри — темнота. Глаза мои слепы.

Открой мне врата моего небесного дома, где я некогда владела всеми духовными богатствами, которые остались лишь в моей памяти, Отец Души моей, потому что пала я и стала нищенкой земной.

Верни мне опять счастье и мир священного единства тех, кто нашел спасение, Отец Души моей. Единства, которое осталось лишь в моей памяти после того, как упала я в пустыню, неустанно преследуемая страхом быть разорванной на части.

Положи мне на голову свою благословенную руку и освободи меня из темницы времени. Позволь мне снова жить в вечном настоящем, стать тем человеком, каким я была, каким я действительно являюсь и каким я не могу больше *быть* в призрачном мире иллюзий.

Отец Души моей, спаси меня, спаси мою душу! Позволь мне снова услышать твой голос, как голос Бога внутри меня, ведь я больше не слышу твоих ответов. Я глуха и слепа, я утратила свои небесные крылья, стала изгнанницей. Возьми меня обратно, Отец Души моей, возьми меня обратно в единство благословленных, потому что я больше не могу так жить!

Спаси меня, Отец Души моей, спаси меня, человек Бога, не оставляй меня, не оставляй меня, не оставляй меня.

Ответа нет.

Я утратила все. Мой ум, который всегда помогал мне, помрачился — только туманные мысли плетутся в моей голове, словно усталые путники.

Я лежу в своей кровати с одной только мыслью: умереть! Я не могу больше жить и не буду! Я всего лишь тень самой себя. В моих мыслях появлялись туманные образы, раздражавшие меня: беспомощно плачущая Мену и Бо-Гар. Полные отчаяния глаза Бо-Гара.

Я хочу умереть! Умереть!

Я всегда была госпожой своего тела и при желании могла оставить его. Теперь я безуспешно пытаюсь это сделать. Я не могу оставить свое тело! Как будто я пригвождена к нему! Я стала узницей темницы-материи.

Я хочу пойти к Ковчегу Согласия! Он сожжет мое тело, как сжигают его излучения жертвенных животных в храме. От них не остается даже пепла.

Я надела вуаль и поспешила к храму через большой зал, к двери, которая открывает подземный ход к великой пирамиде. Но я не могу пройти. Перед каменной дверью я натыкаюсь на невидимую стену.

Мой помутненный ум начинает проясняться: низшие частоты Ковчега Согласия — ультраматерия! Материализован-

ная ненависть! Хотя она и незрима, но защищает запрещенную территорию лучше любой стены. Я снова пытаюсь проломиться сквозь невидимый барьер, но твердая преграда безжалостно останавливает меня.

Для меня нет никакой жалости... никакой жалости...

Я медленно иду обратно долгим коридором, проходя мимо своей комнаты. Захожу внутрь, сажусь на каменную скамью. И погружаюсь в воспоминания. Комната увеличивается, со всех сторон слышно эхо бесконечности, перед моим внутренним взором проплывают картины: вот ко мне приближается туманная фигура. Я узнаю ее — это тот, кто явился мне в видении во время *Посвящения*. Фигура подходит совсем близко; вдруг из нее вырывается огонь и вся фигура вспыхивает. Горящее существо хватает меня, проникает внутрь, и я загораюсь вместе с ним. Я слышу его шепот: «Я ведь говорил тебе, что мы встретимся снова. Ты принадлежишь мне и больше никогда не будешь свободной, мы встретимся снова... в бесконечном времени и в безвременной бесконечности мы будем встречаться снова и снова». Эхо его голоса повторило тысячи раз: «встретимся снова... встретимся снова... встретимся снова...»

— Нет! — вскрикнула я. — Я не хочу, я ненавижу тебя!

Огненная фигура рассмеялась:

— Пока ты ненавидишь меня, — ты меня любишь и ты в моей власти! Ты не избавишься от меня так просто... мы встретимся снова... — повторяет эхо.

Я слышу эхо этого голоса, звучащего со всех сторон пустой комнаты так громко, что даже воздух дрожит от него, и я знаю, что туманная фигура смотрит на меня. Я больше не могу противостоять этому голосу и взгляду. Насколько я могла вспомнить из видений, явившихся мне во время *Посвящения*, я всегда искала именно этот голос и именно эти глаза во всех обращавшихся ко мне голосах, во всех смотревших на меня глазах, в каждом из бесконечного числа людей, встретившихся мне на протяжении бесконечного числа жизней. Во всех этих людях я искала *того* человека, которого люблю вечной любовью, каждой каплей моей крови, того

единственного, «моего» человека: *образ и подобие* моей дополняющей половины.

Потом другая картина появляется передо мной, образ человека, которого я люблю не как мою дополняющую половину, а как саму *себя*: Има! Я не могу любить его земной любовью, поскольку всегда была с ним одним целым в *Боге*. Мы связаны вместе вечной любовью небесного *единства*. Я пойду и расскажу ему все, он поймет меня! Единство, связывающее нас, поведет меня, как свет, в дальнейших странствиях; это единство осветит мою темную тропу, и я смогу найти дорогу назад в небесный дом, к *Богу*.

Я выбегаю из комнаты. Ищу его в школе неофитов, где он готовит кандидатов к *Посвящению*; ищу его везде, заглядывая во все комнаты. Но нигде не нахожу. Внезапно появляется молодой жрец, помогавший мне в последних приготовлениях перед *Посвящением*.

— Ты ищешь Иму? — спрашивает он.

— Да, где я могу найти его?

— Здесь ты его больше не найдешь. Има ушел из храма в полном отчаянии. Он совершенно потерял самообладание, он поставил *женщину* превыше *Бога*! Он выбежал отсюда в ужасном состоянии. Никто не смог остановить его. Има сказал, что лучше будет жить с черными племенами, чем в храме, ведь дикари не разочаруют его.

«Дикари не врут и не стараются казаться лучше, чем они есть на самом деле!» — это были его последние слова.

Ты больше никогда не найдешь Иму.

Я сидела тихо и неподвижно, охваченная ужасом. О Има! И тебе я принесла несчастье и отчаяние! Боль внутри меня стала в тысячу раз острее из-за этой новости. Но все же молодой жрец ошибался. Я найду Иму! Если не в этой жизни, так в следующей! Все приходит и уходит; но настоящая любовь не умирает никогда, и эта чудесная любовь, стоящая выше всех видов секса, эта любовь духовного единства обязательно сведет меня и Иму опять!

Я вернулась во дворец, зная точно лишь одно — я *должна* умереть. Не будь я жрицей, не будь *посвященной*, я все равно

не смогла бы жить; но сейчас, когда я знаю, что повергла своего лучшего друга в ад вслед за собой, мои душевные муки становятся невыносимыми. Все мои чувства и мысли исчезают при размышлении о жизни. Я хочу убить себя, снова и снова делаю огромное усилие покинуть свое тело.

Но я не могу! Не могу умереть! Я должна продолжать нести в себе огонь, сжигающий меня, разрушающий нервы. Я не могу сбежать от себя. Я ложусь, изнеможенная, чтобы немного отдохнуть, и чувствую, как грудь сдавливает невидимый обруч. Я еле дышу. Перед глазами вспыхивает ослепительный огонь, рыжие искры — как волосы незнакомца, как растрепанные гривы львов.

Львы! Да, львы, я пойду к ним.

Я оделась так, как одевалась для поездок на колеснице.

Смотритель пропускает меня ко львам, он знает, что после *Посвящения* отец позволял мне ездить со львами одной.

Я иду к своим львам. Они встречают меня опущенными головами и сморщенными ноздрями. Они чуют странный запах, чужие и незнакомые эманации, обволакивающие меня. Я подхожу к Шиме и глажу его по голове. Шу-Гаар испускает громкое рычание, медленно подымаясь и готовясь к прыжку. Его глаза пылают гневом и ревностью. Во мне просыпается инстинкт самосохранения. Я пытаюсь использовать свою силу, чтобы укротить льва, как я не раз делала это во время наших поездок. Но с ужасом замечаю, что больше не могу управлять львом. Моя воля слишком слаба, а лев готов броситься на меня. Повернувшись, я вижу троих напуганных людей, бегущих ко мне: Тисс-Та, Бо-Гара и смотрителя. Я изо всех сил бегу с площадки для львов. Я чувствую горячее дыхание льва на своей шее, прикосновение его морды и удар по голове — но продолжаю бежать. Я вижу дверь, за которой я буду в безопасности и лев больше не будет иметь надо мной власти. В проеме я вижу прекрасный бледный образ *матери*!

— Мама! — кричу я и бегу, зная, что в ее руках я буду в безопасности.

Мать ждет меня с нежной улыбкой на устах и распростертыми объятиями. Делая невероятное усилие, я подбегаю к ней и падаю ей на руки. Лев исчезает — я спасена.

Темнеет, и я сознаю только одно: я в руках матери, которая помогла мне в беде. Мне хорошо. Я отдыхаю. Я наслаждаюсь любовью моей матери; я ее так давно не видела.

Внезапно неведомая сила переносит мое сознание в другое место, и я просыпаюсь. Я лежу в саркофаге и не ощущаю своего тела. Мое сознание туманно; я знаю лишь то, что хочу подняться, но не могу. Теперь я вижу Птахотепа и его помощника, стоящих подле меня, и это Птахотеп мягко и нежно удерживает меня. Я должна лежать. Я нахожусь в своем духовном теле, все еще связанном с моим материальным телом из плоти и крови волшебной нитью. Мое бальзамированное тело лежит в саркофаге, и я в своем духовном теле лежу на нем в той же позе. Птахотеп и его помощник стоят рядом; я вижу их духовные тела, вижу светящиеся центры, созданные их глазами. Они смотрят ими в материальный мир. Сейчас два центра силы Птахотепа излучают синее сияние, освещающее меня, проникающее внутрь меня. Сон одолевает мое тело.

Зал с двумя Верховными Жрецами исчезает. Я снова на руках у матери. Только теперь я понимаю, что нахожусь не на материнских руках, а в двух потоках силы, создавших ее руки, ее тело и излучающихся сейчас из нее в виде любви; эти силы несут меня, наполняя мою измученную душу любовью, миром и чувством безопасности.

Внезапно резкий звук выводит меня из этого состояния. Мои духовные уши воспринимают его как удар. Осматриваясь, я понимаю, что этот звук доносится от хлыста надсмотрщика. Он щелкает им с одинаковыми промежутками для того, чтобы рабы работали в одном ритме. Они тащат мой саркофаг, медленно скользящий по рельсам. Должно быть, мой саркофаг только что покинул дворец.

Я хочу выпрыгнуть наружу, но не могу. Не могу пошевелить ногами. Я крепко связана от шеи до пальцев ног. Я лежу, словно вырезанная из камня, руки скрещены на груди,

ноги вытянуты прямо, параллельно друг другу. В таком положении я могу смотреть лишь вверх и вперед. Я вижу наклоненные вперед, блестящие, потные спины людей, тянущих мой саркофаг. Далеко впереди я вижу здание с черной дырой в стене, напоминающей дверь. Его белые стены отчетливо выступают на фоне синего неба. Люди тащат меня, и здание приближается, черная дыра становится больше. Я смотрю на темно-синее, почти черное небо. Две большие птицы кружат надо мной. Аисты? Журавли?

Каменное здание приближается, и черный проход зияет все шире. Сейчас я узнаю это место!

Мы в Городе Мертвых. Меня тащат в гробницу! Люди шагают в отверстие и исчезают в темноте. Теперь дыра разверзается над моей головой. После ослепительного света мир вокруг меня внезапно становится темным; все исчезает; полная, абсолютная темнота. Несказанный ужас охватывает меня, и в сердце своем я взываю к Птахотепу: «Как долго? Как долго я буду заключена здесь?» И отчетливо слышу его голос — голос Птахотепа. Спокойно и безмятежно сообщает он свою неумолимую волю:

— Три тысячи лет.

Ужас, отчаяние и страх охватывают меня, берут в тиски, и из этого страха снова возникает чудовище — проявление закона материи. Я вижу его насмехающееся, злобное лицо и его режущий взгляд, пронзающий меня и привязывающий к мумии, которая некогда была мной.

Чудовище говорит мне: «Теперь ты в моей власти! Ты знаешь, что высшее и низшее — лишь отражения друг друга. *Совершенство, покоящееся в самом себе*, и *вечное упорство* — две стороны божественного. Ты хотела обрести осознание *совершенства, покоящегося в самом себе*, а впала в *упорство*!

Останки *посвященных*, бальзамированные жрецами, хранятся в храме; так священная сила, излучаемая их телами, может оставаться активной долгое время. Их дух свободен; в сознании своем они более не привязаны к земле. Но ты привязала себя к телу. Плотской любовью ты провела свою внутреннюю священную силу к низшим нервным центрам и со-

жгла себя. Теперь твое сознание и духовное тело привязаны к материальному телу: ты моя узница навеки! Так как духовное тело *посвященного* посредством бальзамирования привязывается к мумии, его сознание в вечности. Но ты сослана в бесконечность!

Вечность — это вечное настоящее; бесконечность — это вечное будущее, недостижимое и не обратимое в настоящее.

Вечность не имеет начала и поэтому не имеет конца. Вечность — вневременное настоящее, не имеющее ни прошлого, ни будущего. Бесконечностью называют выпадение из вечности в будущее, без настоящего!

Ты хотела одухотворить землю. Для начала одухотвори этот комок земли, который был твоим телом, если сможешь! Ха, ха, ха! Здесь покоится жрица, и ее сознание не более чем кусок камня!

Сейчас ты подвергаешься первому испытанию *Посвящения*: ты находишься *в состоянии сознания материи*, будучи при этом *человеческим сознанием*! Попытайся освободиться! Ты моя узница! Ты не можешь сбежать от *меня*, потому что *ты* стала *мной*. В своем *Посвящении ты* одолела *меня*, поскольку я вынужден был признать перед лицом твоего божественного духовного *сознания*, что не существую без *Я*. Но сейчас все выглядит иначе: *ты* в своем сознании стала материей. Ты отождествила себя со своим телом, но тем не менее ты такой же дух, как и я, дух материи. Поэтому *ты* стала *мной*!

Ты моя узница в бесконечности... во тьме... *заключенная* в этом бальзамированном теле, которое не может распасться и выпустить тебя на свободу. В наказание ты будешь смотреть, как эта мумия — все еще сохраняющая красоту — будет усыхать и становиться подобной мне. Ты хотела стать *бессмертной в вечном духе*, а стала *нерушимой* в этой мумии в бесконечности, в бесконечности... бесконечности...

Я бессильна. Я вынуждена слушать. Я лежу в духовном теле, неразрывно связанном с мумией. В отчаянии я пытаюсь уйти в бессознательное, но не в силах сделать этого! Я должна

лежать в полном сознании, не имея ни малейшего представления о ходе времени.

Время! Что есть ты, о время? Ты существуешь только тогда, когда мы, люди, несчастливы! В счастье времени не существует: наше сознание недвижимо; идея времени исчезает. Только когда счастье уходит, мы внезапно осознаем, что, пока наше сознание, не ведая времени, болталось в вечном настоящем, время стремительно неслось вперед. Время начинается тогда, когда счастье покидает нас. Но горе тоже не знает времени. Чем мы несчастнее, тем медленнее идет время. Минуты кажутся часами, а мгновения глубочайшего отчаяния и горя, когда страдания и муки становятся несносными, кажутся нескончаемыми; *время застывает*! Дьявол все-таки прав! Высшее и низшее похожи, как близнецы, как истина и ее отражение. Счастье являет вневременную *вечность*, а горе — нескончаемое время — бесконечность.

Я лежу и не вижу ничего, совсем ничего, чем бы могла измерить или сравнить время!О дерево познания добра и зла! Теперь я понимаю твою истину — *узнаваемость возможна лишь благодаря сравнению*!

Как я могу знать, сколько времени прошло, если не вижу солнца, этого божественного хронометра... не имею представления о том, сколько длится день в этой тьме? Что может указывать мне время, если ничего не происходит, если меня окружает застывшая темнота? Как могу я знать что-либо о времени, если не имею больше того сердца, ударами которого некогда измерялся ритм жизни? Лежу ли я здесь всего несколько минут, которые кажутся мне вечностью? Или же недели... годы... столетия... тысячелетия? Что такое минута, а что — тысячелетие? Как я могу их различить?

Страх и ужас не покидают меня ни на минуту. У меня даже нет легких, чтобы сделать глубокий вдох, набраться свежей силы из вечного источника и измерить время дыханием. Я не знаю, откуда ждать помощи моей измученной душе. Муки и страдания бесконечны... бесконечны... бесконечны...

— 41 —

Туман и пробуждение

Время бежит по циферблату больших космических часов, бежит вдоль гигантского колеса Творения... хотя у меня нет ни малейшего представления о том, что время идет.

Мне кажется, что я пролежала здесь целую вечность — холодная и оцепенелая... словно на пыточном колесе... и эта пытка, казалось, не закончится никогда... но вот пришел долгожданный момент, когда я ощутила приближение силы... большей силы, чем та, что удерживала мое сознание привязанным к мумии. Эта новая сила неумолимо тянет меня за собой. После всех мук ада я наконец теряю сознание.

Два человека — две родственные души — соединяются и дают мне возможность получить тело, соответствующее уровню моего падшего сознания.

Поскольку мое падение произошло тогда, когда я была женщиной, мне предстоит вновь и вновь перевоплощаться как женщине, пока я наконец не достигну своего прежнего уровня. Я попадаю в среду, где меня окружают почти не осознающие себя люди... мои поступки, как и поступки тех, кто окружает меня, определяются только животными инстинктами. Здесь я нахожу только грубость, эгоизм и полное отсутствие любви.

Так я прожила, словно в тумане, несколько невыразительных жизней подряд. Все это время я пребывала в полусознательном состоянии. Эти жизни потребовались лишь для того, чтобы пробудить мои эмоции. Беспросветная нищета и грубая механическая работа заставили проснуться мои замороженные чувства и окоченевшие нервы. Во всех этих жизнях большую роль играли мужчины. От их тел неизменно исходил огонь физических инстинктов — огонь, который сжигал меня. Снова и снова встречалась я с духом, одетым в

пламя — с духом моего третьего испытания. Я видела его горящие глаза и слышала его шепот. Снова и снова должна была я танцевать с духом из пещеры плотских наслаждений и страсти... и я танцевала с ним, пока у меня не подкашивались ноги. Мне хотелось найти хоть немного «счастья», и я продолжала искать любви... искать человека, который смог бы полюбить меня, которого смогла бы полюбить я, — свою дополняющую половину. Но находила я лишь разгоряченную похоть и бессмысленную страсть, которая никогда не удовлетворяла меня. Но я продолжала искать «того единственного» — человека, которого я любила, того, кто мне откроет настоящую *любовь*.

Все эти жизни оказались сплошной чредой нескончаемых разочарований. Судьба наносила моей вывернутой наизнанку душе удар за ударом. Эта нескончаемая пытка сожгла наконец слой безразличия, замуровавший мои нервы, и мое сознание проснулось. С каждой новой жизнью я постепенно поднималась на более высокую ступень. Так, через страдания, *вечная любовь* помогла мне очистить мои нервы и восстановить их сопротивляемость.

В каждой своей жизни я ощущала в себе неутолимое желание вновь отыскать тех людей, которых некогда знала, хоть и не помнила их... людей, подобных мне! Мне нужны были эти люди, с которыми я могла бы почувствовать себя «как дома», люди, с которыми я была связана всеми фибрами своего естества. Птахотеп, Има, Бо-Гар, Атотис — я не находила вас! Иногда мне казалось, что я встретилась с тем или иным из них — образы возникали в моей памяти, словно при вспышке молнии, любовь захлестывала меня... но тут же пелена застилала мои глаза и я теряла их из виду. Иногда я слышала, как слуга Божий говорил о Великом Учителе «Сын Божий», и это будило во мне какое-то смутное воспоминание... мне казалось, что когда-то я была близка к нему... слышала это учение из его уст... и всей своей оскудевшей душой тянулась я туда, где жили эти высшие существа. Но такие минуты никогда не были продолжительными — жестокая

судьба, не мешкая, наносила мне удар за ударом, и мои воспоминания рассеивались, как дым.

Физические и духовные лишения закаляли и очищали мои огрубевшие чувства, пока я снова не стала способной выдерживать высшие вибрации бескорыстной любви. И в моей следующей жизни эта любовь, разогнав застилавшую мой духовный взор пелену, осветила мой путь своим чистым светом.

Затем, родившись в семье слуг, я, заброшенный, никому не нужный ребенок, уже несла в своем сердце искру этой божественной любви. И вот пришло время пробудиться моему мозгу и высшим нервным центрам, чтобы учиться выражать и использовать духовные способности. И снова я встретилась с обладателем огненных глаз и столь хорошо мне известного голоса — с человеком, который когда-то был тем самым рыжеволосым чужестранцем. О, пройдя долгий путь перевоплощений, он значительно продвинулся в своем развитии. И я полюбила его вновь... я должна была полюбить его, чтобы обогатиться опытом взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Но в этот раз я провела в свое тело лишь физические энергии, и это не привело к падению. Наконец наша общая судьба свела нас опять, и этот шок узнавания дал новый толчок моему все еще сонному духу. Мои духовные глаза открылись, но удар был так силен, что я не выдержала и умерла в тот же момент.

Согласно законам наследственности через несколько веков меня притянуло к двум чистым, исполненным высшей любви людям, и наши судьбы сплелись вместе на века.

И вот вновь я открыла в этом мире человеческие глаза и посмотрела на окружающее сквозь призму всего своего опыта.

Вибрации одной частоты всегда создают одинаковые наружные формы. И я надеюсь, что духовное созвездие нынешней жизни поможет мне достичь того духовного уровня, которым некогда обладала дочь Фараона. Я похожу на нее внешне, но сейчас обладаю большей силой воли и более

крепким сложением. Но разрез глаз, пропорции тела, цвет кожи и даже выражение лица — все осталось таким же.

Когда я ретроспективно просматриваю свою нынешнюю жизнь вплоть до момента рождения, мне все становится понятно! В той своей жизни — в Египте — я полностью осознавала собственное *Я*. И сейчас, когда я вновь сознаю свое *Я*, ожила моя память о той последней значительной жизни, в которой мое сознание находилось на том же уровне.

Последнее переживание той жизни — пребывание в гробу — оставило в моей памяти неизгладимый отпечаток. Ужас, который я пережила, осознав, что мое тело заключено в гроб, был так силен, что это оказалось первым воспоминанием, вернувшимся ко мне в нынешней жизни.

Но и прежде, когда я была ребенком, мне то и дело являлись подсознательные или полусознательные воспоминания. Горькое разочарование, которое я испытала, узнав, что мой отец вовсе не является первым человеком в стране... убеждение, что мои дорогие, любимые родители на самом деле вовсе не мои родители, — первые полусознательные воспоминания о *той* моей жизни.

Игра с пятнами жира в супе и поиск единства с друзьями — все это было проявлением неосознанной тоски по *истинному единству*, которое я познала в храме во время *Посвящения*.

Странные позы, которые я так любила принимать в детстве, — те самые позы, которые наш друг, возвратившийся из путешествия по Индии, назвал «практикой Хатха-Йоги», — оказались не чем иным, как упражнениями, которым обучал меня в Египте Ментуптах. Эту систему упражнений «Сыны Бога» распространили в Индии после того, как были вынуждены бежать из Египта. Там ее до сих пор практикуют и сохраняют Великие Учителя*.

Страшный сон о догоняющем меня льве — кошмар, преследующий меня с самого раннего детства, — воспроизводил мои последние минуты жизни в Египте.

---

* См.: *Муата Абхайя Эшби*. Египетская йога. М.: София, 2008, и *Муата Абхайя Эшби*. Воскресение Осириса. М.: София, 1998.

Но где же вы, «титаны», «гиганты» и «полубоги», намного превосходящие сынов человеческих «Сыны Бога», о которых ничего не знает мой дорогой отец, мой нынешний отец, потому что уже не помнит, — Птахотеп, Ментуптах, Атотис... *где вы*?

И вновь я безмолвно молюсь в душе так, как я научилась делать в храме перед своим любимым и высокочтимым учителем, Верховным Жрецом Птахотепом... я обращаю внимание внутрь своего существа... и жду ответа.

Вначале я внезапно оказываюсь в пустоте и во мраке. Но я полностью сохраняю сознание в этом мраке, так как знаю, что свет моего разума озарит тьму!

— *Где вы, существа, к которым я принадлежу и на которых я так похожа? Где вы, понимающие меня как никто на свете, никогда не оставлявшие меня и не бросавшие на произвол судьбы, где же вы?*

И тут в темноте я замечаю зеленоватое фосфоресцирующее свечение. Свечение становится все ярче, все интенсивнее, и вот, когда оно уже совсем близко, я вижу, как из него появляется величественная фигура *Птахотепа* — моего любимого Учителя. Я понимаю, что мое *Я* сейчас проецирует себя в маленькую комнату дома, стоящего в горном лесу, в ту личность, в которой я познала в видениях моего *Посвящения* созидательное *Я*, стоящее превыше всех форм. В трехмерном мире прошло лишь мгновение. И в это мгновение я увидела все то, что дремало в латентной форме как *возможные проявления*. И эти возможности все-таки проявились на материальном плане, от низшей (бессознательной) до высшей (созидательной).

Птахотеп все еще стоит рядом. Его глаза светятся небесной любовью. Но этот взгляд... этот всесокрушающий поток энергии, лучащийся из его глаз, рассеивает последние клочья тумана, застилавшие мой взор, и позволяет мне воспринимать как *вечность*, как *вневременное сейчас* все то, что существовало в моем сознании как *прошлое*.

Не отрывая взгляда, я пытаюсь глубже заглянуть в эти два источника жизни — глаза моего Учителя, и вдруг ощущаю

прилив невыразимой радости, когда обнаруживаю, что понимаю все невысказанные им слова. *Я восстановила свои духовные способности!* Мы понимаем друг друга без слов, как когда-то в Египте!

Я чувствую, что вот-вот, как когда-то, брошусь *Ему* на грудь, но *Он* поднимает правую руку в предупреждающем жесте. Его взгляд говорит: «Не приближайся ко мне! Ты прекрасно знаешь, что я не нахожусь на земном плане, и ты видишь меня лишь потому, что сумела настроить свой взор на вибрации духовного тела. Если ты попытаешься прикоснуться ко мне, то опустишь свое сознание до уровня осязания, до уровня материи и мой образ тут же исчезнет. Но отныне ты сможешь настраивать свое сознание на восприятие высоких частот и находить меня с той же легкостью, с какой ты находишь проекцию своего *Я*, которую называешь воплощением, или своей жизнью в Египте».

Я стою, не шевелясь, и держу себя под контролем, боясь выйти из этого состояния и потерять образ Птахотепа из поля своего духовного зрения. Но моя душа так полна радости, что мне кажется, нервы и сердце не выдержат такой нагрузки. И снова Птахотеп поднимает свою правую руку и направляет поток силы к моему сердцу. Сердце мгновенно успокаивается, и я вновь обретаю способность общаться с ним без слов.

— Отец Души моей, теперь я понимаю, что моя нынешняя жизнь является прямым следствием всего того, что я совершила в предыдущих жизнях. Я понимаю связи, существующие между людьми и событиями. Но у меня есть еще несколько вопросов, на которые я никак не могу найти ответы. Например, я знаю, что мой единственный ребенок — Има. И я понимаю, за что он хотел простить меня, когда бредил в детстве, страдая от тяжелой болезни. Но почему он считает, что был в одной из прошлых жизней негром?

Птахотеп глядит мне в глаза, и я вижу его ответ как ряд картин. Има пережил личную трагедию. Как только он понял, что произошло между мной и рыжеволосым, он пережил такой удар, что ушел из храма. Он отправился путеше-

ствовать в глубину африканского континента и стал жить в одном из негритянских племен. Тут перед моим взором всплывает особенно яркая картина: Има (такой, как я его знала в Египте) появляется на фоне тропического пейзажа в окружении чернокожих африканцев. Он излучает божественную любовь, распространяющуюся на всех этих примитивных сынов человеческих, и те чувствуют эту любовь... но чувствуют ее как животные. Има учит их, помогает больным, и чернокожие люди по-детски поклоняются ему как Богу. Будучи не в состоянии отделаться от тягостных воспоминаний, Има берет в жены негритянку и пытается найти забвение в физической любви. Постепенно его сознание опускается до уровня тела, а продолжительная борьба за существование превращает его в почти обычного человека. Он умирает, направив свое сознание на решение человеческих проблем, и, поскольку в той жизни Има успел привязаться к своим чернокожим «соплеменникам», согласно закону притяжения в следующей жизни он перевоплощается как чернокожий. В этой жизни он, отождествляя себя с телом и животными инстинктами, опускается еще ниже. И все же его разум лучится даже в этой физической оболочке, и вскоре он становится вождем племени, пользующимся среди соплеменников большим уважением. Он снова обзаводится семьей. В этом его перевоплощении я узнаю Иму только по глазам. Я вижу, как Има охотится на животных, убивает их и приносит домой. Во время одной такой вылазки на него нападает лев. Има мужественно сражается с огромным хищником, но тот наносит ему тяжелые раны. Жена Имы, услышав шум и крики, прибегает на место схватки... но тут видение исчезает... и я начинаю ощущать состояние Имы после смерти. Неизбывная тяга ко мне влечет его бестелесную душу туда, где нахожусь в то время я. Хотя после Египта нами пройден уже достаточно долгий путь, мы еще недостаточно созрели духовно, чтобы найти друг друга.

Сейчас же мы достигли того уровня, когда снова можем видеться, не подвергаясь риску физической любви. Желание любой ценой сохранить чистоту нашей любви друг к другу

перед лицом любых соблазнов, а также закон физического родства становятся причиной того, что Има появляется на свет как мой ребенок. В этой жизни у него снова должно открыться духовное видение. Я осудила его за то, что он забыл Бога, и, следовательно, направила его на верный путь. Има еще придет к Богу... но не сейчас. Пока он все еще ребенок.

— Отец Души моей, — вновь обращаюсь я к Птахотепу, — скажи мне, где Атотис, который был твоим братом и моим отцом в Египте? Я очень хочу снова увидеть его. Я уверена, что он никогда не покидал меня.

И тут же перед моим духовным взором возникает образ человека, открывшего и разъяснившего мне недавно высшие и глубочайшие истины. Я читала книги, написанные его учениками, книги, появившиеся на свет благодаря его лекциям. Эти книги глубоко тронули меня, так как я чувствовала, что, безусловно, знаю человека, произносившего все эти слова. Я чувствовала, что между нами существует связь, я знала все высказанные им мысли. Мне также было известно, что я никогда не смогу с ним встретиться, так как он умер в далекой стране, когда я была еще совсем маленькой девочкой.

Я любила подолгу разглядывать портрет этой замечательной личности, обладавшей сверхчеловеческими способностями, стоящей выше окружающих во всех отношениях. Я всегда была уверена, что когда-то давно уже видела эти глаза... и почему-то мне казалось, что эти глаза взирают на меня с небес. Но я не понимала, почему в своих снах я так часто видела его: бежала к нему с развевающимся на ветру платьем, бросалась ему в объятия и прижималась к его широкой груди с криком: «Отец!» Не знала я также и того, почему я звала его «отцом» и почему моя подушка всегда была мокрой после того, как он снился мне.

Птахотеп улыбается:

— Ну как, теперь вспомнила?

— Да, Отец Души моей, теперь я помню. Я также помню, как однажды, когда мы отдыхали на побережье... тогда... в Египте, он сказал мне: «Время от времени нам придется перевоплощаться, но не одновременно и не в одном и том же

месте. Будут и такие периоды, когда ты будешь жить на Земле, а я — работать на духовном плане, подобно Птахотепу и прочим Сынам Бога. Но во сне ты сможешь часто встречаться с нами — детали не важны... что бы ни произошло в будущем, твое Высшее *Я* будет всегда оставаться с нами».

Где же он сейчас, Отец Души моей, где он?

И я слышу безмолвный ответ Птахотепа:

— Когда он был на Земле, он пообещал, что не бросит своих учеников и после смерти, сказал, что будет продолжать великий труд по посвящению человечества в древние истины. Ты и Бо-Гар — наши соратники. Вы делаете общее дело, даже если не сознаете этого. Но скоро вы осознаете.

— Так Бо-Гар живет сейчас на Земле? Где же он? Неужели я знаю его и в этой жизни? Возможно, я встречалась с ним, не узнавая?

— Погоди, — отвечает мне Птахотеп, — он родился в далекой стране, там, где перевоплотился и Атотис. Помнишь, как он обещал тебе прийти с другого конца света, чтобы спасти от опасности. Он придет к тебе, когда настанет время.

— Опасность, Отец Души моей, какая опасность?

— Не помнишь ли ты, что я говорил тебе в Египте перед твоим *Посвящением*: «Если ты падешь, то тебе придется пережить все эти видения на Земле. Ведь видения — не что иное, как реальность в нематериальном мире энергии человечества. А то, что ты называешь «реальностью», — не что иное, как «видение», проекция собственного *Я* на материальный план, в атмосферу Земли. И все те испытания, что ты не смогла пройти, будут вновь и вновь повторяться на протяжении всех твоих жизней, пока ты не пройдешь их. Так что ты сможешь вновь стать *посвященной*, вновь стать соратницей в нашем труде. А твой старый друг поможет тебе отворить мистическую дверь. Да, молодой жрец, готовивший тебя к *Посвящению*, вновь живет на Земле. Придет время, и он появится в твоей жизни, чтобы указать тебе путь к цели.

— Но почему Тисс-Та, любимый генерал моего «египетского» отца, Атотиса, стал моим отцом в этой жизни?

— Я не могу сейчас рассказать тебе обо всех соображениях, которыми мы руководствовались, принимая это решение: это просто займет слишком много времени. Но вот основные из них: тебе должно быть известно, что одна из основных сил человеческой души — это *стремление*. Человек перевоплощается там, куда стремится его сознание. Когда там, в Египте, на тебя напал лев, это видели три человека. И они пытались спасти тебя. Это Тисс-Та, Бо-Гар и смотритель. Бо-Гар побежал за тобой, когда заметил, что ты оставила дворец. В отчаянии он ворвался во двор для львов, чтобы спасти тебя.

В это же время Тисс-Та запрягал своего льва в колесницу. Увидев, что за тобой гонится лев, он бросился ему наперерез. Но лев успел настигнуть тебя и свалить на землю страшным ударом лапы. Когда же наконец они вырвали тебя из когтей зверя, твое тело было настолько повреждено, что ни о каком физическом исцелении не могло идти речи. Тисс-Та, взяв на руки твое изувеченное тело, отправился во дворец. Бо-Гар, горько рыдая, бежал рядом.

Тисс-Та был честным, искренним человеком, любившим тебя и Фараона безо всяких скрытых мотивов. Когда он нес твое тело, из которого уходила жизнь, он проникся к тебе безграничной жалостью, словно ты была его собственным ребенком. Для тебя же последние воспоминания той жизни были связаны с тем, что Тисс-Та бросился тебе на помощь... ты помнила, как сама бежала ему навстречу, взывая о помощи. Эти чувства стали *основным* мотивом ваших отношений. Вот почему ты стала его дочерью в последующей жизни. Но есть еще и другие причины: в этой жизни ты снова должна будешь получить *Посвящение*, а для этого необходимо обладать открытыми для духовных откровений сильными нервными центрами, унаследованными от родителей.

Если бы ты смогла проследить всю цепь поколений, происшедших от Тисс-Та, некогда жившего в Египте, то убедилась бы, что она никогда не прерывалась. Иначе говоря, тело каждого из детей Тисс-Та произошло из клеток, принадлежащих телу Тисс-Та. Дети же его детей произошли из клеток,

принадлежавших его детям... и так далее. Так повторялось из поколения в поколение, пока не родились отец и мать твоего нынешнего отца... и тогда живая, оплодотворенная клетка дала возможность духу Тисс-Та воплотиться в той же наследственной цепи.

Детей и родителей связывают куда более глубокие и сложные взаимоотношения, чем представляют себе современные ученые. Они видят лишь тело. Но кроме физических законов наследственности существуют куда более сложные духовные взаимоотношения: *подобное привлекает подобное!* По ряду причин ты сможешь вновь родиться только как дочь Тисс-Та — ваши характеры невероятно схожи. Недаром многие отмечают поразительное сходство между многими твоими и отцовскими чертами. Это действительно так. Но это сходство возникло вовсе не потому, что ты родилась от него. Напротив, *ты смогла стать его дочерью лишь потому, что это сходство всегда существовало.* Безусловно, ты похожа на него и физически — сложением и чертами лица. Но и в этом нет ничего удивительного: *похожие силы создают похожие формы.*

В свете законов изменчивости клеток жизни вполне объяснимым становится и то, что твой отец обладает такими же темными волосами и глазами, как и в той своей «египетской» жизни. Цвет и форма — суть проявления духа! Один из далеких потомков Тисс-Та, моряк, путешествующий из Египта в другие страны, оставил здесь свои клетки, благодаря чему у Тисс-Та появилась возможность перевоплотиться в этой стране. И хотя прошли тысячелетия, наследственная цепь сделала возможным то, что физические признаки египтян проявились здесь. По этой причине светловолосые и светлоглазые родители могут произвести на свет темноволосого и темноглазого ребенка.

Лишь души, обладай они достаточным сознанием, могли бы объяснить, почему появились на земном плане в телах с теми или иными внешними признаками. Но в большинстве случаев они начинают осознавать свое происхождение и свою задачу намного позже. Впрочем, это даже хорошо, так

как ребенка, помнящего свое происхождение и знающего свои земные обязанности, люди твоего времени считают сумасшедшим или, в лучшем случае, обманщиком и фантазером.

На сегодня тебе достаточно, дочь моя. Возвращайся к своему обычному сознанию. После шока вспоминания ты должна отдохнуть, чтобы не заболеть.

И образ Птахотепа начинает исчезать. Еще несколько минут я продолжаю видеть его лучистые глаза. Но затем он полностью исчезает, и меня окружает тьма. Все силы своего сознания я вкладываю в вопрос: *Где я нахожусь?*

Словно услышав меня, стены комнаты, а затем и другие предметы начинают выплывать из темноты. Цвета и контуры обозначаются все четче, все яснее, и наконец я осознаю, что нахожусь в маленькой комнате своего лесного домика.

Да, я здесь, в маленькой комнате лесного домика! И это реальность. Но там, в Египте, когда я лежала в каменном гробу во время *Посвящения* и видела сны, они казались мне точно такой же реальностью! *Кто же может сказать, где правда: нахожусь ли я здесь и мне явились видения о моей жизни в Египте, где я проходила обряд Посвящения? Или я сплю сейчас там, в каменном гробу, а этот домик явился мне в видении, и вся эта «действительность» не что иное, как очередное испытание?* Мой нынешний сын и Има из Египта — кто же из них реален? В видениях *Посвящения* я видела страшные, хаотичные картины, которые даже не смогла запомнить до конца. И все же все эти, казалось бы невозможные, вещи стали реальностью. Как это ужасно! Возможно, эти страшные вещи приснились мне из-за того, что газеты постоянно пишут о возможности Второй мировой войны?

Итак, я пытаюсь привести свои мысли в порядок. Долгое время я продолжаю неподвижно сидеть в комнате, пока не появляется моя служанка, милая девушка, и спрашивает меня:

— Что мне приготовить вам на ужин?

— Ничего, Бетти, благодарю, — отвечаю я, — я собираюсь сейчас же лечь спать... я устала за день.

— Да, понимаю. Это все оттого, что вы слишком много думаете. Вам нужно поменьше читать и поменьше думать. Надеюсь, что вы не больны... вы такая бледная.

Она снимает покрывало с моей кровати, прощается и выходит из комнаты.

Собираясь забраться в постель, я вдруг понимаю, что имел в виду мой учитель, Птахотеп, когда говорил, что мне нужен хороший отдых.

— 42 —

Ру-Ка и двенадцать таблеток

Все произошло с такой быстротой, что теперь вспоминается как сновидение.

Я начала передавать людям истины, которые открыл мне Птахотеп.

На мои лекции стали сходиться люди, их приходило с каждым разом все больше и больше. Они стремились к посвящению в глубочайшие тайны Божественного *Я*, как истомившиеся путники стремятся к оазису, чтобы утолить жажду. С того времени моя работа неизменна: я встречаю всех приходящих в начале бесконечно длинной дороги и указываю им вдаль — туда, где стоит величественная фигура, окутанная светом, — Космическое *Я*, ожидающее каждого путешественника с открытыми объятиями. Я стою в начале дороги и указываю путь бесконечному потоку «овец», стремящихся к *свету*, и этот поток медленно движется к сияющей фигуре и растворяется в ней... именно так я все это и видела в моем видении в Доломитах. Здесь же — в трехмерном мире — моя *карма*, создавшая мой характер и судьбу, разворачивалась согласно законам времени и пространства. Я выполняла свою задачу одна — рядом не было никого, кто мог бы дать мне совет, — ведь каждый, кто хочет стать независимым, действительно полезным соратником исполнителей великого проекта, должен оставаться один. Лишь в редкие моменты своей жизни, когда я наконец достигала той или иной поворотной точки, мне приходила помощь от высшей силы. Но и тогда мне приходилось решать свои проблемы в одиночку. То и дело происходили события, напоминающие мне о моей жизни в Египте.

Однажды, отправившись на международную конференцию в далекую страну, я встретила там человека, знакомого

мне по Египту. Войдя в зал, где собрались участники конференции (думая в тот момент о чем угодно, только не о Египте), я вдруг заметила человека, которого знала в Египте, и мое сердце учащенно забилось. Это был Ру-Ка! Мужчина поднялся с места, и, хотя я не стала выказывать удивления (мое лицо было совершенно спокойно), в глазах мужчины я прочла изумление. Он поклонился мне и представился: «Эвалт Климке». Мы обменялись рукопожатием. Несколько минут мы безмолвно стояли, глядя друг на друга. Он первый нарушил молчание:

— Как странно! Кто же вы на самом деле? Я не могу отделаться от ощущения, что должен поклониться вам до самого пола. Как странно! — Затем, вопросительно заглянув мне в глаза, добавил: — Почему же все-таки у меня возникло это странное чувство?

— Вы были министром финансов у моего отца в Египте, — ответила я, улыбаясь.

Все, кто наблюдал за этой сценой, рассмеялись — им показалось, что я шучу. Не смеялся лишь господин Эвалт Климке. Он продолжал смотреть на меня все так же вопросительно. В течение всей конференции, длившейся несколько дней, он обращался ко мне не иначе, как «царица». И каждый раз, вглядываясь в мое лицо, он бормотал себе под нос: «Странно... очень странно!» Мы общались с ним как старые друзья.

Еще одно событие, относящееся к тому же периоду моей жизни, запомнилось мне с особой отчетливостью. Однажды одним осенним вечером я, как обычно, легла спать. Мне снился обычный сон, абсолютно не имеющий никакого значения, как вдруг все в этом сне озарилось ярким светом и передо мной остановился автомобиль. Из него вышли два человека, одетые как врачи, во все белое. Один из них извлек из кармана инструмент, похожий на ложку, и с его помощью удалил из глазницы мой правый больной глаз. Другой, открыв какой-то пузырек, достал из него большой белый диск, напоминающий таблетку. Показав мне эту таблетку, он произнес: «Не пугайся, сейчас я вставлю ее в твою глазницу. Но

тебе понадобится *двенадцать* таких таблеток, чтобы твое зрение пришло в норму. Так что не пугайся, когда обнаружишь, что твой правый глаз не видит — это временно». С этими словами он вставил таблетку в мою пустую глазницу и наложил повязку.

Проснувшись на следующее утро, я замечаю, что ничего не вижу больным глазом. Кажется, что его прикрыли дощечкой, сквозь которую не проходит свет. Испуганная, я бросаюсь к зеркалу и своим левым, здоровым глазом вижу, что зрачок правого глаза помутнел. Я поняла, что это — катаракта. Болезнь развивалась медленно, исподволь, — еще вчера я могла видеть правым глазом довольно сносно, а со стороны вообще ничего не было заметно... но теперь я ослепла на один глаз!

— Не бойся, — раздался в моей голове голос ночного гостя.

Нет, я не испугалась! Да и чего бояться? Вновь начнутся мои бесконечные походы по профессорам, пока, наконец, мне ясно не скажут, что иного выхода, кроме операции, нет. Страх не приведет ни к чему хорошему — я это поняла давно. Но что это за белые таблетки? И что имелось в виду, когда мне сказали, что исцеление наступит лишь после того, как я приму двенадцать таких таблеток?

Я снова обошла всех знаменитых профессоров страны, и они в один голос заявили, что операция необходима, хотя и она не гарантирует полного выздоровления, и мне, возможно, после операции придется носить темные очки. Дело в том, что они собирались удалить часть радужки так, чтобы зрачок принял форму замочной скважины. А поскольку мне было тогда всего тридцать пять лет, врачи боялись, что я не смогу переносить излишек света, попадающий на глазное дно через деформированный зрачок. Так что они сошлись на том, что с операцией можно повременить, и я последовала их совету. Я продолжала работать, но с больным глазом это было непросто. Катаракта причиняла мне большое беспокойство.

Пришло лето, и, как обычно, мы отправились всей семьей на каникулы, на свою озерную виллу. Там я повстречалась с католическим священником, который порекомендовал мне отправиться в Вену и показаться там всемирно известному окулисту, которого он знал лично.

— В отличие от остальных врачей, он применяет нетрадиционные средства, — сказал мне священник. — Отправляйтесь к нему и спросите совета. *Я — слуга Божий, и, возможно, моими устами с вами говорит Бог.*

К этому времени я уже наслушалась столько советов относительно своего глаза, что стала почти глуха к ним. Но слова священника «Я — слуга Божий, и, возможно, моими устами с вами говорит Бог» запали мне в душу.

Когда пришла осень, я в сопровождении отца отправилась к венскому профессору. Он настаивал на немедленной операции:

— Вы должны удалить эту безобразную катаракту как можно скорее. Это также очень важно для вашей психики!

— Не пострадает ли мой глаз оттого, что вы вырежете кусочек радужки? — спросила его я.

Он вопросительно посмотрел на меня, проверил мои рефлексы, а затем стал расспрашивать меня о моих занятиях скульптурой, постепенно переходя к вещам, не имеющим совершенно никакого отношения к зрению. И вдруг он сказал без всякого перехода:

— Я не вырежу вам ни кусочка радужки, так что можете не переживать относительно этого.

— В таком случае давайте сделаем операцию как можно скорее, — решительно заявила я.

Через неделю я уже находилась в санатории и готовилась к операции, которую назначили на следующий день.

Стоял прекрасный осенний вечер, и, прежде чем отправиться в постель, я подошла к окну, чтобы полюбоваться красивым городом, раскинувшимся внизу. Отодвинув занавеску, я увидела огромный белый диск луны, медленно катящийся на восток. Я тут же узнала ту большую белую таблетку, которую вставил мне в глазницу врач из моего сна. Это

же была *полная луна*! Ведь тот врач сказал: «ты должна употребить *двенадцать* таких таблеток, чтобы твой глаз возвратился на место». С бешено колотящимся сердцем я стала подсчитывать, сколько времени прошло с той ночи, когда мне приснился этот странный сон. Безусловно! Прошло двенадцать лунных месяцев! Я поняла, что операция возвратит моему правому глазу способность видеть!

Следующим утром я уже лежала на операционном столе, и все произошло в невероятно короткий срок. Свет ударил в мой больной глаз, и через секунду перед ним появилась рука.

— Что вы видите? — услышала я голос профессора.

— Вашу благословенную руку, профессор, — ответила я.

Через минуту оба мои глаза покрыла повязка. Когда меня вывозили из операционной в кресле-каталке, рядом раздался голос отца:

— Как дела, Эстер?

— Все хорошо, папа, — сказала я, — мне вернули зрение.

Операция на глазе значительно обогатила мой опыт. Я узнала, что вибрации, которые мы зовем «светом», являются таковыми только для здоровых глаз. Вообще же свет — огромная сила, способная убить человека. *Все зависит от соотношения между чувствительностью кожи и интенсивностью света.* Через несколько часов после операции в палату вошел профессор и сказал:

— Не пугайтесь. Сейчас я сниму повязку с вашего глаза. Мне нужно проверить, как глаз реагирует на пламя свечи.

«Почему он думает, что я могу испугаться?» — подумала я.

Врач тем временем снял повязку с моего прооперированного глаза и сказал:

— Пожалуйста, раскройте веки.

Открывая глаз, я ожидала увидеть перед собой пламя свечи, но вместо света я увидела лишь темноту и ощутила сильную боль в прооперированном глазу. Отдернув голову назад, я вновь зажмурилась. Я не понимала, что произошло, но тут услышала смех моего доктора.

— Я же советовал вам не пугаться, — сказал он, — сетчатка вашего глаза сейчас настолько чувствительна, что реагирует на свечу не как на свет, а как на резкий удар. А сейчас продолжайте отдыхать. Я вернусь через несколько часов, чтобы проверить, как обстоят дела. Пока все нормально.

И с этими словами он ушел.

Я осталась в темноте и одиночестве — моим мыслям была предоставлена полная свобода. Что же такое свет? Почему тот же свет, который я воспринимаю здоровым глазом как мерцание свечи, доставляет невыносимую боль, попадая на сетчатку больного глаза? И при этом я не вижу никакого «света», а ощущаю удар такой силы, что моя голова сама отлетает назад. Отсюда следовал вывод, что, если есть существа, чья кожа обладает такой же чувствительностью к свету, как сетчатка моего больного глаза, их парализует, а возможно, даже убьет направленный на них световой поток.

Из всего этого следовал еще один вывод: если существует особый вид света (назовем его для простоты «ультрасветом»), оказывающий на нашу кожу гораздо более сильное воздействие, чем обычный свет, он сможет поразить нас точно так же, как обычный свет способен поразить существа, чья кожа столь же чувствительна, как сетчатка моего прооперированного глаза.

Тут я осознала, что все относительно, и весь вопрос заключается во взаимоотношении между действующей силой и сопротивляемостью объекта, на который она направлена. Из этого следовал логический вывод о бесконечном разнообразии форм жизни, существующих на различных планетах и небесных телах. Например, подобное человеку существо, проживающее на Уране или Нептуне, из-за огромного удаления этих планет от Солнца должно обладать той же чувствительностью к свету, что и сетчатка моего прооперированного глаза. И если такие существа способны «видеть» солнечный свет так же, как его видим мы, сетчатка их глаз должна обладать во много раз большей восприимчивостью по сравнению с нашей. Но зачем нужно идти так далеко? Миллионы существ, живущих в глубинах океана, обладают подобными

глазами, а также возможностями, которых мы даже представить себе не можем — поскольку не понимаем, что такое существовать во мраке.

И тут я начала медитировать на безграничных возможностях бесчисленных миров и на том, какие формы жизни они могут содержать. И чем дольше я думала о таких вещах, тем больше наполнялось мое сердце смирением пред лицом той вечной *сущности*, которую мы зовем *Богом*.

Операция на глазе стала причиной еще одного интересного переживания. Я осознала, что *глаза вбирают свет не только для себя, но и для всего тела — точно так же, как легкие вбирают воздух и кислород! Свет — это сила!*

На третий день после операции профессор пришел ко мне вместе с сестрой.

— Пора подниматься. Наденьте, пожалуйста, тапочки и садитесь в это кресло. Сестра поможет вам, — сказал он.

— Доктор, — ответила я, почувствовав себя оскорбленной, — я не больна, а три дня, проведенных в постели, не ослабили меня настолько, чтобы я потеряла способность передвигаться без посторонней помощи. Мне не нужно помогать.

— Что ж, тогда поднимайтесь самостоятельно, — сказал профессор. И добавил: — Если сможете!

Я начала было вставать с постели, но, к удивлению своему, обнаружила, что мои ноги отказываются держать меня, и я бы обязательно упала, если бы две сильные руки не подхватили меня с двух сторон. Ноги свисали, как тряпки, а спина была просто совершенно бессильной. Да, такого я не ожидала! Почему же это произошло?

Сидя в кресле, я услышала смех.

— Вот видите, — сказал профессор, перестав смеяться, — у вас пока самостоятельно не получается. А все потому, что вы провели три дня в полной темноте. Если человек изолирован от света, — он теряет силы с поразительной скоростью. Но скоро вы сможете вновь открыть глаза. Тогда вы сами убедитесь, как быстро будут восстанавливаться ваши силы. Самой сложной задачей, которую нам приходилось ре-

шать во время Первой мировой, была помощь слепым солдатам. И не столько из-за их психического состояния, сколько из-за быстрой потери сил после наступившей слепоты. Душа человека устроена таким чудесным образом, что способна перенести даже такую катастрофу, как внезапная слепота. Более того, человек в таком состоянии может находить новые, доселе не осознаваемые радости жизни и учиться по-новому воспринимать окружающий мир. Но самым трудным для нас было то, что эти бедняги даже не могли подняться на ноги после того, как пролежали в постели несколько дней или недель. Мы не могли возвратить им способность вновь увидеть свет. Но Бог, в безграничной милости своей, сделал так, что кожа слепых начинает вбирать в себя солнечный свет, отчасти компенсируя функцию глаз.

Я не смогла вымолвить ни слова в ответ. Когда моё зрение ухудшилось, я начала осознавать проблему слепоты куда острее, чем люди, обладающие здоровыми глазами. Сейчас, благодаря этому новому опыту, я понимаю куда лучше слова Библии:

Светильник для тела есть око.
Итак, если око твое будет чисто,
То всё тело твое будет светло;
Если же око твое будет худо,
То всё тело твое будет темно.
Итак, если свет, который в тебе, тьма,
То какова же тьма?

(Матф. 6: 22, 23)

Мое сердце обливается кровью, когда я спрашиваю себя: разве мало человечеству того количества слепых, которое и так существует в природе? Нет, человечество развязывает войну за войной, чтобы на свете появлялись все новые слепые и искалеченные существа! Когда же оно дорастет до того уровня сознания, что прекратит покорно подчиняться политикам, подписывающим декларации о войнах?

Через две недели профессор отвел меня в темную комнату, где осмотрел мои глаза. С помощью сильной лупы я смог-

ла разбирать любой шрифт, который он мне предлагал, — вплоть до мельчайших букв. Вдруг, к моему величайшему изумлению, старик-профессор вскочил со своего стула и, подхватив меня на руки, поднял над своей головой. Я совершенно опешила... что это случилось с этим очаровательным стариком? Осторожно опустив меня на пол, с лицом, светящимся неподдельной радостью, он заявил:

— Операции, подобные вашей, прежде делались только детям и юношам не старше двадцати лет. Мы никогда не рисковали делать такие операции людям более зрелого возраста, опасаясь воспаления радужки, которое может привести к полной слепоте. Как вы могли заметить, во время вашего первого визита я подробно расспрашивал вас о всевозможных вещах, не имеющих, на первый взгляд, отношения к вашему зрению. Уже тогда я отметил необыкновенную выносливость и жизнеспособность вашего организма. Ваши рефлексы также оказались на редкость хорошими... и я доверился интуиции. Что ж, это успех! Ваши ткани все еще молоды, и вы смогли пройти через эту трудную операцию. Так что сейчас вы можете возвращаться домой с двумя здоровыми глазами. Примите мои поздравления!

Я поблагодарила профессора за его доброту, и мы расстались. Возвращаясь домой, я вспоминала о «двенадцати таблетках», которые должны были возвратить зрение моему многострадальному глазу. Все так и случилось.

— 43 —

Появляется молодой жрец

Несколько лет мы жили с мужем спокойно и счастливо. В нашей взаимной любви ничего не менялось. Я продолжала заниматься скульптурой, а в свободное время давала психологические консультации. Несколько раз в неделю я читала лекции по самопознанию, руководствуясь информацией, полученной от Птахотепа. Когда же чувствовала, что нуждаюсь в отдыхе, я садилась за фортепьяно.

Ежедневно я практиковала духовную Йогу и научилась легко погружаться в глубокий транс, но последняя — высшая — дверь на этом пути все еще оставалась для меня закрытой. Уже имея определенный уровень духовного развития, я осознала, что путь к окончательному познанию собственного *Я* мне преграждает какое-то препятствие, напоминающее стену, сквозь которую я никак не могу пробиться. Каждый год я отправлялась на несколько месяцев в свой лесной домик и практиковала там Йогу. Молодые деревца, посаженные мною несколько лет назад, превратились в большие плодоносные деревья. Я продолжала практиковать Йогу с прежним усердием... и все же стражи, охраняющие тайную дверь, отказывались ее отворить.

Как-то осенью я покинула свой лесной домик и отправилась в город. У отца был день рождения, и мы вместе со всеми домочадцами, рдственниками и многочисленными друзьями семьи собирались отпраздновать это событие.

На следующее утро я готовилась возвратиться в горы, но тут зазвонил телефон. Сняв трубку, я услышала голос подруги. Она спрашивала меня о моих планах на день. Я ответила ей, что совершенно свободна.

— Ко мне приехал знаменитый писатель, вместе с которым я изучала Йогу в Индии под руководством Махариши.

Если хочешь, можешь прийти ко мне сегодня и поговорить с ним, — сказала подруга.

Переступив порог ее дома, я тут же встретилась лицом к лицу со знаменитым автором книг по Йоге и о йогах. Я была потрясена — передо мной стоял не кто иной, как молодой жрец из египетского храма, помогавший мне в моих последних приготовлениях перед *Посвящением*!

Мы обменялись с ним несколькими фразами, и я, упомянув о том, что читала его книги, сообщила, что, несмотря на продолжительную практику Йоги, все еще не могу достичь высшей цели. Тут к нам присоединились остальные гости, и мы были вовлечены в продолжавшуюся целый вечер общую беседу. Мне больше ни разу не предоставилась возможность остаться с ним наедине.

«Ну вот, ничего не случилось», — думала я, прощаясь с хозяйкой.

Втайне я надеялась, что знаменитый «белый йог» поможет мне продвинуться по мистическому пути.

На следующее утро подруга вновь позвонила мне, чтобы сообщить, что писатель желает поговорить со мной лично.

— Если располагаешь временем, приезжай ко мне пополудни, — сказала она.

Войдя в ее кабинет, я увидела писателя, сидящего в позе лотоса на софе. Я села рядом, и он спросил:

— Что ты желаешь получить от меня?

— Я ничего не желаю, — ответила я, — моя жизнь протекает совершенно спокойно. В моей душе царит мир.

— Тогда почему же ты пришла сюда? Чего ты ждешь от меня?

— Мне нужна реальность, — сказала я.

Несколько мгновений писатель смотрел на меня в молчании, а затем спросил:

— А твой душевный покой — разве это не реальность?

— Да, это реальность, но я хочу большего. Я чувствую себя как Моисей, который видел Землю Обетованную, но так и не дошел до нее. Мне кажется, что я тоже вижу, но я хочу

дойти. Мне недостаточно увидеть ее со стороны — мне нужно войти, — ответила я.

— Да, — ответил он, улыбаясь, — ты уже стоишь перед большой дверью, держась за ее ручку. Достичь такого в одиночку, без помощи великого Мастера, — большая редкость. Очевидно, ты уже была *посвященной* в одной из прошлых жизней. Тебе остается сделать лишь один шаг, отделяющий тебя от великой цели.

Я внимательно посмотрела на йога. Неужели он забыл, что мы встречались прежде, когда он был жрецом в египетском храме? Или он просто не желает говорить об этом? В его глазах трудно было прочесть ответ.

— Я это и сама знаю, — сказала я, — и собираюсь войти, даже если мне для этого придется проломить эту дверь.

— И ты веришь, что я могу помочь тебе? — спросил он.

— Да, сможешь, если я буду готова, — ответила я.

— Так ты веришь, что готова принять мою помощь? — спросил он снова.

— Да, я готова! — решительно сказала я.

Наступила пауза... я ждала ответа... наконец он указал мне на стул напротив софы и сказал:

— Садись на этот стул, закрой глаза и проникни всеми мыслями в свое сердце.

Я так и сделала. Как только мне удалось сконцентрироваться на сердце, я увидела сквозь закрытые веки поток желтоватого света, исходящий из солнечного сплетения йога. Вначале этот поток окружил меня, а затем окутал его, словно ярко светящаяся восьмерка.

И тут я ощутила, что моя концентрация достигает высшей точки, которой я нередко достигала сама. Но в этот раз меня подхватил поток неведомой мне прежде посторонней силы, и тут же передо мной словно распахнулась какая-то огромная дверь и открылась бесконечная глубина, в которую я погрузилась.

Исчезло всякое ощущение времени — у меня не было ни малейшего представления, как долго это продолжалось. Но вот я услышала голос йога:

— Сейчас ты можешь открыть глаза.

Только тут я осознала, насколько далека я была от земного физического сознания. Мне не хотелось ничего говорить — все слова казались теперь такими бессмысленными и ничтожными!

— Я установил контакт между твоим личным *Я* и *Сверх-Я*, — сказал писатель, — ты была готова к этому. Отныне, как только у тебя возникнет какой-нибудь вопрос, концентрируйся на мне, и в тот же день ты получишь ответ.

— Мне нужно будет концентрироваться на твоем личном или Высшем *Я*?

В ответ йог лишь улыбнулся. Но я все поняла. Не стоило тратить слова и время на разговор о «личном».

С этого дня я оказалась в группе людей, собирающихся в доме у моей подруги для медитаций под руководством йога.

Через несколько недель он покинул нас, чтобы продолжить путешествие. Внешне моя жизнь продолжалась как и прежде.

Прошло полгода, и как-то я оказалась в обществе людей, где велся разговор о черной магии. Один из собеседников утверждал, что черные маги используют одного или нескольких своих учеников как слепое орудие, лишая их воли и черпая их энергию для осуществления своих целей. Эти ученики вскоре полностью теряют свою независимость и погибают.

На следующий день мне вспомнились эти слова, и я подумала, что же заставило меня полностью довериться «белому йогу» и отдать себя его воле. Я все еще считала его «белым магом» — если уж использовать эту терминологию, — но меня поразила собственная блаженная доверчивость. Действительно, кто может сказать с уверенностью, что тот или иной человек «белый» или «черный» маг? Этот вопрос всерьез обеспокоил меня.

В тот же день мы нанесли визит старинному отцовскому другу, и тот сообщил нам, что недавно, листая древнюю книгу, наткнулся на интересный отрывок, в котором разъяснялась разница между черными и белыми магами:

— Белый маг, желая помочь своим ученикам продвинуться вперед, устанавливает с ними связь в форме *восьмерки*, таким образом оставляя за ними независимость. *При этом как ученик, так и учитель находятся в центре своего собственного круга.* Черный же маг всегда лишает учеников независимости, *заключая их в один общий круг, центром которого является он сам.* Он — солнце, вокруг которого вращаются планеты — его ученики.

Я слушала эти слова с замиранием сердца. Наш друг не имел ни малейшего представления о том, что беспокоило меня в последнее время. Я никому не говорила о своих сомнениях. И вот получила ответ!

Высшее *Я* — *Бог* всегда находит человека, когда желает сообщить нам что-либо. Для *Я* не существует препятствий!

— 44 —

Има и Бо-Гар

Но вот началась великая война.

Оба принадлежавших мне мужчины надели военные формы. Моего мужа мобилизовали для обслуживания одного из крупнейших заводов, перепрофилированного для военных нужд. Ему пришлось нести на своих плечах огромную ответственность командира.

Однажды, когда мы сидели за столом, открылась дверь и в комнату вошел наш сын, одетый в форму военного летчика.

Мне показалась, что земля уходит у меня из-под ног. Многие дети моих друзей ушли служить в авиацию, но все как один вскоре возвратились... в гробах. Когда он вошел в столовую, у меня возникло странное чувство, что я уже когда-то видела его в этой форме. Но у меня просто не было времени, чтобы раздумывать, *где* и *когда* я уже видела его таким, — меня просто ужасала мысль о том, что он отправляется служить в авиацию. Страны, против которых мы воевали, имели в своем распоряжении намного более совершенные самолеты. Они сбивали наших лучших ребят (ведь только лучшие из лучших способны были сдать все вступительные экзамены по физической и психологической подготовке), как воздушные шарики. Как раз в это время я работала над памятником для погибшего летчика — одного из приятелей моего сына. И вот он сам перед моими глазами... в форме военного летчика.

— Где ты раздобыл эту форму? — спросила я растерянно.

— Она казенная, — ответил он с гордостью, — мне удалось сдать экзамены в летное училище.

— Мы рассчитывали, что ты запишешься в инженерные войска. Мы уже обо всем договорились. Так почему же ты оказался в авиации? Ни один молодой человек не может попасть в Военно-Воздушные Силы без родительского согласия.

— Мама, как только началась война, это правило отменили. Теперь каждый может записываться, куда захочет, если сдаст все экзамены.

На какое-то время я лишилась дара речи. Что я могла сделать?

И вот наступили дни, когда я ходила по квартире, словно сомнамбула, и говорила с *Богом*. Моя власть над сыном закончилась. Я хотела обратить его к *Богу*. Я осознавала, что *Бог* любит моего сына больше, чем я, больше, чем способно одно несовершенное человеческое существо любить другое.

«Не важно, что случится, все — к лучшему, — говорила я себе, — пусть это даже покажется мне в моей слепоте катастрофой или трагедией».

Я была вынуждена поступать сообразно силе моей веры в реальность Бога. Я не позволяла своему сердцу бешено колотиться, а нервам терять покой, так как мне пришлось взирать на все происходящее с моим сыном с точки зрения великого *божественного проекта*. Другие матери день и ночь молились о своих сыновьях. Но могла ли я поступать так же? Как можно пытаться упросить Бога? Я твердо знала, что, согласно закону судьбы, Бог всегда распорядится так, чтобы человек извлек из своей жизни наиболее полный опыт, необходимый для развития сознания. Да, *Бог* любит его — любит больше, чем я! Осознание этого давало мне силы продолжать жить.

Война разгоралась, а жизнь превратилась в постоянное ожидание окончания этой массовой бойни, хотя внешне во многом шла как и прежде. Мы посещали концерты и театры, общались, ходили в гости друг к другу. Но за всем этим крылось напряженное ожидание... ожидание конца войны.

Так прошло несколько лет, и перед моим внутренним взором то и дело представала картина — гигантский паровой каток, катящийся на нас с востока.

Однажды мне позвонила моя подруга, чтобы заявить, что желает познакомить меня с индусом — «настоящим йогом». Она уже неоднократно предпринимала такие попытки и перезнакомила меня со множеством «настоящих йогов» из Индии, которые при близком рассмотрении оказывались совершенно заурядными людьми. Однако это нисколько не мешало ее убеждению, что каждый индус является «настоящим йогом». Для меня это было достаточно веской причиной, чтобы не проявить ни малейшего интереса к ее новому «открытию».

Отказавшись принять мое «нет», подруга сама примчалась ко мне с совершенно невероятной историей о том, что, увидев в газете фотографию *индийского йога* и сообщение о том, что он приехал в наш город, она тут же отправилась на поиски. Когда она, отчаявшись найти его в городе, где проживает более миллиона жителей, вернулась домой, оказалось, что по «невероятному совпадению» индус поселился в том же доме, где она арендовала квартиру. Подруга жила в большом современном многоквартирном доме, так что не было ничего удивительного в том, что жильцы не знали друг друга.

Терпеливо выслушав всю эту долгую историю, я наконец перебила ее:

— Так чего же ты хочешь от меня?

— Просто ты должна повидаться с ним, — невозмутимо ответила она, — я привезу его сюда. Вообще-то он ведет весьма уединенный образ жизни и почти никогда не покидает своей квартиры. Но когда я упомянула о том, что ты читаешь лекции по Йоге, он сразу же изъявил желание познакомиться с тобой. Вот, взгляни сама на его фотографии.

Я взглянула на фотографии, которые она протянула мне... и вдруг у меня перехватило дыхание: да это же Бо-Гар! Мое сердце бешено колотилось, когда я рассматривала эти фотографии. Нет, сомнений быть не могло — с каждой из них на

меня своими большими черными глазами смотрел Бо-Гар. Это совершенно чистое и детское выражение лица могло принадлежать только ему! Но он уже не был тем маленьким мальчиком, которого я знала в Египте. Сейчас это был молодой, но вполне зрелый человек.

— Хелен, — сказала я, — завтра вечером у меня будет свободное время. Так что можешь привести его.

На следующий день Хелен явилась ко мне с Бо-Гаром. Мы пили чай и болтали, но все это время перед моим внутренним взором стояла картина: огромный дворец, сделанный из крупных камней, в нем — моя комната, в центре которой находится великолепный фонтан, позади — низкое кресло, покрытое шкурами диких животных. На этом кресле сидит фигура, которую я не могу различить, но знаю, что она принадлежит мне... а у моих ног резвится чудесный ребенок — Бо-Гар.

— Но почему вы называете меня «царицей»? — спрашиваю я его.

— Потому что вы — царица, — убежденно отвечает Бо-Гар.

— Это верно! — радостно восклицает мой муж. — Она отдает приказы как настоящая царица, особенно мне!

И он тут же заливается смехом, обрадовавшись собственной шутке. Мы все присоединяемся к нему.

В дверях появляется мой сын. Увидев Бо-Гара, он замирает и несколько мгновений стоит, неподвижный как соляной столб. Затем, взяв себя в руки, он представляется Бо-Гару. Оба молодых человека внимательно изучают друг друга. Мне удается прервать неловкую паузу, предложив сыну чашку чая. Он соглашается, но, даже сев за стол, продолжает пристально рассматривать молодого индуса.

Так Бо-Гар впервые появился у нас. Очень скоро он завоевал сердца всех членов семьи. Мои родители, брат и сестры приняли его как родного. Он открыл школу Йоги, но, поскольку не знал языка, попросил меня читать лекции его ученикам. Так началось наше сотрудничество.

Война продолжалась. Зимой мы работали, а летом перебирались в наш маленький лесной домик. Бо-Гар всегда находился рядом. Он жил в лесу, согласно предписаниям Йоги, которые ему преподал его учитель.

К тому времени мой сын побывал в авиакатастрофе. К счастью, он отделался всего лишь сотрясением мозга, и его высокий лоб украсил длинный шрам.

В один чудесный летний день, когда гигантский паровой каток уже подкатывался к нашим границам, моя мать внезапно упала на пол. Когда мы бросились поднимать ее, она отчетливо произнесла: «Удар... это апоплексический удар».

Прикованная к постели, с трудом выговаривая слова, она сообщила нам, что одна сторона ее тела «стала мертвой».

— А знаете, это интересно, — добавила она, — ощущать, что одна твоя половина здесь, а другая уже там. Я даже вас вижу наполовину с этой стороны, а наполовину с той. Я вижу ваше будущее. Как только мне станет лучше, я обязательно расскажу вам об этом... но сейчас... мне трудно говорить.

Она уже находилась очень близко к миру духов. Когда какой-нибудь из ее друзей или подруг начинал говорить о ней, мать тут же сообщала нам: «Моя подруга, госпожа X, сейчас со мной... вот что она говорит».

И тут же она передавала слова подруги, находящейся за десятки миль от нашего дома. Когда мы впоследствии проверяли это, все совпадало до мельчайших деталей. Бывало и так: моя мать находилась внизу, с медсестрой, тогда как я, сидя наверху, говорила о ней с мужем. Тут же мать обращалась к медсестре со словами: «Моя дочь, Эстер, сейчас со мной... она говорит...» — и передавала весь наш разговор, не искажая ни слова.

Однажды встревоженная медсестра позвала меня к матери. У нее случился второй удар.

Я тут же бросилась вниз. Мать лежала в постели, бледная как смерть, не в силах произнести ни слова. Правой рукой она указывала на свой язык, давая мне тем самым понять, что не в состоянии им пошевелить.

Так она пролежала, не шевелясь, несколько часов. Внезапно дверь в ее комнату открылась, и вошел Бо-Гар. На полупарализованном лице матери появилось подобие улыбки, а ее глаза озарились радостью. Бо-Гар, присев на стоящий рядом с постелью стул, взял руку моей матери в свои ладони. Через несколько секунд мать медленно заговорила: «Из руки Бо-Гара исходит сила. И эта сила сейчас достигла того места в моем мозгу, где я ощущаю давление, не позволяющее мне говорить. Но благодаря силе, исходящей из руки Бо-Гара, давление ослабело, и я снова обрела дар речи». И тут она сообщила нам свою последнюю волю.

Вскоре Бо-Гар удалился, и мать еще продолжала общаться с нами на протяжении получаса. И вдруг она сказала: «Сила, переданная мне дорогим Бо-Гаром, уходит. Мне становится все труднее и труднее говорить. Связь между мной и телом исчезает. *Бог* всегда с нами». Это были ее последние слова.

Через два дня из нашего дома вынесли гроб с ее телом. Ее место во главе стола опустело. Теперь, каждый раз собираясь за столом, мы зажигали свечу и ставили ее там, где обычно сидела мать.

— 45 —

Испытания повторяются

Это была последняя зима войны.

Нашего садовника давно уже призвали в армию. Ухаживать за садом было некому, и, чтобы спасти то немногое, что от него осталось, я переехала в наш маленький лесной домик. Однажды ночью меня разбудил страшный шум. Сирены в городе!

Я тут же вскочила и метнулась из спальни в столовую. Из окон столовой открывался вид на город. Десятки самолетов с ревом проносились над моей головой. Все вокруг дрожало от шума их моторов. Внезапно прямо на моих глазах произошло нечто ужасное: самолеты стали сбрасывать бомбы на густонаселенные кварталы. Ночное небо озарилось вспышками взрывов и огнем пожаров. Над городом воцарился оглушительный грохот. Пушки городской противовоздушной обороны отчаянно били по летящим мишеням. На расстоянии казалось, что в небо поднимаются крошечные фонарики. Время от времени с небес срывался большой зажженный факел — еще одна мать не дождалась возвращения сына.

Этот дьявольский фейерверк продолжался около полутора часов. Мне показалось, что я простояла у окна вечность. Эта игра света и тени, развернувшаяся внизу, в долине, несла с собой гибель для тысяч людей, в том числе и для многих моих близких.

И вдруг словно какая-то сила притянула меня к себе. Повернув голову, я увидела два смотрящих на меня зеленых глаза. Сова! Она сидела на ветке, неподвижная, словно статуя. Никогда прежде не видела я сову в этих местах. Что ее занесло сюда? Почти бессознательно я стала произносить слова в своей душе: «Милая птица, не твоя вина, что суевер-

ные люди считают тебя предвестницей смерти. И все же неужели ты хочешь сообщить мне, что *мои близкие*, оставшиеся там, в долине, уже больше не живут на Земле?»

И тут же сова, подпрыгнув на ветке, расправила крылья и скрылась в лесу.

Я поняла, что сила, управляющая всем на Земле, сообщает мне, что все мои родные и близкие, оставшиеся в городе, живы!

Да, все *мои* родные... но как же те, кто был убит этой ночью в городе? И те, кого убили во время всей этой ужасной войны, — ведь они тоже *чьи-то* родные и близкие! Почему должны погибать эти люди? Почему люди так беспощадно убивают друг друга?

Адский спектакль разыгрывался каждую ночь.

Летом часть нашей семьи отправилась в наш маленький лесной домик. Бо-Гар сопровождал нас. На протяжении многих ночей мы все вместе наблюдали из окна, как бомбардировщики терзали город. Вскоре после того, как сирены давали сигнал окончания воздушной тревоги, звонил мой муж и сообщал, что он и оставшиеся в городе остальные члены семьи живы и здоровы.

С наступлением осени я осталась одна в нашем лесном домике. Я по-прежнему продолжала ухаживать за садом, но вражеская артиллерия уже почти вплотную приблизилась к нам. Вражеская... бедные ребята, которых вынудили стать нашими «врагами»!

Однажды вечером я приняла решение отправиться в город. Что бы там ни было, в это трудное время мне нужно быть рядом с моими близкими. И тут зазвонил телефон. Как странно! Мне показалось, что все это уже происходило. Я знала, что это звонит мой муж, знала каждое слово, которое мы скажем друг другу... и в то же время мне казалось, что все это происходит во сне.

И это же странное ощущение я продолжала испытывать все последующие дни... дни превратились в недели, недели в месяцы, а месяцы в годы. И все это время мне казалось, что вот-вот должно что-то произойти! Все это уже было, но я не

могла понять, когда же, в таком случае, это происходило впервые!

Это чувство не покидало меня, когда мы все забивались в подвал и с ужасом слушали вой сирен и разрывы бомб. Но сильнее всего это чувство захлестнуло меня тогда, когда в один осенний день дверь нашего дома отворилась и вошел мой сын. Почему я была так удивлена, увидев его в военной форме? Да, *я помнила его как Иму — молодого жреца из* египетского храма, но тогда, в той жизни, он одевался совсем иначе! Почему же тогда он мне так знаком и в этой военной форме? Почему меня преследует чувство, что все, что я вижу, не является «реальностью», что все это — *лишь картины из видений, увиденных мной во время посвящения в Великой Пирамиде?*

Я отчетливо помню всех своих «египетских» знакомых, но, как ни пытаюсь, не могу вспомнить ни одного из видений *Посвящения*.

Как все это странно! *Как человек может помнить то, чего он помнить не может?* Если я не могу чего-то вспомнить, значит, я не могу и утверждать, что это что-то существовало. Но я-то знаю, что пережила в видениях во время *Посвящения* всю свою будущую судьбу и что все эти видения были необходимы для прохождения испытаний. И ведь недаром мой учитель, Птахотеп, предупредил меня, что если я паду после *Посвящения*, то должна буду пережить все это вновь, но уже на материальном плане! Вот почему у меня возникает чувство, что все это уже происходило когда-то!

У меня уже выработалась многолетняя привычка каждое утро записывать то, что мне приснилось ночью. Но уже год, как я не перечитывала эти записи. Пришло время о них вспомнить.

К своему величайшему изумлению, я обнаружила, что во сне я часто видела события будущего, но иногда сны и «реальные» события были разделены достаточно большими промежутками времени — в полгода, а иногда и в год. Но странное дело, эти сны полностью забывались, и если бы не мой почерк, я бы ни за что не поверила, что эти записи были

сделаны мной. Как же может быть, что все происшедшее когда-то мне снилось, причем снилось с точностью до мельчайших деталей? И что это за сила живет в нас, которой досконально известно наше будущее? И насколько же мы несовершенные существа, если остаемся глухи и слепы к попыткам этой силы истолковать нам собственное будущее в повторяющихся снах! Нет, мы недостойны всех тех забот, которые проявляет к нам эта сила.

Да и как можно было представить, что я буду знать о том, что моего сына переведут на другой, лучше защищенный аэродром, из снов, увиденных в Египте при *Посвящении*? Однако когда он говорил об этом, мне казалось, что я все знаю наперед... и в то же время меня не оставляло чувство, что все это — лишь сон.

Но я никому не сказала об этом, опасаясь, что все, и Има, мой сын, в том числе, решат, что мой разум помутился, не выдержав событий последних дней. Я понимала, что об этом лучше хранить молчание.

Итак, на протяжении семи недель мы просидели в укрытии. Когда же наш дом окончательно разбомбили — мы разбежались, словно листья, разбросанные ветром. Но через некоторое время мы вновь собрались все вместе, чтобы строить новую жизнь. Вначале мы были на положении нищих — мой тяжело раненный муж и я не могли заработать себе даже денег на пропитание. Вооруженные нехитрыми инструментами (более подходящими для дикарей из джунглей), мы с Бо-Гаром, не разгибаясь, трудились над тем, чтобы превратить развалины нашего дома в какое-то подобие жилья и открыть там школу Йоги.

Мы в полной мере узнали, что такое голод. Истощенные и иссохшие, мы были похожи на живые скелеты; доведенные до такого состояния, что лучшие друзья могли пройти мимо на улице, не узнав нас. Страх пополз по городу... страх пробирался в каждую душу: «Что будет дальше? Где раздобыть еды? Сколько мы сможем еще так протянуть?»

Плодородная почва нашей земли могла бы прокормить всех нас, но мы вынуждены были с тоской смотреть вслед

поездам, увозящим урожай наших полей народу другой страны.

Но после всех этих долгих и тяжелых месяцев даже голод не выдержал и начал слабеть. Все чаще и чаще появлялась возможность положить в рот что-нибудь съедобное... и мы стали прибавлять в весе. И вновь старые друзья и знакомые стали проходить мимо на улицах, не узнавая друг друга. За эти долгие месяцы мы уже настолько успели привыкнуть к своему новому облику, что не верили своим глазам, увидев хорошо знакомые черты своего изможденного приятеля на каком-то чужом толстощеком лице. Но прошли месяцы и мы вновь привыкли к виду друг друга.

И снова у меня появилось чувство, что все это мне уже знакомо. Что бы я ни делала, куда бы ни шла, мне не удавалось отделаться от этого чувства! Нет, я не могла предсказывать будущее, мне просто все время казалось, что все это уже когда-то происходило. И я не знала, что случилось с моим сыном. Я не имела о нем вестей с тех пор, как он покинул нас.

Но через полтора года раздался звонок в дверь... на пороге стоял мой сын! И вновь у меня возникло отчетливое чувство, что эту сцену я уже видела когда-то! Это странное чувство психологи называют «*deja vu*». Почему же это происходит?

И как-то ночью я нашла ответ!

Когда мне пришлось сдавать экзамен на «жестокую любовь» по отношению к самому дорогому мне человеку, моему сыну, я стала на колени в своей кровати и обратилась к Богу за помощью. Я просила *Его* показать путь моему сыну. И тогда, направив все свое сознание в собственную внутреннюю сущность, я вошла в состояние транса и оказалась перед теми семью ступенями, о которых уже говорила прежде.

И тут я стала перепрыгивать с одной ступени на другую... так легко и свободно! Я вспомнила, о *Боже*, я все вспомнила! Да ведь все эти события, которые я переживаю сейчас, в «реальности», на земном плане, — не что иное, как повторение видений, явившихся мне в пирамиде во время *Посвящения*, много тысячелетий назад! И все это время видения находились в моем подсознании в латентном состоянии, в виде не-

реализованных энергий. Ведь все происходящее на Земле — не что иное, как *следствие*, т. е. окончательное материальное проявление того, что уже существовало как *причина* на духовном плане. И если человек обретает способность *сознательно* проникнуть в глубины собственной души — туда, где покоятся *причины*, он одновременно переживает и *причину*, и *следствие*, и *будущее* для него — завершённое и совершённое *настоящее! Настоящее (наша жизнь), все, что происходит с нами, — предоставленная нам возможность пройти испытания, переживания и экзамены посвящения. Возможность устранить напряжения и разрядить стрессы, которые мы храним внутри себя на протяжении веков и тысячелетий... в наших мыслях, словах и поступках... напряжения и стрессы, которые становятся нашей судьбой, нашим будущим. Степень осознания этих напряжений, а в особенности то, в какой мере нам удается избавиться от них, определяет, насколько мы можем освободить наше человеческое сознание, связанное и ограниченное энергиями этих напряжений, и отождествить его с истинным божественным Я, с бесконечным терпением ожидающим позади каждого личного эгоистического чувства... отождествить себя с Богом... это и есть*

ПОСВЯЩЕНИЕ!

— 46 —

Заключение

После всего пережитого той ночью напряжение ушло из моей души... все личное было отметено в сторону. Я превозмогла себя! Не оставалось ничего, что могло привязать меня к собственной «личности». Все личное исчезло.

Возникло очень странное чувство, преследующее меня: куда бы я ни шла, я не оказывалась «там». Но если я не «там», то где же? Я этого не знала. Но однажды я поняла, что мое *Я* никогда не находилось там же, где были личность и тело, мое *Я* всего лишь проецировало себя из внепространственности в мою личность, и сейчас мое *Я* стало проецировать себя в другое место, не туда, где находилось физическое тело. Но куда же?

В другую страну!

Я знала, что собираюсь в дорогу. Я знала, что мне нужно отправляться в дорогу! Куда устремляется дух (*причина*), туда же должно устремляться и тело (*следствие*). В противном случае тело исчезнет — умрет. Но каким образом покинуть страну? Паспортов ни у кого не было.

Но время отъезда еще не пришло. Сперва должны были произойти иные события.

Однажды ночью я внезапно проснулась и увидела отца, стоящего рядом с кроватью. Он прощался со мной, и на губах его играла ласковая улыбка. Я тут же все поняла: для него пришло время покинуть нас... мне захотелось вскочить с постели, обнять его и спросить, почему он хочет уйти от нас. Но он начал медленно таять в воздухе. И я проснулась окончательно.

Отцу было восемьдесят лет, но он отличался прекрасным здоровьем, как физическим, так и душевным. Он справлялся с государственной работой с присущей ему энергией. И все

же я твердо знала: его дух пришел попрощаться со мной. Время его земного существования в великих космических часах истекло. И дух должен был оставить тело.

На следующий день он попал в больницу. Все мы собрались у его кровати, но отец ничего не говорил. Обведя всех нас глазами, в которых светилась доброта и любовь, он смежил веки и больше их не раскрывал.

И наша семья проводила на кладбище второй гроб.

Мой сын изо всех сил старался найти работу, но все напрасно. Все его попытки в этом направлении ни к чему не приводили. Тогда он понял, что в этой стране ему больше нечего делать. Прихватив с собой гитару — свою верную спутницу, с которой он не расставался даже в самые тяжелые дни, — мой сын отправился искать страну, где человек может чувствовать себя свободным. Он попрощался со всеми нами, не зная, доведется ли ему еще когда-нибудь нас увидеть. Но в глубинах моего *Я* существовала уверенность, что мы с ним еще увидимся... нам еще предстоит работать вместе в *Божьем саду*.

В тот день Бо-Гар как раз выступал с публичной лекцией. Как всегда, желающих послушать его собралось столько, что для поддержания порядка прибыла полиция.

После лекции его тут же окружили со всех сторон и стали засыпать вопросами, многие просили дать автограф. Мы с мужем стояли в стороне, ожидая, когда все закончится. В этот момент ко мне подошел офицер тайной полиции и попросил отойти с ним для разговора.

— Я и вся моя семья практикуем йогу, — начал он, — я знаю, что это прекрасная система, иначе бы не занимался этим. Но тем не менее этот индус опасен, впрочем, как и вы. Вас слушают толпы... они попадают под ваше влияние. Партия это не одобряет. Поэтому вам нужно решить: либо вы будете *сотрудничать* с партией и работать в ее интересах, либо вам придется покинуть страну. Вас обоих выпустят беспрепятственно. Если же вы откажетесь покинуть страну, мы примем соответствующие меры. Мое начальство уполномочило меня довести это до вашего сведения и действовать со-

гласно ситуации. Подумайте над этим предложением. Мы скоро увидимся снова, так что поторопитесь с решением.

Что ж, Бо-Гар мог свободно покинуть страну со своим паспортом. Мне же нужно было выхлопотать разрешение. Мои мытарства длились бесконечно долго... меня направляли от одного чиновника к другому... я обивала пороги всевозможных учреждений и кабинетов... пока в конце концов не получила окончательный отказ. В паспорте мне было отказано, и это значило, что скоро ко мне будут приняты «соответствующие меры». Нам было прекрасно известно, что это значит. Многие наши друзья бесследно исчезли либо возвратились из тюрем, перенеся нечеловеческие издевательства. Сломленные телом и духом, они почти все умирали вскоре после освобождения.

— Есть единственная возможность спасти вашу жену, — сказал однажды моему мужу Бо-Гар. — Вам нужно дать ей развод и позволить уехать со мной в качестве моей жены. Тогда у нее будет тот же паспорт, что и у меня, и мы уедем совершенно законным путем. Вы же присоединитесь к нам позднее.

Муж крепко пожал руку Бо-Гару и несколько секунд был не в состоянии произнести ни слова. Его глаза наполнились слезами благодарности.

Итак, настал день, когда мне пришлось попрощаться со всеми своими родными и близкими и отправиться туда, куда вел меня *Бог*.

Бо-Гар сдержал свое слово — явился с другого конца света, чтобы спасти меня!

Вскоре мы нашли Иму и все вместе последовали по стопам Титанов, указывающих нам путь к посвящению и искуплению, путь к потерянному раю.

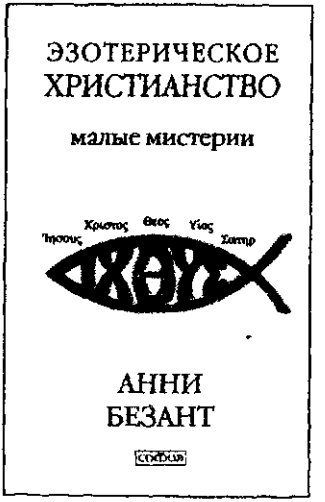
Теперь, когда я ищу тех, кого я люблю, я обращаю прожектор своего сознания в себя и нахожу их!

Я — являющееся одновременно моим *Я* и *Я* всех остальных живых существ — не знает границ. Таким образом, вся *Вселенная находится* во мне, а мое *Я* заполняет всю Вселенную. Все существование — это я! Во всем, что я люблю, я

люблю свое *Я*, и лишь по одной причине мы *думаем*, что мы «не любим», — мы еще не осознали своих *Я*.

Я — ЭТО ЛЮБОВЬ И ЕДИНСТВЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ. И ВСЯКИЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ В *Я*, И, ТАКИМ ОБРАЗОМ, ПОЛНОСТЬЮ ПОЗНАВШИЙ СЕБЯ, ОДИНАКОВО ЛЮБИТ ВСЕ СУЩЕСТВУЮЩЕЕ, ТАК КАК ОН И ВСЕ СУЩЕСТВУЮЩЕЕ — ЕДИНЫ.

Другие книги серии



Муата Эшби

Муата Эшби — духовный учитель, имеющий высокие степени посвящения как в египетской религии Осириса, так и в индийской йоге. В своих книгах он выявляет то общее, что присуще этим двум ветвям Изначальной Традиции. «Египетская йога» — основной труд Эшби.

Это богато иллюстрированное издание посвящено пока еще малоизвестному аспекту древнеегипетской духовной традиции — египетской йоге, основе западных и ближневосточных философий и религий, — и содержит подробное описание египетских храмовых мистерий, тантрической йоги, йогической философии, психо-духовных и физических упражнений. Оно является полным руководством по психологии ментальной трансформации и свободы.

Многие годы личность «Иисуса Христа» оказывала огромное влияние на мир, но действительно ли люди понимают глубинный смысл Его учений? Недавно в Египте были найдены христианские тексты, написанные во времена Иисуса. Содержание этих текстов, известных как «Библиотека Наг-Хаммади», проникает в саму сердцевину мистических учений раннего христианства.

Отправьтесь в увлекательнейшее путешествие в мистическое учение христианства. Откройте, каким образом самые важные учения и священные ритуалы древнеегипетской религии были ассимилированы иудаизмом и христианством, каким образом они практикуются по сей день, но уже без понимания мистической мудрости, сокрытой в каждом ритуале.

Как может Библия и другие учения христианства быть не просто собранием мифов и ритуалов, а превратиться в образ жизни, который приведет к мистическому переживанию, духовному просветлению и открытию Царствия Небесного на земле? «Христианская йога» укажет вам путь трансформации жизни с целью достижения сияющих высот духовного опыта, непреходящего покоя, радости, блаженства и любви.

Дэн Миндао

«Тайная жизнь мастера Дао» — увлекательнейший роман-хроника, необыкновенная духовная одиссея становления даосского мастера Квана Сайхуна, родившегося в богатой семье в отдаленной провинции Китая. Следуя воле родителей, Кван вступил на путь ученичества в русле загадочной и таинственной даосской практики и получил от своего даосского учителя имя «Бабочка». Он пережил бедствия японской оккупации, а позднее — китайской революции и, пройдя через все испытания, стал адептом даосских учений. Постепенно духовный поиск привел его в Америку, где он становится боксером «Золотых перчаток» и инструктором боевых искусств.

Частично подлинные события, частично иносказание, «Тайная жизнь мастера Дао» проводит читателя через лабиринт таинственной даосской практики, дисциплины боевых искусств и увлекательных приключений.

Среди людей всегда найдутся те, кто слышал о Дао и пытался использовать его как основу своего жизненного пути. Даосизм позволяет человеку создать абсолютно полноценный путь в жизни; его можно приспособить к вкусам и привычкам любого из нас.

Эта книга объединяет в себе богатую палитру технических приемов — начиная с физического совершенствования, простых в выполнении и точно выверенных оздоровительных и лечебных комплексов цигун, способов приготовления пищи и рецептов китайской кухни и заканчивая медитативными техниками.

Книга предназначена для всех, кто занимается восточными оздоровительными техниками и боевыми искусствами и интересуется традиционной китайской философией и ее применением на практике.

Литературно-художественное издание

Элизабет ХЕЙЧ
ПОСВЯЩЕНИЕ

Перевод: *А. Грабовецкая, С. Грабовецкий*

Редактор *И. Старых*

Корректоры: *Е. Введенская, Е. Ладикова-Роева, Т. Зенова*

Оригинал-макет: *Т. Ткаченко, И. Петушков*

Обложка *В. Миколайчук*

Переплет *И. Дерий*

ООО Издательство «София»,
107140, г. Москва, ул. Красносельская Нижняя, д. 5, стр. 1

Для дополнительной информации:
Издательство «София»,
04073, Украина, Киев-73, ул. Фрунзе, 160

Подписано в печать 15.04.2009 г.
Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 2000 экз. (переплет) Зак. № 15704.
Тираж 3000 экз. (обложка) Зак. № 15705.

Отделы оптовой реализации издательства «СОФИЯ»
в Киеве: (044) 492-05-10, 492-05-15
в Москве: (499) 317-56-22, 317-56-44
в Санкт-Петербурге: (812) 676-07-68

Книга — почтой в России
Тел.: (495) 476-32-58,
e-mail: kniga@sophia.ru

http://www.sophia.kiev.ua
http://www.sophia.ru

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А.М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

«ПОСВЯЩЕНИЕ» — совершенно особый вид автобиографии. Описание жизни женщины из высокообразованной европейской семьи сменяется воспоминаниями о многочисленных предыдущих воплощениях, среди которых исключительную роль играет ее жизнь в Древнем Египте. В книге подробно описываются разнообразные упражнения для телесного и духовного развития, практика концентрации и медитации, даются основные концепции вечной философии, элементы священной геометрии — нумерологии и астрологии — короче, все то, что нужно знать героине, прежде чем Птахотеп, верховный жрец храма, подвергнет ее последним испытаниям и посвятит в сокровенные тайны бытия. После прохождения всех испытаний посвященные должны провести остаток жизни в храме, направляя все свои усилия на одухотворение материи, помогая человечеству найти путь к Высшему Я — Богу. Успешно справившись и с этой задачей, посвященные переходят на иной план существования и больше никогда не возвращаются на Землю... но иногда происходит непредвиденное:

Элизабет Хейч вернулась...

Почему это произошло, вы узнаете из этой замечательной книги.

интернет-магазин
OZON.ru
2436667

ЭЗОТЕРИКА

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ISBN 978-5-91250-913-1
9 785912 509131